

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (7)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Мельникова О.М.</i> Историографические размышления в связи с юбилеем В.Ф. Генинга	6
<i>Голдина Р.Д.</i> В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье	26
<i>Черных Е.М.</i> О жилищах гляденовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века)	46
<i>Журавлева Г.Н.</i> Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга	69
<i>Лецинская Н.А.</i> «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки	92
<i>Останина Т.И.</i> Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру	114
<i>Руденко К.А.</i> В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии	136
<i>Шутова Н.И.</i> Археолого-этнографические исследования в Удмуртии	149
<i>Овчинникова Б.Б.</i> Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года)	166
<i>Макаров Л.Д.</i> В.Ф. Генинг и русские памятники Вятского края	194
<i>Смагулов Е.А.</i> Бронзовый амулет из Сидака	206
<i>Владимиров Г.В.</i> Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения	223
<i>Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г.</i> К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V	233

Археология и естественные науки

<i>Колода В.В., Чендев Ю.Г., Борбукова Д.А., Дудин Д.И.</i> Эволюция почв и природной среды на южном участке восточноевропейской лесостепи (на примере исследования городищ Харьковской области)	247
---	-----

Критика и библиография

- Богачев А.В.* Рец. на: Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. Ижевск, 2012. 472 с., илл.268
-

Хроника

- Ситдинов А.Г., Шакиров З.Г.* Научная деятельность Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ в 2013 году275
- Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М.* Памяти С.С. Айдарова (1928–2014)284
- Казаков Е.П., Измайлов И.Л.* Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014)287
- Список сокращений291
- Правила для авторов293

CONTENTS

Articles

<i>Melnikova O.M.</i> Historiographical thoughts in connection with the anniversary of Vladimir Fedorovich Gening	6
<i>Goldina R.D.</i> V.F. Gening and research problems of the glyadenovo- pyanoborye times in the Cis-Urals region	26
<i>Chernykh E.M.</i> On the dwellings of the Glyadenovskaya culture and some aspects of adaptation to natural conditions and features of economic activities by the ancient Permians (back to V.F. Gening's researches during the middle of XX century)	46
<i>Zhuravleva G.N.</i> Preliminary results of the Nyrgyndinsky II cemetery researches according to Gening's excavations	69
<i>Leshchinskaya N.A.</i> «Sacrificial sets» of the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka river basin	92
<i>Ostanina T.I.</i> Evolution of V.F. Gening's views and other researcher's ones on the Mazuninskaya culture	114
<i>Rudenko K.A.</i> V.F. Gening and issues on the archaeology of Volga Bulgaria	136
<i>Shutova N.I.</i> Archaeological-ethnological researches in Udmurtia	149
<i>Ovchinnikova B.B.</i> Isker – Kuchum fortified settlement (archaeological research of 1968)	166
<i>Makarov L.D.</i> V.F. Gening and Russian archaeological sites in the Vyatka river region	194
<i>Smagulov E.A.</i> Bronze amulet from Sidak	206
<i>Vladimirov G.V.</i> Question mark shaped earrings from Danube Bulgaria (the XIII–XIV cc.): origin and area of spread	223
<i>Isakov R.V., Afon'kov N.N., Arkhangelsky M.S., Pavlenko Ju.A., Sheremet'ev A.G.</i> Concerning the issue on attribution of the Golden Horde placues from the mound ground the Malyaevka-V	233

Archaeology and Natural Sciences

<i>Koloda V.V., Chendev Yu.G., Borbukova D.A., Dudin D.I.</i> Evolution of soils and natural environment in the south area of the east european forest-steppe (on example investigation of the hill-forts located in Kharkov oblast)	247
--	-----

Critique and Bibliography

Bogachev A.V. Review of the book:

Goldina R.D. The Nevolino cemetery of the VII–IX cc.
in the Perm Cis-Urals region. Proceedings and researches
of the Kama-Vyatka archaeological expedition.

Izhevsk, 2012, vol. 21, 472 p., ill.268

Chronicle

Sitdikov A.G., Shakirov Z.G. Research activity by National Center
of Archaeological studies of Institute of History of

Tatarstan Academy of Sciences in 2013275

*Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G., Aydarova G.N.,
Zabirova F.M., Nugmanova G.G., Khabibulin M.M.*

In memory of S.S. Aydarov (1928–2014)284

Kazakov E.P., Izmaylov I.L.

Ravil Gabdrakhmanovich Fakhрутdinov (1937–2014)287

List of abbreviations291

Rules for authors293

Статьи

УДК 902/904(018)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ В.Ф. ГЕНИНГА

© 2014 г. О.М. Мельникова

В связи с 90-летним юбилеем выдающегося советского археолога В.Ф. Генинга (1924–1993), в статье освещаются основные этапы биографии ученого и главные направления его научной деятельности. Приводится краткий обзор исследований, посвященных научной биографии В.Ф. Генинга и оценке значения его научного наследия. Важным аспектом работы является осмысление научного вклада В.Ф. Генинга в развитие советской археологии, особенно ее теоретической стороны, в формирование новых научных направлений и проблемных областей, его роли в становлении археологического профессионального образования. Отмечается вклад В.Ф. Генинга в археологические исследования Поволжского региона и исторически связанных с ним территорий – Урала и Западной Сибири

Ключевые слова: археология, Владимир Федорович Генинг, теоретическая археология, научная школа, научное направление, биография.

Юбилейные события в науке всегда являются не только значимым мемориальным поводом, позволяющим вспомнить о деятельности ее субъектов. Жизнеописание конкретного ученого помогало и помогает глубже уяснить смысл и ход развития науки как социального института. В свете юбилея особым образом переосмысливается деятельность ученого, оказавшего значительное воздействие на личностное становление и профессиональную карьеру его последователей и учеников. «Тем самым юбилей историка, даже если самого юбиляра уже нет в живых, становится его вкладом в историческую науку и позволяет ему существовать в профессиональном сообществе» (Парадокс, 2014, с. 3).

Все это справедливо высказать в отношении В.Ф. Генинга (1924–1993) – видного советского археолога, педагога, организатора науки. Он – автор свыше 200 научных публикаций (Генинг. Библиограф. указ., 1999, с. 13–29; Список праць, 2002, с. 23–32). Его интеллектом, личностным обаянием, силой духа, настойчивостью в достижении целей было очаровано не одно поколение учеников, коллег, оппонентов. Особую роль он сыграл в жизни своих 15 учеников, выполнивших под руководством диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Кандидатські дисертації, 2002, с. 32)¹.

¹ Этот список содержит перечень диссертаций 14 учеников В.Ф. Генинга, его

Осмыслению творческой деятельности В.Ф. Генинга, изложению фактов научной биографии посвящено немало работ его последователей. Пионером среди этих исследователей стала В.Т. Ковалева (1990). Затем появились небольшие статьи учеников, следовавшие как реакция на уход ученого из жизни (Ашихмина, 1994; Мельникова, 1994; Бунятян, 1994; 1997; Пустовалов, 1994). Было проведено несколько научных конференций, посвященных В.Ф. Генингу (Сыктывкар, 1994, Екатеринбург, 1999, Ижевск, 2000, Киев, 2002). За эти годы вышли работы биографического характера (Овчинникова, 1999; Ковалева, 1999; Генинг В.Ф. Биография, 1995, с. 222–223). Появились исследования, связанные с оценкой научного вклада В.Ф. Генинга в археологию (Российская археология, 2000; Сучасні проблеми, 2002; Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет, 2004). Роль ученого в структуре научного археологического сообщества осмыслена в монографии, посвященной его свердловской археологической школе (Мельникова, 2003) и ряде научных статей (Мельникова, 2000; 2002; 2004; 2006). Значительное количество археологов обращаются к наследию В.Ф. Генинга, ссылаясь на его полевые материалы, идеи, методы, концепции, соглашаясь или полемизируя с ним.

Владимир Федорович был моим научным руководителем в аспирантуре, во многом определившим мое научное мировоззрение, открывшим для меня значимость для внутреннего саморазвития археологии, ее историко-научного, историографиче-

следует дополнить еще одной работой – Журавлева, 1995.

ского и теоретико-методологического направлений. В этом смысле для меня обращение к биографии В.Ф. Генинга в предметном поле историко-научного исследования выступает значимым мотивом изучения проблемы профессиональной идентичности, трансляции норм научного творчества, самоопределения в условиях внутринаучного и социального давления.

Проведение такого исследования, несомненно, таит в себе методологические подводные камни, может привести к «классикализации научного героя»: «Биография классика приобретает новые нюансы: присваивая его себе, пытаюсь легитимизировать собственное направление мысли, историк, как правило, видит в нем пророка, зачинателя, родоначальника, предтечу манифестируемой им самим позиции или направления. Зачастую классикализация приводит и к спрямлению, редуцированию биографии, из которой отшелушиваются противоречивые поступки и заблуждения. Биографическое перерастает в мифологическое» (Корзун, Колеватов, 2014, с. 243). Но воспользуемся логикой неклассической историографии: «Каждый историк имеет право на своих классиков, может самостоятельно селектировать и иерархизировать традицию» (Вжосек, 2012, с. 252).

Сегодня выросло уже целое поколение ученых, исследовательски формировавшееся в условиях методологического плюрализма. Научное сообщество все более утрачивает схолярную структуру, покрываясь в условиях усиливающейся междисциплинарности бесчисленными сетевыми взаимодействиями, внутри которых формируется своя система ценностей. Яркие личности как носители профес-

сиональных идентичностей уходят в прошлое. Тем полезнее обращение к их развернутым биографиям, составление которых требует основательной источниковедческой проработки (Мельникова, 2003, с. 182–184). Сам ученый оставил «Автобиографию научной деятельности» (Ашихмина, 1995, с. 16–36; 2003, с. 182–192), в которой он стремился максимально полно уйти от эмоционального отношения к своему прошлому опыту, сознательно ретроспективно выстраивая интегральный образ собственного «я» как ученого.

В преамбуле к своей «Автобиографии научной деятельности» В.Ф. Генинг подчеркивал, что «изложить научную биографию, по-видимому, невозможно без хотя бы краткого обзора общей трудовой деятельности, которая, конечно, оказывает большое влияние на научную работу. Кроме того, составляет проблему само изложение научной деятельности в археологии, где проведение экспедиций и получение материалов нередко отделено от его публикации и научного осмысления десятилетиями» (Генинг, 2003, с. 182).

В.Ф. Генинг родился 10 мая 1924 г. в Алтайском крае. Биографические статьи указывают в качестве места рождения с. Подсосново (Бунятян, 1994; Овчинникова, 1999). Сам В.Ф. Генинг в рукописной «Автобиографии», хранящейся в «Личном деле» в Пермском госуниверситете, в качестве места рождения указывает г. Славгород. Отец В.Ф. Генинга Федор Карлович был учителем, мать – Софья Федоровна Роот – бухгалтером. По воспоминаниям дочери ученого Л.В. Чижовой, старшее поколение Генингов оказалось на Алтае во время

знаменитой столыпинской аграрной реформы, куда отправилось с берегов Волги в поисках лучшей доли. В 1930 г. родители будущего ученого разошлись. За новым браком матери последовал переезд семьи в 1932 г. в г. Новосибирск, затем в 1936 г. в г. Талды-Курган Казахской ССР (Мельникова, 2003, с. 56–57).

В 1941 г. родители переехали в поселок Текели Талды-Курганского р-на Алма-Атинской обл. на строительство комбината. Именно там, в 1942 г., В.Ф. Генинг окончил Текелийскую среднюю школу. В аттестате, выданном по этому случаю, указывалось, что при отличном поведении он обнаружил только отличные и хорошие оценки, за исключением немецкого языка, знание которого было оценено на «посредственно» (Мельникова, 2003, с. 56).

После окончания школы В.Ф. Генинг разделил участь многих советских немцев. Он был мобилизован в трудовую армию по национальному признаку как немец. С июня 1942 г. по апрель 1945 г. он находился в рабочих колониях Казани и Ульяновска, где работал на разных должностях (Мельникова, 2003, с. 57). П.Н. Старостин, известный казанский археолог, рассказывал мне о том, что позднее, приезжая в Казань в научные командировки, В.Ф. Генинг с горечью вспоминал о своем участии в строительстве железной дороги Свияжск-Ульяновск, построенной, как он считал, на костях советских немцев: «Об этом я дважды слышал от Владимира Федоровича. Первый раз мне он рассказывал об этом в 1980 г. Тогда он прилетел из Киева в Казань, и ему нужно было добраться до Ижевска поездом. У Владимира Федоровича было свободное

время, и он зашел в здание Казанского научного центра АН СССР. Тогда он рассказал о том, что в декабре 1942 г. около 500 немцев из Сибири были привезены в Казань и в лютую стужу были размещены в палатках на берегу р. Казанки. Труд пригнанных был связан со строительством моста через Казанку под Кремлем. Это было тяжелое время. К весне половина прибывших скончалась от голода, болезней и тяжелых работ. Владимир Федорович говорил, что к весне он почувствовал слабость и обратился к врачу. Тот осмотрел его и сказал: «Я напишу Вам справку, и Вас переведут на другую работу». Действительно, вскоре Владимира Федоровича перевели на строительство железной дороги «Казань-Сталинград», которое шло в 1943 г. Там уже жили в домах и кормить стали лучше. Владимир Федорович рассказывал, что прекрасно знает все станции от Свияжска до Ульяновска (Кильзуразы, Бурундуки, Буинск и все остальные). В 1944 г. В.Ф. Генинг был переведен на работы в один из совхозов Ульяновской обл. Он рассказывал, что тогда стало жить более менее терпимо» (цит. по кн.: Мельникова, 2003, с. 57).

В апреле 1945 г. Владимир Федорович был переведен на работу в Красновишерский леспромхоз Пермской обл., где в течение четырех месяцев работал десятником лесозаготовок. Оттуда по распоряжению районного отдела народного образования и по указанию РК ВКП(б) был переведен в Велсовскую семилетнюю школу в качестве преподавателя истории, географии и немецкого языка. Через год после закрытия школы в поселке Велс последовал перевод преподавателем немецкого языка в семилетнюю шко-

лу г. Красновишерска. Одновременно В.Ф. Генинг работал преподавателем в школе рабочей молодежи.

В 1946 г. он женился. А в 1947 г. поступил на I курс заочного отделения историко-филологического факультета Молотовского (ныне Пермского) университета (Мельникова, 2003, с. 57). Этот год можно считать началом научной биографии ученого, в которой, вслед за Е.П. Бунятян и в дополнение к ней, можно выделить несколько периодов: пермский (1947–1954), удмуртский (1954–1955), казанский (1955–1960), свердловский (1960–1974), киевский (1974–1993) (Бунятян, 2002, с. 6–10). Каждый период связан не только с деятельностью В.Ф. Генинга в разных городах и учреждениях: все его переезды, общение с новыми людьми, коллегами одновременно раскрывали новые грани Владимира Федоровича как ученого, педагога, организатора науки.

Сам В.Ф. Генинг, создавая свою «Автобиографию научной деятельности», структурировал ее по следующим актуальным для него разделам: «Краткий очерк трудовой биографии», «Научно-педагогическая деятельность», «Исследования в области Урало-Сибирской археологии», «Работы по археологии Удмуртии (1954–1959 гг.)», «Археология Южного Приуралья эпохи великого переселения народов», «Уральская археологическая экспедиция (1961–1975 гг.)», «Основные итоги научно-исследовательской деятельности по урало-сибирской археологии», «Исследования в области теории и методологии археологии». В последнем он особо выделял свои исследования по проблеме периодизации и выделения археологических культур, этническим

проблемам, проблеме происхождения древнейших (первоначальных) этнических общностей и истоков этнического процесса в социальном развитии, истории археологии, вопросам теории и методологии археологического познания, разработке эмпирических методов исследования (Генинг, 2003).

Пермский период жизни связан с начальным этапом профессиональной социализации ученого. Его начало связано с личным интересом: летом 1947 г. В.Ф. Генинг провел со школьниками 6–7 классов г. Красновишерска туристский поход по р. Вишере. Об этом он подробно пишет в своей «Автобиографии». В.П. Денисов, однокурсник Владимира Федоровича, дополнил эту информацию еще и тем, что во время этого туристского похода, кроме Писаного Камня между деревнями Акчим и Писаной, В.Ф. Генингом было осмотрено еще и несколько пещер. «На одном из первых заседаний археологического кружка О.Н. Бадер представил В.Ф. Генинга и попросил его познакомить членов кружка с результатами своих рекогносцировочных исследований, проведенных на Писаном Камне. Материал был настолько интересен, что О.Н. Бадер предложил продолжить начатое Генингом исследование и провести следующую археологическую практику на Писаном Камне» (Денисов, 2000, с. 189). Сам ученый осознавал это событие как значимый переломный факт своей жизни: «В память о данном жизненном повороте, первая книжка, которую я написал и опубликовал, также была посвящена археологическим занятиям юных туристов!» (Генинг, 1956).

Несомненно, этот жизненный поворот не состоялся бы, если бы не встреча в Пермском университете с

О.Н. Бадером. Человек драматической судьбы, не взирая на жизненные невзгоды, он сумел организовать профессиональную подготовку археологов в Пермском университете, разработать исследовательскую программу изучения Прикамского и шире – Уральского региона, включив в ее реальное претворение своих учеников (Мельникова, 2003а). Им было предопределено направление исследовательского интереса В.Ф. Генинга – изучение памятников раннего железного века в Прикамье. Первая опубликованная на эту тему работа «К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры» вышла в свет в «КСИИМК» (Генинг, 1951). Последняя из работ, посвященных этой тематике – «Вопросы периодизации археологических эпох. (Прикамье в эпоху племенного строя)» – была опубликована спустя 40 лет (Генинг, 1990). Качество студенческих работ В.Ф. Генинга было таково, что они публиковались на страницах столичных советских археологических научных журналов «Краткие сообщения» и «Советская археология». Студенческие статьи В.Ф. Генинга вошли и в фундаментальное издание – «Большую советскую энциклопедию» (Генинг. Библиограф. указ., 1999, с. 13).

Научная активность студента Генинга осложнялась статусом этнических немцев в СССР (Герман, Курочкин, 1998). На это обращали внимание однокурсники Владимира Федоровича. Так, Т.А. Федорова вспоминала: «К сожалению, он попал, как говорится, под колесо истории, ему было очень тяжело, и он иногда делился со мной. У меня было порой такое желание помочь, куда-то пойти, рассказать о нем, о таком человеке, что он никому никогда не принесет вреда. Но время было такое, что никуда не пойдешь

и не скажешь. Его угнетало то, что ему нельзя было перемещаться, каждую неделю необходимо было делать отметки в спецкомендатуре и обо всех своих перемещениях сообщать туда» (Мельникова, 2003, с. 68).

Этот факт биографии В.Ф. Генинга длительное время оказывал влияние на траекторию его жизни. Самостоятельной исследовательской работе предшествовало два года учительствования в сельской школе.

Но уже в 1954 г. начинается короткий, но весьма яркий период его жизни: работа в Удмуртском республиканском краеведческом музее, организация Удмуртской археологической экспедиции, первый опыт преподавания в вузе – Удмуртском государственном пединституте, где В.Ф. Генинг разрабатывает и ведет курс «История Удмуртии» и «Археология» (Мельникова, 2003, с. 73). Сделанное им за короткий срок в Удмуртии расценивается сегодня как прорыв: интенсивные исследования памятников эпохи раннего железного века и раннего средневековья преимущественно в Прикамской Удмуртии в 1954–1957 гг., подготовка им археологической карты Удмуртии, разработка обобщенной схемы формирования удмуртского народа от эпохи камня до позднего средневековья (Иванова, 2004, с. 30). Этногенетическая тематика в контексте этнической истории становится в эти годы основополагающей в его научном творчестве.

Обратим внимание и на то, что в Удмуртии В.Ф. Генинг определился с еще одним значимым направлением своих будущих исследований. Написание книги «Археологические памятники Удмуртии» (1958) предшествовала обстоятельная историографическая работа по выявлению научных событий в истории региональной архе-

логии. С тех пор обращение к новым проблемным областям своей деятельности археолог всегда будет начинать с их историко-научного и историографического осмысления.

Наконец, важный опыт этого периода деятельности молодого ученого – обретение первых последователей и учеников: Г.Т. Кондратьева и В.А. Семенов профессионально продолжили творческие начинания В.Ф. Генинга в Удмуртии (Иванова, 2004, с. 30).

Казанский период (1955–1960) жизни Владимира Федоровича связан, в первую очередь, с его обучением в аспирантуре Института языка, литературы и истории при Казанском филиале АН СССР под руководством известного археолога Н.Ф. Калинина. Выбор Казани в качестве места дальнейшего обучения В.Ф. Генинга был не случаен. В своей «Автобиографии» он писал: «В 1955 г. я впервые участвовал в Пленуме Института археологии, где представил выставку о работах Удмуртской экспедиции и выступил с докладом. Здесь я познакомился со многими археологами Москвы, Казани, других городов и получил предложение поступить в аспирантуру ГИМа или ИИМК к А.П. Смирнову. Но меня привлекала Казань, где я в 1955–1958 гг. проходил аспирантуру» (Генинг, 2006, с. 147). Конечно, отказ от предложения авторитетного археолога не был связан с личными причинами. Его подоплека была predeterminedena особым статусом российских немцев: только в декабре 1955 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». По нему предусматривалось снятие с учета спецпоселения и освобождение из-под административного надзора немцев, высланных на спец-

поселения, но в Указе сохранялись ограничения на перемещения по стране (История российских немцев в документах, 1993, с. 177).

Работа над темой кандидатской диссертации потребовала активных полевых исследований на территории Татарии, Марийской АССР, но, конечно, по-прежнему основной упор был сделан на работы в Удмуртии. 26 ноября 1958 г. на заседании Ученого совета ИИМК в Москве В.Ф. Генинг защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пьяноборская культура на Средней Каме», которая углубила его интерес к этногенетической тематике в ее связи с основополагающими положениями марксистской теории исторического процесса.

Сам ученый отмечал: «Исследования археологических памятников Удмуртии, их систематизация, впервые позволили поставить проблему формирования удмуртского народа на конкретных источниках» (Генинг, 2003, с. 164). Следствием этого стало выделение новых археологических культур, которое в дальнейшем, после череды открытий в урало-сибирском регионе, переросло в интерес к самому феномену археологической культуры как познавательной категории археологии в изучении этносов прошлого.

При этом В.Ф. Генинг уточнял: «Уже в эти годы главное внимание в разработках по культурам уделялось не формальным классификациям и типологиям, а содержанию социальных процессов, особенно этнических и общественно-экономических» (Генинг, 2003, с. 162). Глубокое восприятие марксизма как исторической теории, по-видимому, было заложено именно в казанский период жизни исследователя и определяло его теоретико-методологические воззрения

в объяснении археологического материала все последующие годы. (Не случайно, П.Н. Старостин обратил внимание на увлеченность В.Ф. Генинга философией: «В аспирантские годы Владимир Федорович занимался не только археологией, но и философией. Бывший сотрудник сектора археологии и этнографии Г.М. Хисамутдинов рассказывал, что на кандидатском экзамене по философии Владимир Федорович показал блестящие знания. Философы университета предлагали ему заняться философией, а не археологией. Долгое время в кабинете археологии хранились записи лекций по философии, сделанные В.Ф. Генингом. В них были не просто механические записи, но поставлены вопросы. Сделано много особых подчеркиваний. Штудирование философии было определенной подготовкой к изучению теоретических основ археологии. У Владимира Федоровича был интерес к философским и общетеоретическим проблемам науки» (цит. по кн.: Мельникова, 2003, с. 79).

Осень 1960 г. стала поворотной в биографии В.Ф. Генинга – из Казани он переехал в Свердловск. Начался новый 14-летний период его научного творчества. Обстоятельства этого переезда до конца не ясны. Есть устные сведения, полученные мной от старшего научного сотрудника СОКМ С.Н. Паниной о том, что приглашение в Свердловск последовало от Е.М. Берс. Если оно было, не исключено, что мотивы такого приглашения связаны с ее сложными отношениями с К.В. Сальниковым, работавшим в Свердловском университете до приезда В.Ф. Генинга. Во всяком случае, сам Владимир Федорович писал о том, что «в 1960 г. поступило предложение подать документы на конкурс в Уральский университет на кафедру истории

СССР на должность доцента. В беседе с деканом факультета В.Я. Кривоноговым и зав. кафедрой истории древнего мира М.Я. Сюзюмовым было высказано пожелание организовать на истфаке специализацию по археологии и развернуть широкие экспедиционные работы с финансированием за счет университета. Это как нельзя лучше совпадало с моими интересами в дальнейшей работе, тем более что обширные пространства равнинного Зауралья и лесостепи Западной Сибири фактически оставались белым пятном на археологической карте. Познакомившись с условиями работы, я переехал в Свердловск» (Генинг, 2003, с. 81). Эту информацию подтверждает П.Н. Старостин: «Причины отъезда из Казани были не только житейские, но и интерес Владимира Федоровича к проблемам истоков многих древних и средневековых народов Среднего Поволжья и Прикамья, которые в то время он видел в Зауральских регионах» (цит. по кн.: Мельникова, 2003, с. 82).

Возможность исследования памятников в Зауралье и Западной Сибири позволяла ставить более глубокие задачи в изучении некоторых компонентов археологических культур Волго-Камья и Южного Приуралья. Но обширные пространства этих территорий археологически были мало исследованы.

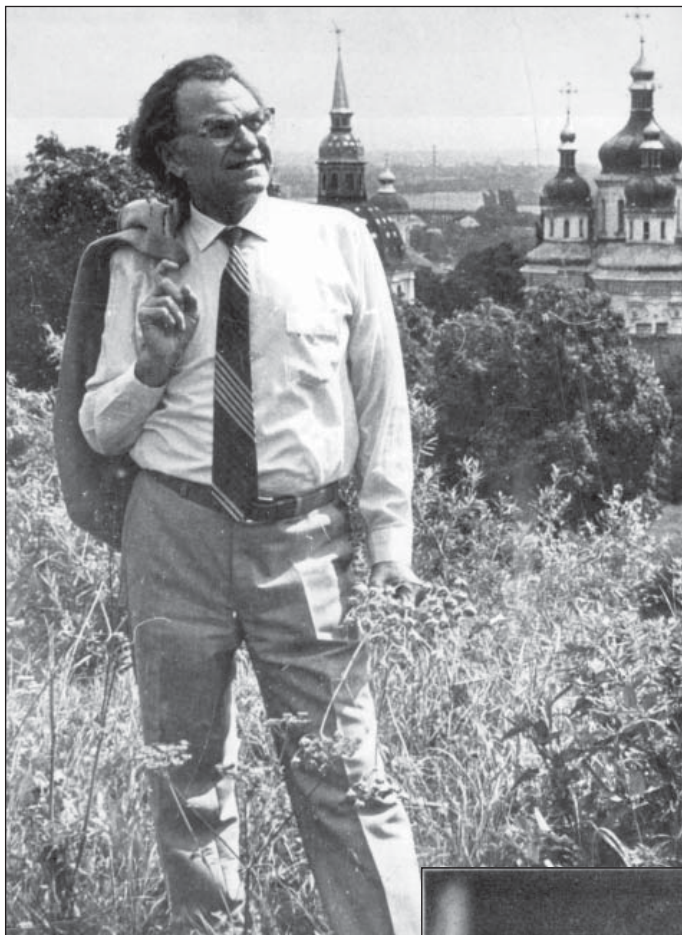
Предстоящая работа в Свердловске открывала возможность составления широкой исторической панорамы в решении этой проблемы на обширных пространствах Предуралья, Урала и Зауралья: «Все годы работы в Уральском университете я продолжал научное осмысление и подготовку публикаций по прикамской археологии, о которых писалось выше. Эта же тематика была избрана в качестве докторской диссертации, защищен-

ной в 1974 г. Поэтому широкие полевые исследования и анализ материалов по Зауралью и Западной Сибири фактически осуществлялись постоянно в сопоставлении с результатами и опытом прикамских работ» (Генинг, 2003, с. 167).

Решение масштабных задач стало возможным благодаря организаторскому и педагогическому дарованию В.Ф. Генинга. Создание хоздоговорной археологической лаборатории, проводившей масштабные исследования на территории Урала и Сибири, совершенствование методики полевых исследований, использование формализовано-статистических методов обработки коллекций, продолжающаяся серия «Вопросы археологии Урала» – все это в совокупности стало основой самобытной системы подготовки кадров археологов (Пряхин, 2002, с. 12).

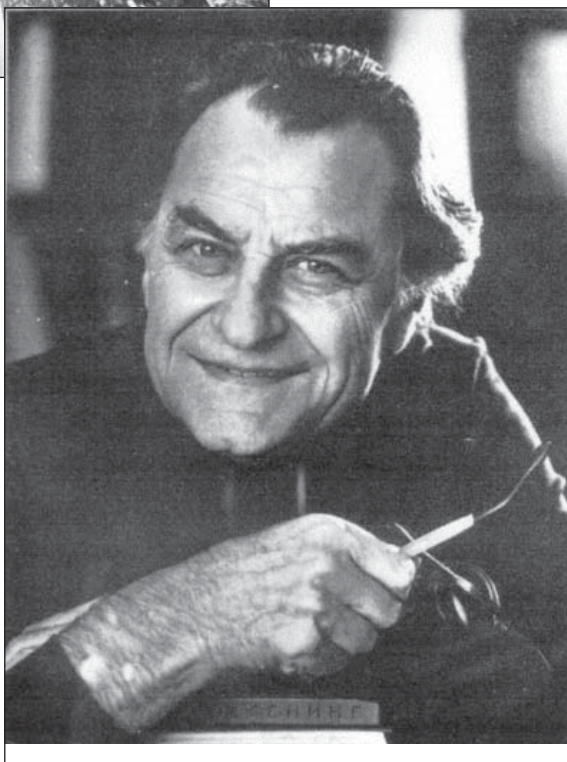
Сам ученый так оценивал свою деятельность этого периода: «Во всех работах, связанных с раскопками памятников, а они занимали немало времени, сами раскопки и публикация памятника никогда не были для меня самоцелью, также как и их культурно-хронологическая классификация, хотя этой проблеме уделялось очень много внимания. Все это, в конечном итоге, должно было иметь выход на вопросы изучения социально-исторического развития древнего населения изучаемого по археологическим источникам, это было для меня аксиомой, без которой археология, при всей ее привлекательности теряла смысл как историческая наука. Конечно, это было нелегко и вызывало нередко весьма бурное противодействие наших маститых археологов» (Генинг, 2003, с. 172).

Важным шагом в разрешении этих вопросов стала монография «Этнический процесс в первобытности» (Ге-

В.Ф. Генинг в г. Киеве.
Институт археологии
АН УССР (находился
в Выдубецком мона-
стыре). 1985 г. (фото
из фондов Научной
библиотеки Института
археологии НАНУ)*

В.Ф. Генинг в г. Киеве.
Фото конца 1980-х гг.
(фото из фондов Научной
библиотеки Института
археологии НАНУ)

* Благодарю заведующую Научной библиотекой Института археологии НАНУ, кандидата исторических наук В.А. Колесникову за фотографии, любезно предоставленные для публикации.

Занятие археологического кружка, проводимое О.Н. Бадером

Члены археологического кружка и его руководитель О.Н. Бадер. 1948 г.
Второй ряд снизу, слева направо: В.А. Оборин, Т.А. Федорова,
О.Н. Бадер, В.П. Денисов, В.Ф. Генинг

Стоянка Талицкого. 1948 г.
Слева направо: В.Ф. Генинг,
Т.А. Федорова, О.Н. Бадер,
С.В. Володина, М.А. Бадер,
Р. Чубарова

В.Ф. Генинг.
2 курс Молотовского
(ныне Пермского)
госуниверситета. 1949 г.

В.Ф. Генинг готовит
обед на берегу
р. Вишера. 1951 г.

нинг, 1970), включенность ученого в дискуссию о содержании понятия «археологическая культура» (Генинг, 1970 а), об объекте и предмете науки в археологии (Генинг, 1975, 1975а), разработка методики формализовано-статистического анализа погребальных памятников (Генинг, Борзунов, 1975).

Дальнейшее развитие этих идей было осуществлено в киевский период жизни ученого. Многогранная деятельность на посту заместителя руководителя Института археологии АН Украины, планирование, организация археологических исследований, еще больше упрочили Владимира Федоровича в необходимости развития теоретической археологии. Созданный им отдел теории и методики археологических исследований, постоянно действующий методологический семинар стали важными институциями развития теоретико-методологического направления в советской археологии (Бунятян, 2002, с. 8).

В.Ф. Генинг следил за достижениями в этой области и в мировой науке, но убежденность в силе марксистской теории исторического процесса, возможности разработки на ее основе так называемых «теорий среднего уровня» заставляла исследователя искать все новые и новые ключи к археологическому источнику. С этой целью он специально обращается к истории и историографии археологии, через анализ методологических дискуссий 1920-х – начала 1930-х годов акцентирует внимание на методологических основаниях советской археологии (Генинг, 1982). Эта монография впервые придала более четкую структуру историографическим исследованиям в археологии: в ней было обосновано такое важное понятие, как «научное направление», предпринято опреде-

ление содержания классического, палеоэтнологического, классического направлений российской археологии, поставлена проблема периодизации отечественной археологии на основе смены методологических оснований науки.

Ключевой для себя он видел проблему определения объекта и предмета науки в археологии, полагая, что главная цель археологии – изучение истории древних и средневековых обществ (Генинг, 1983). Он пытался понять сложности в историческом осмыслении археологического источника, инициировав коллективную монографию своих учеников и последователей «Проблемные ситуации в археологии», пытаясь системно выявить причины проблем в объяснении археологического материала (1988, Пустовалов, 2002).

Собственно археологический выход на исторический процесс В.Ф. Генинг видел в развитии содержания понятия «археологическая культура» (Генинг, 1976; 1987; 1988). Он не оставлял надежды в монографическом сочинении обосновать на основе понятия «археологическая культура» (АК) самостоятельную теорию, которая могла бы на практике выделять археологические культуры и отождествлять их с реальными субъектами исторического процесса, изучать на основе выделенных культур реальную историю древних и средневековых обществ.

В одном из писем ко мне В.Ф. Генинг делился планами такой монографии, в которой среди авторов видел своих учеников, справедливо полагая, что молодые ученые обладают свежим взглядом на проблемы и не боятся ставить и решать их. Он полагал, что работа должна включать: «1. Общие определения-дефиниции АК. 2. Со-

держание понятия (социологическое, этническое). 3. АК – онтологическая или гносеологическая категория? 4. Структура АК как научной категории. 5. Функция АК в системе познания. 6. Теория АК как средство практической деятельности. 7. Процедура выделения АК на практике» (Личный архив автора).

Наставляя на разработку этой сложной тематики, Владимир Федорович постоянно подчеркивал ее необходимость для практики археологических исследований: «Помните, что это должен быть критический анализ, в котором важно выделить позитивные стороны!» (Личный архив автора).

К сожалению, эта совместная работа (включая А.И. Ганжу) не была завершена. Хотя, со слов Е.П. Буянтян, рукопись была подготовлена, но не дошла до печати.

Обращу внимание на то, что В.Ф. Генинг не оставлял без внимания ни один вопрос, ни одну проблему, поднятую учениками. С огромным воодушевлением он интересовался новым, советовал не искать легких путей в науке. В одном из писем он обсуждал важную для меня проблему структуры научного сообщества в археологии и механизмов научных коммуникаций, на которую я вышла, занимаясь проблемой содержания понятия «археологическая культура». Он писал: «Тема научно-исследовательской традиции, безусловно, актуальная, но сложная. Здесь надо различать два-три уровня:

1. Общенаучных периодов развития науки (это приблизительно то, что изложено у меня в «Пробл. ситуации» (речь идет о разделе, написанном В.Ф. Генингом в монографии «Проблемные ситуации в археологии», 1988. – *О.М.*).

2. Научные направления внутри периодов, отражающие многообразие качественных сторон объекта и форм его познания (Об этом шла речь в «Очерк(ах) истории советс(кой) арх(еологии)» (Генинг, 1982) (курсив мой. – *О.М.*), конечно, еще на стадии поиска и интуитивного восприятия).

3. Научные традиции (школы) – конкретная организация исследовательской деятельности. К сожалению, об этом пока почти ничего нет. Хотя посмотрите статьи Бадера и Оборинова о работах КАЭ, хотя там больше истории изучения. По Ур(альской) арх(еологической) экс(педиции) – статьи Р.Д. Голдиной, но тоже больше в стиле изучения памятников, и затем уже Вятско-Камская (Камско-Вятская экспедиция Удмуртского университета. – *О.М.*). Кстати, большая обзорная статья по историографии удм(уртской) археологии сделана В.А. Семеновым. Вообще мне представляется, что здесь требуется, прежде всего, теоретическая и методологическая разработка понятия «научная традиция – школа в археологии», включающая, по моему мнению, такие аспекты: полевая археология (система раскопок и фиксации результатов), источниковедение (система публикаций, т.е. введение источников в научный оборот), преимущественная проблематика, т.е. выход на уровень научного направления.

В целом эта проблематика пока очень слабо разработана. Я сейчас пишу кое-что о научных направлениях, сосредотачивая внимание на социоисторическом. Научные традиции требуют обширного анализа литературы, «Отчетов», опросов-анкет (например, о методике раскопок и т.п.).

Тема, безусловно, интересная и перспективная. Конкретно для Вас

она может включать три раздела: опыт КАЭ (Пермь до отъезда Бадера) – УАЭ (Свердловск) – КВАЭ (Ижевск), которые могут показать традиции в эволюции» (Личный архив автора).

Эти совместные обсуждения с Владимиром Федоровичем, начавшиеся еще в мои аспирантские годы в Киеве, оказались весьма конструктивны и помогли мне в постановке и исследовании темы «Научные школы в археологии» (Мельникова, 2004а).

В своем последнем письме, написанном за день до ухода из жизни, Владимир Федорович ободрял меня в моем научном поиске: «Что касается научных направлений и периодизации, Вам надо об этом писать и посылать в «Российскую археологию». Вы теперь должны отстаивать близкие Вам идеи и тем самым утверждать себя в науке!» (Личный архив автора).

Личный пример ученого, педагога способен вдохновить учеников на постановку и решение новых проблем. Отвага, с которой В.Ф. Генинг брался за исследование нового, присуща не каждому. Но именно такие личности определяют путь развития археологии. Необычайная работоспособность, желание обретения нового знания, стремление заставить археологический источник «заговорить», несомненно, ставит ученого в ряды исследователей археологии первого плана.

Сегодня его творчество ставит перед историками науки целый ряд важнейших проблем. Требуют специального историографического рассмотрения социоисторические воззрения В.Ф. Генинга о природе археологического источника, осмысление философии социоархеологии, непонятой и недопонятой современниками. Необходим анализ познавательных возможностей обоснованной им периодизации истории археологии. Нуждаются в обсуждении идеи, связанные с пониманием объекта и предмета науки в археологии, познавательных возможностей понятия «археологическая культура», оказавшиеся предметом незавершившихся теоретико-методологических дискуссий в советской археологии 1980-х годов. Представляется, что их изучение позволит понять судьбы теоретико-методологического направления в советской археологии и его настоящее.

Важно также продолжить целенаправленный сбор документов личного происхождения. Очевидно, что письма Владимира Федоровича Генинга, его фотографии хранятся в личных архивах многих археологов. Их выявление и научная публикация вполне могли бы стать основой для создания полноценной научной биографии ученого, столь важной для определения культурно-профессиональных ценностей археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И.* Памяти учителя // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Вып. 14. – Сыктывкар, 1995. – С. 7–9.
2. *Бунятян Е.П.* Памяти Володимера Федоровича Генинга // Археологія. – № 1. – Киев: Наукова думка, 1994. – С. 3–5.
3. *Бунятян К.П.* В.Ф.Генінг: сторінки життя та творчості // Археологія. – № 3. – Киев: Наукова думка, 1997. – С. 4–6.
4. *Бунятян К.П.* Життя заради археології // Сучасні проблеми археології. – Киев, 2002. – С. 6–11.

5. *Вжосек В.* Культура и историческая истина. – М.: «Кругъ», 2012. – 336 с.
6. *Генинг В.Ф.* К вопросу о северной границе ананьинской культуры // КСИИМК. – Вып. XXXVI. – М., 1951. – С. 196–199.
7. *Генинг В.Ф.* Что должен знать юный турист об археологических памятниках Удмуртии. – Ижевск, 1956. – 70 с.
8. *Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958. – 190 с.
9. *Генинг В.Ф.* Этнический процесс в первобытности. – Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1970. – 128 с.
10. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. до н.э.) / Вопросы археологии Урала. – Вып. 10. – Ижевск; Свердловск, 1970а. – 257 с.
11. *Генинг В.Ф.* Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии // Вопросы археологии Урала. – Вып. 13. – Свердловск, 1975. – С. 5–16.
12. *Генинг В.Ф.* Объект и предмет археологии // Новейшие открытия советских археологов. – Киев, 1975а. – С. 14–17.
13. *Генинг В.Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. – Ижевск, 1976. – С. 3–35.
14. *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). – Киев: Наукова думка, 1982. – 225 с.
15. *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. – Киев: Наукова думка, 1983. – 224 с.
16. *Генинг В.Ф.* Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии (К разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 6–35.
17. *Генинг В.Ф.* Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в современной археологии. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 26–84.
18. *Генинг В.Ф.* Вопросы периодизации археологических эпох (Прикамье в эпоху племенного строя) // Взаимодействие древних культур Урала. – Пермь, 1990. – С. 9–28.
19. *Генинг В.Ф.* Письма от 1 октября 1992; от 29 октября 1993 г. / Личный архив Мельниковой О.М.
20. *Генинг В.Ф.* Автобиография научной деятельности // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, 2003. – С. 145–182.
21. *Генинг В.Ф., Борзунов В.А.* Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. – Вып. 13. – Свердловск, 1975. – С. 42–72.
22. Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель. – Екатеринбург, 1999. – 30 с.
23. *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в Трудовой армии (1941–1945). – М.: Готика, 1998. – 208 с.
24. *Денисов В.П.* В.Ф. Генинг и пермская археология // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск, 2000. – С. 189–192.

25. Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1995. – 22 с.

26. Иванова М.Г. Исследования Удмуртской археологической экспедиции Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (1969–2003 гг.) // Удмуртской археологической экспедиции 40 лет. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 30–41.

27. История российских немцев в документах (1763–1992). – М., 1993 – 448 с.

28. Кандидатські дисертації, виконані під керівництвом В.Ф. Генінга // Сучасні проблеми археології. – Киев, 2002. – С. 32.

29. Ковалева В.Т. В.Ф. Генинг и археологическая наука в Уральском университете // Летописцы родного края (Очерки об исследователях истории Урала). – Свердловск, 1990. – С. 59–65.

30. Ковалева В.Т. Свердловская школа В.Ф. Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Свердловск, 1999. – С. 24–31.

31. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Биографический жанр в современном историографическом нарративе // Историк в историческом и историографическом времени. – Казань, 2013. – С. 232–235.

32. Мельникова О.М. Феномен лидера научной школы в современной археологии // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Вып. 14. – Сыктывкар, 1995. – С. 11–13.

33. Мельникова О.М. Теоретическое наследие В.Ф. Генинга: историографический взгляд // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск: УдГУ, 2000. – С. 24–30.

34. Мельникова О.М. Методологические проблемы историографии археологии (в связи с работами В.Ф. Генинга) // Сучасні проблеми археології. – Киев, 2002. – С. 148–150.

35. Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера. – Ижевск: УдГУ, 2003. – 184 с.

36. Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 9. – Ижевск: УдГУ, 2003а. – 194 с.

37. Мельникова О.М. В.Ф. Генинг в Удмуртии: взгляд с точки зрения исторической антропологии науки // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 79–81.

38. Мельникова О.М. Научные школы в археологии: Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Ижевск, 2004а. – 57 с.

39. Мельникова О.М. Вклад российских немцев в археологическое изучение Прикамья // Российские немцы: история и современность. Серия памяти проф. В.Е.Майера «Историк и его дело». – Вып. 5. – Ижевск, 2006. – С. 133–142.

40. Овчинникова Б.Б. Владимир Федорович Генинг – ученый и педагог // Генинг Владимир Федорович. Библиографический указатель. – Екатеринбург, 1999. – С. 5–12.

41. Парадокс о юбилее историка // Историк в историческом и историографическом времени. – Казань, 2013. – С. 3–4.

42. Проблемные ситуации в археологии. – Киев: Наукова думка, 1988. – 288 с.

43. Пряхин А.Д. В.Ф. Генинг и его вклад в развитие археологии // Сучасні проблеми археології. – Киев, 2002. – С. 11–13.

44. Пустовалов С.Ж. В.Ф. Генинг – этноисторик // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Вып. 14. – Сыктывкар, 1995. – С. 13–14.

45. Пустовалов С.Ж. Вклад В.Ф. Генинга в развитие отечественной теоретической археологии // Сучасні проблеми археології. Тезиси докладів. – Киев, 2002. – С. 188–190.

Информация об авторе:

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); superlvovich2012@yandex.ru

HISTORIOGRAPHICAL THOUGHTS IN CONNECTION WITH THE ANNIVERSARY OF VLADIMIR FEDOROVICH GENING

O.M. Melnikova

In connection with the 90 years' anniversary of Vladimir Fyodorovich Gening (1924–1993), an eminent Soviet archaeologist, the milestones of the scholar's biography and the principal directions of his research activity are traced in the article. A brief overview of studies, which are devoted to V.F. Gening's scientific biography and to evaluation of the importance of his research heritage, is provided in the article. An important aspect of the present work is the comprehension of V.F. Gening's scientific contribution to Soviet archaeology development, first of all its theoretical aspects, to the formation of new research directions and problem fields of science, and the role played by him in the consolidation of professional archaeological training system. V.F. Gening's contribution to archaeological studies of the Volga region and the territories historically connected to it – the Urals and Western Siberia – is also noted.

Keywords: archaeology, Vladimir Fyodorovich Gening, theoretical archaeology, scientific school, research trend, biography.

REFERENCES

1. Ashikhmiina L. I. 1995. In *Evropeiskii Sever: vzaimodeistvie kul'tur v drevnosti i srednevekov'e* (North of Europe: Interaction of Cultures in Antiquity and Middle Ages). Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of North-Eastern Europe) 14. Syktyvkar, 7–9 (in Russian).
2. Bunyatyan, E. P. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 3–5 (in Ukrainian).
3. Bunyatyan, K. P. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 4–6 (in Ukrainian).
4. Bunyatyan, K. P. 2002. In *Suchasni problemy arkheolohii (Current Issues of Archaeology)*. Kiev, 6–11 (in Ukrainian).
5. Wrzosek, W. 2012. *Kul'tura i istoricheskaia istina (Historia – Kultura – Metafora; O mysleniu historycznym)*. Moscow: "Krug" Publ. (in Russian).
6. Gening, V. F. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVI. Moscow, 196–199 (in Russian).

7. Gening, V. F. 1956. *Chto dolzhen znat' iunyi turist ob arkhelogicheskikh pamiatnikakh Udmurtii (What a Young Tourist Must Know about the Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk (in Russian).
8. Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii (Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtknigoizdat" Publ. (in Russian).
9. Gening, V. F. 1970. *Etnicheskii protsess v pervobytnosti (Ethnic Process in Pre-history)*. Sverdlovsk: Sverdlovsk State University (in Russian).
10. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Region Population in the Pyany Bor Epoch) I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (Cheganda Culture: 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 10. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
11. Gening, V. F. 1975. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 13. Sverdlovsk, 5–16 (in Russian).
12. Gening, V. F. 1975. In Baran, V. D. (ed.). *Noveishie otkrytiia sovetskikh arkheologov (The Latest Discoveries of Soviet Archaeologists)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 14–17 (in Russian).
13. Gening, V. F. 1976. In *Voprosy etnografii Udmurtii (Issues of Ethnography of Udmurtia)*. Izhevsk, 3–35 (in Russian).
14. Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoj arkheologii (Iz istorii formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoj arkheologii. 20-e – pervaiia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology: From the History of the Theoretical Bases of the Soviet Archaeology, 1920s – First Half of 1930s)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
15. Gening, V. F. 1983. *Ob'ekt i predmet nauki v arkheologii (Object and Subject of Knowledge in Archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
16. Gening, V. F. 1987. In *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii (Studying of Sociohistorical Issues in Archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 6–35 (in Russian).
17. Gening, V. F. 1988. In *Problemaia situatsiia v sovremennoi arkheologii (A Problem Situation in Current Archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 26–84 (in Russian).
18. Gening, V. F. 1990. In *Vzaimodeistvie drevnikh kul'tur Urala (Interaction between the Ancient Cultures of Ural)*. Perm, 9–28 (in Russian).
19. Gening, V. F. Pis'ma ot 1 oktiabria 1992; ot 29 oktiabria 1993 g. (Letters of October 1, 1992, and October 29, 1993). *Personal Archive of O. M. Melnikova* (in Russian).
20. Gening, V. F. 2003. In Mel'nikova, O. M. *Sverdlovskaiia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola V. F. Geninga (1960–1974 gg.) (The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening: 1960–1974)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 9. Izhevsk: Udmurt State University, 145–182 (in Russian).
21. Gening, V. F., Borzunov, V. A. 1975. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 13. Sverdlovsk, 42–72 (in Russian).
22. *Gening Vladimir Fedorovich. Bibliograficheskii ukazatel' (Vladimir Gening: Bibliographic Index)*. 1999. Yekaterinburg (in Russian).
23. German, A. A., Kurochkin, A. N. 1998. *Nemtsy SSSR v Trudovoi armii (1941–1945) (The Germans of the USSR in the Work Army, 1941–1945)*. Moscow: "Gotika" Publ. (in Russian).

24. Denisov, V. P. 2000. In Goldina R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologiiia: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*. Izhevsk: Udmurt State University, 189–192 (in Russian).
25. Zhuravleva, G. N. 1995. *Narodonaselenie Srednego Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (opyt paleodemograficheskikh rekonstruktsii) (Population of the Middle Kama River Area in the Pyany Bor Epoch: an Attempt to Palaeodemographic Reconstructions)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
26. Ivanova, M. G. 2004. In *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 40 let (40 Years of the Udmurt Archaeological Expedition)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute of Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 30–41 (in Russian).
27. *Istoriia rossiiskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992) (Documents for the History of Russian Germans, 1763–1992)*. 1993. Moscow.
28. Kandydats'kiy disertatsii, vykonani pid kerivnytstvom V. F. Heninha (PhD Theses Elaborated under the V. F. Gening's Advising) 2002. In *Suchasni problemy arkheolohii (Current Issues of Archaeology)*. Kiev, 32 (in Ukrainian).
29. Kovaleva, V. T. 1990. In *Letopistsy rodnogo kraia (Ocherki ob issledovatelyakh istorii Urala) (Motherland Chroniclers: Essays on Explorers of Ural)*. Sverdlovsk, 59–65 (in Russian).
30. Kovaleva, V. T. 1999. In *120 let arkheologii Vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniia pamiati V. F. Geninga. Chast' I. Iz istorii ural'skoi arkheologii. Dukhovnaia kul'tura Urala (120 Years of the Eastern Ural Archaeology. First Readings in V.F. Gening's Memory. Part I. Pages of History of the Ural Archaeology. Ural Spiritual Culture)*. Yekaterinburg: Ural State University, 24–31 (in Russian).
31. Korzun, V. P., Kolevatov, D. M. 2013. In *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni (A Historian in the Historical and Historiographical Time)*. Kazan, 232–235 (in Russian).
32. Mel'nikova, O. M. 1995. In *Evropeiskii Sever: vzaimodeistvie kul'tur v drevnosti i srednevekov'e (North of Europe: Interaction of Cultures in Antiquity and Middle Ages)* 14. Syktyvkar, 11–13 (in Russian).
33. Mel'nikova, O. M. 2000. In Goldina R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologiiia: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*. Izhevsk. Udmurt State University, 24–30 (in Russian).
34. Mel'nikova, O. M. 2002. In *Suchasni problemy arkheolohii (Current Issues of Archaeology)*. Kiev, 148–150 (in Russian).
35. Mel'nikova, O. M. 2003. *Permskaia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola, O. N. Badera (O.N. Bader's archaeological school from Perm)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
36. Mel'nikova, O. M. 2003. *Sverdlovskaiia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola V. F. Geninga (1960–1974 gg.) (The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening: 1960–1974)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 9. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
37. Mel'nikova, O. M. 2004. In *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurtian Language,

Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 79–81 (in Russian).

38. Mel'nikova, O. M. 2004. *Nauchnye shkoly v arkheologii (Scientific Schools in Archaeology)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).

39. Mel'nikova, O. M. 2006. In *Rossiiskie nemtsy: istoriia i sovremennost' (The Russian Germans: History and Present Day)*. Series: Istorik i ego delo (Historian and His Work) 5. Izhevsk, 133–142 (in Russian).

40. Ovchinnikova, B. B. 1999. In *Gening Vladimir Fedorovich. Bibliograficheskii ukazatel' (Vladimir Gening: Bibliographical Index)*. Yekaterinburg, 5–12 (in Russian).

41. Paradoks o iubilee istorika (A Paradox of the Historian's Jubilee) 2013. In *Istorik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni (Historian in Historical and Historiographical Time)*. Kazan, 3–4 (in Russian).

42. *Problemyne situatsii v arkheologii (Problematic Situations in Archaeology)*. 1988. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

43. Priakhin, A. D. 2002. In *Suchasni problemy arkheolohii (Current Issues of Archaeology)*. Kiev, 11–13 (in Russian).

44. Pustovalov, S. Zh. 1995. In *Evropeiskii Sever: vzaimodeistvie kul'tur v drevnosti i srednevekov'e (North of Europe: Interaction of Cultures in Antiquity and Middle Ages)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka 14. Syktyvkar, 13–14 (in Russian).

45. Pustovalov, S. Zh. 2002. In *Suchasni problemy arkheolohii (Current Issues of Archaeology)*. Kiev, 188–190 (in Russian).

About the Author:

Melnikova Olga M. Doctor of Historical Sciences. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; superlvovich2012@yandex.ru

УДК 903.5(470)"63"(045)

В.Ф. ГЕНИНГ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛЯДЕНОВСКО-ПЬЯНОБОРСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРИУРАЛЬЕ¹

© 2014 г. Р.Д. Голдина

Приводится анализ исследований выдающегося археолога В.Ф. Генинга в области поволжско-приуральских древностей рубежа эр, а именно гляденовско-пьяноборской общности Прикамья. Здесь В.Ф. Генинг руководил полевыми исследованиями ряда городищ и могильников. Им был выделен ряд культур, прежде считавшихся локальными вариантами: осинская, гаревская, азелинская и мазунинская, статус которых в рамках данной общности, а также их датировки до сих пор остаются спорными. Его культурно-историческая оценка уникальных памятников – костяков – представляется автору неверной: В.Ф. Генинг считал их могильниками, тогда как сегодня они рассматриваются как следы человеческих жертвоприношений.

Ключевые слова: археология, Приуралье, ранний железный век, гляденовская и пьяноборская общности, осинская, гаревская, азелинская и мазунинская культуры, костяки, могильники

По прошествии прожитых лет для меня очевидно, что Владимир Федорович Генинг был одним из выдающихся археологов России прошедшего века. Я горжусь тем, что он был моим Учителем не только по археологии, но и по жизни. Важнейшую роль он сыграл и в том, что я стала профессиональным археологом. Я долго колебалась, выбирая отрасль истории, но, глядя на Владимира Федоровича, убеждала себя: «Разве может такой талантливый человек заниматься ничем иным?» И сейчас совсем не жалею о своем выборе. Археология – это удивительно увлекательная наука. Жалею только о том, что много времени и сил в жизни мною было потра-

чено на решение околонучных проблем. Я уже писала о В.Ф. Генинге как личности, повлиявшей на выбор моего жизненного пути (Голдина, 2002, с. 13–16; 2002а, с. 16–54), и сейчас хотела бы сказать о другом.

В приуральской археологии В.Ф. Генингом сделано немало. Но, пожалуй, более всего он преуспел в организации полевых работ в разных районах Приуралья и в интерпретации памятников пьяноборско-гляденовского круга (вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Он написал классический вариант диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху», опубликованной в 1970 г. Многие поколения археологов учились и еще будут учиться на этой книге тому, что можно сделать с фрагментами керамики, бусами, на-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ (базовая часть государственного задания (НИР №2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.).

конечниками стрел, извлеченными из земли, как можно превратить их в источник и как можно заставить говорить безмолвный археологический материал на исторические темы. Позже В.Ф. Генинг неоднократно возвращался к этой эпохе, написал немало статей и книг, высказал много оригинальных оценок, не всегда верных, часто ошибочных, но, самое главное, он всегда пытался смотреть на источник, вопрос, проблему с нетрадиционной, необычной позиции. В этой статье я хотела бы коснуться лишь нескольких проблем Прикамья, которыми особенно интересовался В.Ф. Генинг всю свою жизнь, – истории гляденовско-пьяноборской общности.

Если с пьяноборской общностью, в известной степени благодаря работам В.Ф. Генинга, дело обстоит сравнительно неплохо: раскопаны уникальные памятники, разрабатываются их хронология, погребальный обряд, культурная оценка, то с изучением более северной – гляденовской – все значительно хуже.

Почти одновременно с открытием уникального Ананьинского могильника в Нижнем Прикамье, составившего археологическую славу этого региона, на севере, в Пермском крае, благодаря энтузиазму и подвижничеству представителей династии лесоводов вотчины Строгановых – А.Е. и Ф.А. Теплоуховых – была собрана огромная коллекция пермских древностей и раскопаны уникальные объекты – костяки: Гаревское (1871, 1872 и 1874 гг.); Ильинское (1878 г.) и другие (Лепихин, 2007, с. 17–18). Спустя почти 30 лет последовало сенсационное открытие крупнейшего Гляденовского костяка возле г. Перми, давшего богатейший пласт мате-

риальной культуры (рис. 1, 2). Первые раскопки его в 1897–1898 гг. провели Н.Н. Новокрещенных, председатель Пермской ученой архивной комиссии и член Императорской археологической комиссии, а также С.И. Сергеев, известный пермский краевед, член Пермской ученой архивной комиссии, секретарь Археологической комиссии Уральского общества любителей естествознания. Материалы по Гляденовскому костяку были опубликованы А.А. Спицыным (1901) и Н.Н. Новокрещенных (1914). Оно и дало название одноименной культуре. Но, поскольку дата использования костяка была довольно широкой, с определением времени культуры появились некоторые проблемы.

Возникли проблемы и с дальнейшим накоплением источников. Несмотря на обилие выявленных поселений рубежа эр в Среднем и Верхнем Прикамье (рис. 3), городища имели смешанные, плохо стратифицированные и потому часто плохо датированные культурные напластования (Осинское, Горюхалихинское, Бутырское, Пещерское, Федотовское и др.), а селища были слабо насыщены материалом и остатками сооружений (Турбинское, Севастьяны I, Большое и Малое Савино, Половинное I, Култаево I, Заосиново I и др.). Долгое время не были известны и могильники. Одним из первых достоверно относящихся к гляденовскому времени стал Красноярский могильник I–V вв. в бассейне р. Тулвы, исследованный в 1986–1989 гг. О.А. Казанцевой (Казанцева, 2012). На этой же территории в 2000–2002 гг. был открыт и частично изучен С.Н. Коренюком Верхне-Ирьякский могильник (Коренюк, 2003; Перескоков, 2003; 2006). За-

мечательным открытием явились исследования Мокинского могильника возле г. Перми, изучавшегося в 1987 г. В.А. Обориным, в 1990–1992, 1998 гг. – Н.В. Соболевой, в 1994 г. – С.Н. Коренюком и А.Ф. Мельничуком (Кулябина, Лабутин, Мельничук, 1988; Кулябина, 2000; Коренюк, 2011).

Относимые в свое время Ю.А. Поляковым к гляденовской культуре могильники Городок и Заосиновский с обрядом труположения, практически не содержащие инвентаря (в 74 могилах найдены 4 железных ножа и одна бронзовая височная подвеска – Поляков, 1980, с. 7), вряд ли могут быть связаны с этой культурой. На фоне приуральских могильников с большим количеством вещей как предшествующего (ананьино), так и последующего (ломоватово) времени, они выглядят необычно.

Таким образом, состояние источников по гляденовской культуре остается неудовлетворительным. Положение усугубляется еще и тем, что имеющиеся материалы как по могильникам (кроме Красноярского), так и по поселениям фактически не опубликованы, либо опубликованы кратко, без исчерпывающего иллюстративного материала.

Одним из спорных основополагающих вопросов гляденовской культуры является проблема ее территории и локальных вариантов. Впервые эти сюжеты обозначил в 1967 г. Ю.А. Поляков. Всего им было учтено 104 памятника гляденовского типа и выделено 8 групп: гаревская, чувовская, черновская, гляденовская, юго-камская, очерская, осинская и частинская (Поляков, 1967, рис. 1, с. 202–203). Примерные границы культуры были установлены им по устьям притоков

р. Камы: р. Обвы – на севере и рч. Пьянки – на юге. Границы локальных групп были обозначены схематично, без нанесения на карту памятников. В посмертной работе Ю.А. Полякова, изданной в 1999 г., выделено 6 локальных групп, 3 из которых: Частинская, Тулвинская и Очерская образовывали, по его мнению, осинский локальный вариант, а Юговская, Мулянская и Чусовская – пермский. При этом оговорено, что памятники, расположенные севернее устья р. Чусовой, относятся преимущественно к позднему этапу гляденовской культуры (Поляков, 1999, с. 3).

В 1956 г. В.Ф. Генинг произвел раскопки на Осинском городище (Генинг, 1959а, с. 164–195) и, получив эти материалы, последовательно отстаивал точку зрения о существовании в устье р. Тулвы особой осинской культуры, синхронной гляденовской (1959а, с. 164–195; 1970, с. 180–188). Это положение оспаривалось пермскими коллегами – В.А. Обориным (1961, с. 56) и Ю.А. Поляковым (1967, с. 213–215), которые полагали, что осинские памятники – локальный, южный вариант, гляденовской культуры. Однако В.Ф. Генинг считал эти аргументы неубедительными и продолжал настаивать на самостоятельности осинской культуры (1988, с. 180–200).

Современное состояние источников позволяет критически осмыслить как материалы, так и концепции и предложить несколько иную оценку послеананьинских памятников Среднего Прикамья. Вероятно, В.Ф. Генинг не случайно отделял осинские памятники от гляденовских. С открытием и исследованием новых памятников в бассейне р. Тулвы, в особен-

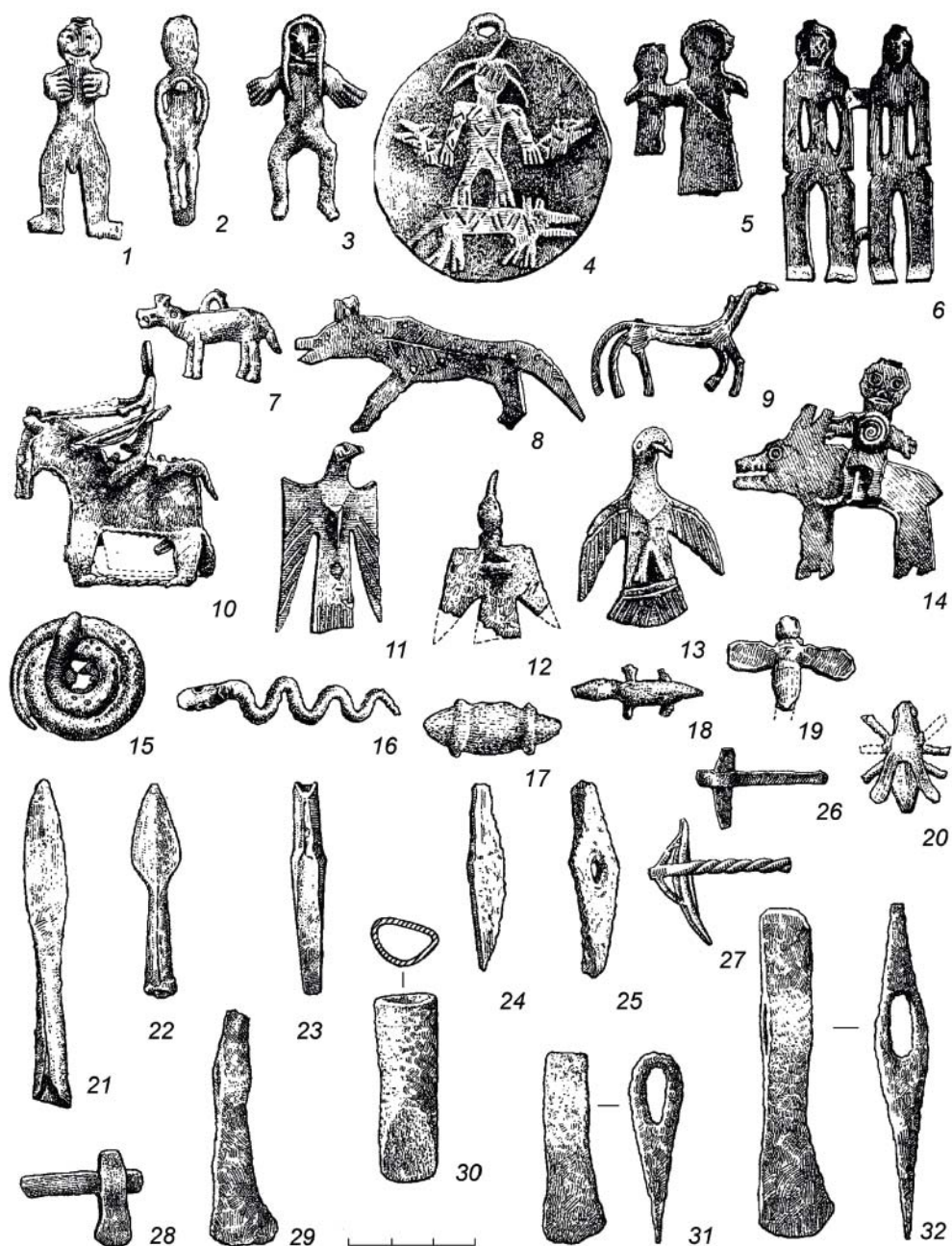

Рис. 1. Гляденовское костыще.

1-20 – изображения людей, животных, птиц, змей, жуков, пчел;
21-32 – миниатюрные копии наконечников копий, пещни, ножа, топоров.

1-20, 27 – бронза; 21-26, 28-32 – железо

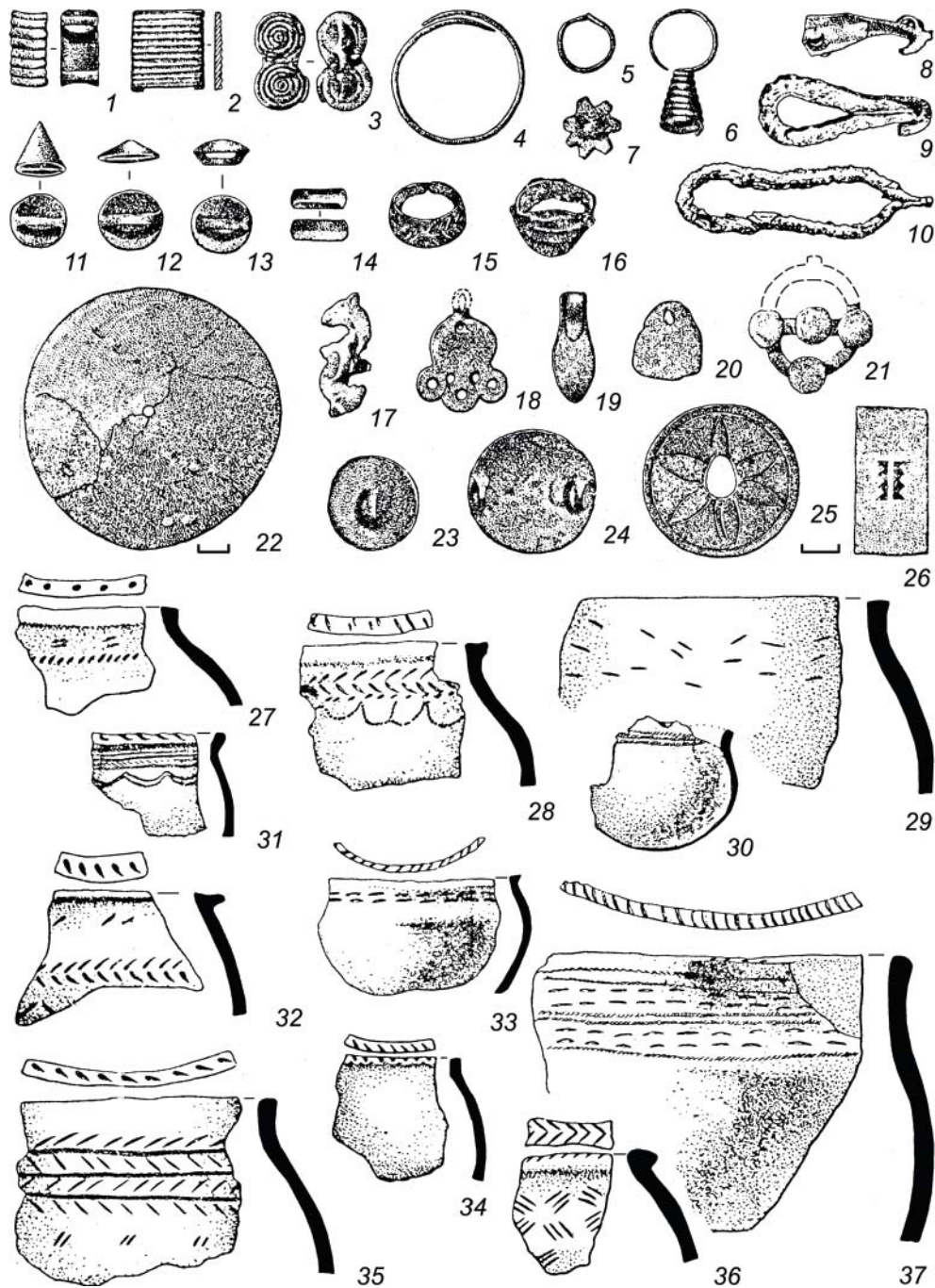

Рис. 2. Гляденовское костыше.

1-26 – украшения костюма; 27-37 – фрагменты бытовой посуды.
 1-8, 11-14, 17-26 – бронза; 9, 10, 15, 16 – железо; 27-37 – глина

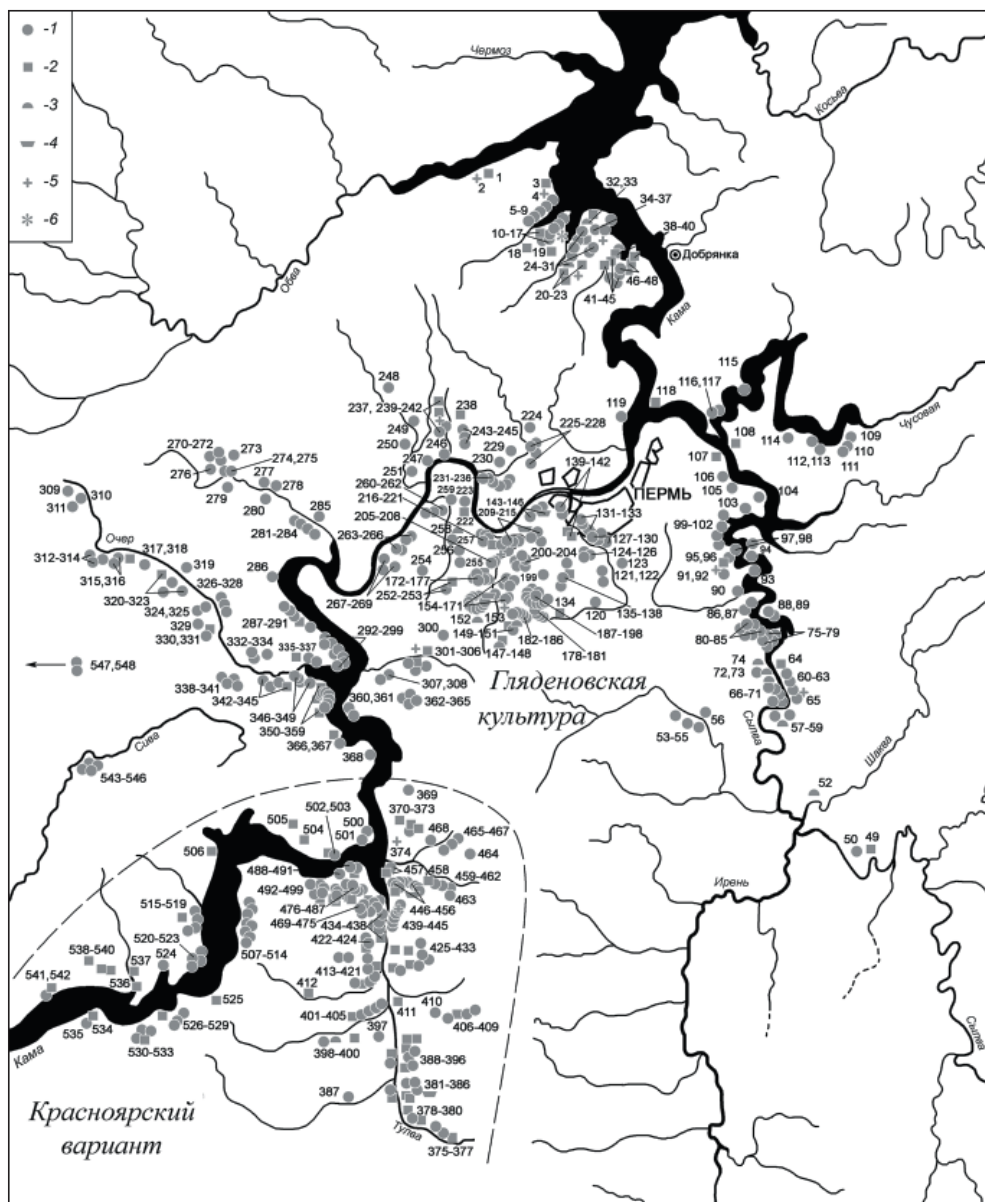

Рис. 3. Карта-схема размещения памятников гляденовской культуры. Условные обозначения: 1 – стоянка, селище, поселение; 2 – городище; 3 – курганный могильник; 4 – бескурганный могильник; 5 – костеище; 6 – находка отдельных предметов. Карта составлена на основании:

Памятники истории и культуры Пермской области, т. I, 1996;
 Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области, 2001;
 Перескоков М.Л. 2013. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, т.2, приложение 1.

В карту включены некоторые памятники харинского типа.

1, 2. Ильинское городище и костеище; 3, 4. Гаревское городище и костеище; 5–7. Аверинские I–III селища; 8, 9. Семеновские I, II селища; 10–12. Самковские I–III селища; 13. Феклятская находка; 14. Медведица (Белошейкинское) городище; 15–17. Филатовские I–III селища; 18. Гараманха городище; 19. Большухинское (Морочатское) городище; 20. Панкраши костеище; 21. Чудихинское горо-

дище; 22. Гилевское городище; 23. Антоновцы городище; 24. Беклемишевский курганный могильник; 25. Коновалята селище; 26. Патраки селище; 27–30. Чудиново I-IV селища; 31. Ямское городище; 32. Полуденский могильник; 33. Усть-Гаревское городище; 34. Скородум поселение; 35. Еловая грива селище; 36, 37. Усть-Туйские костище и селище; 38. Бурково могильник; 39. Сенькино I городище; 40. Сенькино II (Меркушевское) городище; 41. Сибирь I (Бородиной городок) городище; 42. Сибирь II (Матренина Закладь) городище; 43–45. Сибирь I-III селища; 46. Кононово селище; 47. Опутята городище; 48. Бутыры городище; 49, 50. Стрелка городище и селище; 52. Броды могильник; 53–55. Платошино I-III селища; 56. Усть-Курашим селище; 57–59. Курманаево I, II селища и могильник; 60–65. Ломотино I-IV селища, городище и костище; 66–68. Гамы I-III селища; 69, 71. Калашниково I, II селища и могильник; 72, 73. Забор селище и могильник; 74. Дикое Озеро могильник; 75–79. Шатово I-V селища; 80. Щелканы селище; 81–85. Гари I-V селища; 86, 87. Горюшкинские I, II селища; 88, 89. Стерлягово I, II селища; 90. Староверы селище; 91, 92. Слепушка селище и костище; 93. Симакино селище; 94. Темное селище; 95, 96. Усть-Громотуха поселение и городище; 97, 98. Никулино I, II селища; 99, 100. Жабрей I, II селища; 101. Усть-Броды селище; 102. Мыс-Бродовый селище; 103. Ерепеты селище; 104. Троица селище; 105. Новая Жизнь селище; 106. Усть-Вороновка селище; 107. Пеганкова Гора городище; 108. Усть-Сылва городище; 109. Вылежная селище; 110. Комариха селище; 111. Пеньки селище; 112, 113. Саранка I, II селища; 114. Конецгор селище; 115. Кривое I селище; 116, 117. Горная Талица I, II селища; 118. Галкино городище; 119. Турбино селище; 120. Козыбаево селище; 121. Лобаново селище; 122. Нестюково селище; 123. Горный селище; 124–126. Устиново II-IV селища (Пермский район); 127–130. Фролы I-III селища и поселение; 131. Замараево селище; 132. Косогоры I поселение; 133. Якунчики селище; 134. Иван-Гора городище; 135. Усть-Кутырья селище; 136, 137. Ермаша городище и поселение; 138. Исток селище; 139, 140. Субботино I, II городища; 141, 142. Верхние Муллы I, II селища; 143–146. Заосиновка I, V, VI поселения и могильник; 147, 148. Салтанаихинский курганный могильник и городище; 149–151. Кола-Урын городище, могильник и селище; 152. Кайсар Ялга могильник; 153. Топосихинское костище; 154, 155. Башкултаево II-III селища; 156, 157. Мокино II селище и могильник; 158–161. Култаево I-IV поселения; 162–170. Болгары I-III, V-IX, XII селища; 171. Болгары (Протасы) селище; 172, 173. Капидоны I, II селища; 174. Усть-Сарабаиха поселение; 175. Шуган-Тау городище; 176, 177. Шадринские поселение и селище; 178–181. Поллодово I-IV селища; 182–186. Лягушино I-V селища; 187–189. Чашевка I-III селища; 190, 191. Чувак I, II селища; 192, 193. Забгаево I, II селища; 194–198. Болдино II-V селища и поселение; 199. Кетово I селище; 200–204. Кичаново I-V селища и поселение; 205, 206. Севастьяны I, II селища; 207, 208. Гляденовские селище и костище; 209. Мало-Савино I селище; 210, 211. Большое Савино II, III селища; 212. Крохово I поселение; 213. Заюрчим I поселение; 214. Заюрчим IX селище; 215. «Городок» могильник; 216. Половинное I поселение; 217. Федотовское городище; 218–221. Петрово I-IV селища; 222. Малая Слудка I городище; 223. Дворцовая Слудка III селище; 224. Большие Калиния I селище; 225–228. Ласьва I-IV селища; 229. Мысы I селище; 230. Никитино I селище; 231–233. Ослыны I-III селища; 234, 235. Ветеран I, II селища; 236. Оверята поселение; 237–242. Черновские I-III городища, I-II селища и костище; 243–245. Запальта I, II, IV селища; 246. Шабунчи поселение; 247. Карабай I поселение; 248. Широкие Луга селище; 249. Жиганы селище; 250. Мошево селище; 251. Кузнецы селище; 252, 253. Верх-Качкинские городище и селище; 254. Шугуровка селище; 255. Растягаевское I селище; 256. Тишкино I селище; 257. Ольховка I селище; 258. Качка могильник; 259. Нижняя Качка I селище; 260, 261. Замельница I, II селища; 262. Усть-Качка селище; 263, 264. Луговая V, IX поселения; 265, 266. Заозерье IV, V поселения; 267. Красоты I селище; 268, 269. Малые Вятские II, III поселения 270–272. Заполье I-III селища; 273. Петрованы I селище; 274, 275. Погорелка I, II селища; 276. Усть-Рассоха поселение; 277. Дубровино селище; 278. Усть-Мольбищено поселение; 279. Свалы селище; 280. Шумиха селище; 281–284. Конино I-III селища и поселение; 285. Зименькино селище; 286. Таборы селище; 287, 288. Вотиново I, II селища; 289. Шабаршиха I селище; 290. Вязники городище; 291. Шумиха II селище; 292–294. Першино VI-VIII поселения; 295, 296. Сосновка II, III поселения; 297. Оханск поселение; 298. Очерский Остров II селище; 299. Усть-Очер II селище; 300. Полуденная селище; 301. Юго-Камск I (Костяная Гора) городище-костище; 302. Юго-Камск 5 селище; 303. Юго-Камск II городище; 304–306. Юго-Камск I, II, IV селища; 307. «Пятый километр» селище; 308. «Шестой километр» селище; 309. Зайчики селище; 310. Очер селище; 311. Скакуны I селище; 312. Малахово селище; 313, 314. Пестерово I, II селища; 315, 316. Бурдино I, II селища; 317. Верх-Речки городище; 318. Базарино селище; 319. Воробы селище; 320–323. Мыльники I-III селища и городище; 324, 325. Лунево I, II поселения; 326–328. Копылы I-III селища; 329. Дуброво поселение; 330, 331. Лыва городище и селище; 332, 333. Касьяново городище и селище; 334. Острожка селище; 335. Кокуй городище; 336, 337. Шалаша I, II селища; 338–341. Шальга I-III селища и городище; 342. Кропачиха селище; 343–345. Горюхалиха I, II селища и городище; 346–348. Подскопино I, II, III, VII селища; 349. Пчелка селище; 350. Осиновка городище; 351–356. Окуловка I, II, V-VII селища и городище; 357, 358. Окуловский остров IV, V селища; 359. Казанка городище; 360, 361. Песьянка I, II селища; 362–365. Пашня I-IV селища; 366, 367. Камское городище и селище; 368. Турунтай селище; 369. Потаповка I селище; 370–372. Драчево I-III городища; 373. Драчево II

поселение; 374. Пьянковское костище; 375. Сарашинское I городище; 376, 377. Султанайские I, II селища; 378–380. Аклушинские I, II городища и селище; 381–386. Красноярские I, II городища, I–III селища и могильник; 387. Бичуринское поселение; 388–392. Бардымские I–V городища; 393–396. Бардымские I–IV селища; 397. Березняки поселение; 398–400. Кудашевские селище, городище и могильник; 401–403. Кузьярвовские I, II селища и городище; 404, 405. Чувашаевские I, II селища; 406–409. Шармейские I–III селища и городище; 410. Искряское селище; 411. Ишимовское I городище; 412. Федорковское городище; 413–417. Елпачиха I–III селища, городище и поселение; 418, 419. Талая речка селище и городище; 420, 421. Денисовка I, II селища; 422–424. Городищенские I, II селища и городище; 425, 426. Усть-Тунтор селище и городище; 427, 428. Нижняя Чермода городище и селище; 429, 430. Отрадное I, II, селища; 431, 432. Верхняя Чермода I городище и селище; 433. Нижний Чекур городище; 434. Красный Яр городище; 435–438. Крылово I–IV селища; 439. Александровка селище; 440–442. Осока I–III селища; 443. Ключ селище; 444. Гремячское поселение-святилище; 445. Мостовая селище; 446–449. Ирьяк I–III селища и (Абина Гора) городище; 450. Больше-Польское селище; 451, 452. Выщелка (Мыщелка) I, II селища; 453–456. Верхний Ирьяк I–III селища и могильник; 457. Пещерское I городище; 458. Горы II селище; 459. Горки I селище; 460. Потайной Ключ селище; 461, 462. Старое Городище I селище и городище; 463. Малая Речка I селище; 464. Овинное селище; 465–467. Прошиха I–III селища; 468. Северная Речка I селище; 469–471. Петухово IX, XI, XII селища; 472. Лог Боевой селище; 473. Смоленская Гора I селище; 474, 475. Туганаевские I, II селища; 476, 477. Больше-Никольские I, II городища; 478–481. Больше-Никольские I–IV селища; 482, 483. Мало-Никольские I, II городища; 484–486. Мало-Никольские I–III селища; 487. Тишково II селище; 488–490. Оса I, II селища и городище; 491. Десятково селище; 492. Малоглубокое селище; 493. Подгородище городище; 494, 495. Устиново I, II селища (Осинский район); 496–498. Пермьяково I–III селища; 499. Нефтебаза селище; 500. Гольяны II поселение; 501. Богомягово селище; 502, 503. Монастырка II селище и городище; 504. Заводчик городище; 505. Верхне-Давыдовка городище; 516. Ерзовка городище; 507. Крюково III селище; 508–514. Крюково-Северное I–VII селища; 515–519. Махони I–IV селища и городища; 520. «Озерко» селище; 521–523. Змеевка I–III селища; 524. Соловьи селище; 525. Березовка I городище; 526. Бояры селище; 527, 528. Сосновка II, III поселения; 529. Соколиное гнездо городище; 530–532. Усть-Калиновка II, III поселения и V селище; 533. Калиновка I городище; 534. Толстик городище; 535. Шульдиха селище; 536. Красная Горка городище; 537. Верх-Рождество городище; 538. Поздышка городище; 539. Пьянка городище; 540. Север городище; 541. Бабка городище; 542. Гамы селище; 543. Трефилятское селище; 544–546. Черновские I–III селища; 547, 548. Зуринские I, II селища.

ности бескурганых Красноярского и Верхне-Ирьякского могильников, стала очевидной близость этого района к пьяноборской общности, в которой он представлял самостоятельный локальный вариант, названный мной красноярским (Голдина, 1999, с. 254).

Еще один интереснейший район расположен на противоположном правом берегу р. Камы возле с. Частые. Здесь в 1959–1960 гг., а также в 1974 г. Ю.А. Поляков раскапывал Махонинское городище (1962). Была получена весьма своеобразная коллекция вещей и керамики, анализируя которую, он не мог не отметить ее близость к пьяноборской (чегандинской) (Поляков, 1962, с.94). Посуда имеет пьяноборские формы и орнаментирована поясками ямок. Возле городища

найлены четыре одновременных селища. Недалеко от Махонинского городища располагалось городище Красная Горка, которое исследовал в 1959 г. В.Ф. Генинг (1959а, с. 210–213). В 8–10 км от него, вглубь от Камы, на ее мелких притоках находились Верхне-Рождественское и Поздышкинское городища, раскопанные в 1957 г. под руководством В.А. Оборина. Он отнес эти памятники к кругу поселений мазунинского типа на основании находок круглодонной керамики с примесью в тесте мелкотолченой раковины, растительных остатков, песка, с бедным орнаментом в виде ряда ямок под венчиком (1964, с. 132, 133). Как следует из краткого экскурса в историю изучения тулвинско-частинского варианта постананьинского времени,

археологи уже обращали внимание на близость этих материалов к памятникам Удмуртского Прикамья. А сейчас появились дополнительные керамические коллекции, подтверждающие большую близость этой группы населения к пьяноборской общности, нежели к гляденовской. Таким образом, появилась реальная возможность обсуждать гипотезу отнесения тулвинско-частинской группы к пьяноборской, а не гляденовской общности.

К настоящему времени в бассейне р. Тулвы и прилегающем правобережье р. Камы выявлено около 200 послеананьинских памятников (рис. 3). Изучено 12 городищ, которые располагаются как на мелких притоках Камы, так и на ее побережье. Площадь их колеблется от 1 до 7,5 тыс. кв.м (Пещерское, Красная Горка, Верхне-Рождественское, Поздышкинское, Махонинское и др.). Это, скорее всего, городища-убежища, так как мощность слоев на них невелика – 0,1–0,2 м. Однако известны городища и большей площади: 12 (Больше-Никольское I) и 40–45 тыс. кв.м (Осинское, Мало-Никольское I). Мощность культурных слоев достигала 0,2–0,4 м, лишь у Осинского – 1,5–2 м. Многие городища имели достаточно сложную систему обороны. Наряду с одной линией валов и рвов (Калиновское, Красная Горка, Пещерское, Больше-Никольское I, Осинское), есть системы в виде трех валов и рвов (Мало-Никольское I, Верхне-Рождественское, Поздышкинское).

Остатки жизнедеятельности, найденные на городищах, не многочисленны. На Пещерском городище обнаружены хозяйственные ямы и очаги с глинобитной подушкой, галечниковой подсыпкой и ограждением из

каменных плит. Подобные очаги были зафиксированы на Махонинском и Осинском городищах. Остатки жилищ обнаружены на Верхне-Рождественском и Осинском городищах. Они были наземные, прямоугольные, площадью 60–65 кв. м, сделаны из бревен в технике сруба, покрыты корьем (Генинг, 1988, с. 183). На Поздышкинском городище зафиксированы остатки домицы, сложенной из плит песчаника. Поселенческие материалы довольно скудны. Типичный набор происходит с Махонинского городища: костяные наконечники стрел, фрагмент музыкального инструмента из рога типа варган, железное шило, глиняные пряслица, обломок каменного точила и фрагменты керамики.

Погребальный обряд, выявленный на могильниках, во многом сходен с чегандинским и кара-абызским: труположение, наличие могил с противоположной ориентировкой, погребальные подарочные наборы, значительна группа могил, в которых найдены только нож, присутствие в могилах глиняных сосудов с пищей и др.

Инвентарь Красноярского могильника красноречиво свидетельствует о близости к чегандинским древностям: различные варианты застежек с неподвижным крючком (рис. 4–2, 3, 5, 7, 8), эполетообразная застежка (рис. 4–4), круглые бляхи с орнаментом (рис. 4–23), височные подвески со спиральновитым конусом (рис. 4–11, 12), накладки с характерным для пьяноборья орнаментом (рис. 4–10), подвески-лапки (рис. 4–22), «медведки» (рис. 4–19), двойные бронзовые ножны (рис. 4–26), многовитковые железные и бронзовые (рис. 4–17) браслеты. Интересны две височные подвески из зо-

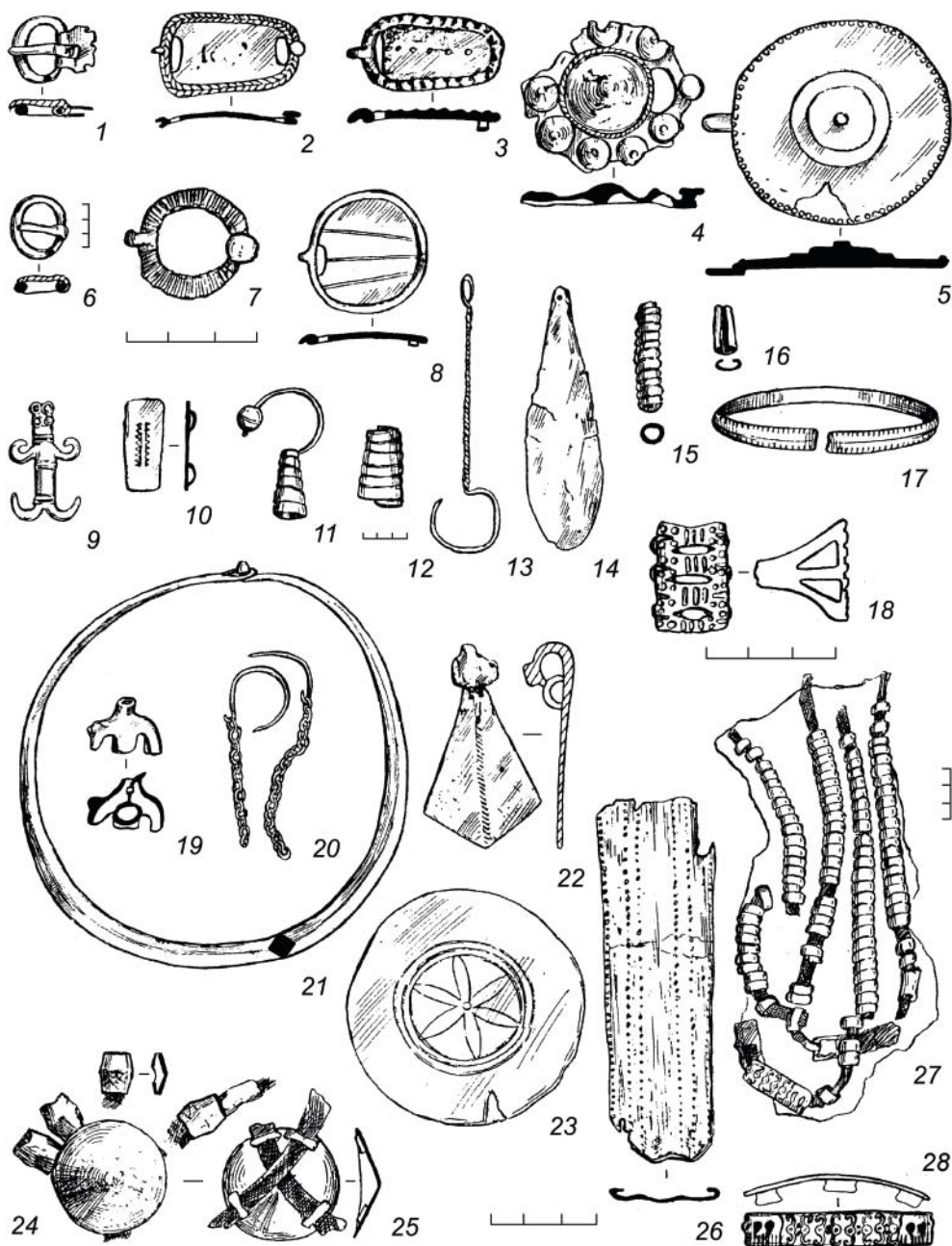

Рис. 4. Красноярский могильник.

1, 6 – пряжки; 2–5, 7, 8 – застёжки с неподвижным крючком; 9, 10 – накладки;
 11–14 – височные подвески; 15, 16 – пронизки; 17 – браслет; 18 – перстень;
 19 – пронизка-медведь; 20, 22 – подвески; 21 – гривна; 23 – бляха;
 24, 25 – бляшка и пронизки от уздечки; 26 – ножны; 27 – ожерелье;
 28 – его фрагмент. 1–12, 15–26, 28 – бронза; 13, 14 – золото; 27 – кожа, бронза

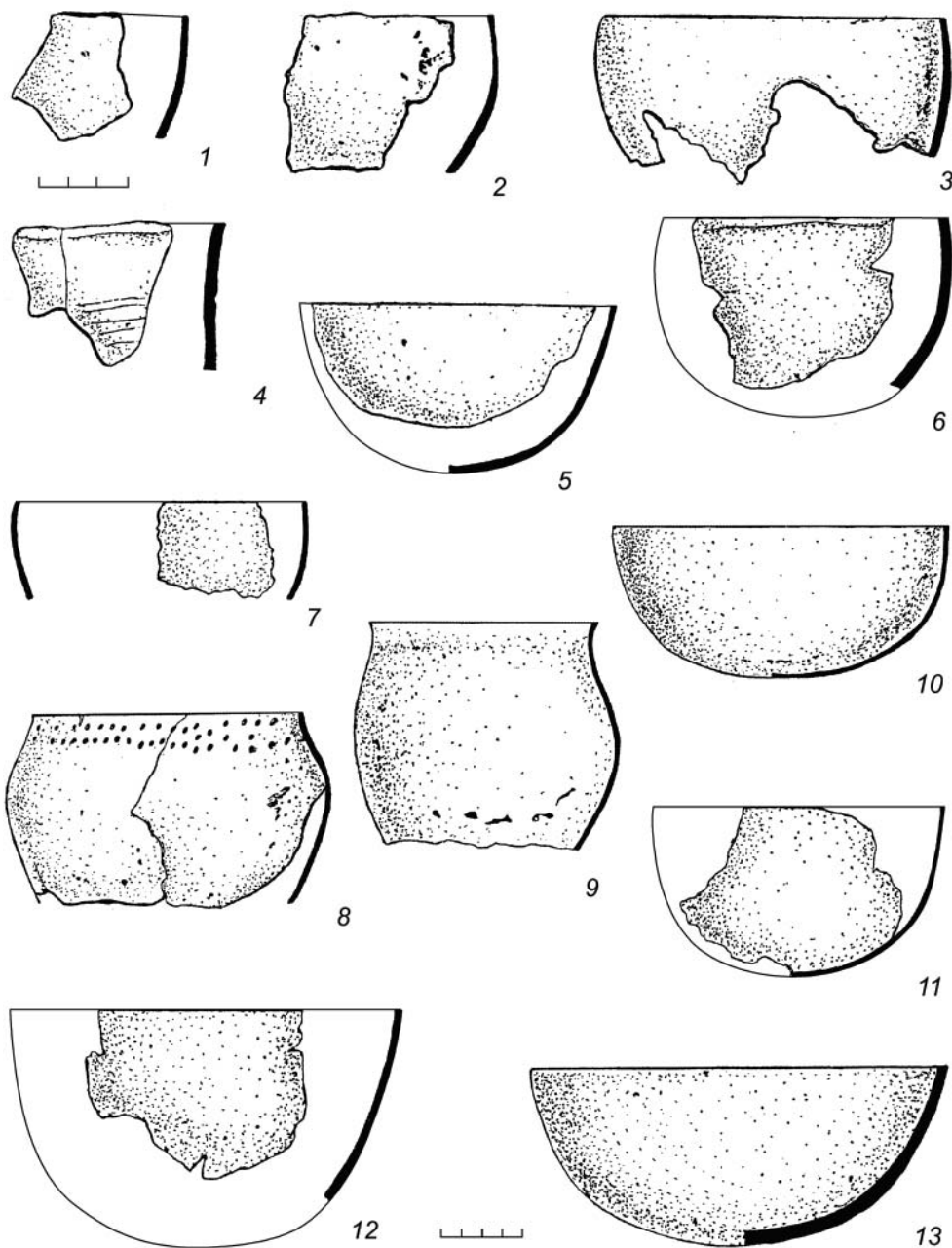

Рис. 5. Красноярский могильник.
Глиняная посуда (по О.А. Казанцевой)

лота (рис. 4–13, 14). Подобные, и тоже золотые, найдены на Охлебининском могильнике в Башкирии (Пшеничнюк, 1968, с. 70). Оригинальны бронзовый перстень (рис. 4–18), а также ожерелье из трех кожаных ремешков с надетыми на них бронзовыми круглыми пронизками-бусинами и прямоугольными пронизками с изображением двух медведей (рис. 4–27, 28). Некоторые типы вещей, особенно железных, были распространены широко. Особое внимание следует обратить на глиняную посуду Красноярского (рис. 5), Верхне-Ирьякского могильников, Махонинского и Калиновского городищ. Она имеет близкую к чегандинской форму и скудный орнамент в виде рядов редких круглых ямок.

Послеананьинские памятники этого региона, без сомнения, местного происхождения, так как на многих из них присутствуют слои ананьинского времени (Осинское, Бардымское I, Мало-Никольские I, II, Больше-Никольское I городища и др.). В.Ф. Генинг (1988, с. 191–199) рассматривал тулвинские памятники как образование, равное, по сути, гляденовской и чегандинской культурам и называл его осинской культурой. Однако новые материалы свидетельствуют, что эта группа памятников наряду с правобережными: (еловской и частинской) по всем признакам: территории, погребальному обряду, набору женских украшений, керамике, конструктивным особенностям домостроения – ближе к пьяноборской общности, нежели гляденовской и составляет, видимо, один из ее локальных вариантов – красноярский, вместе с чегандинской, кара-абызской и худяковской культурами.

Что же касается названия локальной группы – осинская, – то оно представляется не совсем удачным, так как Осинское городище – памятник многослойный. Кроме того, комплекс остатков, отнесенных В.Ф. Генингом к рубежу эр, не имеет четко датированных вещей, а, судя по керамике, относится к более позднему времени, возможно, к середине, а может быть и ко второй половине I тыс. н.э. К этой мысли пришел и В.П. Мокрушин, который предлагал датировать комплекс Осинского городища не рубежом эр, а второй четвертью I тыс. н.э. (Мокрушин, 1993, с. 151). Очевидно, что над датой материалов этого памятника еще надо работать.

Независимо от того, будет ли со временем частинско-тулвинская группировка отнесена к пьяноборской или гляденовской общности, ясно, что она представляет собой контактную зону между формирующимися северными (коми-пермяки) и южными (удмурты) пермянами. Уверенно определить ее позицию можно только, получив новые материалы и сравнив их с применением единой методики анализа, включая и уже накопленные керамические коллекции гляденовских и пьяноборских поселений. Современная источниковая база позволяет сделать это при условии единых подходов к анализу и гигантской работоспособности исследователей.

Увлечшись идеей выделения в Прикамье культур узкого хронологического диапазона – III–V вв. н.э., В.Ф. Генинг предпринял попытку сделать это и на материалах гляденовской культуры. Как известно, он обосновал культурную самостоятельность первоначально азелинской культуры III–V вв.

на р. Вятке (1963), потом мазунинской этого же времени в Среднем Прикамье (1967). Против обособления азелинской культуры справедливо и убедительно возражал А.П. Смирнов (1964, с. 240–246). Но В.Ф. Генинг не прислушался к его мнению (1966, с. 282–288). Время показало, что в этой дискуссии прав был А.П. Смирнов (Голдина, 1999, с. 226–242). Просто В.Ф. Генингу не повезло: он раскопал небольшие могильники короткого хронологического диапазона и несколько поспешил с выводами. Точку зрения В.Ф. Генинга по поводу мазунинской культуры сейчас продолжает отстаивать Т.И. Останина (1997).

Первые мысль о существовании памятников гаревской культуры В.Ф. Генинг высказал в 1980 г. в своей статье, посвященной Опутятскому городищу (1980, с. 130–131). Он полагал, что Федотовское городище, Зародятское селище и малые костыща относятся к гаревской культуре и датируются III – первой половиной V в. Эта культура предшествовала, по его мнению, харинскому этапу ломоватовской культуры. В своей итоговой работе по пьяноборской эпохе В.Ф. Генинг привел карту-схему культур Западного Приуралья III–V вв. н.э., где гаревская занимает Прикамье выше устья р. Чусовой (1988, с. 30, рис. 1). Судя по моей карте (рис. 3), памятники этого времени сконцентрированы по правобережным притокам р. Камы – рр. Большой и Малый Туй, Полуденная, Гаревая и правобережье р. Обвы.

Думаю, что гаревская культура В.Ф. Генинга – это один из историографических казусов археологии Приуралья. Уже тогда было очевидно, да и сам В.Ф. Генинг об этом писал, что памятники III–IV вв. в Туйско-Гаревском

междуречье имеют большое сходство с гляденовскими и представляют собой их позднюю модификацию. По моему мнению, в это время гляденцы начинают осваивать мелкие притоки р. Камы как на правобережье, так и на левобережье, нижнее течение рр. Чусовой и Сылвы, а также туйско-гаревский куст. Этому во многом способствовала экономическая ситуация, а также беспокойная обстановка на Нижней и Средней Каме – появление памятников типа Суворово, Азелино, воинских могил Тарасово, Кудаша и других. Думаю, что в будущем памятники туйско-гаревского района удастся более четко поделить на позднегляденовские и харинские по хронологическому принципу. Но именно эти объекты, как никакие другие, демонстрируют важнейшую роль гляденово в сложении последующей ломоватовской культуры.

Более сорока лет тому назад мной была высказана и обоснована мысль о том, что начало ломоватовской культуры Верхнего Прикамья относится к рубежу IV–V вв. и связано с появлением населения, принесшего курганный обряд захоронения и новую материальную культуру (Голдина, 1971; 1985, с. 123–144). В результате смешения пришлого компонента с местным гляденовским в Верхнем Прикамье сложились ломоватовская культура, а в бассейне р. Сылвы близкая ей – неволинская. Истоки пришлого компонента – Западная Сибирь; население, оставившее памятники саргатского круга (Корякова, 1988). Стремление пермских коллег обезопасить Прикамье от любого воздействия «угров» привело к полному отрицанию влияния западносибирского населения (Перескоков, 2013, с. 25). Думаю, что

это преждевременно. Развернувшиеся в Зауралье и Западной Сибири новые полевые археологические исследования, скорее всего, подтвердят мою точку зрения. Совсем не обязательно, что это будут представители угорского этноса, возможно, какого-то другого, но западносибирского и имеющего отношение к саргатской общности.

Ю.А. Поляков в свое время выделил три этапа в развитии гляденовской культуры: I–III–I вв. до н.э., II–I – IV вв. н.э. и III–V – VI вв. н.э. При этом он подчеркивал, что поздние гляденовские памятники располагались только в туйско-гаревской группе, и считал их одновременными харинскими могильниками (1980, с. 15–17). Таким образом, это подтверждает мою точку зрения о том, что гляденовское население, переместившись к северу из Среднего Прикамья, явилось основой для сложения ломоватовской культуры.

Еще один частный вопрос из археологии обсуждаемого времени, в котором, как мне кажется, В.Ф. Генинг зря упорствовал – вопрос о функциональном назначении костяк. Впервые в совместной статье с В.А. Обориным (1960, с. 160–174) им было высказано мнение, что костяк – жертвенные места и могильники с обрядом трупосожжения. В последующем эта идея развивалась В.Ф. Генингом неоднократно (1959, с. 168–174; 1977, с. 21–30). Основные аргументы – сходство с погребальными обрядами таштыкской культуры Южной Сибири и этнографически зафиксированными похоронными обычаями обских угров. В последней работе, посвященной этой проблеме, В.Ф. Генинг по-прежнему настаивал на том, что костяк – погребальные памятники, а ритуальные

сооружения и вещи – остатки похоронных обрядов (Генинг, 1988, с. 155–179). С позиций сегодняшних знаний остатки костей людей на костяках – следы человеческих жертвоприношений (Лепихин, 2007, с. 113–115, 128; Голдина, Колобова и др., 2013, с. 47–48).

Оценивая ситуацию в Прикамье на рубеже эр в целом, В.Ф. Генинг считал, что в III в. до н.э. – II в. н.э. одновременно существовали четыре культуры: гляденовская (Верхнее Прикамье), осинская (Средняя Кама у устья р. Тулвы), чегандинская (Средняя Кама у устья р. Белой) и карабызская (среднее течение р. Белой) (1988, с. 29–30). Культуры III–V вв. – гаревская, мазунинская, бахмутинская им наследуют, слегка расширяя свои территории, и добавляется азелинская (р. Вятка). Как известно, эта концепция создавалась как противопоставление взглядам А.П. Смирнова (1952), который считал, что все перечисленные территории относились к одной пьяноборской культуре II в. до н.э. – V в. н.э. Учитывая, что в последней обобщающей работе (1988, с. 201–227) В.Ф. Генинг писал уже о пьяноборской культурно-исторической и этнокультурной области, включающей эти культуры III в. до н.э. – II в. н.э., можно сказать, что его взгляды существенно приблизились к оценкам А.П. Смирнова.

Сегодня археология Прикамья располагает совсем другими источниками, по сравнению с временами А.П. Смирнова и В.Ф. Генинга. В некоторых вопросах концепции сблизилась, в других – стали более обоснованными и четкими. Пьяноборско-гляденовская эпоха (II в. до н.э. – IV/V вв. н.э.) – это археологиче-

ская реальность. В ней четко обозначились две общности: пьяноборская (южная) и гляденовская (северная). Первая представлена кара-абызской, чегандинской, худяковской культурами (Голдина, 1999, с. 206–277), вторая – гляденовской (пермское Прикамье), пиджской и джуджыдъягской (Северное Приуралье) (Васкул, 1997, с. 349–399). Красноярский вариант (культура) – образование переходное между пьяноборской и гляденовской территориями.

Анализируя опыт предшественников, хотелось бы, чтобы ученые, которым еще предстоит долгая жизнь в археологии, опирались бы на мощный источниковый фундамент, помня, что их труды будут внимательно изучать и оценивать современники и последователи, но и не отказывали бы себе в смелом полете фантазии. Остается только позавидовать им и пожелать успехов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васкул И.О. Гляденовская культура // Археология Республики Коми. – М., 1997. – С. 349–399.
2. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. – Вып. 2. – Казань, 1959. – С. 157–219.
3. Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты К(В)АЭ. – Вып. 1. – М., 1959а. – С. 164–195.
4. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. – Вып. 5. – Ижевск, 1963. – 195 с.
5. Генинг В.Ф. По поводу рецензии А.П. Смирнова // СА. – 1966. – № 3. – С. 282–288.
6. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск, 1967. – С. 7–84.
7. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху / ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск, 1970. – 216 с.
8. Генинг В.Ф. Гляденовское костыще – могильник с обрядом трупосожжения // Древности Волго-Камья. – Казань, 1977. – С. 21–30.
9. Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 92–135.
10. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха (III в. до н.э.–II в. н.э.). – М., 1988. – 240 с.
11. Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. – Т. 12. – Вып. 1. – Пермь, 1960. – С. 160–174.
12. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1971 / Архив кабинета археологии Уральского государственного университета.
13. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.
14. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.

15. Голдина Р.Д. Вспоминая Владимира Федоровича Генинга // Сучасні проблеми археології. – Киев, 2002. – С. 13–16.
16. Голдина Р.Д. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск, 2002а. – С. 16–54.
17. Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье. – Ижевск, 2013. – 184 с.
18. Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – 352 с.
19. Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. – Ижевск, 2012. – 180 с.
20. Коренюк С.Н. Могильник раннего железного века Верхний Ирьяк // Древность и средневековье Волго-Камья. – Казань; Болгар, 2003. – С. 95–98.
21. Коренюк С.Н. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия История. – Вып. 1 (15). – Пермь, 2011. – С. 65–80.
22. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск, 1988. – 240 с.
23. Кулябина Н.В. Некоторые особенности погребального обряда населения Пермского Прикамья в эпоху раннего средневековья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск, 2000. – С. 284–288.
24. Кулябина Н.В., Лабутин М.Г., Мельничук А.Ф. Некоторые особенности погребального обряда Мокинского могильника // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России. – Березники, 1998. – С. 23–24.
25. Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Березники, 2007. – 224 с.
26. Мокрушин В.П. Керамика Пермского Прикамья VI в. до н.э. – V в. н.э. // Археологические культуры и культурно-исторические общности большого Урала. – Екатеринбург, 1993. – С. 150–151.
27. Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище // Тр. ПУАК. – Т. 11. – Пермь, 1914. – С. 19–97.
28. Оборин В.А. Больше-Никольское I городище // Отчеты К(В)АЭ. – Вып. 2. – М., 1961. – С. 272–285.
29. Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнография Башкирии. – Т. 2. – Уфа, 1964. – С. 130–135.
30. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 327 с.
31. Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. I. – Пермь, 1996. – 299 с.
32. Перескоков М.Л. Особенности погребального обряда могильника Верхний Ирьяк // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона (УПАСК XXXV). – Йошкар-Ола, 2003. – С. 64–65.
33. Перескоков М.Л. Классификация и сравнительный анализ украшений и принадлежностей костюма из погребений Верхне-Ирьякского могильника // История.

Право. Образование (Материалы II региональной научной конференции). – Ч. II. – Нижний Тагил, 2006. – С. 44–46.

34. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. – Т. I, II. – Йошкар-Ола, 2012.

35. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 28 с.

36. *Поляков Ю.А.* Махонинское городище // ВАУ. – Вып. 2. – Свердловск, 1962. – С. 90–94.

37. *Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. – № 148. – Пермь, 1967. – С. 197–215.

38. *Поляков Ю.А.* Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1980.

39. *Поляков Ю.А.* Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1980. – 18 с.

40. *Поляков Ю.А.* Керамика гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. – № 1. – Казань, 1999. – С. 3–8.

41. *Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. – Т. 3. – Уфа, 1968. – С. 59–104.

42. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. – № 28. – М.; Л., 1952. – 276 с.

43. *Смирнов А.П.* В.Ф. Генинг. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов (Рец.) // СА. – 1964. – № 4. – С. 240–246.

44. *Спицын А.А.* Гляденовское костыще // Записки Русского археологического общества. – Вып. 1–2. – СПб., 1901. – С. 228–269.

Информация об авторе:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, (г. Ижевск, Россия), arch@uni.udm.ru

V.F. GENING AND RESEARCH PROBLEMS OF THE GLYADENOVOPYANOBORYE TIMES IN THE CIS-URALS REGION

R.D. Goldina

The studies by the outstanding archaeologist V.F. Gening in the field of the Volga-Ural antiquities of the turn of the eras, namely the Glyadenovo-Pyanoborye community of the Kama region are analyzed. In this region, V.F. Gening supervised field research of a number of settlements and burial grounds. He singled out a number of cultures that had previously been considered local variants, namely the Osinovo, Garevaya, Azelino and Mazunino cultures, whose status within this community, as well as dating are still debatable. The cultural and historical assessment of the unique monuments such as bone beds by him is regarded as incorrect by the author. V.F. Gening attributed them as burial grounds, whereas today they are viewed as traces of human sacrifice.

Keywords: archaeology, the Cis-Urals region, the early Iron Age, the Gladenovo-Pyanoborye community, the Osinovo, Garevaya, Azelino and Mazunino cultures, bone beds, burial grounds.

REFERENCES

1. Vaskul, I. O. 1997. In *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow, 349–399 (in Russian).
2. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Ser. gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences: Humanities Series)* 2. Kazan, 157–219 (in Russian).
3. Gening, V. F. 1959. In *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 1. Moscow, 164–195 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. (Azelino Culture 3rd – 5th Centuries AD)* Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk (in Russian).
5. Gening, V. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 282–288.
6. Gening, V. F. 1967. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).
7. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Region Population in the Pyany Bor Epoch)* I. *Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (Cheganda Culture: 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 10. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
8. Gening, V. F. 1977. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Kam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Rivers Area)*. Kazan: Academy of Sciences of the USSR, 21–30 (in Russian).
9. Gening, V. F. 1980. In *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Basin)*. Izhevsk, 92–135 (in Russian).
10. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashej ery. P'ianoborskaia epokha (III v. do n.e.–II v. n. e.) (Ethnic History of the Western Cis-Urals on the Turn of AD: the Pyany Bor Epoch, 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Moscow (in Russian).
11. Gening, V. F., Oborin, V. A. 1960. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Perm State University)* 12 (1). Perm, 160–174 (in Russian).
12. Goldina, R. D. 1971. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovotovo Culture in the Upper Kama Region)*. PhD Diss. Leningrad. Archive of the Laboratory of Archaeology, Ural State University (in Russian).
13. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovotovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University.
14. Goldina, R. D. 1999. *Drevniia i srednevekovaiia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
15. Goldina, R. D. 2002. In *Suchasni problemy arkheolohii (Current Issues of Archaeology)*. Kiev, 13–16 (in Russian).

16. Goldina, R. D. 2002. In *Issledovatel'skie traditsii v arkheologii Prikam'ia (Investigative Traditions in Archaeology of the Kama Basin)*. Izhevsk, 16–54 (in Russian).
17. Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zhelezного века v Srednem Prikam'e (The Tarasovo Sanctuary of the Early Iron Age in Middle Kama Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).
18. *Gosudarstvennye spiski pamiatnikov istorii i kul'tury Permskoi oblasti (State Lists of Historical and Cultural Sites in the Perm Oblast)*. Perm, 2001 (in Russian).
19. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
20. Koreniuk, S. N. 2003. In *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region)*. Kazan; Bolgar: History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 95–98 (in Russian).
21. Koreniuk, S. N. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii «Istorii» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 15 (1). Perm, 65–80 (in Russian).
22. Koriakova, L. N. 1988. *Rannii zheleznyi vek Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri (sargatskaia kul'tura) (The Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia: the Sargatskaya Culture)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
23. Kuliabina, N. V. 2000. In Goldina R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologii: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*. Izhevsk. Udmurt State University, 284–288 (in Russian).
24. Kuliabina, N. V., Labutin, M. G., Mel'nichuk, A. F. 1998. In *Sokhranenie, vostanovlenie, ispol'zovanie istoricheskogo, kul'turnogo, prirodnogo naslediiia narodov Rossii (Conservation, Restoration and Use of Historical, Cultural and Natural Heritage of the Peoples of Russia)*. Berezники, 23–24 (in Russian).
25. Lepikhin, A. N. 2007. *Kostishcha gliadenovskoi kul'tury v Srednem i Verkhnem Prikam'e (Kostishches (concentrations of bones) of the Glyadenovo Culture in the Middle and Upper Kama River Region)*. Berezники (in Russian).
26. Mokrushin, V. P. 1993. In *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti bol'shogo Urala (Archaeological Cultures and Cultural-Historical Communities of the Great Ural)*. Yekaterinburg, 150–151 (in Russian).
27. Novokreshchennykh, N. N. 1914. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission)* 11. Perm, 19–97 (in Russian).
28. Oborin, V. A. 1961. In *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow, 272–285 (in Russian).
29. Oborin, V. A. 1964. In *Arkheologii i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 2. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Department of History, Bashkir Branch, 130–135 (in Russian).
30. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Institute for the History, Language and Literature (in Russian).
31. *Pamiatniki istorii i kul'tury Permskoi oblasti (Historical and Cultural Sites of the Perm Oblast)* I. 1996. Perm (in Russian).
32. Pereskokov, M. L. 2003. In *Arkheologiiia Urala i Povolzh'ia: itogi i perspektivy uchastiia molodykh issledovatelei v reshenii fundamental'nykh problem rannei istorii nar-*

odov regiona (The Archaeology of the Ural-Volga Region: Results and Prospects of Participation of Young Researchers in Addressing Fundamental Problems of the Early History of the Peoples of the Region). Yoshkar-Ola, 64–65 (in Russian).

33. Pereskokov, M. L. 2006. In *Istoriia. Pravo. Obrazovanie (Materialy II regional'noi nauchnoi konferentsii) (History, Law, Education: Proceedings of the 2nd Regional Scientific Conference)* II. Nizhny Tagil, 44–46 (in Russian).

34. Pereskokov, M. L. 2012. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (pervaia polovina – seredina I tys. n.e.) (Perm Cis-Urals Area in the Final Stage of the Early Iron Age: First Half – Middle of I Millennium AD)*. PhD Diss. In 2 vols. Yoshkar-Ola (in Russian).

35. Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (pervaia polovina – seredina I tys. n.e.) (Perm Cis-Urals Area in the Final Stage of the Early Iron Age: First Half – Middle of I Millennium AD)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

36. Poliakov, Yu. A. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 2. Sverdlovsk, 90–94 (in Russian).

37. Poliakov, Yu. A. 1967. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Perm State University)* 148. Perm, 197–215 (in Russian).

38. Poliakov, Yu. A. 1980. *Gliadenovskaia kul'tura v Srednem i Verkhnem Prikam'e (III v. do n.e. – seredina VI v. n. e.) (Glyadenovo Culture in Middle and Upper Kama Basin: 3rd Century BC – Mid-6th Century AD)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).

39. Poliakov, Yu. A. 1980. *Gliadenovskaia kul'tura v Srednem i Verkhnem Prikam'e (Glyadenovo Culture in Middle and Upper Kama Basin: 3rd Century BC – Mid-6th Century AD)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

40. Poliakov, Yu. A. 1999. In *Finno-Ugrica* 1. Kazan, 3–8 (in Russian).

41. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 3. Ufa, 59–104 (in Russian).

42. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Middle Volga-Kama Rivers Region Peoples)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 28. Moscow; Leningrad (in Russian).

43. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 240–246 (in Russian).

44. Spitsyn, A. A. 1901. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 1–2. Saint Petersburg, 228–269 (in Russian).

About the Author:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

УДК 903.3(470.51)(045)

**О ЖИЛИЩАХ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И
НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АДАПТАЦИИ ДРЕВНИХ ПЕРМЯН
К ПРИРОДНЫМ УСЛОВИЯМ И ОСОБЕННОСТЯМ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

(ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИССЛЕДОВАНИЯМ В.Ф. ГЕНИНГА
СЕРЕДИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА)

© 2014 г. Е.М. Черных

В статье анализируются типовые признаки верхнекамского жилища финала раннего железного века, ставшие «визитной карточкой» гляденовской культурной общности – так называемого федотовского типа. Данные о жилищах, изученных В.Ф. Генингом на Федотовском городище, за прошедшие полвека существенно дополнены материалами вновь раскопанных поселений. Высказывается мнение, что различия в технике строительства жилищ ам на разных гляденовских памятниках не всегда являются культурно-хронологическим признаком, но часто носят адаптивный характер, т.е. зависят от окружающей природной среды. Предложенный в ранних работах В.Ф. Генинга вариант реконструкции федотовских жилищ также требует корректировки, которая по ряду признаков предлагается автором.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ранний железный век, гляденовская культура, поселения, жилища, строительная техника, адаптация, хозяйственный тип, реконструкция.

Жилища гляденовской культуры (в современной номенклатуре – общности) до середины прошлого века не были известны археологам. Впервые они были выявлены в ходе раскопок Федотовского городища вблизи современной Перми, проводившихся областным краеведческим музеем под руководством одного из наиболее талантливых учеников О.Н. Бадера – В.Ф. Генинга. Первоначально, в силу малоизученности верхнекамских культур первых веков новой эры, молодой исследователь отнес полученные им материалы к раннему средневековью, как об этом он пишет в своей автобиографии (Генинг, 2003, с. 159). В последующем, с накоплением материалов, его отношение к этому па-

мятнику, по-видимому, неоднократно пересматривалось¹. В настоящее время место городища в системе культурных ареалов Верхнего Прикамья (как, впрочем, и территориально-хронологические позиции самой гляденовской культуры) по-прежнему, остается в эпицентре научных дискуссий (Поляков, 2001, с. 10–19; Перескоков, 2013).

¹ Во всяком случае, в монографической публикации пьяноборских материалов из Удмуртского Прикамья он однозначно характеризует федотовские жилища как гляденовские (1970, с. 20), а позднее предлагает относить их к самостоятельной культуре III–V вв. – гаревской (1980, с. 131; 1988, с. 193).

В рамках данной статьи предлагается вновь вернуться к самому узнаваемому типу гляденовских жилищ – федотовскому, прежде всего к его конструктивным особенностям, и поставить вопросы уровня строительной техники верхнекамского населения в начале средневековья. Это тем более важно с учетом частоты обращения археологов к экспериментальной и реконструктивной археологии.

В.Ф. Генинг, обращаясь к определению культурной специфики памятников Прикамья, рассматривал жилища в числе важнейших артефактов, характеризующих региональные археолого-этнические комплексы (1959, с.175; 1988, с. 17–22). Своеобразие гляденовской культуры он видел, и при сравнении верхнекамских жилищ с осинскими и чегандинскими Среднего Прикамья. При этом следует подчеркнуть, что в распоряжении исследователя были жилищно-бытовые комплексы только одного памятника – Федотовского городища.

Федотовское городище находится на территории пермского локального варианта культуры, в мулянской группе, где сосредоточено наибольшее количество гляденовских памятников, в том числе и известное Гляденовское костыще (Поляков, 2001, с. 10; Перескоков, 2013, с. 59, карта). Памятник занят деревенской застройкой и огородами. В результате долговременной глубокой распашки верхний горизонт культурного слоя (средняя мощность его составляет около 50 см) сильно разрушен; строительные остатки позднего периода сохранились в виде отдельных очагов и глинобитных очажных площадок. На основании стратиграфических наблюдений и планиграфического анализа В.Ф. Ге-

нингом выделены 8 комплексов, отождествленных с остатками жилищ. Четыре из них отнесены к раннему периоду существования поселения и четыре – к позднему (Генинг, отчет за 1954 г.). Комплексы включали 1–2 очага; в ранних – рядом с очагами присутствует еще и хозяйственная яма. Два жилища сохранились почти полностью (№1 и №2), что позволило В.Ф. Генингу предложить свое видение внешнего вида и интерьера гляденовского дома (1970, с. 20–21).

Наиболее полно сохранились остатки жилища I, оконтуренного канавкой шириной 30–40 см и такой же глубиной (рис. 1–3). В заполнении канавки встречены угольки, зола, кости животных. Земля, выброшенная из канавки, была использована для сооружения небольшой завалинки между нею и стенами дома. От самой стены, вдоль западной канавки сохранились следы обугленных бревен толщиной 25–30 см. По характерному изгибу канав, образующих в середине длины дополнительный угол, В.Ф. Генинг допускал шестиугольную форму основания жилища. Эти дополнительные углы, по его мнению, образовались за счет соединения боковых бревен, длина которых (18 м) вынуждала строителей использовать два бревна, соединять же их встык еще не умели. Думаю, что форма дома все же была прямоугольной (об этом свидетельствует длительная практика строительства местным населением прямоугольных домов различной длины), а изогнутость канавок (не стен!) была обусловлена своеобразием способа соединения двух бревен². Правда, не-

² Примечательно, что в большой постройке, исследованной недавно на селище Крылово-4, также зафиксирован изгиб

обходимо заметить, что длина бревен вряд ли была 18 м; такую длину имели канавки, но не стены постройки. Стволы сосны или ели (чаще всего используемых в пермском домостроительстве пород хвойных), идущие на устройство сруба, имеют несущественный для этой конструкции перепад толщины от комля к вершине при длине 6–10 м (Громов, 1985, с. 321). Это и был своеобразный строительный модуль. Если обратиться к археологическим свидетельствам, то легко можно убедиться, что длина стен срубных домов, изученных на средневековых поселениях в разных районах Восточной Европы, редко превосходит данный показатель. Тот же размер – 6 м – можно видеть в ширине федотовского жилища. Для поперечных стен вполне можно было подобрать цельное ровное бревно диаметром 25–30 см. Другое дело – длинные стены, размер которых, если следовать длине продольных канавок в постройке I (без учета входного тамбура) составлял около 16 м. Ровное бревно такой длины найти практически невозможно. Так что составной характер бревенчатой стены в федотовском жилище был задан естественным образом. Столбовую технику в устройстве стены следует исключить, поскольку следы столбов по периметру стен не зафиксированы ни разу за все время исследований городища. Наиболее популярным способом «сращения» длинных стен в плотницком ремесле было использование промежуточных столбов-контрфорсов, слегка выступавших за контур стены (Ганцкая, 1967, с. 174–175). Окапыва-

в средней части длинных стен (Васильева, Перескоков, 2013, рис. 1).

ние стен при этом требовало отступа от вертикальных стоек. Показательно, что в средней части канавки жилища заметно расширение, которое могло образоваться при разрушении смежной стенки канавки и столбовой ямки. А если обратиться к чуть более позднему Зародятскому селищу, то яма от вертикального столба зафиксирована в средней части длинной стены жилища II, непосредственно в границах канавки.

Длину боковых стен ограничивала поперечная канавка, перегораживавшая постройку и делившая ее на два помещения – жилое и входной тамбур. Если бы входное помещение представляло собой тамбур, образованный выпуском бревен боковых стен (то есть вся постройка представляла собой цельную конструкцию, как об этом писал В.Ф. Генинг), то необходимость устройства канавки внутри дома становится совершенно не объяснимой. Скорее всего, тамбур был самостоятельной пристройкой шалашевидного типа, примыкавшей к торцовой стене дома, как это можно было видеть в устройстве коми-пермяцких бань еще в XIX веке (Рогов, 1858, с. 112). Из этнографии хорошо известно, что именно в конструкции бань и хозяйственных построек дольше всего сохраняются архаичные приемы строительства.

Перекрытие федотовского жилища восстанавливается как двускатное на столбах, два ряда ям от которых сохранились во втором жилище. Присутствие внутренних столбов, использовавшихся в устройстве перекрытия и служивших опорами для укладки продольных слег, свидетельствует, скорее, в пользу того, что стены сруба еще не были устойчивыми. Такие

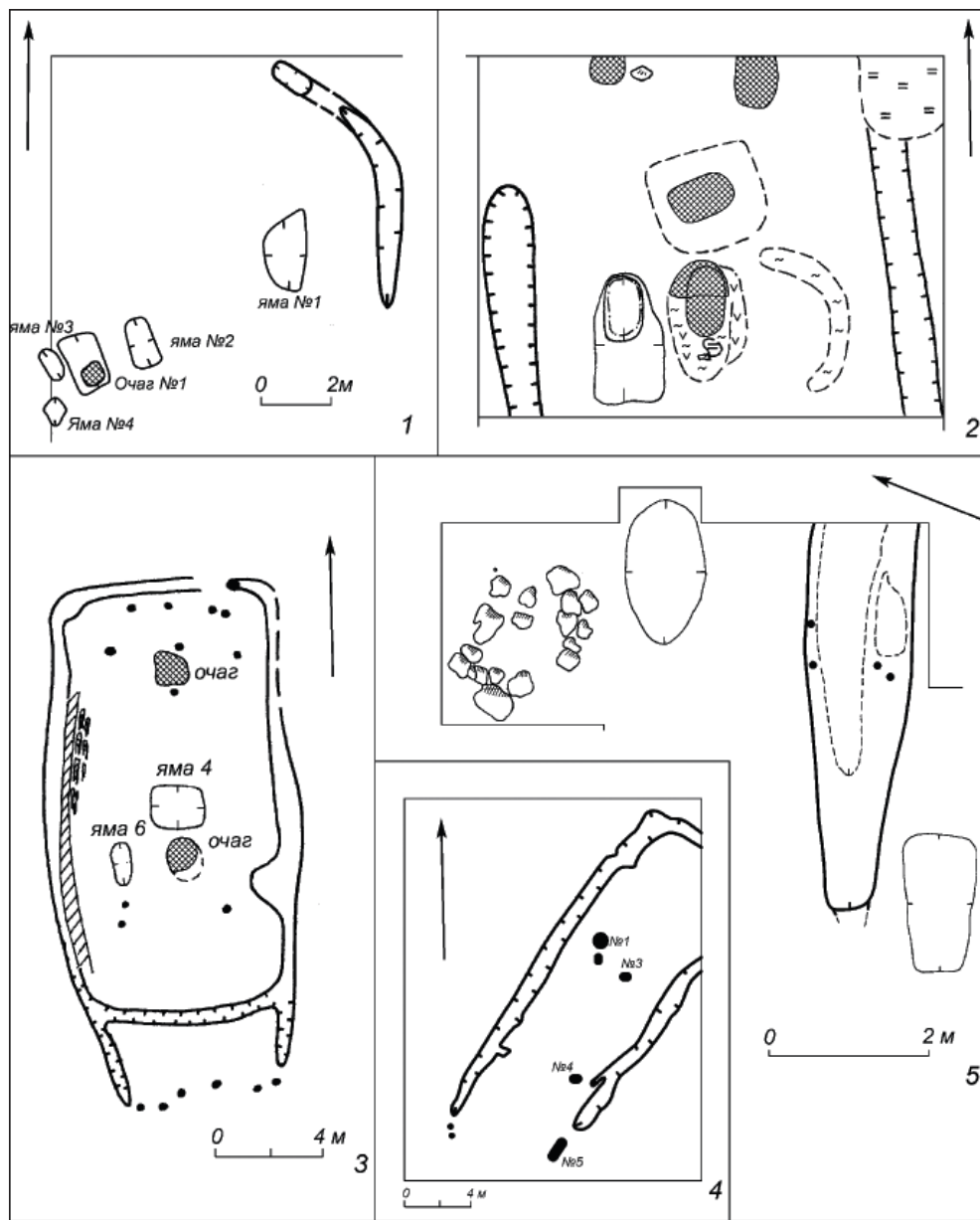

Рис. 1. Жилища федотовского типа в Верхнем Прикамье:
1 – Заюрчимское I поселение; 2, 3 – Федотовское городище;
4 – Поселение Косогоры I; 5 – селище Пеньки

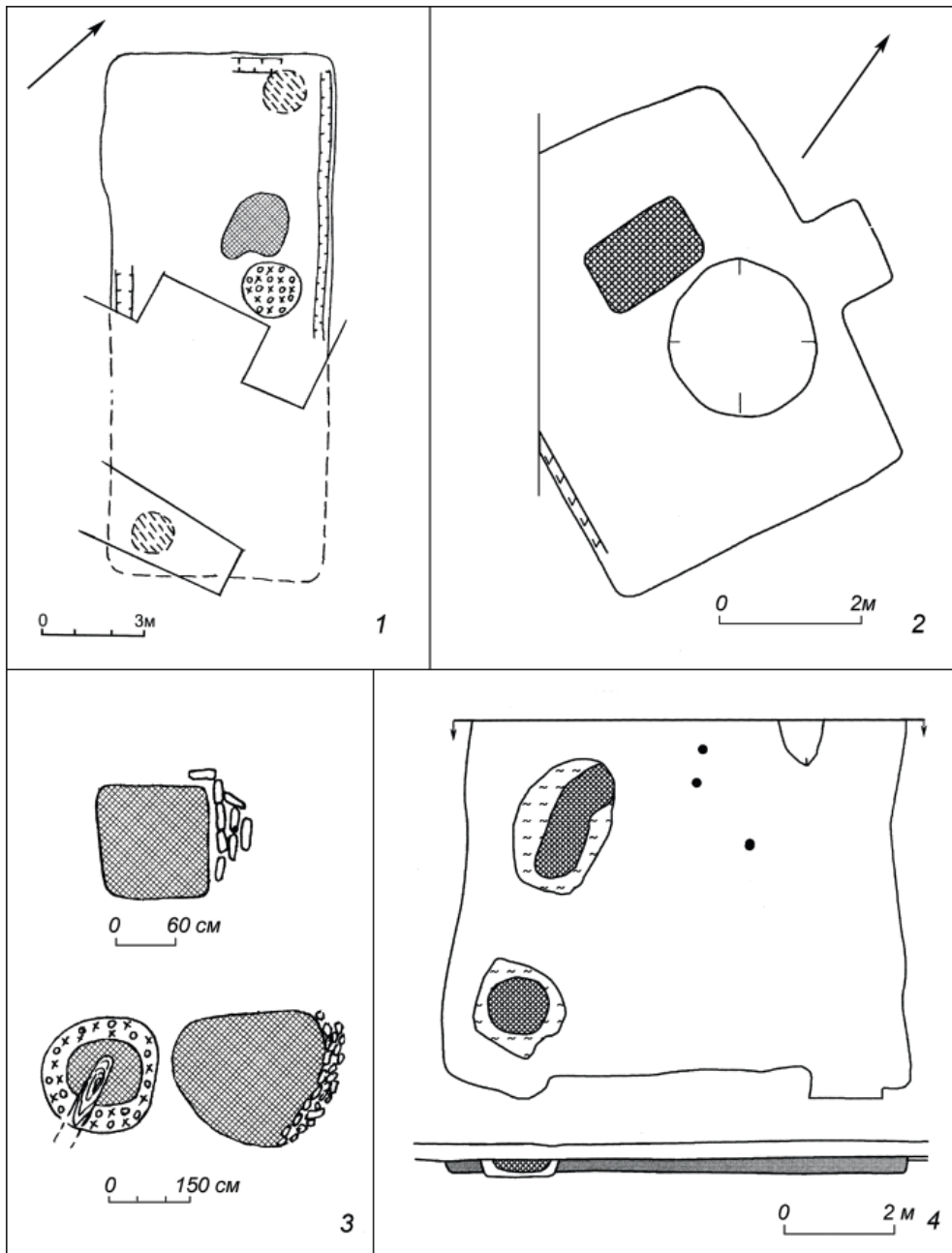

Рис. 2. Жилища начала новой эры в Среднем Прикамье:
 1 – Осинское городище; 2, 4 – селище Верхний Ирьяк;
 3 – раннегяденовские очаги

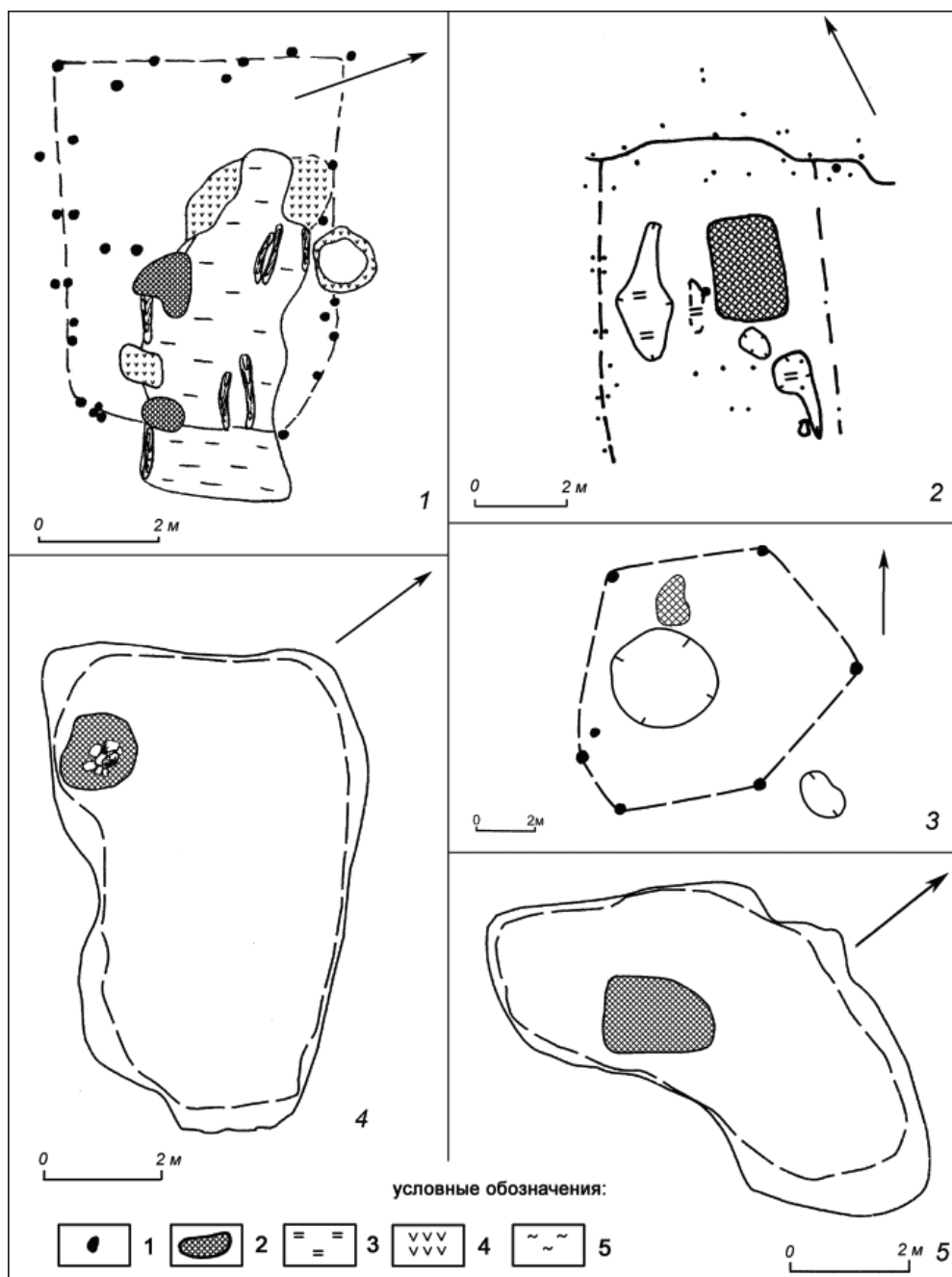

Рис. 3. Жилища столбовой конструкции поселений Верхнего Прикамья:
 1 – Черновское I городище; 2 – Заосиновское поселение;
 3 – Коновалытское селище; 4, 5 – поселение Нижняя Курья-16.
 Условные обозначения: 1 – столбовые ямы; 2 – очаги;
 3 – прокаленная глина; 4 – уголь; 5 – зола

столбы, очевидно, были необходимы тогда, когда стены не обладали прочностью, достаточной для того, чтобы нести тяжесть перекрытия при больших размерах жилища. Схема устройства такого перекрытия в культурах лесной зоны известна с глубокой древности, когда на вертикальные столбы-опоры укладывались продольные слепи. Значительная площадь помещения, которую надлежало перекрыть, безусловно, требовала центральной князевой слепи. Но поскольку столбов по продольной оси дома не зафиксировано, надо полагать, что она могла опираться на поперечные перекладины, уложенные в развилки крайних несущих столбов. Заметим попутно, что небольшие жилища в Прикамье (с длиной стен 3–4 м) столбов, несущих перекрытие, не имели (как правило, это средневековые жилища неволинской, чепецкой культур). В них не было необходимости. Несущими в таком жилище являлись сами стены.

И крыша, и стены такого жилища в условиях холодной приуральской зимы требовали дополнительного утепления. В материалах для покрытия крыши в лесном Прикамье недостатка не было – это и жерди, и листва, и дерн. Исследователи неоднократно отмечали в слоях средневековых поселений фрагменты шитых пластин бересты и корья – материала, который очень широко использовался в местной домостроительной практике вплоть до этнографической современности. В слое разрушения осинского жилища В.Ф. Генингом также засвидетельствованы полосы толстого корья шириной 12–15 см (1959а, с. 176). Одним из приемов утепления жилища у разных народов являлась завалинка (перм. «мудёт») (Белицер, 1958, с. 174). Гли-

на для устройства завалинки бралась тут же, из намеренно выкопанных канавок. М.Л. Перескоков, анализируя особенности подстилающих слоев на поселениях, сделал очень важное наблюдение: там, где дома строились не на глинах, а на рыхлых грунтах или супесях, канавки по периметру стен не зафиксированы (2013, с. 236). Это значит, что гляденовцам были уже хорошо известны свойства низкой теплопроводности глины и ее намеренно использовали при утеплении основания стены, устройстве глинобитных полов и очагов. Возможно, также могли замазывать щели между бревнами сруба (на остатки такой глиняной обмазки, без следов температурного воздействия, археологи достаточно часто указывают, характеризуя культурные слои гляденовских поселений).

Внутреннее устройство жилища, как уже отмечено выше, характеризовалось устойчивым сочетанием двух очагов на земляном полу и хозяйственных ям рядом с одним из них. Очаги – пятна прокаленного грунта овальной или прямоугольной формы, иногда с подсыпкой мелкого галечника. Эту деталь обустройства очагов, по-видимому, правильнее будет рассматривать как общерегиональное явление, как результат действия адаптивных механизмов культуры³. Гляденовские очаги были, несомненно, полифункциональными. Так, в федотовском жилище рядом с очагом в центре располагались две хозяйственные

³ Очаги с галечниковой подсыпкой встречаются повсеместно еще с позднеананьинского времени, как в гляденовских жилищах на Каме (Осинское городище, поселения Заюрчим VI, Пермь губернская), так и на Вычегде (Васкул, 1994, с. 16).

ямы: большая служила кладовкой-хранилищем, а меньшая – выгребной, в нее выгребалась зола из костра. Второй очаг находился в глубине жилого помещения, ближе к северной стене. По обе стороны от него зафиксированы две столбовые ямки. Кострище не имело галечниковой подсыпки – от него, очевидно, не требовалось длительного сохранения тепла. Вполне возможно, что использовалось оно периодически, постоянным же был очаг IV, являвшийся основным в доме. Аналогичное устройство наблюдалось в остальных жилищах раннего периода, изученных позднее в мысовой части площадки городища (Соболева, 1986, с. 158).

Думаю, что федотовский дом был двухчастной постройкой, состоявшей из двух самостоятельных частей – жилой и тамбура-сеней. Следов дополнительного разделения жилого помещения не выявлено, хотя его нельзя исключать. К сожалению, ход раскопок жилищ в начале 1950-х годов должным образом не документирован. Оттого же, насколько качественно зафиксирован объект, зависит возможность вернуться к нему в процессе дальнейшего изучения. Для изучения археологического жилища точная фиксация находок в его границах крайне необходима. В случае с федотовскими жилищами нам остается опираться только на визуальное восприятие вычерченного плана объекта. Чертеж, как представляется, позволяет дифференцировать внутреннее пространство федотовских жилищ. Обращает на себя внимание устойчивость плановой схемы (что подтвердилось и последующими раскопками этого памятника и других, с таким же типом построек). В основной камере выде-

ляются три локуса: центральный – с очагом и ямами, а также пространство в передней и задней части помещения. Между главным очагом и входом часть помещения выглядит свободной; здесь зафиксированы лишь несколько столбовых ямок. Кстати, эти ямки вполне могли остаться от легкой перегородки – дополнительного препятствия на пути проникновения холодного воздуха, или, что также нельзя исключать, для домашних животных, оставленных на зиму и содержавшихся в доме, чему можно привести немало этнографических параллелей. Задняя половина дома с небольшим очагом могла служить спальным помещением и одновременно местом для выполнения различных домашних работ. Здесь вдоль стен были устроены дощатые помосты для сна и отдыха. Очаг был необходим как источник дополнительного освещения, тепла и, возможно, иногда для приготовления кипятка. Перегородка между центральной и спальней частью помещения отсутствовала. В случае же возникновения необходимости в ней, пространство можно было перегородить с помощью, например, развешивания полотнищ из звериных шкур. Обнаружить археологические следы таких внутренних стен практически невозможно.

Остатки жилищ в верхнем слое городища еще более фрагментарны (рис. 1–2). От них сохранились только очажные устройства, отличающиеся от более ранних. Дальнейшее развитие они получают, приобретая глиняную «подушку» в качестве очажного основания. Этот своеобразный пьедестал имел правильную четырехугольную форму с ровными вертикальными краями, что предполагает наличие де-

ревянной опалубки из плах или досок. Размеры такой подушки варьируются в пределах от 1 до 2,5 м, а толщина – от 10 до 25 см. Попутно можно напомнить о сохранении у гляденовцев такой черты, как глиняная подмазка пола (появилась еще в позднеананьинское время (Черных, 2008, с. 46), что правомерно рассматривать в контексте благоустройства жилого помещения, а также как фактора сохранения в доме тепла (Перескоков, 2011, с. 233). О приспособительном характере данной новации, по-видимому, свидетельствует ее повсеместное бытование в финале раннего железного века Прикамья⁴ и в последующее время.

Фрагментарность последних материалов не нарушает выявленного единства общих для всех жилых сооружений признаков: 1) канавки вдоль стен; 2) внутри ограниченного пространства – два очага, хозяйственные ямы, расположенные рядом с центральным очагом. Общими для жилищ федотовского типа признаками можно также считать прямоугольную форму и наземный характер, отсутствие столбов по периметру стен.

За прошедшие после раскопок Федотовского городища годы в изучении гляденовских поселений сделан серьезный прорыв как количественный, так и качественный. Благодаря масштабным разведочным и стационарным исследованиям, проводимым археологами в зонах хозяйственного строительства, выявлены новые памятники в восточных районах Удмуртии, на Сылве и в Тулвинском поречье. Они расширили ареал освоенных гляденовцами прикамских территорий,

позволили собрать новый материал, характеризующий особенности расселения и динамики поселенческих структур в финале раннего железного века. Существенно пополнилась и выборка раскопанных на поселениях жилых построек.

М.Л. Перескоков выделяет среди гляденовских поселений городища (убежища и жилые центры) и селища (долговременные и сезонные, связанные с различными промыслами или циклами хозяйственной деятельности), указывая при этом на взаимосвязь типов поселений и сооружений в них (2013а, с. 11–12). Действительно, в литературе можно найти немало фактов, иллюстрирующих взаимозависимость хозяйственных практик традиционных социумов и топографии поселений, мощности культурного слоя на них, особенностей строительной и хозяйственно-бытовой деятельности, внутренней организации освоенного пространства. Являясь важнейшим элементом системы жизнеобеспечения и представляя собой наиболее «очеловеченную часть искусственной среды», жилище в традиционном обществе было тесно связано не только с обществом, образом его жизни, хозяйственной деятельностью, но и находилось в тесной зависимости от природы, экологического окружения, в которых эта деятельность была возможна, необходима и достаточна для функционирования данного конкретного социума (Чебоксаров, Чебоксарова, 1984, с. 34–73). Попытаемся этот тезис рассмотреть на материалах гляденовских жилищ.

Показательна топография неукрепленных гляденовских поселений: селища в поймах рек и селища на террасах, различных по высоте и близо-

⁴ Яркий пример – жилища чегандинской культуры (Зуевы Ключи, Кухтино).

сти к основной реке. Исследованные раскопками селища различались по характеру культурных слоев и содержащихся в них остатков жизнедеятельности. Что стоит за отмеченными особенностями: разновременность? разнокультурные группы? сезонные различия в функционировании поселений? К сожалению, культурные напластования гляденовских поселений до сих пор не являлись объектом системных междисциплинарных исследований; во всяком случае, в литературе отсутствуют данные о почвенно-литологических характеристиках поселенческих слоев, палинологических спектрах, позволяющих воссоздать одновременный ландшафт, климат и способы жизнедеятельности их обитателей. Перспективы такого сотрудничества уже хорошо известны, достаточно ознакомиться с результатами изучения систем природопользования в окрестностях Дьякова городища (Кренке, 2011). Целенаправленные исследования поселений с привлечением ученых-естественников проведены в последние годы в Нижнем Прикамье, их предварительные итоги уже можно использовать для некоторых выводов (см.: серия выпусков «Археология и естественные науки Татарстана»).

Территория распространения основных памятников гляденовской культуры находится в подзоне южно-таежных лесов с умеренно-континентальным климатом. Считается, что зональные особенности природных ландшафтов современности сложились в субатлантический период (SA) голоцена – 2500–2000 л.н. Безусловно, условия внешней среды за прошедшие тысячелетия изменялись⁵. При этом

специалисты единодушно констатируют заметное похолодание на границе суббореального и субатлантического периодов (Немкова, Климанов, 1988, с. 69; Спиридонова, Алешинская, 2004, с. 34–35; Бакин, 2009, с. 166), после чего, на протяжении I тысячелетия н.э., наблюдалось еще не менее двух похолоданий, разделенных периодами небольшого повышения температур (заметим, что температурные показатели июля были несколько ниже, чем ныне). Но осадков выпадало больше чем сейчас, т.е. влажностный режим характеризовался более высоким показателем (Немкова, Климанов, 1988, с. 69–70). С началом субатлантической фазы территории Верхнего и Среднего Прикамья, по-видимому, целиком включаются в ареал елово-пихтовых лесов; около 2000 лет назад распространение пихты сибирской (*Abies sibirica*) отмечено вплоть до бассейна Вятки на западе (Прокашев, Жуйкова и др., 2003, с. 84–85). Увеличивается доля пыльцы хвойных (ели и сосны) в палинологических спектрах Нижнего Прикамья и р. Белой (Немкова, 1978, с. 28, 39–40, рис. 16). Такие условия трудно назвать благоприятными для земледелия, что в некоторой степени подтверждается палинологическими образцами, полученными при раскопках пьяноборского Тойгузинского II городища (I в. н.э.), в которых зерна культурных злаков не выявлены (Бугров, Линкина и др., 2011, с. 234–235). Вместе с тем, в районах к западу от Волги, где целая серия палинологиче-

чительные изменения в растительном покрове и колебаниях климата на примере ряда памятников раннего железного века бассейна р. Оки (Алешинская, Спиридонова, 2003, с. 4–5; Кренке, 2011, с. 173–193).

⁵ Показательны в этом плане результаты, демонстрирующие довольно зна-

ских спектров дает весьма похожие результаты, именно период около рубежа эр отмечен активным сведением лесов и расширением зоны земледелия (Алешинская, Спиридонова, 2002, с. 71).

Хозяйство гляденовцев, занимавших главным образом широкую долину Камы, от устья Обвы до Тулвы, с развитой сетью рек и оврагов, исследователями реконструируется как комплексное скотоводческо-земледельческое, с подчиненной (Поляков, 2001, с. 15–17) или высокой (Перескоков, 2013, с. 13) ролью охоты и рыболовства. Ю.А. Поляков допускал, что животноводству в этом комплексе отводилась более важная роль, нежели земледелию (помимо высокой доли домашних животных в составе археозоологических коллекций с поселений, поражает количество домашнего скота, забивавшегося в ритуальных целях, что демонстрируют материалы костяк).

Учитывая тяготение основной массы гляденовских поселений к прикраевым участкам надпойменных террас, появление в обиходе орудий железного топора и мотыги, можно, очевидно, согласиться, что их обитатели практиковали подсечно-огневое земледелие. Для системы расселения в гляденовское время становится характерной группировка от 2 до 7 поселков на расстоянии не более 1,5 км друг от друга (Перескоков, 2013, с. 12). На уровне современных знаний мы, к сожалению, до сих пор не располагаем достаточными основаниями для синхронизации таких поселений – они могли существовать в разные хронологические интервалы. Но сам по себе факт избирательности гляденовцами мест обитания, стремление сохранить освоенный участок за по-

томками одного социума – свидетельство его длительного приспособления в окружающем пространстве. Имеются отдельные факты, указывающие на состав культивируемых злаков: скопления зерен обнаружены в жилище II (рис. 2–1) на Осинском городище, где они хранились в каких-то специальных емкостях. По заключению А.В. Кирьянова, зерна принадлежали пшенице двузернянке (72,5%), ячменю (27,5%), мягкой пшенице и овсу (единичные зерна) (Генинг, 1959 а, с. 176). Такой смешанный состав зерновых, при высоком удельном весе теплолюбивых культур, использовался в лесной зоне Прикамья на протяжении всего I тысячелетия н.э. и, как полагают, был обусловлен преимущественно подсечно-огневым характером земледелия (Туганаев, Ефимова, 1985, с. 28–29; Туганаев, Туганаев, 2007, с. 29). Подсечно-огневая система, как весьма приспособленная для непростых природно-климатических условий Северной Евразии, предполагала периодическое забрасывание земледельцами лесных участков и расчистку новых (Петров, 1968). В какой-то мере это могло вызывать периодическую смену мест обитания, а также служить объяснением дискретности (прерывистости) культурных напластований на ряде долговременных поселений (Гусаков, 2006, с. 36–39). Следствием такой системы хозяйствования могут служить и гляденовские поселения, открытые в последние годы в глубине коренных террас, по берегам малых речек и оврагов (Верхний Ирьяк). Участник «академических экспедиций 18 в.» И.И. Лепехин в путевых записках о коми-пермяках отмечал, что «...среди огромных лесов, в которых они пространные вы-

рубают места и, сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб. Сих мест они не пашут, но, выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев...» (цит. по: Голдина, 1985, с. 146). Для землепользования русских крестьян Северного Урала в XVI–XVII вв. этнографы также указывают на наличие ближних, дальних и отъезжих полей, разрабатывали которые наездом, а для удобства устраивали иногда становые с временной избушкой (Власова, 1991, с. 130). Животноводство, судя по составу археозоологических коллекций, было ориентировано на разведение лошадей и крупного рогатого скота с вольным выпасом летом и стойловым содержанием зимой. На третьем и четвертом местах находились свиньи и мелкий рогатый скот. Более половины домашнего стада забивалось на зиму, что было следствием трудностей в заготовке кормов и продолжительного периода бескормицы (Андреева, Петренко, 1976, с. 148).

По данным М.Л. Перескокова, современная источниковая база по гляденовским жилищам насчитывает более 60 объектов (2011, табл., с. 234–235). Но необходимо заметить, что в это число им включены памятники, содержащие культурные остатки, связанные с эпохой великого переселения – IV–VI вв. н.э. Внешний импульс в Прикамье, знаменующий собой конец раннего железного века и начало формирования раннесредневековой карты региона, хорошо представлен в погребальных памятниках типа харинских и бродовских курганов, Кудашевского на Тулве и Мокинского близ Перми (Генинг, 1959; Генинг, Голдина, 1973; Голдина, 1985; Голдина, Водолаго, 1990; Голдина, Савельева, 2010; Казанцева, 2004; Кулябина,

2006; Коренюк, Мельничук, 2006). На поселениях пришлый компонент выделен хуже, хотя эта задача не столь уж и безнадежна. Из опубликованных материалов следует, что коллекции поселений (прежде всего, керамические) имеют в своем составе смешанные комплексы, поэтому назревшей является задача более тщательной дифференциации групп керамики, связанной с ними. Можно сослаться на интересный опыт, предложенный И.Ю. Пастушенко для определения «мазунинского следа» в генезисе неволинской культуры (2007, с. 200–201). Выводы И.Ю. Пастушенко были в какой-то мере подтверждены и дополнены В.В. Мингалевым, выделившим с помощью кластерного анализа пять культурно-хронологических групп керамики памятников Среднего и Верхнего Прикамья в V–VI вв. (2009, с. 128–132). Перспективным, как это не раз демонстрировала археология, представляется детальный анализ динамики расселения в данный период, поиск и исследование однослойных (с коротким интервалом обитания) поселений, с типологически выразительными формами жилищ и керамики. Пока же новые черты в домостроительной культуре прикамского населения на грани эпох, которые можно было бы связать с воздействием внешних (миграционных) факторов, едва намечены (Черных, 2006; 2013).

Остатки жилых строений изучены как на поселениях в пойме, так и на высоких террасах (Перескоков, 2011, с. 233–234). Жилища федотовского типа открыты на поселениях Заюрчимском VI (рис. 1–1), Пеньки (рис. 1–5), Косогоры I, Болгарском VIII. Топография двух последних характеризуется высокими участками камских

террас. Селище Пеньки занимало поверхность высокой надпоймы левого берега р. Чусовой. Исключение в этом ряду составляет Заюрчим VI, расположение которого было приурочено к дюнообразному всхолмлению в пойме Камы. Культурный слой на всех перечисленных поселениях полностью разрушен глубокой распашкой, строительными работами или регулярным подтоплением, что не могло не отразиться на планиграфии находок. Состав индивидуальных находок, полученных на селище Пеньки (украшения, предметы быта и вооружения, более 20 железных ножей), а также количество фрагментов керамики (более 2-х тыс. на 70 кв. м), не оставляют сомнений в активной хозяйственно-бытовой деятельности его обитателей (Мельничук, Соболева, 1976). Аналогичным по назначению было и Болгарское VIII поселение, на площади которого (около 800 кв. м) были исследованы три жилых постройки с глинобитным полом, мощными очажными устройствами и ямами с культурными остатками. Предварительно памятник был датирован автором раскопок началом I тыс. н.э. (Коренюк, отчет за 1995 г.). Несколько по-особому выглядят материалы поселения Косогоры I, где на большой площади (более 1,5 тыс. кв.м) были изучены два обособленных сооружения, конструктивно идентичных федотовским, но без очагов (рис. 1–4). Конечно, отсутствие очага можно объяснять сильной разрушенностью слоя позднейшей распашкой, но невыразительный характер находок, происходящих главным образом из межжилищного пространства, равно как и отсутствие на территории поселка иных объектов (Васильева, Перескоков, 2009, с. 26–28), не позво-

ляют поставить этот памятник в один ряд с долговременными поселениями. Скорее всего, мы имеем в данном случае одно из поселений, посещаемых в процессе циклической хозяйственной деятельности гляденовцев. На другом позднегляденовском поселении – Заюрчимском VI – находки концентрировались в основном в объектах (очаг и ямы) жилого сооружения и были представлены немногочисленной керамикой, пестами и зернотерками, пряслищем, костями животных (Коренюк, Перескоков, 2009, с. 419–421). По-видимому, и это был небольшой поселок, посещаемый в определенный сезон года. Для традиционных культур, чей образ жизни основывался на комплексной экономике, сочетавшей производящие и присваивающие отрасли, сезонные циклы могли иметь весьма различный характер и соответственно сложную систему зимних, летних, летне-осенних, осенне-зимних и т.д. поселков. Как следует из предложенного обзора, жилища с канавками по периметру стен в Верхнем и Среднем Прикамье в начале новой эры были присущи как долговременным поселениям, так и сезонным поселкам.

В то же время, например, на Пещерском городище (центральном в Пещерской группе гляденовских памятников) остатки жилищ имеют близкую к федотовским планировочную схему, но не имеют канавок и завалинок по периметру стен (Поляков, 2001, с. 24; Черных, 2008, с. 240, рис. 33). Пермские исследователи предполагают, что канавки могли быть разрушены распашкой (Коренюк, Перескоков, 2009, с. 420), но это предположение не позволяет принять стратиграфия раскопов, достаточно четко

демонстрирующая нижнюю границу слоя распахки – 25 см, тогда как остатки жилищ (очаги и ямы) зафиксированы на уровне – 30–40 см (Поляков, 2001, с. 22–24). Из этого следует, что пол жилищ находился еще ниже, и канавки, если таковые были, неминуемо должны были бы прорезать подстилающий суглинистый слой. Столь же выразительные жилища со слабозаглубленными в подстилающий слой котлованами (рис. 2–2,4) изучены пермскими археологами на поселении Верхний Ирьяк, характер которого до полной публикации материалов остается неясным (Коренюк, Мельничук, 2001, с. 51–55; Черных, 2008, рис. 34).

К тому же времени, что и Федотовское городище, относится поселение Нижняя Курья-1б (Мельничук и др., 2009, с. 411–418). В раскопе на площади более 2500 кв. м исследованы остатки шести близких по конструктивно-планировочным принципам сооружений со слабо углубленными основаниями аморфной конфигурации (рис. 3–4, 5), в четырех из них имелись небольшие очаги, с характерной галечниковой подсыпкой. Следов деревянных опор не прослежено ни внутри оснований, ни за их границами. Какой-либо системы в организации планировочного пространства поселения не отмечено, так что и в этом случае речь может идти об остатках сезонных строений, обустроивавшихся не более чем на один сезон (например, летне-осенний) и не имевших прочных стен и перекрытий. Топография (край второй надпойменной террасы Камы, заросшей сосново-еловым лесом), невыразительность культурного слоя, бедность инвентаря (два каменных песта-терочника) и фрагментар-

ность керамических сосудов (не более 76) – характерные признаки недолговременного, периодически посещаемого, становища охотников и собирателей таежной зоны.

Совершенно другой тип жилища изучен на Черновском I городище. Остатки четырех построек жилого назначения, изученные В.А. Обориным и Н.В. Соболевой, фиксировались в виде глинобитных площадок, с которыми были связаны очаг и хозяйственная яма. Жилая площадь домов не превышала 22–25 кв.м. Основу конструкции стен здесь составлял каркас из вертикально установленных по периметру стен столбов, сгруппированных попарно (рис. 3–1). Принимая во внимание, что диаметр несущих столбов не превышал 8–15 см, сами стены постройки также не могли быть прочными настолько, чтобы выдержать холодные многоснежные уральские зимы, длящиеся 4–5 месяцев в году. Городище располагалось на территории, освоение которой происходило на финальном этапе гляденовской культуры и совпало с начавшейся дестабилизацией этнокультурной ситуации в регионе. Неоднозначность культурной атрибуции памятника не позволяет на данном этапе склониться к какому-то единственному объяснению подмеченных новаций в конструктивной схеме жилищ. Безусловно, необходимы дополнительные факты (Черных, 2013, с. 136).

Конечно, каркасные конструкции, в том числе с использованием приемов крепления горизонтальных жердей или бревен с помощью попарно установленных вертикальных стоек, были известны в практике прикамского домостроительства еще в ананьинское время (Заюрчимское I, Тарасовское

поселения) и в раннегляденовское (Заосиновское I; рис. 3–2). Но названные постройки связаны с открытыми поселениями, располагавшимися в обширной мулянской пойме, поселениями очень разными по времени бытования и длительности посещений. Комплекс жилищ Черновского городища все же выглядит на этом фоне иначе, как и давно известные в региональной литературе шестиугольные столбовые постройки Коновалятского селища (рис. 3–3), датировка и культурная принадлежность которого к харинскому этапу ломоватовской культуры Р.Д. Голдиной обоснована достаточно убедительно (1985, с. 81). Мне не хотелось бы сводить спор к типичности или нетипичности данного приема строительства в Прикамье (безусловно, использование каркасно-столбовых конструкций в строительной практике охотников и рыболовов тайги имеет очень древние корни). Важнее другое – устойчивость связи типа жилища (включая его конструкцию, форму, интерьер) со всем контекстом поселения.

А это контекст эпохи великого переселения народов, времени больших и малых миграций, докатившихся до самых отдаленных районов Среднего и Верхнего Прикамья. Данный вывод можно распространить и на такие характерные элементы гляденовского жилища, как устройство канавок по периметру стен, глинобитные полы и очажные устройства. Формирование элементов жилой среды в каждый конкретный отрезок времени находилось под воздействием различных факторов (Массон, 1976, с. 110–112) и потому требует очень осторожного и тщательного анализа. Вариативность техники строительства в гляденовское время, очевидно, следует рассматривать как с учетом временных рамок этой культуры, через призму природно-климатического окружения и хозяйственной деятельности оставившего ее населения, так и тех дезинтеграционных процессов, которые разрушили данную культурную систему на грани двух археологических эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа) // КСИА. – Вып. 213. – М., 2002. – С. 60–71.
2. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Изменения природной среды в бассейне р. Оки в железном веке // Экология древних и современных обществ. – Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – С. 3–5.
3. *Андреева Е.Г., Петренко А.Г.* Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976. – С. 137–189.
4. *Бакин О.В.* Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Вып. 8. – Елабуга, 2009. – С. 159–168.
5. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми // Тр. ИЭ: Новая серия. – Т. 45. – М., 1958. – 392 с.
6. *Бугров Д.Г., Линкина Л.И., Мельников Л.В., Николаева К.В.* К вопросу о землепользовании населения пьяноборской культуры (по материалам комплексного

исследования Тойгузинского II городища // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 4. – Казань, 2011. – С. 225–244.

7. Васильева А.В., Перескоков М.Л. Охранные археологические работы в зонах реконструкции магистральных нефтепродуктопроводов в Пермском крае в 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). – Ижевск, 2013. – С. 42–48.

8. Васильева А.В., Перескоков М.Л. Поселение Косогоры I // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь, 2009. – С. 22–29.

9. Васкул И.О. Поселения пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.): науч. доклад / Коми научный центр УрО РАН. – Вып. 338. – Сыктывкар, 1994. – 36 с.

10. Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян // Русские. Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1967. – С. 166–190.

11. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища в 1954 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 966.

12. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФ АН СССР. Серия гуманитарных наук. – Вып. 2. – Казань, 1959. – С. 157–219.

13. Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – Вып. 1. – М., 1959а. – С. 164–195.

14. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск, 1970. – 224 с.

15. Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э. // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 92–135.

16. Генинг В.Ф. Этническая история населения Западного Приуралья на рубеже новой эры. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

17. Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, 2003. – С. 145–181.

18. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. – Вып. 12. – Свердловск, 1973. – С. 58–121.

19. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.

20. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990. – 176 с.

21. Голдина Р.Д., Савельева Э.А. Пермские народы в эпоху железа (по археологическим материалам) // Congressus XI Internatinalis Fenno-Ugristarum. – Pars I. – Piliscsaba, 2010. – P. 33–103.

22. Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. – Ч. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1985. – С. 317–342.

23. Гусаков М.Г. К вопросу об образовании культурного слоя на городищах дьяковской культуры // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика: Материалы науч. конф. – М., 2006. – С. 36–44.

24. Казанцева О.А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции

50 лет: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск, 2004. – С. 132–139.

25. *Коренюк С.Н.* Отчет об археологических раскопках в Пермском и Оханском районах Пермской области летом 1995 года. – Пермь, 1996 / Архив кабинета археологии ПГУ.

26. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Итоги охранных археологических исследований на территории Пермской области по трассе продуктопровода «Пермь-Альметьевск-Запад» в 2000 г. // Пермский регион: история, современность, перспективы: Материалы междунар. научно-практ. конф. – Березники, 2001. – С. 51–55.

27. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Особенности погребального обряда населения Среднего Прикамья на грани раннего железного века и раннего средневековья (III–V вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научно-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 408–411.

28. *Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Позднегляденовский комплекс Заюрчимского VI поселения // Регионы России: Экономика, культура, история. – Березники, 2009. – С. 419–426.

29. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 2011. – 548 с.

30. *Кулябина Н.В.* Пермское Прикамье в начале эпохи великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научно-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 411–412.

31. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 191 с.

32. *Мельничук А.Ф., Корчагин П.А., Перескоков М.Л.* Исследования селища Нижняя Курья-16 в Кировском районе г. Перми // Регионы России: Экономика, культура, история. – Березники, 2009. – С. 409–415.

33. *Мельничук А.Ф., Соболева Н.В.* Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // Приуралье в древности и средние века. – Устинов, 1986. – С. 99–109.

34. *Мингалев В.В.* Керамика Чазевского I могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь, 2009. – С. 125–133.

35. *Немкова В.К.* Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. – Уфа, 1978. – С. 4–59.

36. *Немкова В.К., Климанов В.А.* Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 65–71.

37. *Пастушенко И.Ю.* Роль населения Средней Камы в генезисе неволинской культуры // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всерос. науч. конф. – Сыктывкар, 2007. – С. 200–201.

38. *Перескоков М.Л.* Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. – 2011. – №.3. – С. 231–238.

39. *Перескоков М.Л.* Территория и локальные варианты позднего этапа гляденской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия «История». – Вып. I (21). – Пермь, 2013. – С. 58–66.

40. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 28 с.
41. *Петров В.П.* Подсечное земледелие. – Киев: Наукова думка, 1968. – 226 с.
42. *Поляков Ю.А.* Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Вып. 1. – Березники, 2001. – С. 10–19.
43. *Прокашев А.М., Жуйкова И.А., Пахомов М.М.* История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в послеледниковье. – Киров: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2003. – 142 с.
44. *Рогов Н.Н.* Материалы для описания быта пермяков // ЖМВД. – Т. 29. – СПб., 1858. – С. 45–126.
45. *Соболева Н.В.* Раскопки Федотовского городища // АО–1984. – М.: Наука, 1986. – С. 153.
46. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. – 2004. – № 3. – С. 33–43.
47. *Туганаев В.В., Ефимова Т.П.* Агрэтноботанические материалы из Верх-Саинского городища Пермской области (VI–IX вв.) // Новые источники по древней истории Приуралья. – Устинов, 1985. – С. 27–30.
48. *Туганаев В.В., Туганаев А.В.* Состав, структура и эволюция агроэкосистем европейской России (лесная и лесостепная зоны) в средневековье (VI–XVI вв. н.э.). – Ижевск, 2007. – 198 с.
49. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры: Сборник статей. – М.: Наука, 1984. – С. 5–20.
50. *Черных Е.М.* Традиции и новации в прикамском домостроительстве в контексте эпохи великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научно-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 331–337.
51. *Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск, 2008. – 272 с.
52. *Черных Е.М.* Межкультурное взаимодействие в Верхнем и Среднем Прикамье (по материалам жилищ V–VII в. // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всерос. арх. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 136–137.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

ON THE DWELLINGS OF THE GLYADENOVSKAYA CULTURE AND SOME ASPECTS OF ADAPTATION TO NATURAL CONDITIONS AND FEATURES OF ECONOMIC ACTIVITIES BY THE ANCIENT PERMIANS (BACK TO V.F. GENING'S RESEARCHES DURING THE MIDDLE OF XX CENTURY)

E.M. Chernykh

Typical features of Upper-Kama dwellings characteristic of the final stage of the Early Iron Age, which have become a “calling card” of the Glyadenovo cultural community (the

so-called Fedotovo type), are analyzed in the article. In the past half-century, the data on dwellings investigated by V.F. Gening at the Fedotovo fortified settlement have been substantially completed by materials from the newly-excavated settlements. It is suggested that the differences in dwelling construction technology on different Glyadenovo culture sites cannot be invariably regarded as cultural and chronological features but often bear an adaptive character, i.e. depend on the natural environment. The version of the Fedotovo dwellings reconstruction proposed in the early works by V.F. Gening also needs some correction, which is offered by the author in accordance with a number of features.

Keywords: archaeology, the Kama River area, the Early Iron Age, the Glyadenovo culture, settlements, dwellings, construction technology, adaptation, economic type, reconstruction

REFERENCES

1. Aleshinskaia, A. S., Spiridonova, E. A. 2002. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 213. Moscow, 60–71 (in Russian).
2. Aleshinskaia, A. S., Spiridonova, E. A. 2003. In *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv (Ecology of Ancient and Modern Societies)* 2. Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 3–5 (in Russian).
3. Andreeva, E. G., Petrenko, A. G. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkhologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 137–189 (in Russian).
4. Bakin, O. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: "Andersen" Publ., 159–168 (in Russian).
5. Belitser, V. N. 1958. *Ocherki po etnografii narodov komi (Essays on Ethnography of Komi Peoples)*. Series: Trudy instituta etnografii: Novaia seriia (Proceedings of Institute of Ethnography. New Series) 45. Moscow (in Russian).
6. Bugrov, D. G., Linkina, L. I., Mel'nikov, L. V., Nikolaeva, K. V. 2011. In *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 4. Kazan: "Foliant" Publ.; Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 225–244 (in Russian).
7. Vasil'eva, A. V., Pereskokov, M. L. 2013. In Chernykh, E. N. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV-e Baderovskie chteniia) (XIV Baderovskie chteniia) (Historical and Cultural Heritage as a Resource for Building of Social and Historical Memory of the Civil Society: 14th O. Bader Readings)*. Izhevsk: Udmurt State University, 42–48 (in Russian).

8. Vasil'eva, A. V., Pereskokov, M. L. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm: Perm University, 22–29 (in Russian).
9. Vaskul, I. O. 1994. *Poseleniia p'ianoborskoi epokhi na Evropeiskom Severo-Vostoke (konets I tys. do n.e. – I tys. n.e.): nauch. doklad (The Pyany Bor Settlements in North-Eastern Europe in Late I Millennium BC – I Millennium AD: scientific report)*. Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Issue 338. Syktyvkar (in Russian).
10. Gantskaia, O. A. 1967. In *Russkie. Istoriko-etnograficheskii atlas (Russians Historical and Ethnographical Atlas)*. Moscow: “Nauka” Publ., 166–190 (in Russian).
11. Gening, V. F. 1954. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fedotovskogo gorodishcha v 1954 g. (Report on Archaeological Excavations of the Fedotovo Hillfort in 1954)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 966 (in Russian).
12. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR. Humanities Series)* 2. Kazan, 157–219 (in Russian).
13. Gening, V. F. 1959. In *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)*. Moscow, 164–195 (in Russian).
14. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Region Population in the Pyany Bor Epoch) I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (Cheganda Culture: 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 10. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
15. Gening, V. F. 1980. In *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Basin)*. Izhevsk, 92–135 (in Russian).
16. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaiia istoriia naseleniia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe novoi ery (Ethnic History of the Western Cis-Urals Population at the Turn of Erae)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Gening, V. F. 2003. In Mel'nikova, O. M. *Sverdlovskaiia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola V. F. Geninga (1960–1974 gg.) (The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening: 1960–1974)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 9. Izhevsk: Udmurt State University, 145–181 (in Russian).
18. Gening, V. F., Goldina, R. D. 1973. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 12. Sverdlovsk, 58–121 (in Russian).

19. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
20. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoii kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
21. Goldina, R. D., Savel'eva, E. A. 2010. In *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Piliscsaba*, 33–103 (in Russian).
22. Gromov, G. G. 1985. In *Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka (Essays on Russian Culture of 18th Century)* 1. Moscow: Moscow State University, 317–342 (in Russian).
23. Gusakov, M. G. 2006. In Uzyanov, A. A. (ed.). *Kul'turnye sloi arkheologicheskikh pamiatnikov: Teoriia, metody i praktika: Materialy nauchnoi konferentsii (Cultural Layers of Archaeological Sites: Theory, Methods and Practice: Materials of the Conference)*. Moscow: "NIA-Priroda" Publ., 36–44 (in Russian).
24. Kazantseva, O. A. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 132–139 (in Russian).
25. Koreniuk, S. N. 1996. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Permskom i Okhanskom raionakh Permskoi oblasti letom 1995 goda (Report on the Archaeological Excavations in Perm and Okhansk Districts, Perm Oblast, in the Summer of 1995)*. Perm. Archive of the Laboratory of Archaeology, Perm State University (in Russian).
26. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2001. In *Permskii region: istoriia, sovremennost', perspektivy (Perm Region: History, Present Day, Prospectives)*. Berezniki, 51–55 (in Russian).
27. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2006. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Epoch of Great Migrations)*. Izhevsk, 408–411 (in Russian).
28. Koreniuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2009. In *Regiony Rossii: Ekonomika, kul'tura, istoriia (Regions of the Russian Federation: Economy, Culture, History)*. Berezniki, 419–426 (in Russian).
29. Krenke, N. A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (D'iakovo Fortified Settlement: the Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
30. Kuliabina, N. V. 2006. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Epoch of Great Migrations)*. Izhevsk, 411–412 (in Russian).
31. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and Social Structure of Ancient Societies)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Mel'nichuk, A. F., Korchagin, P. A., Pereskokov, M. L. 2009. In *Regiony Rossii: Ekonomika, kul'tura, istoriia (Regions of the Russian Federation: Economy, Culture, History)*. Berezniki, 409–415 (in Russian).
33. Mel'nichuk, A. F., Soboleva, N. V. 1986. In *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov, 99–109 (in Russian).
34. Mingalev, V. V. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm, 125–133 (in Russian).
35. Nemkova, V. K. 1978. In *K istorii pozdnego pleistotsena i golotsena Iuzhnogo Urala i Predural'ia (To the History of Late Pleistocene and Holocene of the Southern Ural and Cis-Urals)*. Ufa, 4–59 (in Russian).
36. Nemkova, V. K., Klimanov, V. A. 1988. In *Nekotorye voprosy biostratigrafii, paleomagnetizma i tektoniki kainozoia Predural'ia (Some Problems of Biostratigraphy, Paleomagnetism and Tectonic of the Cis-Urals Cenozoic)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Bashkir Scientific Center, 65–71 (in Russian).
37. Pastushenko, I. Yu. 2007. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (Permian Finns: archaeological cultures and ethnic groups)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 200–201 (in Russian).
38. Pereskokov, M. L. 2011. In *Prepodavatel' XXI vek (Teacher of 21st Century)* (3), 231–238 (in Russian).
39. Pereskokov, M. L. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istorii» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 21 (1). Perm, 58–66 (in Russian).
40. Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zhelezного veka (pervaia polovina – seredina I tys. n.e.) (Perm Cis-Urals Area in the Final Stage of the Early Iron Age: First Half – Middle of I Millennium AD)*. PhD Diss. In 2 vols. Kazan (in Russian).
41. Petrov, V. P. 1968. *Podsechnoe zemledelie (Slash Agriculture)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
42. Poliakov, Yu. A. 2001. In *Arkheologiia i etnografiia Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 10–19 (in Russian).
43. Prokashev, A. M., Zhuikova, I. A., Pakhomov, M. M. 2003. *Istoriiia pochvenno-rastitel'nogo pokrova Viatsko-Kamskogo kraia v poslednikov'e (History of Soils and Vegetation of the Vyatka and Kama Rivers Basin in the Post-Glacial Age)*. Kirov: Vyatka State University for Humanities (in Russian).
44. Rogov, N. N. 1858. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* 29. Saint Petersburg, 45–126 (in Russian).

45. Soboleva, N. V. 1986. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1984 (Archaeological Discoveries in 1984)*. Moscow: "Nauka" Publ., 153 (in Russian).
46. Spiridonova, E. A., Aleshinskaia, A. S. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 33–43 (in Russian).
47. Tuganaev, V. V., Efimova T. P. 1985. In *Novye istochniki po drevnei istorii Priural'ia (New Sources on the Ancient History of Cis-Urals)*. Ustinov, 27–30 (in Russian).
48. Tuganaev, V. V., Tuganaev, A. V. 2007. *Sostav, struktura i evoliutsiia agroekosistem Evropeiskoi Rossii (lesnaia i lesostepnaia zony) v srednevekov'e (VI–XVI vv. n.e.) (Composition, Structure and Evolution of Agroecological Systems of European Russia (Forest and Forest-Steppe Belts) in Middle Ages (6th–16th Centuries AD))*. Izhevsk: Udmurt University Press (in Russian).
49. Cheboksarov, N. N., Cheboksarova, I. A. 1984. In *Tipologiya osnovnykh elementov traditsionnoi kul'tury (Typology of Basic Elements of the Traditional Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–20 (in Russian).
50. Chernykh, E. M. 2006. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Epoch of Great Migrations)*. Izhevsk, 331–337 (in Russian).
51. Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ia (epokha zheleza) (Dwellings in the Kama Region (The Iron Age))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
52. Chernykh, E. M. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Language, Literature and History Institute, 136–137 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences, docent. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; emch59@mail.ru

УДК 905.5(470.51)"-02/01"(045)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НЫРГЫНДИНСКОГО II МОГИЛЬНИКА ПО РАСКОПКАМ В.Ф. ГЕНИНГА

© 2014 г. Г.Н. Журавлева

Представлены предварительные итоги изучения Нырғындинского II могильника, расположенного в Удмуртском Прикамье. Памятник относится к чегандинской культуре и предварительно датирован III в. до н.э. – II в.н.э. Могильник исследовался под руководством В.Ф. Генинга в 1950–1960-х гг. Было раскопано 268 погребений, но материалы до сих пор не были опубликованы. В статье дана характеристика погребального обряда, проанализирован вещевой материал, его расположение в погребениях, определена численная, возрастная и, предположительно, социальная структура населения, использовавшего могильник.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Удмуртия, ранний железный век, чегандинская культура, могильник Нырғында II, погребальный обряд, погребальный инвентарь, типология, реконструкция. .

В конце 1980-х годов в один из моих приездов в г. Киев Владимир Федорович Генинг передал мне некоторые документы по Нырғындинскому II могильнику: таблицы, описания погребений, свои заметки¹. У него было одно пожелание – опубликовать материалы могильника. К сожалению, подготовка к публикации их затянулась на 20 лет. Это должна быть, и надеюсь, будет монография. В данной статье представлены предварительные итоги изучения материалов данного памятника².

Могильник Нырғында II – один из первых широко исследованных памятников чегандинской культуры

¹ Владимир Федорович уже тогда начал готовить материалы к публикации, но в силу занятости не успевал.

² Некоторые вопросы, в частности, характеристика материала, хронология памятника, даны в интерпретации В.Ф. Генинга.

III в. до н.э. – II в. н.э. Начало этому было положено в 1898 г. А.А. Спицыным, который по приезду в д. Нырғында получил от местных жителей сведения о существовании в этом селении еще одного памятника (ранее было известно о Нырғындинском I могильнике). О его местоположении и раскопках А.А. Спицын пишет следующее: «Второй Нырғындинский могильник расположен на другом конце деревни, на самом берегу р. Камы, некогда протекавшей непосредственно под могильником, на площадке между двумя оврагами. Раскопке подвергнут был угол площадки, длиною вдоль овражка до 9 саж., шириною 13 арш., и, кроме того, очищена площадка рядом, в которой оказался один костяк. Без сомнений, могильник еще не истощен, хотя вряд ли он значителен...» (Худяков, 1933, с. 15). На могильнике А.А. Спицыным было вскрыто 36 погребений. Материалы этих раскопок

увидели свет только через 35 лет, когда М.Г. Худяков подготовил к публикации таблицы и дневники А.А. Спицына (Худяков, 1933, с. 18–19).

В 1954 г. с началом работы Удмуртской археологической экспедиции, организованной Удмуртским научно-исследовательским институтом и Республиканским музеем под руководством В.Ф. Генинга и В.В. Одинцова, были продолжены раскопки на могильнике Нырғында II. В первый же сезон было исследовано 34 довольно богатых погребения. В 1968 г. с началом функционирования Нижне-Камской археологической экспедиции, Удмуртский отряд под руководством В.Ф. Генинга продолжил исследование могильника, вскрыв 40 погребений. В следующем году было раскопано еще 122 погребения, и вся доступная часть могильника оказалась исследована почти полностью. На могильнике вскрыто 268 могил (рис. 2). Неисследованной осталась лишь северо-восточная часть площадки (не более 10% всей площади могильника), где в 1968 г. находился сад, что не позволило провести здесь раскопки. До двух-трех десятков могил разрушено хозяйственными постройками вдоль южного края, что составляет также примерно 10% всей площадки памятника. В общей сложности могильник Нырғында II содержал, по-видимому, не менее 330–350 могил. Эта цифра близка к количеству могил, содержащихся на могильниках Чеганда II (Генинг, 1970, ч. 1, с. 115) и Нырғында I (Голдина, Красноперов, 2012, с. 12–42).

Могильник занимает площадку надпойменной террасы, имеющей почти квадратную форму. С юга он ограничен склоном к высокой пойме р. Камы, русло которой находится в

настоящее время не менее чем в 3–4 км от террасы, а с востока и запада – глубокими оврагами. С северной стороны также была небольшая ложбина, примыкающая к западному оврагу (рис. 1).

Погребальный обряд³. Форма могильных ям зафиксирована в 146 случаях (А.А. Спицын в описании форму могил не указывал). Захоронения совершены в обычных грунтовых могилах прямоугольной (80), овальной (55) или комбинированной (17, сочетающей черты первых двух) формы. Никаких внешних признаков могилы (надмогильные сооружения, насыпи и т.д.) не имеют. Вполне возможно, что первоначально во время заполнения площадки, захоронения как-то отмечались, поскольку взаимонарушений ям не встречается (рис. 2).

Размеры могильных ям в плане самые различные. Длину и ширину удалось зафиксировать в 123 случаях (63%).

Наименьшие размеры имеет погребение 125 (90 x 45 см, рис. 4), наибольшие – погребение 156 (280 x 110 см). Средняя длина могил – в пределах 200 см, ширина – 77 см. Ямы мужских погребений, естественно, в среднем несколько больше женских, хотя среди женских также встречаются крупные ямы (230 x 80 см в погр. 203; 230 x 60 см в погр. 7). Могильные ямы, как правило, не намного превышали рост умерших.

Глубина могильных ям колеблется от 15–20 см до 100–110 см. Большинство могил имеют сравнительно

³ Характеристика формы могил, размеры, положение костяков, ориентировка приведены в таблице А в конце текста статьи.

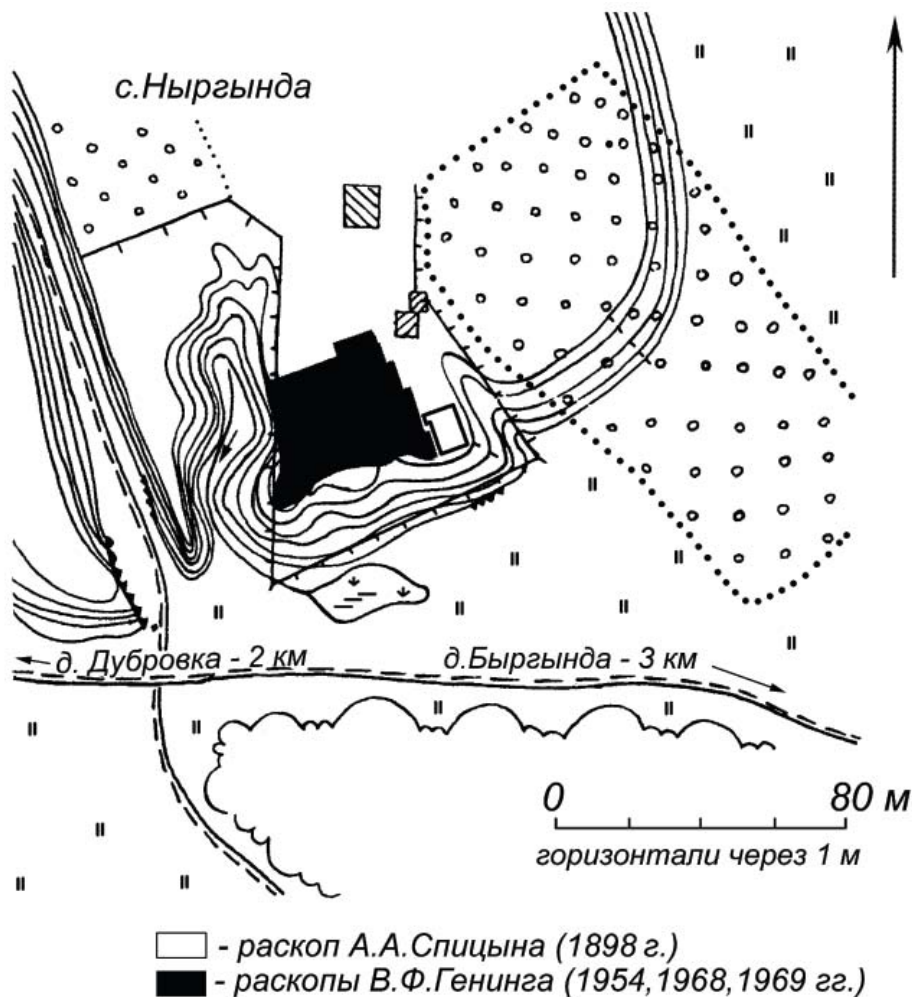

Рис. 1. Ныргындинский II могильник. Топографический план

небольшую глубину (31–50 см), что позволяет предполагать, как было указано выше, наличие в свое время над ямой небольшой насыпи или каких-то сооружений.

Возможно, показатели, связанные с объемом трудовых затрат на сооружение погребальной конструкции (глубина, длина, ширина могильной ямы, объем вынутого грунта), напрямую связаны с половозрастной и социальной принадлежностью погребенных.

Объем вынутого грунта из погребений детей минимален (0,4–0,7 м³). Максимальный объем (более 1 куб. м) характерен для мужских богатых погребений (погр. 78, 79, 151, 196) и таких же женских захоронений (погр. 27, 51).

Внутреннее устройство могил довольно простое: отвесные стенки и ровное дно. Лишь в погребении 133 яма имела с левой стороны у дна небольшой подбой высотой 18 см и глу-

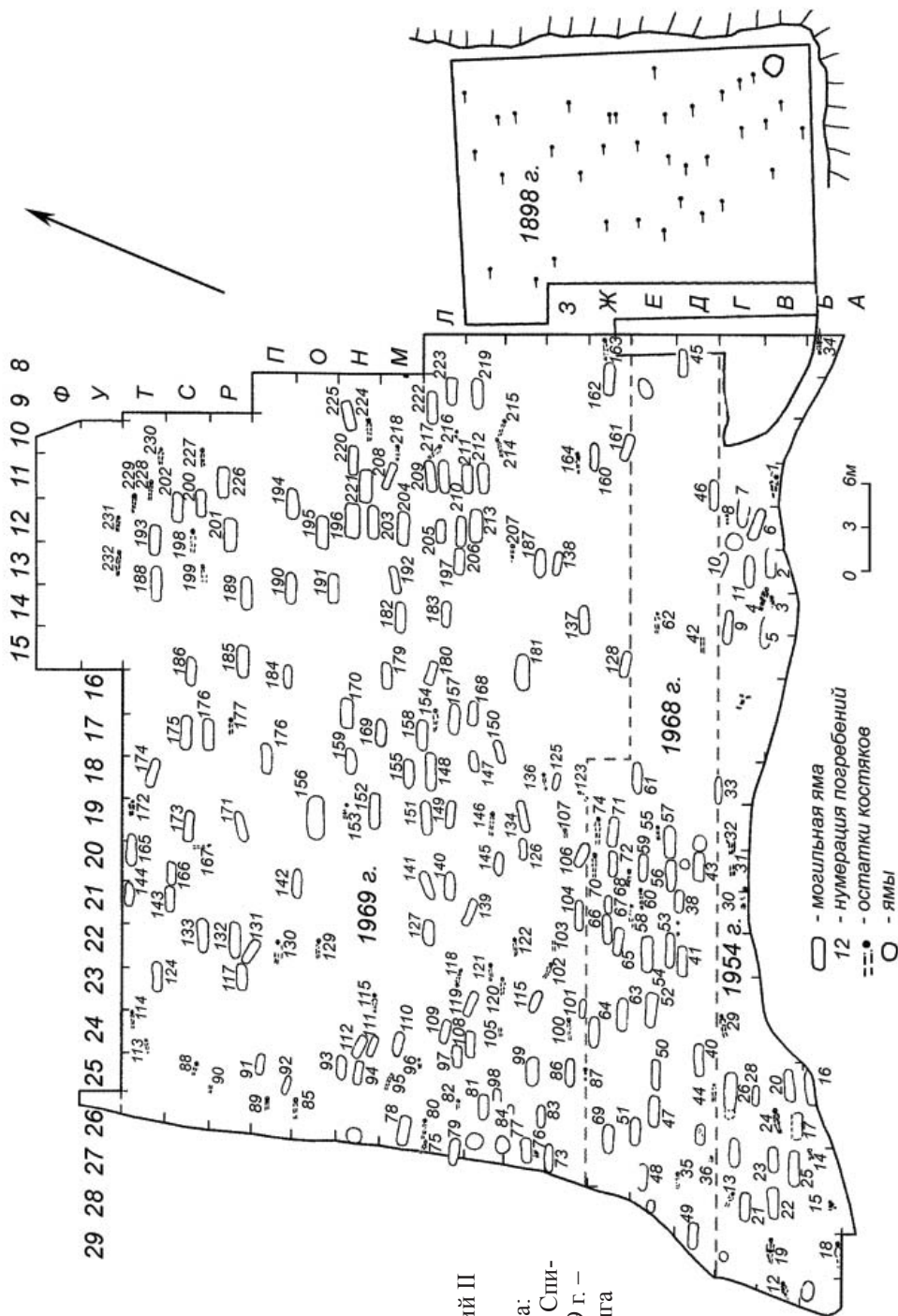

Рис. 2. Ныргындинский II мотильник.
 Общий план раскопа:
 1898 г. – раскопки А.А. Спицына; 1954, 1968, 1969 г. – раскопки В.Ф. Генинга

биной 8 см. В погребении 97 торцевая часть могилы была расширена на 20 см. Остатки погребальных конструкций (гробовищ, деревянных колод и т.п.) в могильнике не обнаружены.

Положение костяков в погребениях однообразно. Умерших укладывали в могилу вытянуто на спине. Несколько различно только положение рук, которое удалось зафиксировать в 67 случаях. Преобладают захоронения с вытянутыми вдоль тела руками, реже – одна вытянута вдоль тела, другая согнута и уложена на таз (рис. 4: погр. 210).

Зафиксировано несколько случаев захоронений, отличающихся необычным положением частей тела.

В погребениях 153 и 175 (рис. 4) костяки были уложены на правый бок с подогнутыми ногами, без вещей. Положение рук в этих случаях проследить не удалось. Подобного рода погребения известны на могильнике Чеганда II, где было обнаружено 6 костяков, уложенных в скорченном положении. В.Ф. Генинг полагал, что это погребения пленников-рабов, похороненных по своему обряду (Генинг, 1970, с. 26). Единичные случаи подобного положения погребенных известны в Меллятамакском I, Кушулевском III, Чиатавском (Агеев, 1992, с. 21), Нырғындинском I (Голдина, Красноперов, 2012, с. 46) могильниках.

В погребении 80 костяк уложен вытянуто, на спине, но ноги ниже колен скрещены (рис. 3). В погребении 137 у костяка, лежавшего на спине с вытянутыми ногами, между берцовых костей уложен череп. У костяка из погребения 47 череп лежал около левого бедра.

В ориентировке погребенных наблюдается некоторое разнообразие.

Большинство из них ориентированы головой на ВСВ, с небольшими (10–15 градусов) отклонениями на В или СВ, что характерно для захоронений на могильниках пьяноборского времени (Голдина, Красноперов, 2012, с. 46). От основной массы погребений отличаются 4 захоронения, в которых умершие были уложены головой на ЮВ (погр. 1, 167) и ЮЗ (погр. 118, 192). В погребении 181, где могильная яма ориентирована в направлении СВ–ЮЗ, костяк лежал в яме по диагонали. Планиграфически эти погребения никак не выделяются.

В могильной яме находился обычно один костяк, только в погребении 252 (20) из раскопок А.А. Спицына были захоронены вместе женщина с ребенком.

В общем расположении погребений на площадке могильника замечена, хотя и не очень четко, определенная концентрация их по отдельным группам. На обособленность этих групп указывает скученность погребений в одних местах и незаполненные пространства – в других (рис. 2).

Половая принадлежность умерших определялась по составу инвентаря в погребениях. Женские захоронения выделены по наличию в них типично женских украшений – височных подвесок, эполетообразных застёжек, браслетов, кокошников, ажурных накладок и т.п. В мужских погребениях вещей немного, они представлены в них предметами вооружения, удилами и т.д. Детские захоронения характеризуются малыми размерами могильных ям и костяков. Вещей в этих погребениях мало. Исключение составляет погребение 125 (рис. 4), в котором было найдено довольно много украшений, разнообразных по со-

ставу. Среди всех погребений, изученных на могильнике, можно выделить 36 мужских, 76 женских и 49 детских. Подобная картина, когда женских погребений значительно больше, чем мужских, характерна для многих памятников. Например, количество женских костяков на Тарасовском могильнике примерно на 13% больше, чем мужских (Сабиров, 2011, с. 18). Еще В.П. Алексеев в одной из своих первых работ по палеодемографии отмечал высокую смертность женщин, по сравнению с мужчинами, особенно в репродуктивном возрасте (Алексеев, 1972, с. 3–21).

Как во многих древних могильниках, обращает на себя внимание почти полное отсутствие погребений детей в возрасте до 3–4 лет. В науке широко распространилось мнение о том, что «в любой из древних культур мог иметь место неизвестный нам обычай особенного или даже отдельного от взрослых захоронения детей» (Алексеев, 1989, с. 71; Генинг, 1970, с. 115–116; Козинцев, 1980, с.11).

55,2% всех погребений могильника содержат сопровождающий вещевой материал, основную массу которого составляют украшения и принадлежности костюма, изготовленные из меди и железа. В небольшом количестве на могильнике найдено оружие, удила и предметы быта. Украшения в погребениях находились обычно на костяке в том порядке, как они располагались на костюме умершего. В 47 погребениях, как правило, около черепа, обнаружены височные подвески. Большинство их изготовлено из меди и оформлено в виде знака вопроса с разомкнутым кольцом и опущенной вниз конической трубицей (рис. 5: 1, 2). Иногда встречаются листовидные

подвески (рис. 5: 6). Ниже черепа, по обеим его сторонам лежали шейные подвески, чаще всего в виде круглого щитка с ушком и украшениями по низу (рис. 6: 1).

Кокошники и их фрагменты лежат всегда около черепа или на нем. В погребении 204, например, пластинчатый кокошник уложен прямо на лоб, а в погребении 53 обломки такого кокошника огибают череп с правой стороны, в погребении 94 – с левой. Медные бляшки, одевавшиеся, видимо, на кожаную полосу и составляющие украшение типа кокошника лежали в ряд на лобной части черепа захороненного. Медные и железные гривны находятся обычно на груди захороненных.

Бусы часто располагались на груди, в области шеи и головы, иногда – у плеч и локтей. Круглые бляшки-накладки зафиксированы в самых различных местах костяка, чаще – на груди, вдвое меньше их было около черепа или на нем, в 11 случаях бляшки располагались у костей рук. Очевидно, эти бляшки составляли какие-то украшения рукавов. Мелкие и средние бляшки, иногда нанизанные на кожаные полосы, лежали на груди, образуя набор для украшения груди. Бляшки, найденные в области таза, у ног, по-видимому, имели отношение к поясным наборам (рис. 5: 15).

В состав нагрудных наборов часто входили и ажурные накладки (рис. 5: 4, 10, 15). Различные рубленые подвески трапециевидной, треугольной, секировидной (рис.6:6) формы находились у головы умерших и служили височными подвесками, но чаще они лежали у локтей или были разбросаны по всему костяку.

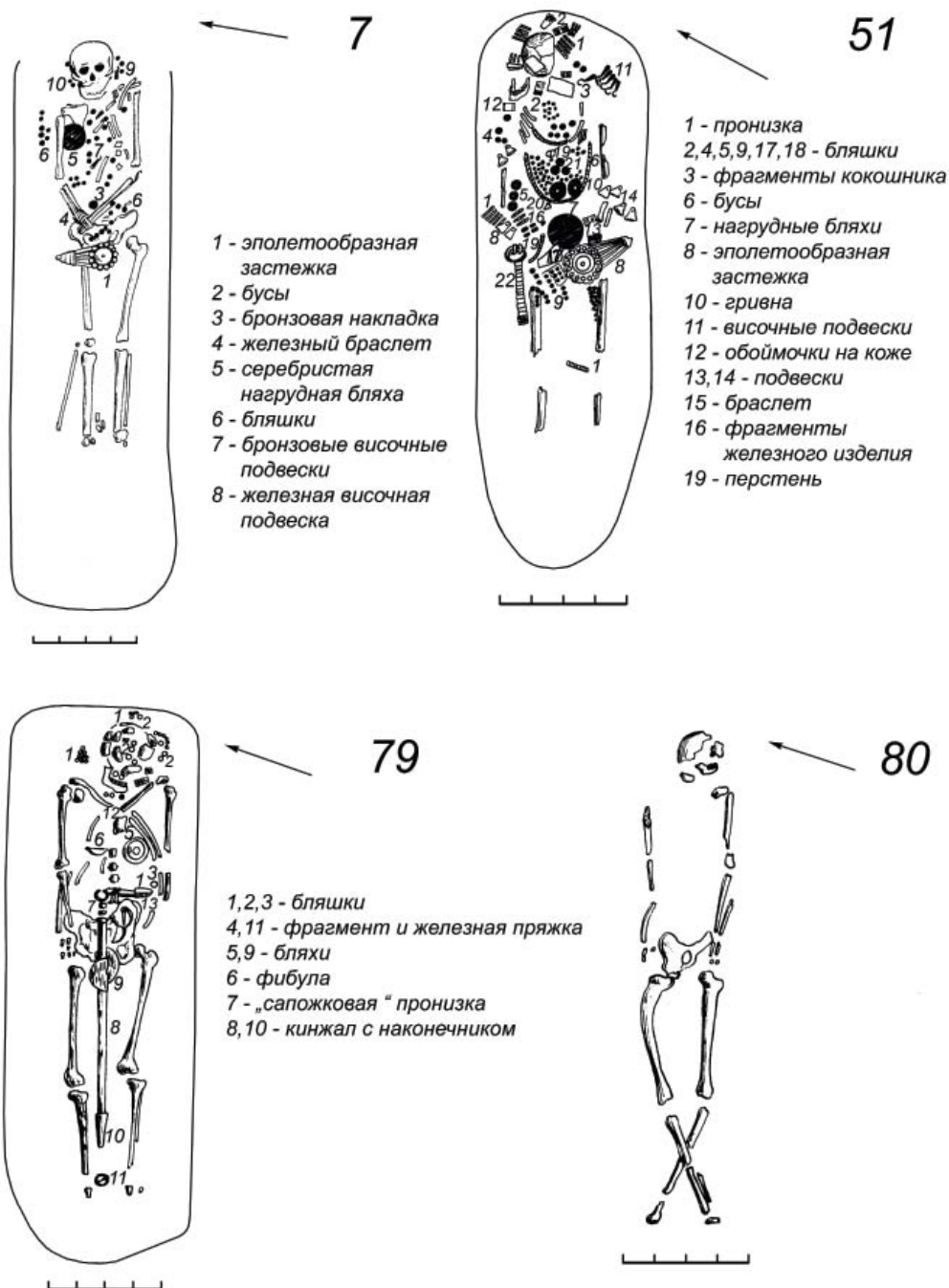

Рис. 3. Ныргындинский II могильник. Планы погребений

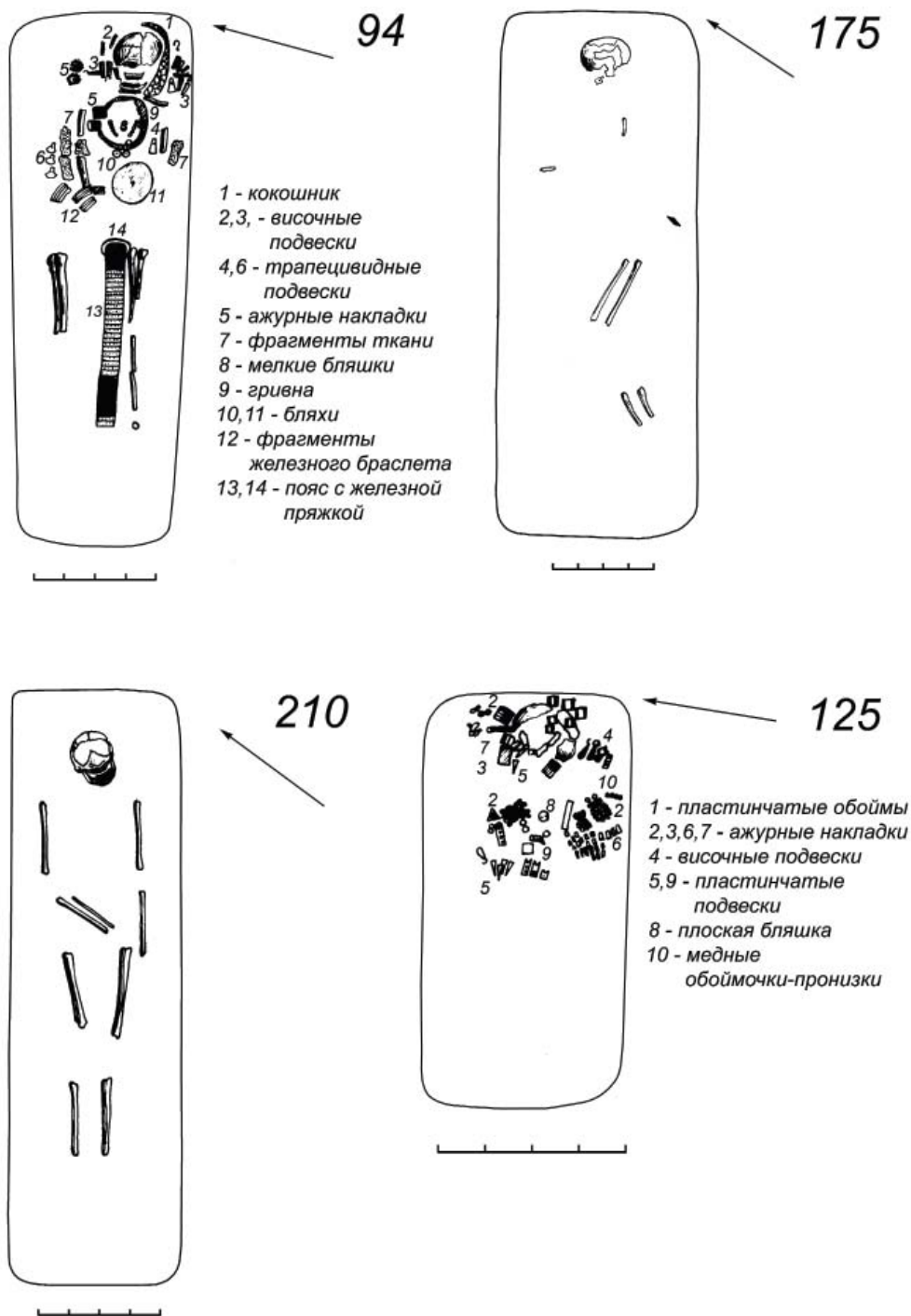

Рис. 4. Ныргындинский II могильник. Планы погребений

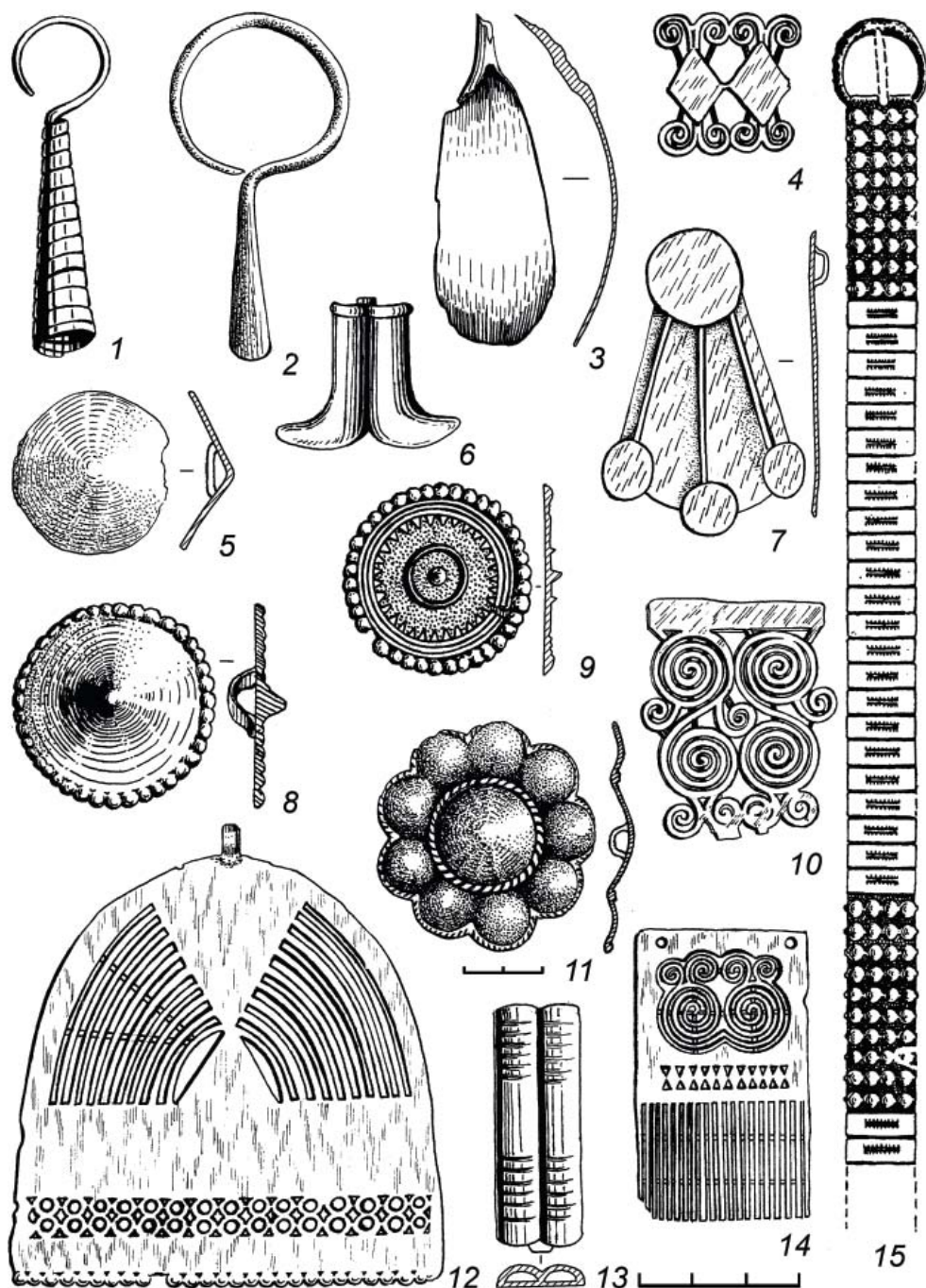

Рис. 5. Ныргындинский II могильник.

Вещи из погребений: 1 – пп. 36, 51, 75, 88, 94; 2 – пп. 51 99; 3 – п. 117;
 4 – п.209; 5 – пп. 71, 169, 206; 6 – пп. 17, 20, 70, 76, 79, 86, 107; 7 – п. 101;
 8 – пп. 152, 169; 9 – п. 156; 10 – п. 125; 11 – п. 110; 12 – п. 73; 13 – п. 20;
 14 – п. 51. 1–14 – бронза

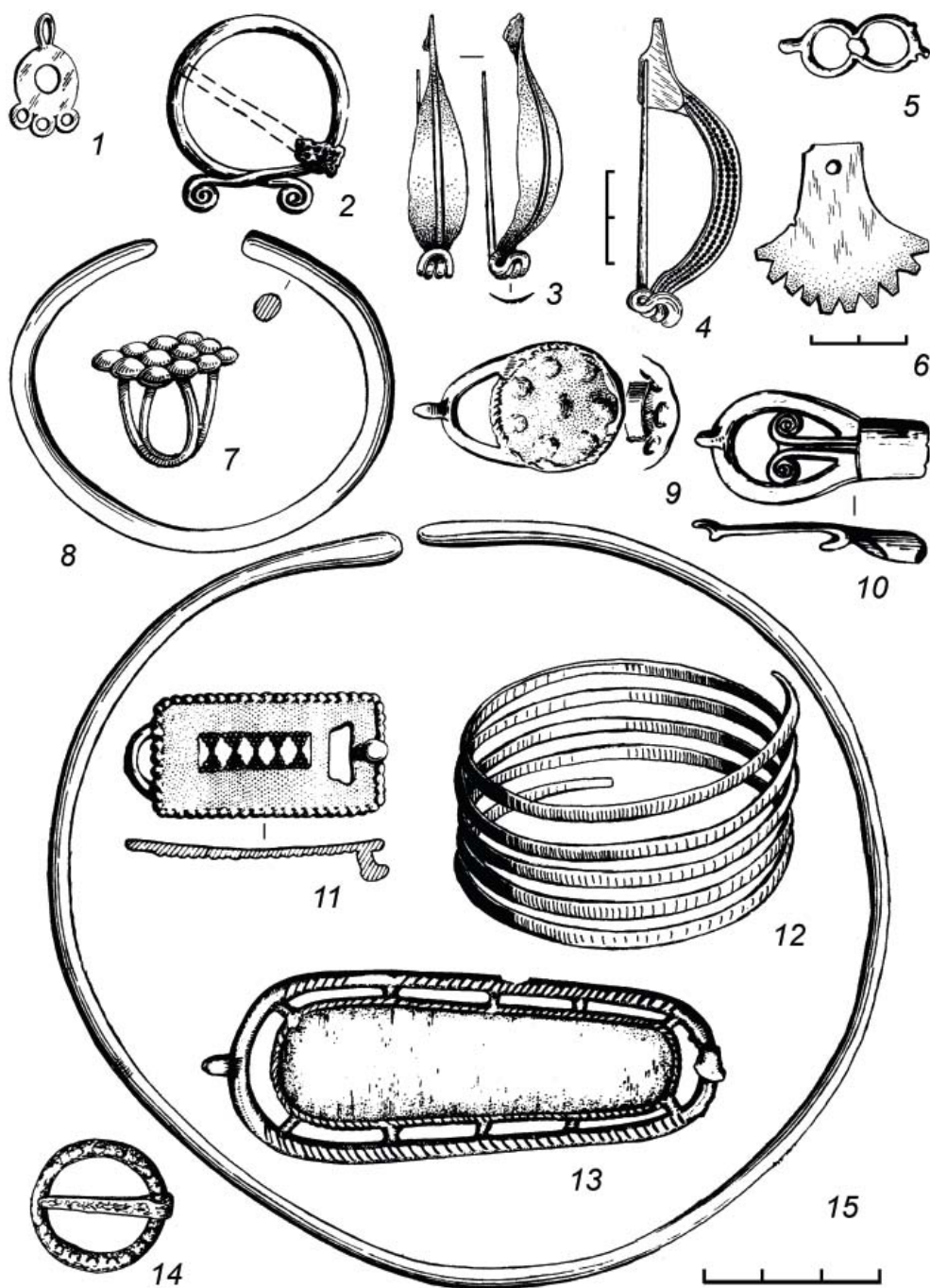

Рис. 6. Ныргындинский II могильник.

Вещи из погребений: 1 – пп. 152, 156; 2 – пп. 73, 192; 3 – п. 79; 4 – п. 15;
 5 – п. 26; 6 – п. 51; 7 – пп. 49, 51; 8 – п. 202; 9 – п. 75; 10 – п. 49; 11 – п. 169;
 12 – пп. 19, 27; 13 – п. 69; 14 – пп. 44, 79, 109, 115, 181, 189, 196, 207;
 15 – пп. 6, 13, 19, 70, 75, 88. 1–3, 15 – бронза; 14 – железо

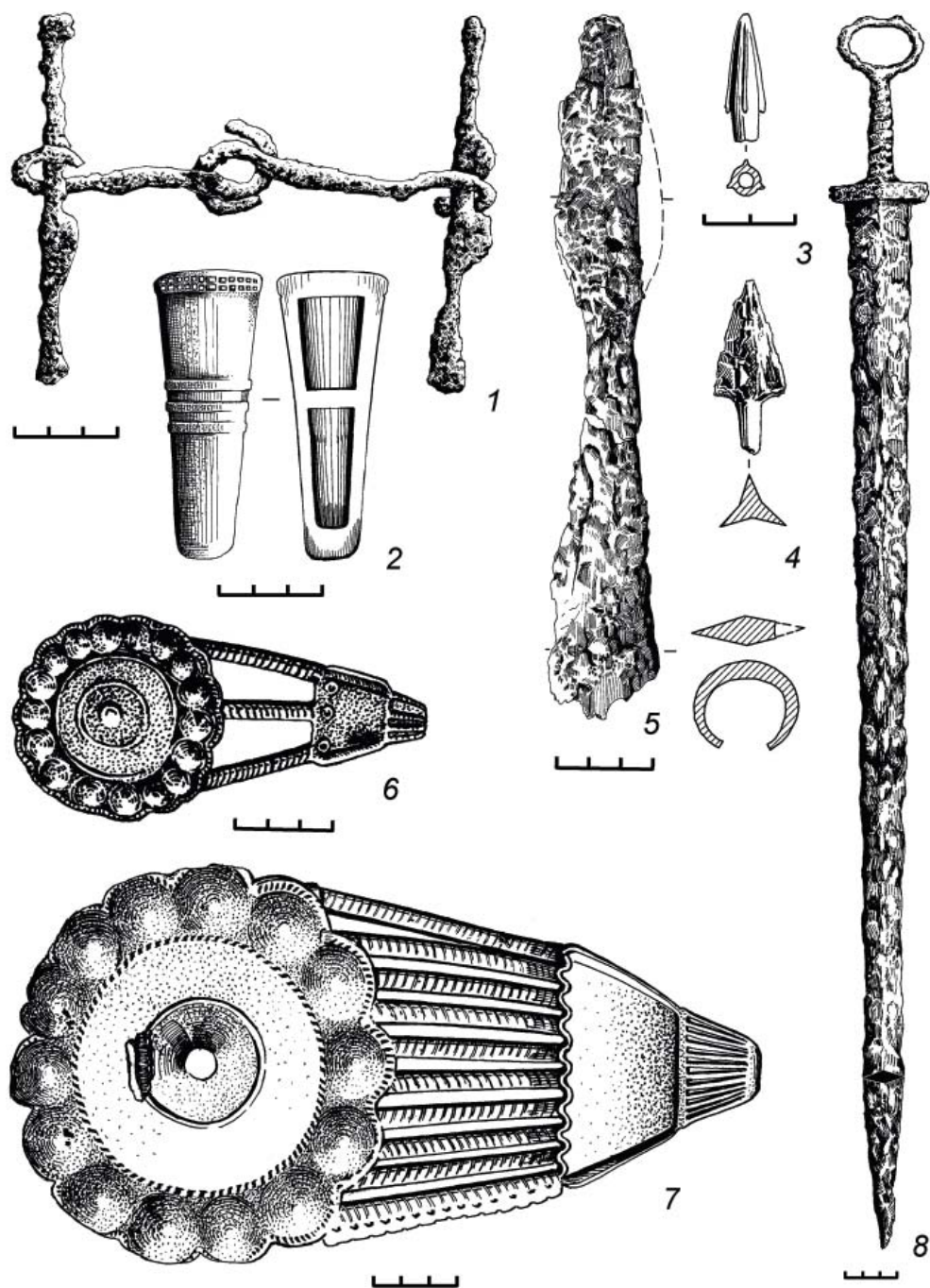

Рис. 7. Ныргындинский II могильник.
Вещи из погребений: 1 – пп. 9, 47, 181, 195, 196; 2 – п. 39; 3 – п. 156;
4 – пп. 97, 124; 5 – п. 156; 6 – п. 2; 7 – п. 146; 8 – п. 152.
1, 4, 5, 8 – железо; 2, 3, 6, 7 – бронза

Нагрудными украшениями являлись и бронзовые, и медные бляхи, располагавшиеся на груди (рис. 5: 5, 8, 9, 11), иногда – около головы. Круглые бляхи с игольчатыми застежками лежали на левой стороне груди, на лобной части черепа и в области шеи. На груди находились медные застежки-фибулы (рис. 6: 3, 4) и медные и железные застежки-сюльгамы (рис. 6: 2).

Многовитковые (рис. 6: 12) и одновитковые (рис. 6: 8) браслеты из железа и меди были обнаружены в 15 женских и 1 детском погребениях. Часто они были одеты на правую руку (рис. 3: п.7) или лежали у правой руки, редко их надевали на левую или обе руки. Иногда браслеты укладывались на грудь или в изголовье умерших. В трех погребениях были обнаружены перстни. Экземпляр из погребения 26 изготовлен из узкой медной пластины, согнутой в два оборота, а из погребений 49 и 51 имели щиток в виде полугорошин, идущих в три ряда по четыре в каждом и сомкнутое кольцо сзади (рис. 6: 7).

Эполетообразные застежки находились в области таза погребенных, что соответствует их назначению как поясных (рис. 3: п. 51; 7: 6, 7)

Застежки с неподвижным крючком обнаружены в 23 погребениях в области таза, на груди, в области колен (рис. 6: 5, 9, 10, 11, 13).

У стоп ног, иногда на костях лежали обувные застежки и пряжечки. Железные и медные поясные пряжки с иглой часто находились на груди, в области таза или на животе.

В расположении немногочисленного инвентаря, сопровождающего захоронения, также можно усмотреть определенную закономерность.

Ножи находились как в мужских, женских, так и детских погребениях обычно в области таза. Кинжалы в погребениях 133 и 152 лежали под правой бедренной костью скелетов.

Однолезвийные и обоюдоострые мечи в большинстве уложены у левого бедра, вверх рукоятью, например, погр. 152 (рис. 7: 8). В погребении 79 меч находился между ног умершего (рис. 3: п. 79), рукоятью на тазовые кости, а в погребении 196 – у правого бедра. Интересно, что в погребении 195, где меч лежал у левого бедра, у погребенного была согнута в локте правая рука, а в погребении 196, где меч лежал справа, у погребенного была согнута левая рука.

В погребении 169 наконечник копья без древка находился у левого бедра умершего (рис. 7: 5). По мнению В.Ф. Генинга, древко копья обламывалось перед тем, как положить в могилу.

Железные наконечники стрел, как правило, лежали у бедра, остриями вниз у левой стопы умершего, а в погребении 128 медный наконечник стрелы находился в области шеи (рис. 7: 3). По-видимому, это наконечник, оставшийся в теле убитого.

Железные удила найдены в 8 могилах: у левого бедра, в ногах, у правого бедра (рис. 7: 5), между тазовых костей погребенных.

Бытовые предметы встречаются единично. Так, в погребении 124 у левого бедра умершего было найдено каменное точило, в погребении 9 в изголовье захороненного стоял сосуд.

В основной массе, как видно из приведенного описания, украшения и принадлежности костюма лежат в могилах на костях в том порядке, как они носились при жизни. Но в

ряде случаев порядок расположения сопровождающих вещей был иной. Так, в погребении 204 слева от черепа в куче лежали 3 трапециевидные бронзовые бляхи, составляющие нагрудники, медная гривна из гладкого дрота (рис. 6: 15), медный одновитковый (рис. 6: 8) и железный в 4 витка браслет, 4 трапециевидные рубленные подвески, медная пряжечка с обоймой, 2 прямоугольные нагрудные накладки, бронзовая нагрудная бляха с игольчатой застежкой

В погребении 131 3 нагрудные бляхи, малая и большая пряжки и железный нож были также уложены в левом углу могилы у изголовья костяка. Необычно положение браслетов в погребениях 88, 98, 117, где они также были уложены на грудь, при этом руки захороненных были вытянуты вдоль тела.

Все эти случаи помещения отдельных вещей в могилу в особом месте, получили в прикамской археологии название жертвенных комплексов. Одни ученые считают, что жертвенный комплекс – это подарок умершему (Генинг, 1967, с. 52; Голдина, 2004, с. 305). В.Ф. Генинг связывал жертвенные комплексы с культом семейно-родовых святынь, с воршудными коробами удмуртов. Он считал, что женщины дарили покойному мужчине свои украшения и, наоборот, мужчины – женщинам, так как в составе женских комплексов находятся вещи, принадлежавшие мужчинам (Генинг, 1967, с. 15–17, 52). Другие рассматривают жертвенные комплексы иначе. Так, О.В. Арматынская предполагала, что помимо дарственных вещей в женских наборах могли находиться и личные вещи умершей, в то время как в мужских большую часть составляли дары родственниц (Арматынская,

1987, с. 74). Т.И. Останина утверждает, что в жертвенный комплекс входят исключительно вещи покойного (Останина, 1997, с. 26).

Для обряда захоронения на Ныргындинском II могильнике характерно также, что гривны всегда укладывали на грудь умершему, а пояса с накладками часто помещали сбоку или также сверху на грудь. В погребении 18 поясные прямоугольные накладки лежали в области таза поперек костяка, в погребении 69 пояс с ромбическими накладками находился поверх костяка от груди к левому бедру. Фрагменты пояса из погребения 51 двумя рядами найдены в области бедер, под берцовыми костями ног. В погребении 94 пояс уложен вдоль костяка, между ног, пряжкой в сторону таза (рис. 4: п. 94), в погребении 204 – слева от костяка, вдоль руки, пряжкой также в сторону плеча. Подобное положение поясов довольно часто встречается на Тарасовском могильнике (Голдина, 2003, погр. 51, 52, 65, 107, 116 и др.), на памятниках III–V вв., которые Т.И. Останина относит к мазунинской культуре (Останина, 1978; 1991; 1996).

Хронология. Вопросы хронологии памятников пьяноборской культуры до настоящего времени остаются дискуссионными. А.В. Шмидт в 1920-х годах говорил о том, что в послеананьинское время в Прикамье сложилось две культуры: в нижнем пьяноборская и в верхнем – гляденовская (Шмидт, 1928). В 1933 г. М.Г. Худяков, а в 1952 г. А.П. Смирнов, обобщив результаты раскопок известных пьяноборских памятников, датировали их III–II вв. до н.э. – V в. н.э. (Худяков, 1933; Смирнов, 1952). В.Ф. Генинг в ранних работах отнес к пьяноборской культуре памятники III–II в. до н.э. –

II в. н.э., расположенные в Удмуртском Прикамье (Генинг, 1962). В последующих работах он значительно расширяет и территориальные, и хронологические рамки культуры. Памятники послеананьинского времени В.Ф. Генинг объединяет в пьяноборскую культурно-историческую общность, датировав их временем с III в. до н.э. по V в. н.э. (Генинг, 1970, гл. 5; 1988, с. 201–230). Хронологию, разработанную В.Ф. Генингом, пересмотрел Б.Б. Агеев, датировав ее II в. до н.э. – III в. н.э. и разделив культуру на две стадии (Агеев, 1992, гл. 3). Проблемами хронологии пьяноборской культуры (общности) в разное время занимались Т.И. Останина, А.Х. Пшеничнюк, Е.П. Казаков, Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская, В.А. Иванов, А.А. Красноперов. Особенно значителен вклад Р.Д. Голдиной, которая выдвинула новую концепцию развития прикамских культур в послеананьинское время (Голдина, 1987, с. 10–15; 1999, с. 206–277). По ее мнению, в пьяноборскую общность, охватывающую территорию удмуртского и башкирского Прикамья и Вятки с III в. до н.э. по V в. н.э. входят чегандинская (Удмуртское Прикамье, прилегающая к нему часть Татарстана и низовья Белой), кара-абызская (среднее течение р. Белой) и худяковская (бассейн р. Вятки) (Голдина, 1999, с. 209). Чегандинская культура Прикамья ею датируется III–II вв. до н.э. – V в. н.э. и проходит в своем развитии последовательно три этапа: ранний – III–I вв. до н.э., средний I–II вв. н.э., поздний – III–V вв. н.э. (Голдина, 1999, с. 226). Большие споры вызывает нижняя дата культуры. Вслед за Б.Б. Агеевым омолаживают на один век датировку пья-

ноборья В.А. Иванов (1985, с. 89–96) и А.А. Красноперов (2009, с. 92–105).

В аргументации своих точек зрения исследователи апеллировали к материалам Ныргындинского II могильника, который представлен оригинальными, часто единственными в своем роде, вещами, обнаруженными в 148 погребениях из 268. Сам В.Ф. Генинг в результате обработки материала датировал могильник временем существования пьяноборской культуры, т.е. III в. до н.э. – II в. н.э. Правда, при этом была сделана оговорка, что «... погребения, имеющие вещевой материал, не все поддаются точной датировке, т.к. во многих погребениях вещей очень мало» (Генинг, Одинцов, 1968, с. 20). Предварительно примем эту датировку могильника, но, возможно, она будет откорректирована с учетом новейших достижений в области археологической хронологии.

Планиграфия могильника, вещевой инвентарь дают хорошую возможность для проведения социологической реконструкции населения, использовавшего данный могильник. По количеству вещей, учитывая их назначение в наряде и ценность, все погребения можно разделить на 5 групп. К первой группе, наиболее богатой, среди мужских погребений относятся те, которые имеют железные мечи в сочетании с различными предметами вооружения, удилами, украшениями. Таких погребений 7 (погр. 71, 78, 79, 152, 181, 195, 196). Можно предположить, что погребенные являлись военными предводителями или известными воинами. Среди женских погребений к категории наиболее богатых можно отнести 6 могил (погр. 20, 27, 51, 94, 110, 204). Костюмы

умерших роскошно украшены всевозможными вещами. Они снабжены поясами с эполетообразными застежками и крупными пряжками, большим числом нагрудных блях. В погребениях имеются нагрудные наборы из бус и бляшек. Гривны, браслеты, до 14 височных подвесок, кокошники. Общее количество вещей в таких погребениях довольно велико. Так, в погребении 51 сохранилось, считая бусы, около 200 предметов (рис. 3: п. 51), в погребении 204 – 108.

Вторая группа богатых погребений более многочисленна (35 погр.). В женских захоронениях этой группы содержатся те же вещи, что и в первой группе, но их меньше. Кроме того, набор украшений женского костюма не совсем полон. Редки эполетообразные застежки, немного нагрудных блях (обычно по одной), редки обувные застежки. В большом количестве встречаются бусы, височные подвески, бляшки. В мужских погребениях этой группы находятся несколько вещей – ножи, ножны, наконечники стрел и копий, пряжки, застежки, удила, но не в полном наборе, а в разнообразных сочетаниях (погр. 9, 85, 90, 124, 156, 169 и др.).

Третью группу (78 погр.) составляют захоронения рядовых членов, содержащие лишь несколько украшений в женских погребениях. Обычно здесь встречаются в небольшом количестве височные подвески, бусы, по несколько бляшек-накладок, изредка эполетообразные застежки (погр. 82, 99), гривны. Мужские погребения этой группы содержат пряжку, нож и фрагменты удила (погр. 47, 33), иногда наконечники стрел (погр. 97) в различных сочетаниях между собой.

К четвертой группе (26 погр.) отнесены погребения, содержащие лишь единичные вещи: несколько бус (погр. 77, 105, 106, 173), одну пряжку или застежку (погр. 52, 66, 84, 109, 222), одну-две височные подвески (погр. 118, 126; 1898 г. – № 13), железный нож (погр. 133, 151, 157, 158, 190).

Последнюю группу, наиболее многочисленную (114 погр.), составляют беднейшие захоронения, не содержащие никаких вещей. Впрочем, как считал В.Ф. Генинг, не исключено, что из некоторых погребений вещи были выкрадены.

Погребений, богатых вещами, немного. Если объединить первые две группы, то они составят 17,4%. Более половины – это бедные и беднейшие захоронения. По мнению В.Ф. Генинга, в общине, которой принадлежал могильник, наблюдалась значительная имущественная дифференциация.

Скорее всего, в захоронениях прослеживается не имущественная, а социальная дифференциация. В богатых могилах были погребены главы больших семей и их ближайшее окружение. Могильник использовался на протяжении всего времени большими патриархальными семьями, численность которых была в пределах 22 человек. Такая семья состояла из 8–9 взрослых человек репродуктивного периода, 10–11 детей и 2–3 пожилых и стариков (Журавлева, 1999, с. 22).

В работе представлены предварительные выводы исследования материалов могильника Нырғында II. Некоторые из них могут быть уточнены или получают новую интерпретацию. Но, несомненно, что Нырғындинский II могильник – оригинальное явление, характеризующее чегандинскую культуру Среднего Прикамья.

Таблица А

Характеристика погребений Ныргындинского II могильника*

№	Пол	Размеры могил			Объем	Форма могил			Ориентировка головы	Положение рук				Наличие вещей
		длина	ширина	глубина		прямоуг.	овальная	Комбинир.		вытянуты	согнуты	согнута одна	неопред.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Ж	–	–	70					ВЮВ					+
2	Ж	200	70	75	1,1	+			ВЮВ			П		+
3	Д			83					В				+	+
4	Ж			83					В	+				+
5	Ж	210	70	95	1,4	+			В	+				+
6	?	180	70	80	1,0	+			В	+				+
7	Ж	230	60	105	1,4	+			В		+			+
8	Д			60					В				+	–
9	М	230	50	105	1,2	+			В	+				+
10	Д	140		60					В	+				+
11	Ж	215	70	70	1,1		+		В	+				+
12	Д			45					ВСВ				+	+
13	Ж			45					В	+				+
14	?			35					В				+	–
15	?			80					В				+	–
16	?	250		73					ВСВ				+	–
17	Ж	185		75			+		В	+				+
18	Ж			45					ВСВ		+			+
19	Ж			40					В		+			+
20	Ж			73					ВСВ	+				+
21	?	190	70	30	0,4		+		В		+			–
22	?	200	75	50	0,75				В		+			+
23	?	250	80	41	0,8	+			ВСВ				+	–
24	?			67					СВ		+			–
25	Д	155	80	65	0,81		+	+	ВСВ				+	+
26	Ж	230	80	70	1,3		+		ВСВ				+	+
27	Ж	190	70	75	1,0	+			ВСВ		+			+
28	Д	135	50	65	0,4				ВСВ				+	–
29	?			70					СВ				+	+
30	?			70					ВСВ				+	–
31	?	215	50	80		+			ВСВ				+	–
32	?			75					ВСВ				+	+
33	М	203	56	75	0,9	+			ВСВ				+	+
34	Ж			30					?				+	+
35	?			30					СВ				+	–
36	Ж			40					ВСВ				+	+
37	?			40					СВ				+	–
38	Д	160	65	50	0,5		+		СВ				+	+
39	Д	140	70	60	0,6		+		СВ–ЮЗ				+	+
40	?	230	78	60	1,1	+			СВ				+	–
41	Ж	190	70	50	0,7	+			СВ				+	+
42	?			20					СВ				+	–
43	Ж	205	75	95	1,5	+			СВ	+				+
44	?			60					СВ				+	+

* Объем вынутого грунта – м³; положение рук: П – согнута правая, Л – согнута левая; погребения с 1 по 232 – исследованы В.Ф. Генингом и В.В. Одинцовым, с 232 по 268 – раскопки А.А. Спицына.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
45	?	195	65	75	1,0				CB				+	-
46	?	193	60	80	0,9			+	CB			Л		-
47	М	220	80	60	1,1			+	CB				+	+
48	?			70					CB				+	+
49	Ж	200	70	85	1,2		+		CB		+			+
50	Ж	210	65	30	0,4				CB				+	+
51	Ж	197	60	110	1,3				CB	+	+			+
52	М	237	80	50	1,0			+	CB				+	+
53	Ж	210	65	45	0,6				CB		+		+	+
54	М	220	70	50	0,8				BCB		+	П		+
55	Д			45					В				+	-
56	?	220	80	46	0,8				BCB				+	-
57	?	210	80	50	0,8				BCB				+	+
58	?			60					BCB				+	-
59	Д	160	60	45	0,4		+		BCB				+	-
60	?			50					CB	+				+
61	?	210	65	50	0,7				CB				+	-
62	?			35					BCB			Л		-
63	Ж	227	80	35	0,6				BCB				+	+
64	?	210	60	35	0,4		+		В-3					-
65	Ж	200	70	45	0,6			+	В				+	+
66	М	200	64	40	0,5	+			BCB					+
67	Д	120	50	42	0,3		+		BCB	+				+
68	Д			40					BCB				+	-
69	?	208	80	80	1,3			+	BCB		+			+
70	Ж			25					BCB	+				+
71	М	214	72	50	0,8	+			В	+				+
72	Ж	170	68	70	0,8			+	CB		+			+
73	Ж	200	60	55	0,7				CB				+	+
74	?			30					BCB	+				-
75	Ж			70					В	+				+
76	Ж			65		+			CB				+	+
77	Д	160	65	80	0,8	+			CB				+	+
78	М	190	68	80	1,0				В				+	+
79	М	195	65	100	1,3	+			BCB	+				+
80	?			35					CB	+				-
81	Ж	195	65	90	1,1	+			CB				+	+
82	Ж			76					CB				+	+
83	Д	140	50	60	0,4	+			CB-Ю3				+	+
84	Д?		48	50					CB-Ю3				+	+
85	М			70					BCB				+	+
86	Ж	180	60	50	0,5				CB				+	+
87	?			20					CB				+	-
88	Ж			50					В	+				+
89	Д			20					CB				+	-
90	М			50					Ю3				+	+
91	Д	162	55	60	0,5				3-В				+	-
92	Д	120	55	50	0,3				3-В				+	-
93	Ж	170	65	40	0,4				Ю3-СВ				+	-
94	Ж	177	60	70	0,8	+			В				+	+
95	?			30		+			В				+	-
96	?			60		+			В				+	-
97	М	180	70	60	1,1				BCB	+			+	+
98	Ж		56	40					BCB				+	+
99	Ж	195	90	100	1,8				BCB				+	+
100	?			42		+			CCB	+				-
101	Д	135	50	35	0,2	+			CB-Ю3				+	+
102	?			40					В		+			-
103	?			40		+			CB-Ю3				+	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
104	?	200	50	60	0,6				CB			П		-
105	Ж			40					CB				+	+
106	Ж	200	70	61	0,9	+			В				+	+
107	Ж			20					CB				+	+
108	Ж	176	60	61	0,6	+	+		CB			Л		+
109	Д	160	53	40	0,3				В-3				+	+
110	Ж	180	60	62	0,7				В				+	+
111	Ж	160	50	50	0,4	+			В-3				+	+
112	Ж	175	70	55	0,7	+	+		В				+	-
113	?			80		+			CB			Л		-
114	Ж			30					CB				+	+
115	Ж	170	60	62	0,7		+		CB				+	+
116	Д?			35					CB		+			+
117	Ж	160	70	60	0,7				BCB				+	+
118	Ж			30					ЮЗ		+			+
119	Ж	180	60	60	0,7	+			В				+	+
120	Д			30					CB				+	-
121	?			30		+			CB			Л		-
122	Ж			40					CB	+				+
123	?			60					CCB				+	-
124	М	200	70	60	0,8				CB-ЮЗ					+
125	Д	90	70	45	0,3				В					+
126	Д	165	62	70	0,8	+			CB				+	+
127	?	210	80	40	0,7	+			CB	+				-
128	М	170	60	55	0,6	+			В	+				+
129	?			30		+			CCB				+	-
130	?			55		+			CB				+	-
131	Ж	190	60	70	0,8				В				+	+
132	?	230	80	60	1,1				CB					-
133	М	215	65	75	1,1				CB	+				+
134	?	200	70	55	0,8	+			CCB	+				-
135	?			40		+			CB	+				-
136	?			40		+			CCB				+	+
137	?	200	70	90	1,3				CB-ЮЗ					-
138	Д	150	60	35	0,3				В					-
139	М	215	70	50	0,8	+			В				+	+
140	?	200	80	35	0,6	+	+		CB			Л		-
141	Д	120	65	70	0,8	+	+		BCB				+	-
142	?	200	60	40	0,5		+		CB				+	+
143	?	180	70	76	1,0		+		BCB				+	-
144	Ж	180	70	95	1,2		+		CB				+	-
145	Д	150	60	30	0,3		+		CB				+	-
146	Ж			30					CB			П		+
147	Д	120	60	50	0,4				CB				+	+
148	?	280	70	50	0,9				CB				+	-
149	Д	170	60	55	0,6		+		CB				+	-
150	Д	160	60	40	4,0	+	+		CB				+	+
151	М	230	70	100	1,6				CB-ЮЗ				+	+
152	М	245	100	50	1,2				CB				+	+
153	?			35		+			CB				+	-
154	?			35		+			CB					-
155	?	200	70	40	0,6		+		CB				+	-
156	М	280	110	80	2,5				CB				+	+
157	М	230	80	70	1,3				CB				+	+
158	М	220	70	60	0,9	+			CB				+	+
159	Д	170	80	90	1,2		+		CB				+	-
160	Д	153	54	90	0,7				CB	+				+
161	Ж	170	70	90	1,1		+		В		+			+
162	?	250	70	90	1,5	+		+	В	+				-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
163	?			30					CB			П		-
164	?			40					CB	+				-
165	?	200	70	50	0,7				CB			Л	+	-
166	Д	160	60	50	0,5				CB				+	-
167	?			20					ЮВ				+	-
168	?	180	70	40	0,5				CB				+	-
169	М	190	70	50	0,7				CB		+			+
170	?	210	80	60	1,0		+		CB	+				-
171	?	190	60	40	0,5	+	+		CCB				+	-
172	?			30					CB				+	-
173	Ж	220	70	57	0,9				CC	+				+
174	?	197	61	40	0,5				В				+	-
175	?	215	80	40	0,7	+			CB				+	-
176	?	225	80	45	0,8				В-3				+	-
177	?			25		+			CB				+	-
178	?	200	60	45	0,5	+	+		CB				+	-
179	?	195	70	40	0,6		+		CB	+				-
180	Д	160	70	45	0,5				В				+	-
181	М	200	77	40	0,6				CB				+	+
182	?	230	80	65	1,2	+			CB	+				-
183	Д	165	50	40	0,3	+	+		CB				+	-
184	Д	130	50	40	0,3	+	+		В				+	-
185	?	240	70	55	0,9		+		CB				+	-
186	?	195	70	50	0,7				CB				+	-
187	?	190	70	60	0,8				CB				+	-
188	?	235	70	30	0,5	+			CB	+				-
189	М	210	70	40	0,6	+			CB				+	+
190	М	210	70	35	0,5	+			CB	+				+
191	?	200	70	40	0,6	+			CB				+	-
192	Ж	210	60	40	0,5	+			ЮЗ				+	+
193	?	190	80	42	0,7	+		+	CB	+				-
194	?	200	74	46	0,7	+			CB			П		-
195	М	220	80	50	0,9				CB			П		+
196	М	240	100	40	1,0				CB			Л		+
197	Ж	190	60	70	0,8	+			BCB		+			+
198	?			20		+			BCB		+			-
199	?			15		+			BCB				+	-
200	?	180	70	45	0,6				CB				+	-
201	?			30					CB				+	-
202	Ж	195	60	60	0,7	+			CB	+				+
203	Ж	230	80	35	0,6				BCB	+				+
204	Ж	230	70	40	0,6	+			BCB		+			+
205	Д	160	64	40	0,4	+			CB				+	-
206	Ж	210	70	50	0,7	+			CB	+				+
207	?			20		+			CB					+
208	Д	145	50	42	0,4	+			В		+			-
209	Ж	200	65	35	0,7				CCB					+
210	Ж	210	60	40	0,5	+			CB	+				-
211	?	200	80	39	0,6	+			CB	+				-
212	Ж	180	70	42	0,6	+			CB		+			+
213	?	210	47	47	0,9	+			BCB				+	+
214	?	180	70	20		+			CCB		+			-
215	?	170	60	25		+			В				+	-
216	?			20					CB	+				-
217	?			30					В	+				-
218	Ж			32					CB	+				+
219	Ж	210	70	49	0,7				BCB				+	-
220	?	190	50	50	0,5				CB	+				-
221	?	210	80	60	1,0	+			BCB			П		-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
222	Д	170	70	65	0,8	+			СВ	+				+
223	Д	210	90	40	0,7	+			С				+	-
224	?			20		+			ВСВ	+				-
225	?	219	70	50	0,7	+			ССВ				+	-
226	?	200	80	48	0,8				СВ		+			-
227	?			25		+			СВ	+				-
228	?			25		+			ВСВ		+			-
229	?			20					ВСВ			П		-
230	?			40					СВ		+			-
231	?			27					СВ	+				-
232	?			30					ВСВ		+			-
233	?			40										-
234	Д			22										+
235	Д			40										+
236	?			36										-
237	Ж			33										+
238	?			22										-
239	Ж			36										+
240	Д			-										+
241	Ж			36										+
242	Д			23										+
243	М			36										+
244	Ж			45										+
245	Д			22										+
246	Д			35										+
247	?			35										-
248	М			27										+
249	М			27										+
250	М			36										+
251	Д			10										+
252	?			-										-
253	М			36										+
254	?			53										-
255	Ж			36										+
256	Д			36										+
257	М			53										+
258	М			53										+
259	Ж			36										+
260	М			-										-
261	Ж			27										+
262	Ж			71										+
263	Ж			53										+
264	Ж			53										+
265	М			-										+
266	Ж			18										+
267	Ж			18										+
268	Д			53										+

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992. – 140 с.
2. Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. – 1972. – № 1. – С. 3–21.
3. Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. – М., 1989. – С. 63–90.
4. Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. – Вып. 4. – Свердловск, 1962. – С. 5– 52.

5. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках могильника Нырғында II // Отчет об археологических исследованиях на правом берегу р. Камы в пределах Удмуртской АССР (зона Нижнекамского водохранилища), проведенных в 1968 г. – Свердловск, 1968 / Архив Археологического музея УрГУ. – Ф. II. – Д. 75 а.

6. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындынского II могильника // Отчет об исследовании Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. – Т. II – Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. – Ф. II. – Д. 75 б.

7. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск; Ижевск, 1970. – 258 с.

8. *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М., 1988. – 240 с.

9. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов, 1987. – С. 6–37.

10. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.

11. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник на Средней Каме. – Т. II. – Ижевск, 2003. – 721 с.

12. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник на Средней Каме. – Т. I. – Ижевск, 2004. – 318 с.

13. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме. – Ижевск, 2012. – 364 с.

14. *Журавлева Г.Н.* Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (по материалам могильников Удмуртского Прикамья) // Финно-угроведение. – 1999. – № 2–3. – С. 20–23.

15. *Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985. – С. 85–96.

16. *Козинцев А.Г.* Демография тагарских могильников // СЭ. – 1971. – № 6. – С. 148–152.

17. *Красноперов А.А.* К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметка о констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. – Казань, 2009. – С. 92–105.

18. *Останина Т.И.* Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. – Ижевск, 1978. – С. 92–117.

19. *Останина Т.И.* Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура общества // Удмуртия: новые исследования. – Ижевск, 1991. – С. 31–47.

20. *Останина Т.И.* Покровский могильник IV–V вв.: каталог археологической коллекции. – Ижевск, 1992. – 94 с.

21. *Сабиров Т.Р.* Характеристика погребального обряда Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011. – 28 с.

22. *Худяков М.Г.* Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. – Вып. 2. – Л., 1933. – С. 15–19.

Информация об авторе:

Журавлева Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); gal003@yandex.ru

**PRELIMINARY RESULTS OF THE NYRGYNDINSKY II CEMETERY
RESEARCHES ACCORDING TO GENING'S EXCAVATIONS**

G.N. Zhuravleva

The article deals with preliminary results of excavations on the Nyrgynda II burial ground site situated in the Udmurtia Kama River region. The cemetery has been attributed to the Cheganda culture and preliminarily dated by the 3rd century BC – 2nd century AD. The site was worked under the guidance of V.F. Gening in the 1950-60s. 268 burials were excavated, but the materials are still unpublished. The funeral rite is characterized, funerary gifts and their placement in the burials are analyzed, quantitative, age and presumably social structure of the population that had left the burial is determined in the article.

Keywords: the Kama River region, Udmurtia, the Early Iron Age, the Cheganda archaeological culture, the Nyrgynda II burial ground site, funeral rite, funerary gifts, typology, reconstruction.

REFERENCES:

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Bashkirian Scientific Center (in Russian).
2. Alekseev, V. P. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 3–21 (in Russian).
3. Alekseev, V. P. 1989. In *Istoricheskaia demografiia: problemy, suzheniia, zadachi (Historical Demography: Issues, Meanings, Tasks)*. Moscow, 63–90 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 4. Sverdlovsk, 5–52 (in Russian).
5. Gening, V. F., Odintsov, V. V. 1968. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax na pravom beregu r. Kamy v predelakh Udmurtskoi ASSR (zona Nizhnekamskogo vodokhranilishcha), provedennykh v 1968 g. (Report on Archaeological Investigations on the Right Bank of the Kama River in Udmurtian Autonomous Republic, Lower Kama Reservoir Area, in 1968)*. Sverdlovsk. Archive of the Archaeological Museum of the Ural State University. Fund II, dossier 75a (in Russian).
6. Gening, V. F., Odintsov, V. V. 1969. In *Otchet ob issledovaniiax Udmurtskogo otriada Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1969 g. (Report on the Investigations of the Udmurt Team, Lower Kama Archaeological Expedition, in 1969)*. Vol. II. Sverdlovsk. Archive of the Archaeological Museum of the Ural State University. Fund II, dossier 75b (in Russian).
7. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Region Population in the Pyany Bor Epoch)* I. *Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (Cheganda Culture: 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Series: *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 10. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
8. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashei ery (Ethnic History of the Western Cis-Urals on the Turn of AD: the Pyany Bor Epoch, 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Moscow (in Russian).
9. Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtovo (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–37 (in Russian).

10. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
11. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area) II*. Izhevsk (in Russian).
12. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area) I*. Izhevsk.
13. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
14. Zhuravleva, G. N. 1999. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies) (2–3)*, 20–23 (in Russian).
15. Ivanov, V. A. 1985. In *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuibyshev, 85–96 (in Russian).
16. Kozintsev, A. G. 1971. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union) (6)*, 148–152 (in Russian).
17. Krasnoperov, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kam'ia (Ancient and Medieval Archaeology of Volga and Kama Rivers Basin)*. Series: *Archaeology of Eurasian Steppes 10*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 92–105 (in Russian).
18. Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials for the Early History of Population of Udmurtia)*. Izhevsk: Science and Research Institute under the Council of Ministers of Udmurtia ASSR; “Udmurtiia” Publ., 92–117 (in Russian).
19. Ostanina, T. I. 1991. In *Udmurtiia: novye issledovaniia (Udmurtia: New Research)*. Izhevsk, 31–47 (in Russian).
20. Ostanina, T. I. 1992. *Pokrovskii mogil'nik IV–V vv.: katalog arkheologicheskoi kollektzii (Pokrovsky Burial Ground of 4th–5th Centuries: Catalogue of the Archaeological Collection)*. Izhevsk (in Russian).
21. Sabirov, T. R. 2011. *Kharakteristika pogrebal'nogo obriada Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Characteristic of Funerary Rite of the Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama River Region)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
22. Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam, A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area by A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: *Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2*. Leningrad: “Pechatnyi Dvor” Typography, 15–19 (in Russian).

About the Author:

Zhuravleva Galina N. Candidate of Historical Sciences, docent. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; gal003@yandex.ru

УДК 903.5(470.51)"00/04"(045)

**«ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ» ПЬЯНОБОРСКИХ
МОГИЛЬНИКОВ БАССЕЙНА р. ВЯТКИ***

© 2014 г. Н.А. Лещинская

Объектом исследования в статье выступает четко фиксируемый элемент погребальных традиций финно-угорских культур с раннего железного века до развитого средневековья, обозначенный В.Ф. Генингом понятием «жертвенный комплекс». Дается характеристика основных признаков «жертвенных комплексов», зафиксированных в пьяноборских могильниках I–V вв. н.э. в бассейне р. Вятки. Проводится сравнительный анализ с синхронными памятниками Камско-Вятско-Волжского междуречья. Само словосочетание «жертвенный комплекс» используется в статье как описательный термин. Автором отмечается многоплановость семантического содержания этого понятия применительно к вятским материалам.

Ключевые слова: археология, бассейн р. Вятки, I–V вв. н.э., пьяноборская культурно-историческая общность, могильники, погребальный обряд, «жертвенные комплексы».

Древняя и средневековая история Вятского края неразрывно связана с именем В.Ф. Генинга. В середине 50-х гг. XX столетия, возглавляя Удмуртскую археологическую экспедицию, одним из перспективных направлений исследований он видит обследование р. Вятки с целью выявления места археологических памятников региона в схеме развития древнеудмуртского этнического массива. Раскопки в это время Азелинского, Суворовского могильников, первые материалы исследования Буйского городища послужили основой для авторской концепции истоков происхождения вятских памятников азелинского типа, осо-

бенностей формирования и развития материальной культуры, погребальной обрядности, уровня социально-общественного развития, форм проявления эпохи великого переселения народов и многих других аспектов, не утративших актуальность и сейчас (Лещинская, 2000). Одной из частных тем, введенных В.Ф. Генингом в научную дискуссию о позднепьяноборском этапе древностей Камско-Вятского междуречья, стала объяснительная схема часто фиксируемого в древней погребальной практике обычая помещения части вещей компактным скоплением, иногда в контейнере, в определенной части могильной ямы. В.Ф. Генинг не только вводит понятие «жертвенный комплекс», но и предлагает первые трактовки его как элемента обрядовых погребальных действий, имеющих ритуальный характер (Генинг, 1967, с. 15–17). По-

* Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР №2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

нятие «жертвенный комплекс» широко входит в научную практику, но содержание понятия, его семантическое поле до сих пор до конца еще не разработано. Это отражает и появление альтернативных понятий в литературе: «подарочные наборы» (Голдина, 1999, с. 215; Голдина, Бернц, 2010, с. 80), «дары», «погребения с дарами» (Белоцерковская, 1997; Ошибкина, 2010, с. 40), «жертвенно-ритуальные комплексы» (Никитина, 2002, с. 76).

В системе погребальных традиций населения бассейна р. Вятки в пьяноборскую эпоху жертвенные комплексы являются также четко фиксируемым элементом. При характеристике его по вятским пьяноборским могильникам будет использоваться словосочетание «жертвенный комплекс» (ЖК) как описательный, а не содержательный термин.

Археологическая карта вятского локального варианта пьяноборской культурно-исторической общности на сегодняшний день насчитывает 17 погребальных памятников с 413 изученными захоронениями кон. I – V в. н.э. (рис. 1). Возможностью для анализа погребальной практики по признаку ЖК обладает выборка из 411 погребений 11 некрополей. В ней ЖК зафиксированы в 19 захоронениях, что составляет 4,6%. При этом ЖК не встречены в 6 могильниках: Городищенском, Воробьевском, Кордон, Азелинском, Вичмарском, Уржумском (табл. I). Среди некрополей с ЖК наибольший процент их встречаемости наблюдается в Ошкинском могильнике (15,6%), значительно меньше показатели для Тюм-Тюмского (9%) и Суворовского (6,5%) некрополей. Самое небольшое количество погребений с ЖК зафиксировано для Первомайского (1,3%)

и Худяковского (3,3%) могильников. Однако относительно Худяковского могильника стоит сделать несколько замечаний. На памятнике погребений со скоплением вещей фиксируется больше, чем учтено в статистике по ЖК. Помимо последних, такие скопления инвентаря есть, по крайней мере, еще в 3-х захоронениях (пп.56, 76, 106) с обрядом частичной кремации. Специфика размещения инвентаря в этих захоронениях состоит в том, что элементы погребального костюма умершего или орудия труда складывались компактно и не всегда их можно однозначно интерпретировать как ЖК.

Анализ распределения погребений с ЖК по хронологическим периодам (Лещинская, 2012) выявил следующую ситуацию (табл. II). Из 19 захоронений с ЖК кон. II – нач. III в. относятся 4 (21,1%), и все они происходят из Ошкинского могильника (пп.12, 26, 28, 30). В III в. процент встречаемости ЖК в погребениях – 26,3% (5 погребений – Ошкинский могильник: п.14; Худяковский могильник: пп.1, 84, 88, 100). Для позднего пьяноборья (IV – нач. V вв.) этот процент в целом составляет уже 52,6% (10 погребений – Суворовский могильник: пп.5, 28; Тюм-Тюмский могильник: пп.33, 45, 79, 94, 102, 134, 141; Первомайский могильник: п.1). При этом пик встречаемости ЖК в этих погребениях приходится на IV в. (скорее всего, без последней четверти) – 8 захоронений из 10 (42,1% из 52,6%).

Учитывая, что в позднепьяноборское время бассейн р. Вятки – это лишь часть общего этнокультурного пространства, включающего памятники азелинского типа Нижней Камы и левобережья марийского течения

р. Волги, представляет интерес сопоставление локальных территорий «азелинской ойкумены» по основным признакам ЖК. Что касается степени встречаемости захоронений с ЖК на нижекамских могильниках, то с учетом опубликованного материала – это 6 захоронений из 101 (пп.8, 23, 33, 73, 173, 235) на Рождественском V некрополе (Старостин, 2009), одно (п.10) из 15 погребений Нармонского могильника (Старостин, 2002), одно (п.30) из 7 захоронений Тетюшского II могильника (Бугров, 2004; Казаков, 2009), что в целом составляет 6,5%. В поволжской группе – это одно захоронение (Мари-Луговской могильник: п.40) из 123 погребений 4 опубликованных могильников – 0,8% (Халиков, 1962, с. 171, 172; Никитина, 1999). Учитывая, что в этих территориальных группах азелинских памятников погребения с ЖК относятся в основном к IV в., то было бы корректнее сравнение производить с вятской группой погребений с ЖК этого же времени: 10 погребений из 229 (табл. I) – 4,4%. Как видно, степень встречаемости ЖК в погребениях нижекамского варианта чуть выше, но в целом близка к вятским показателям. Этот вывод подтверждают и сравнительные параллели по отдельным памятникам: Рождественский V, Нармонский могильники – 6 и 6,7% соответственно к вятским Суворовскому и Тюм-Тюмскому могильникам – 6,5% и 9%. Значительно снижены показатели встречаемости ЖК в азелинских могильниках марийского течения р.Волги.

Практически абсолютное большинство захоронений с ЖК вятской группы осуществлено по способу ингумации, за исключением п.1 Ху-

дяковского могильника, где зафиксирован обряд частичной кремации. Корреляция ЖК с ингумацией – норма для всех территорий распространения памятников азелинского типа.

Большая часть захоронений (15–78,9%) содержит по 1 ЖК, только в 3 погребениях обнаружено по 2 ЖК (15,8%) и одно парное погребение включало 3 ЖК (5,3%). В целом в 19 вятских погребениях зафиксировано 24 ЖК (табл. II).

Тип контейнера ЖК удалось определить в 19 случаях (табл. II). Наиболее традиционной формой контейнера выступает берестяная емкость. Обнаруженная в 9 ЖК (47,3% при показателе исчисления 19) вятских могильников, она абсолютно преобладает в погребениях с ЖК на нижекамских азелинских могильниках. Берестяная емкость для ЖК, зафиксированная на Вятке с рубежа II–III вв. (Ошкинский могильник: п.30), характерна затем для всех последующих хронологических периодов. Конструктивные особенности берестяных контейнеров прочтываются плохо, как правило, мы имеем дело только с их фрагментами, но безусловно их форма и размеры зависели от типа и количества инвентаря ЖК. Чаще изготавливались берестяные коробочки, коробка. Большое разнообразие форм берестяных контейнеров характерно для Тюм-Тюмского могильника. Автор раскопок – С.В. Ошибкина – отмечала находки емкости из бересты по типу кошеля с тканью внутри (п.79); принцип заворачивания предметов ЖК в ткань и бересту (п.134), при этом в единичных случаях береста могла заменяться лубом (п.94В); сочетание с берестой таких материалов как кожа и мех (п.45) (Ошибкина, 2010, с. 18, 24, 28, 34).

Оригинальным типом контейнера для ЖК в погребениях II в. Ошкинско-го могильника (пп.26, 28; рис. 2) выступали крупные перевернутые эполетообразные застежки (Лещинская, 2000а, рис. 24–28). В более позднее время (IV в.) такой контейнер зафиксирован лишь в единственном случае в п.33 Тюм-Тюмского могильника (Ошибкина, 2010, с. 13, рис. 7). В целом по отношению к общему количеству комплексов с контейнерами ЖК в эполетообразных застежках составляли 15,8%. В таком же процентном соотношении в погребениях III–IV вв. (Ошкинский могильник: пп.12, 14; Тюм-Тюмский могильник: п.141) встречаются кожаные емкости (по типу мешочка или кошелья) для ЖК (Лещинская, 2000 а, с. 15, 16, рис. 11, 13; Ошибкина, 2010, с. 35). В двух случаях (10,5%) вещи заворачивались в ткань (Первомайский могильник: п.1; Тюм-Тюмский могильник: п.102) (Ошибкина, 2010, с. 29). Уникален принцип ограничения пространства для ЖК в форме прямоугольника, выложенного из 11 боевых топоров с находками внутри кожаных поясов с бронзовой гарнитурой, бисера и инструментария ювелира (п.94А) (Ошибкина, 2010, с. 27). Сравнивая по этому признаку ЖК вятские памятники с нижнекамскими, где зафиксирован один тип контейнера – берестяная емкость, можно констатировать большее разнообразие здесь форм контейнеров.

Местоположение ЖК в погребениях определено в 19 случаях (табл. IIa). Для вятских пьяноборских могильников более выражена тенденция размещения ЖК в области ног (10 случаев – 52,6%). При этом в погребениях II в. ЖК чаще встречаются в области ног справа (Ошкинский могильник: п.12),

слева (Ошкинский могильник: п.26), между ног (Ошкинский могильник: п.28) на уровне колен и костей голени (рис. 2). С III в. преобладает позиция ЖК в ногах (Худяковский могильник: п.88; рис. 3; Тюм-Тюмский могильник: пп.94В, 102; Суворовский могильник: п.28). Значительно реже (5 случаев – 26,3%) ЖК зафиксированы в области пояса, костей таза в погребениях, преимущественно, IV в. (Тюм-Тюмский могильник: пп.45, 79, 134, 141; Худяковский могильник: п.84) и только для двух погребений (4 ЖК – 21,1%) III–IV вв. характерно размещение ЖК в области головы: справа/слева (Ошкинский могильник: п.14) и в изголовье (Суворовский могильник: п.5). Такая же тенденция в размещении ЖК относительно костяка проявляется и для 8 погребений с ЖК на нижнекамских азелинских могильниках: 5 – в области ног (Рождественский V могильник: пп.33, 73, 235; Нармонский могильник: п.10; Тетюшский II могильник: п.30), 2 – в области головы (Рождественский V могильник: пп.8, 173), 1 – в области пояса (Рождественский V могильник: п.23). Жесткой корреляции местоположения ЖК с определенным типом контейнера нет. Не прослеживается и своеобразие женских и мужских погребений с ЖК по этому признаку.

Антропологическая характеристика захоронений с ЖК в связи с небольшим количеством антропологических определений в основном основывается на особенностях погребального инвентаря. С этим обстоятельством связаны затруднения в интерпретации некоторых погребений. Так, например, в п.88 Худяковского могильника зафиксированы 2 ЖК, один из которых содержит комплекс вещей,

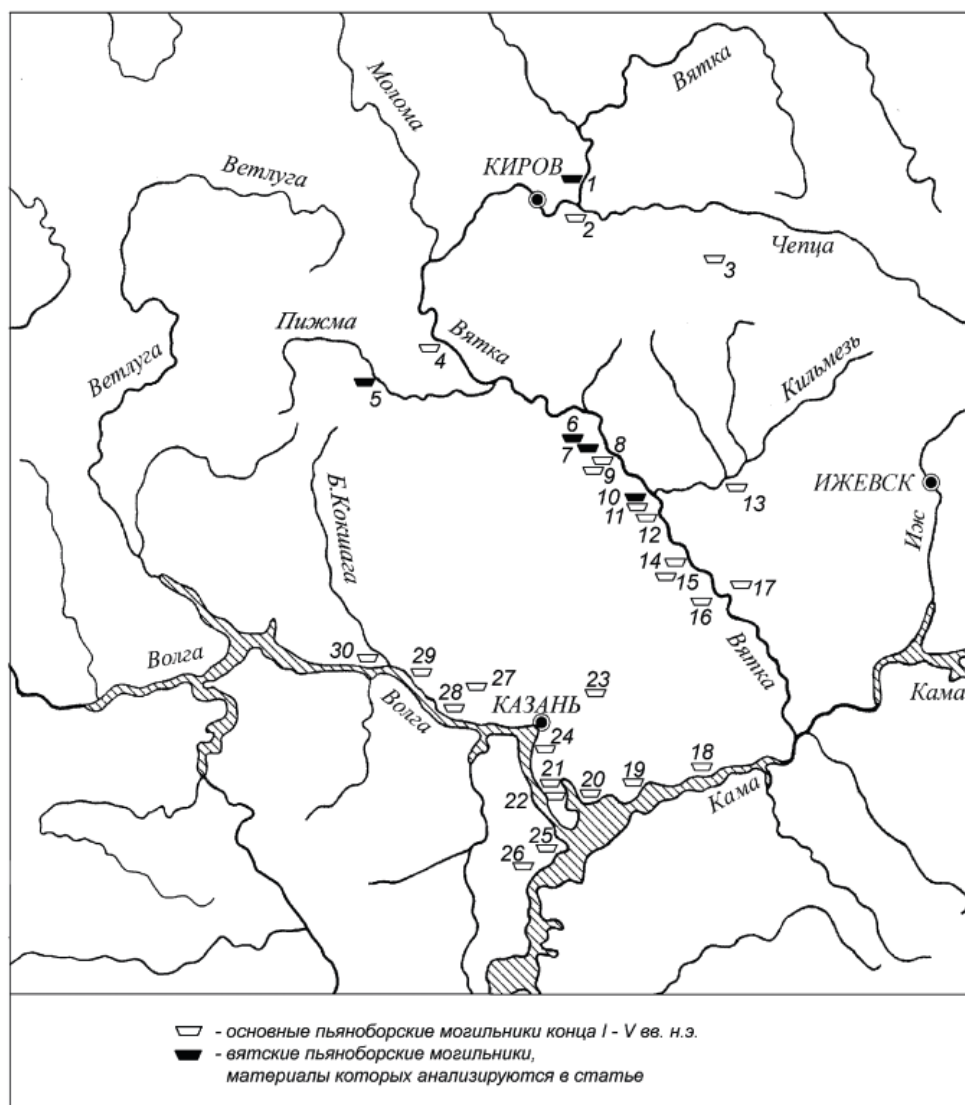

Рис. 1. Карта-схема распространения основных пьяноборских погребальных памятников конца I – V вв. н.э. Камско-Вятско-Волжского междуречья.

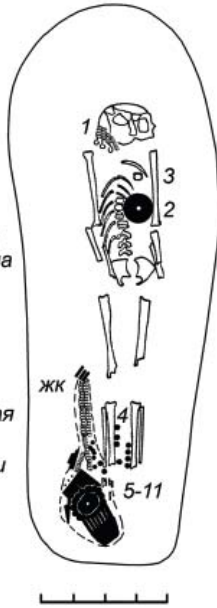
Бассейн р. Вятки: 1 – Первомайский м-к; 2 – Баевский м-к; 3 – Городищенский м-к; 4 – Кошкинский м-к; 5 – Худяковский м-к; 6 – Суворовский м-к; 7 – Ошкинский м-к; 8 – Красный Ключ м-к; 9 – Уржумский м-к; 10 – Тюм-Тюмский м-к; 11 – Воробьевский м-к; 12 – Хлюпинский м-к; 13 – Вичмарский м-к; 14 – Сунцевский м-к; 15 – Азелинский м-к; 16 – Атамановы Кости м-к; 17 – Кордон м-к.

Бассейн Нижней Камы: 18 – Гремячкинский м-к; 19 – Масловский м-к; 20 – Усть-Брынский м-к; 21 – Нармонский м-к; 22 – Рождественский V м-к; 23 – Айшинский м-к; 24 – Казанский I (старый стекольный завод) м-к; 25 – Сюкеевский м-к; 26 – Тетюшский II м-к. **Марийское течение р. Волги:** 27 – Лушморский м-к; 28 – Мари-Луговской м-к; 29 – Арзобелякский м-к; 30 – Уржумкинский м-к

п. 12

Погребальный инвентарь:

- 1 - височные подвески
 - 2 - бляха-застежка
 - 3 - бронзовая бусина
 - 4 - бляшки
- Состав ЖК:**
- 5 - подвески
 - 6 - бисер
 - 7 - бусина
 - 8 - эполетообразная застежка
 - 9 - нагрудные бляхи
 - 10 - нож
 - 11 - пронизки

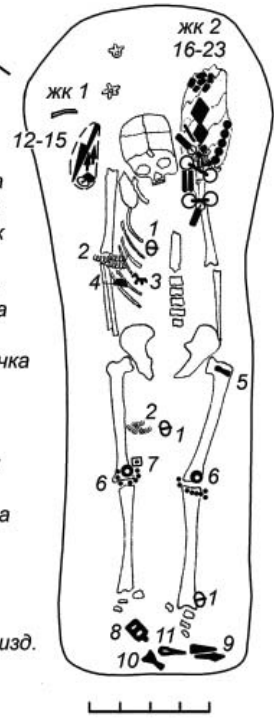

п. 14

Погребальный инвентарь:

- 1 - пряжка
 - 2 - пронизки
 - 3 - коньковая подвеска
 - 4 - фрагмент фибулы
 - 5 - подвеска-костылек
 - 6 - бляхи, бляшки
 - 7 - костяная накладка
 - 8 - костяная застежка
 - 9 - наконечники копий
 - 10 - костяная лопаточка
 - 11 - топор
- Состав ЖК 1:**
- 12 - нож
 - 13 - жел. нак-ки стрел
 - 14 - железная пряжка
 - 15 - железная накладка
- Состав ЖК 2:**

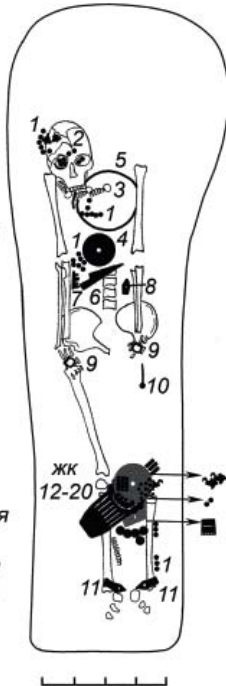
- 16-22 - элементы конской упряжи: накладки-зажимы, фр-ты железных изд., накладки-бляхи, удила, пряжки, бронз. пронизки-бусы, накладки
- 23 - нож

п. 28

Погребальный инвентарь:

- 1 - бляшки
 - 2 - шейные подвески
 - 3 - височные подвески
 - 4 - бляха-застежка
 - 5 - гривна
 - 6 - нож
 - 7,8 - фр-ты изделий
 - 9 - перстни
 - 10 - игольник?
 - 11 - застежки
- Состав ЖК:**
- 12 - бляха
 - 13 - бляха-накладка
 - 14 - бронзовые бусы
 - 15 - многочастные бляшки
 - 16 - пронизки
 - 17 - эполетообразная застежка
 - 18 - пронизки-уточки
 - 19 - бляха-нагрудник
 - 20 - умбоновидные бляшки

п. 26

Погребальный инвентарь:

- 1 - бляшки
 - 2 - височные подвески
 - 3 - железный наконечник стрелы
 - 4 - сьюльгама
 - 5 - железный нож
 - 6 - кольцо
 - 7 - застежка
- Состав ЖК:**
- 8 - эполетообразная застежка
 - 9 - бляха
 - 10 - бронзовые бусы-пронизки
 - 11 - многочастные бляшки

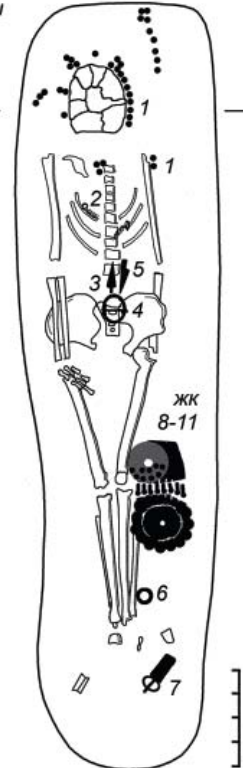

Рис. 2. Ошкинский могильник. Погребения с жертвенными комплексами

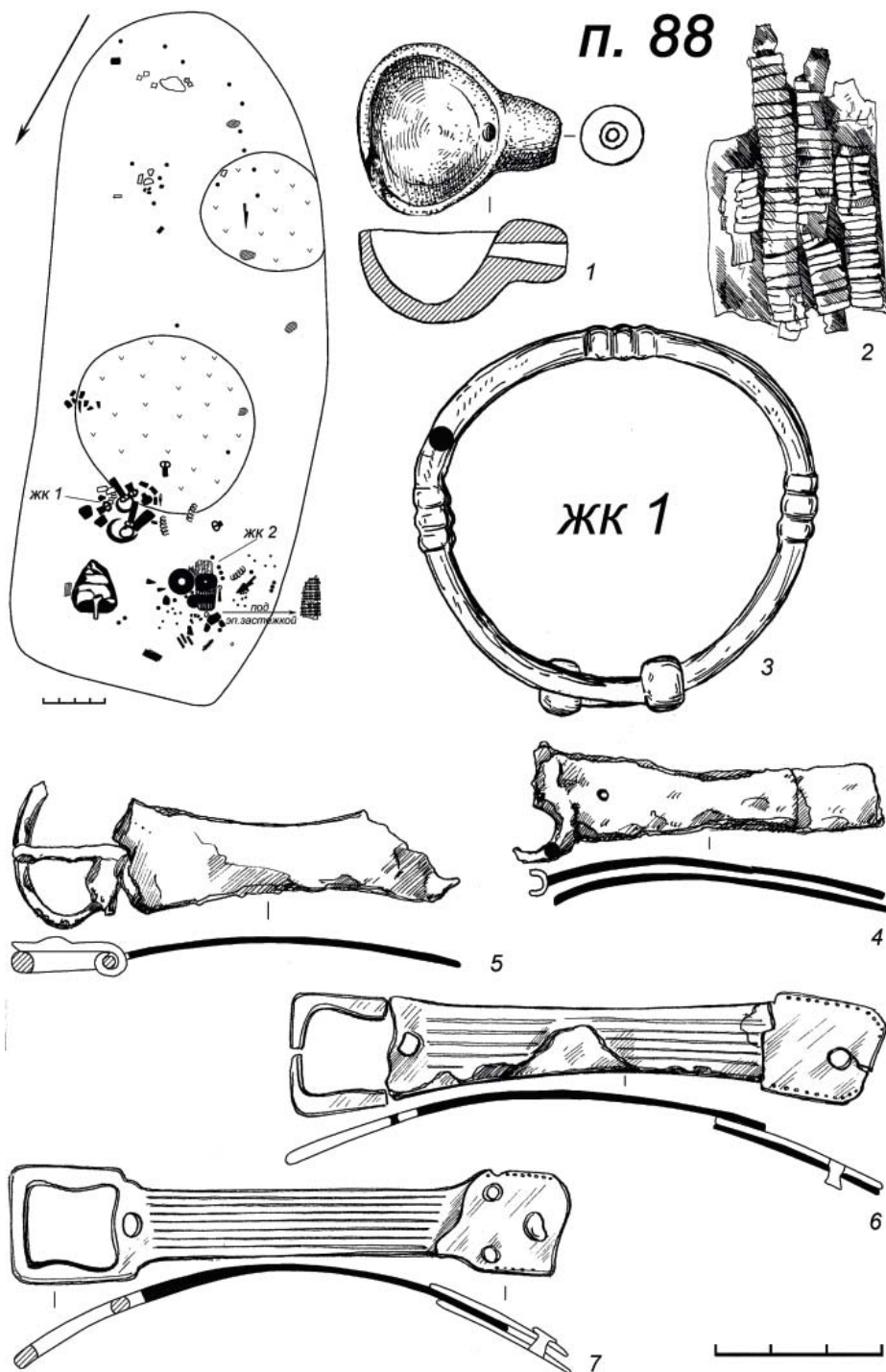

Рис. 3. Худяковский могильник. Погребение 88.
 Жертвенный комплекс 1: 1 – льячка; 2 – фрагмент пояса с пронзиями; 3 – браслет;
 4-7 – пряжки. 1 – глина; 2 – кожа, бронза; 3, 5-7 – бронза; 4 – железо

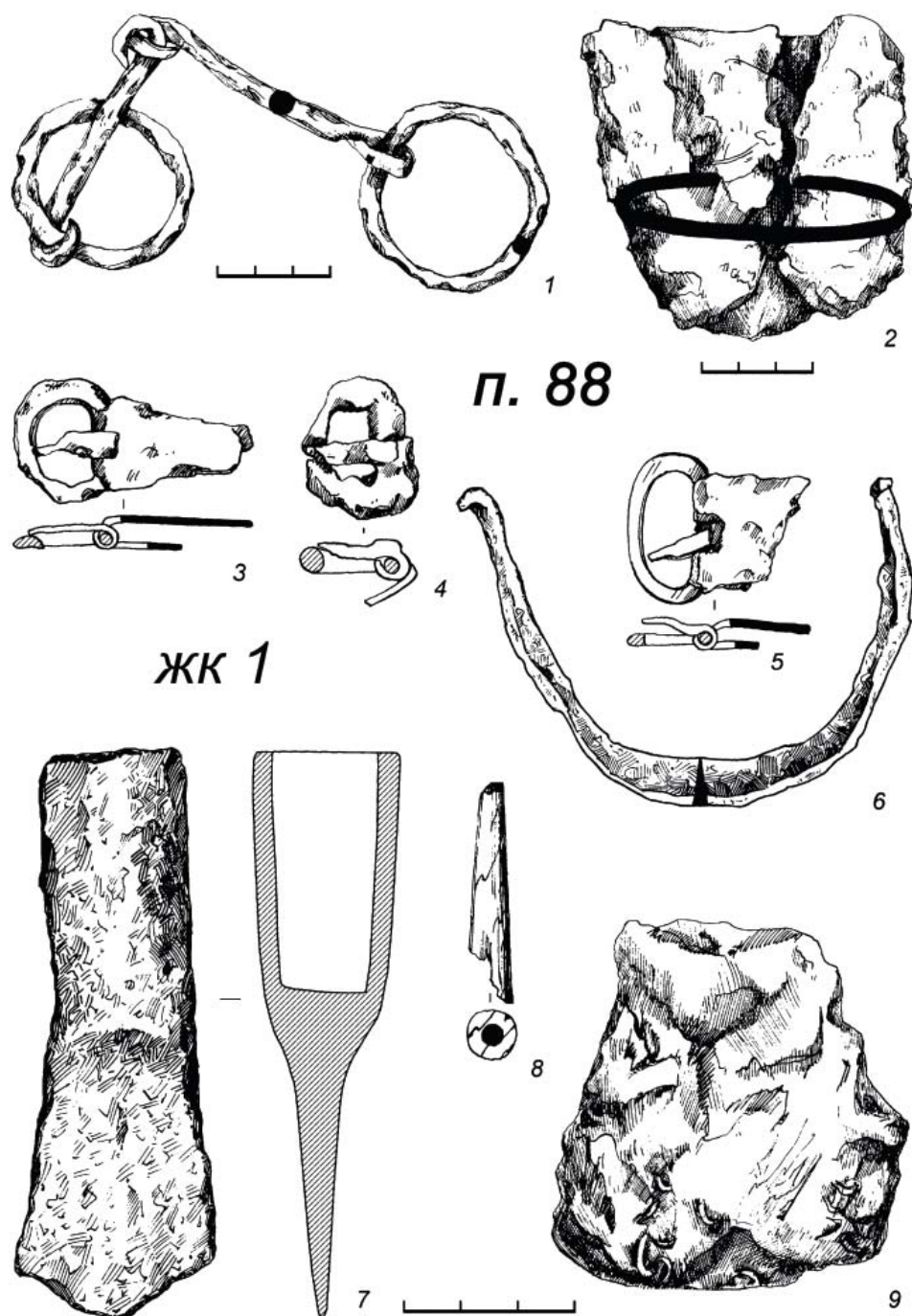

Рис. 4. Худяковский могильник. Погребение 88.
Жертвенный комплекс 1: 1 – удила; 2 – мотыжка; 3-5 – пряжки; 6 – скобель;
7 – топор; 8 – фрагмент изделия; 9 – спекшийся фрагмент кольчуги и лома цветного
металла. 1-4, 6, 7 – железо; 5, 9 – бронза, железо; 8 – дерево, железо

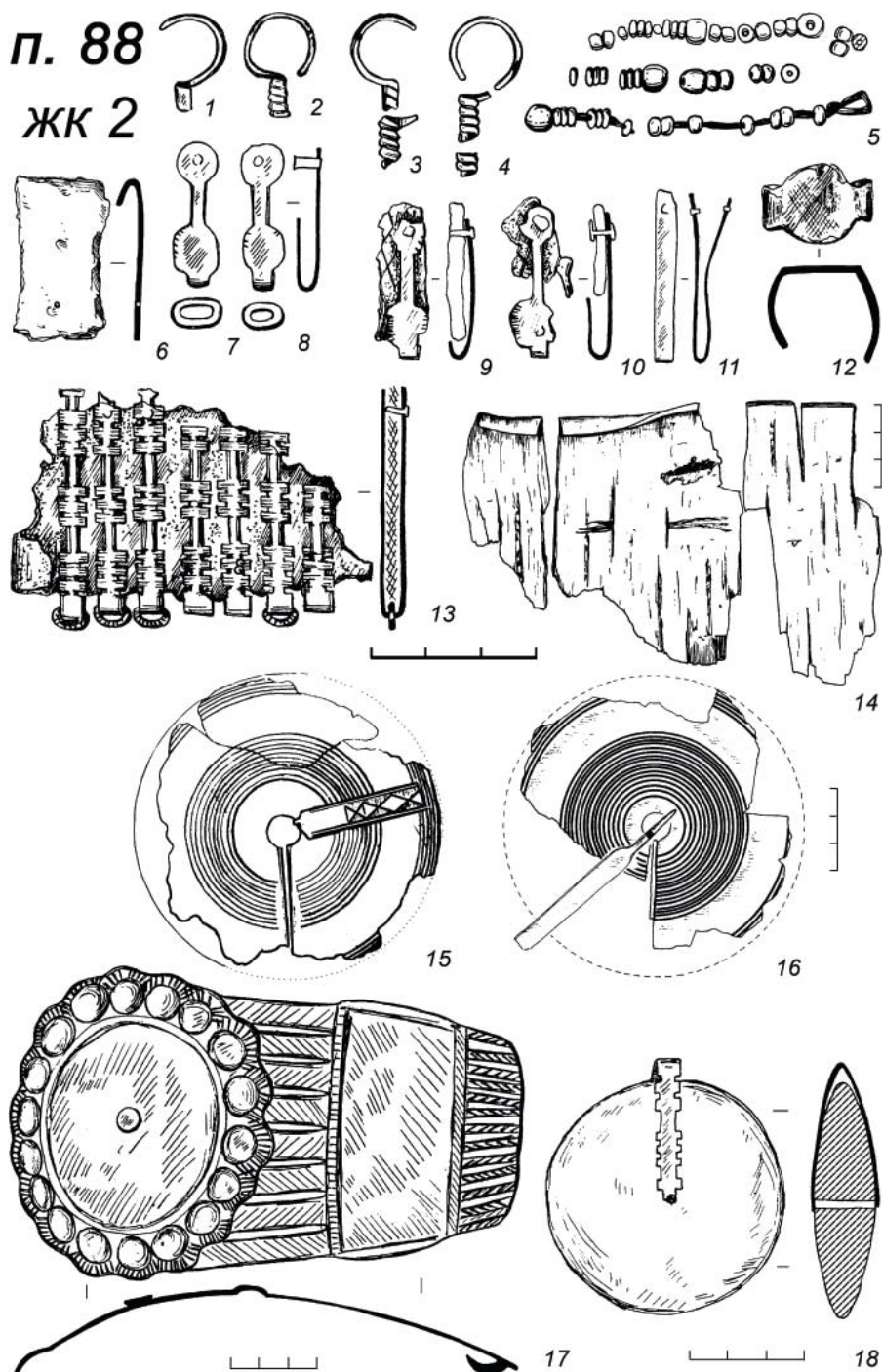

Рис. 5. Худяковский могильник. Погребение 88.

Жертвенный комплекс 2: 1-4 – височные подвески; 5 – бусы, бисер; 6 – фрагмент изделия; 7-11 – накладки; 12 – перстень; 13 – фрагмент пояса; 14 – фрагмент контейнера для ЖК; 15, 16 – бляхи-застежки; 17 – эполетообразная застежка; 18 – диск.

1-4, 7, 8, 11, 12, 15-17 – бронза; 5 – стекло; 6 – железо; 9, 10, 13 – бронза, кожа; 14 – береста; 18 – халцедон, бронза

характерных для мужского захоронения: обувные пряжки, чаще входящие в мужской обувной набор, удила, топор, скобель, кольчуга и т.д. (рис. 3, 4). Рядом с этим ЖК находился шлем. Второй ЖК включал женский набор инвентаря: височные подвески, пояс с эполетообразной застежкой, бисер и другие предметы (рис. 5). При этом в погребении в области фрагментов черепа и зубов зафиксированы бусы. Из всех возможных вариантов интерпретации более реалистичным в данном случае выглядит предположение, что захоронение было парным. Не противоречат этому и размеры могилы 349×146 см и наличие двух углистых пятен. Сложности возникли и с антропологической идентификацией пп.45, 94 Тюм-Тюмского могильника (см. далее).

Возвращаясь к характеристике ЖК по признаку антропологической принадлежности, стоит констатировать, что из 24 ЖК 15 сопровождали женские захоронения (62,5%) и 9 ЖК – мужские (37,5%). Возможности провести полный половозрастной анализ вятских погребений с ЖК нет, но можно отметить, что, по крайней мере, в женских захоронениях ЖК встречаются во многих возрастных группах: 11 лет (Ошкинский могильник: п.12), 16–18 лет (Ошкинский могильник: п.28), 25–35 лет (Ошкинский могильник: п.26; Суворовский могильник: п.5); 50–60 лет (Первомайский могильник: п.1). Если рассмотреть соотношение женских и мужских захоронений с ЖК по хронологическим периодам, то во II в. (4 захоронения) ЖК встречаются только в женских погребениях, в III в. (6 захоронений) – количественное соотношение: 4 женских – 2 мужских; IV – нач. V в. –

6 женских к 4 мужским погребениям с ЖК. Сочетание женских и мужских ЖК примерно в таких же пропорциях встречается и на нижнекамских азелинских могильниках: Рождественский V могильник: 4 женских (пп.8, 23, 33, 173) – 2 мужских (пп.73, 235) (Старостин, 2009).

Корреляция захоронений с ЖК по признакам «антропологическая принадлежность» и «тип контейнера» показала, что для мужских ЖК характерно большее разнообразие типов контейнеров: кожаные, тканевые емкости, если берестяная емкость, то в форме кошеля. Только для женских ЖК использовалась перевернутая эполетообразная застежка, а более традиционной формой был берестяной короб, туесок. Существенных различий по антропологическому признаку в местоположении ЖК в погребениях нет. И для женских, и для мужских ЖК общая тенденция – преимущественное расположение в области ног, но если мужские ЖК зафиксированы только «в ногах», то женские ЖК – чаще в области колен, костей голени справа, слева, между ногами.

Состав ЖК напрямую связан с антропологической характеристикой погребенного. Для женских захоронений (табл. III) типична бронзовая пластика основных элементов костюмного комплекса. Чаще встречаются шейно-нагрудные украшения: различного вида пронизки, бусы, бисер, с III в. – халцедоновые диски, бляхи, нагрудники, подвески, металлическая гарнитура пояса. Реже зафиксированы детали головного убора (височные подвески, налобные венчики, шапочки) и браслеты. В единичных случаях встречаются гривны, перстни. Нередко комплект украшений дополнялся

ножами, шильями, в исключительных случаях – гребешком, серебряным блюдцем. Категории украшений, входящие в состав женских ЖК II – нач. III в. (Ошкинский могильник), не дублировали элементы погребального костюмного комплекса, а сам состав ЖК был более богатым. Чаще не повторялись составы ЖК и костюма и в III в. (Худяковский могильник), иногда только дублировались бусы и элементы поясной гарнитуры. Эта тенденция характерна и для ЖК IV в. Первомайского и Тюм-Тюмского могильников. Можно сказать, что во всех перечисленных случаях в ЖК входили, как правило, дополнительные элементы костюмных наборов. Несколько иная картина прослеживается в Суворовском могильнике. Погребения с ЖК (пп.5, 28) отличаются богатством бронзовой пластики погребальных костюмов. При этом в п.28 шапочка из ЖК полностью дублировала головной убор погребенной. Один из ЖК п.5 с бронзовыми украшениями по категориям вещей частично совпадал с основным набором захоронения, но уступал ему в количестве и выразительности. В сочетании со вторым ЖК, где присутствует инструментарий ювелира, он скорее воспринимается как набор готовой продукции, заготовок мастера (Генинг, 1963, с. 111–112, 122–123). Кроме ЖК из п.5 Суворовского могильника, ЖК, связанный с профессиональной идентификацией погребенного, обнаружен и в п.45 Тюм-Тюмского могильника. Здесь в берестяном коробе зафиксированы предметы женского костюмного комплекса: браслеты, бисер, детали нагрудника, пронизки-уточки, пояс с накладками, кольцевидные подвески, бляхи, серебряное блюдечко.

Над ним – инструментарий, связанный с профессиональными занятиями в области цветной металлургии: наковаленка, напильник, нож, клещи, молоток (Ошибкина, 2010, с. 17–18). По составу ЖК погребение относится к группе захоронений «женщин-литейщиц» (смущают только находки «кос-горбуш», характерных для мужских погребений), которые встречаются кроме вятских могильников и в нижнекамской группе памятников азелинского типа – п.33 Рождественского V могильника (Старостин, 2009, с. 8–9, рис. 11), п.10 Нармонского могильника (Старостин, 2002, с. 14, рис. 12), п.30 Тетюшского II могильника (Бугров, 2004, с. 81–83).

В набор мужских ЖК (табл. IV) входило оружие: наконечники стрел, боевые топоры, редко «косы-горбуши», наконечники копий, мечи, при этом, чаще всего, оружие сопровождало ЖК, располагаясь рядом или над емкостью ЖК (Тюм-Тюмский могильник: пп.94А, 94Б, 102) (Ошибкина, 2010, с. 26–30, табл. 40–53). Нередко в ЖК входили элементы конской упряжи (Ошкинский могильник: п.14; Худяковский могильник: п.88), кольчуги (Худяковский могильник: п.88; Тюм-Тюмский могильник: п.102), орудия труда: топоры, скобели, мотыжки, инструментарий для металлургического производства (молотки, клещи, пробойники – Тюм-Тюмский могильник: п.102; льячка, лом цветного металла – Худяковский могильник: п.88). Особое своеобразие наборов мужских ЖК – довольно часто фиксируемые украшения. Среди них встречаются детали поясной, обувной гарнитуры, реже браслеты, перстни, халцедоновые диски. В Тюм-Тюмском могильнике повторяющийся элемент

мужских ЖК – зооморфные пронизки-уточки с фрагментами ремешков, с нанизанными на них пронизками, бисером (пп.79, 141). Во всех случаях они располагались в области пояса, в кожаном контейнере по типу кошель-сумочки, с возможным их креплением к ремню. Близкие украшения (пронизки-бубенчики на пронизях) встречались в мужских погребениях этого памятника без ЖК (пп.44, 118) (Ошибкина, 2010, табл. 17, 56). Вероятно, этот тип украшений в ЖК можно рассматривать как дополнительные элементы костюмного комплекса. Стоит заметить, что набор металлической пластики мужского костюмного комплекса по материалам Тюм-Тюмского могильника отличается большей выразительностью, чем на других памятниках: ажурные подвески, сьюлгамы, бляшки, гривны, перстни и т.д. Однако некоторые типы украшений в мужских ЖК Тюм-Тюмского могильника, вероятно, в большей мере отражают поминально-дарственные обрядовые действия по отношению к умершему мужчине со стороны женщины. Наиболее наглядный пример – парное захоронение п.94. Состав сопровождающего инвентаря (оружие, сбруя, котлы, шлем, инструменты) говорит о двух воинских захоронениях мужчин высокого социального положения. Вместе с тем в ЖК основного захоронения (косяк А) встречено много бисера (Ошибкина, 2010, с. 27). Еще более интересное захоронение 94Б – над скоплением оружия зафиксированы фрагменты женского головного убора, коньковая подвеска, 3 разбитых халцедоновых диска, нож и шило (Ошибкина, 2010, с. 28). Именно находки головного убора, который всегда выступал как сложная знаковая

система этнической, половозрастной, социальной идентификации женщин, наталкивают на возможность различных трактовок женского типа ЖК в мужском захоронении. Во-первых, при отсутствии антропологических определений, есть вероятность, что это захоронение женщины, принадлежащей к высокой социальной стратум-тумского общества с проявлением значительной степени милитаризованности в условиях активных этнических контактов в Камско-Вятском междуречье в эпоху великого переселения народов. С другой стороны, есть аргументы рассматривать это как своеобразный поминальный дар мужчине от женщины. Находки украшений встречаются и в других мужских погребениях Тюм-Тюмского могильника, к примеру в п.79 в засыпи могилы найдено типичное женское украшение – арочная шумящая подвеска в меховом чехле (Ошибкина, 2010, с. 24, табл. 35–1). Женские по набору ЖК (чаще всего бусы, бисер и височные подвески) характерны для мужских (по антропологическим определениям) погребений пьяноборского Тарасовского могильника I–V вв. н.э. на Средней Каме (пп.15, 36, 65, 101а, 128 а, 137, 1004 б; Голдина, 2003, т. I, II). Это явление отмечается для рязано-окских могильников первой половины I тыс. н.э. (Белоцерковская, 1997). Возможно, что помещение в могилу не только отдельных височных, шейных женских украшений, а целого головного убора имело более глубокий семантический смысл, чем просто «дар».

Упомянутые параллели с Тарасовским могильником по признаку ЖК не случайны, прежде всего, по факту принадлежности памятников Уд-

муртского Прикамья и Камско-Волго-Вятского междуречья в первой пол. I тыс. н.э. к пьяноборской культурно-исторической общности на уровне локальных вариантов. Кроме того, хронологический период функционирования Тарасовского могильника, I–V вв. н.э., совпадает со временем выявленных на сегодняшний день погребальных памятников худяковской археологической культуры – вятского локального варианта пьяноборской общности (Лещинская, 2012). Сравнение вятского комплекса погребений и выборки захоронений с ЖК Тарасовского могильника, проанализированной Т.Р. Сабировым (2011, с. 51–54, табл. 42–47, диаграммы 32–35, рис. 23), показывает, что степень встречаемости ЖК в пьяноборских погребениях Средней Камы значительно выше (17,3%), чем на Вятке (4,6%), но распределение погребений с ЖК по хронологическим периодам имеет общую тенденцию: возрастание доли ЖК к позднему пьяноборью. Так, сопоставив выборку тарасовских погребений с ЖК (Сабиров, 2011, табл. 42) с вещевыми комплексами (Голдина, 2003) мы можем констатировать, что только 23,9% ЖК относится ко II – самому началу III в., а 76,1% – это погребения с ЖК середины III – V в. н.э., при этом пик встречаемости ЖК, также как и на Вятке, приходится на IV в. Близкие выводы были получены и О.В. Арматынской при характеристике ЖК погребальных памятников Удмуртского Прикамья II–V вв. н.э. (1987, с. 69, 72) – при высоких показателях встречаемости ЖК в погребениях, только 10,3% захоронений к началу III в. содержали ЖК.

К всеобщим признакам ЖК сравниваемых территорий относится со-

четание ЖК с ингумацией; помещение в погребение чаще всего одного ЖК; более высокая степень корреляции ЖК с женскими захоронениями, чем с мужскими. Локальная специфика погребений с ЖК больше фиксируется по признакам местоположения ЖК относительно костяка и составу ЖК. Так, если на вятских могильниках преобладает позиция ЖК в области ног (52,6%), то для среднекамских некрополей более выражена тенденция размещения ЖК в области головы (справа, слева, изголовье): 41,6% погребений с ЖК на Тарасовском могильнике (Сабиров, 2001, с. 52, диаграмма 33), 76,3% в мазунинской группе памятников Камско-Бельского междуречья (Останина, 1997, с. 26). В составе ЖК пьяноборских памятников Средней Камы и низовьев р. Белой преобладают украшения костюмного комплекса, чаще всего височные подвески, бисер, бусы, чуть меньше браслеты, накладки, пронизки, фибулы, реже встречаются мелкие бытовые вещи (Сабиров, 2011, с. 53, рис. 24; Арматынская, 1987, с. 71; Останина, 1997, с. 26). В отличие от этого вятские наборы ЖК более разнообразны и включают орудия труда, оружие, элементы конского снаряжения, а в состав бронзовой пластики костюмных комплексов чаще входят шейно-нагрудные украшения, реже – детали головного убора. Больше вариантов на Вятке и типов контейнеров для ЖК, в отличие от использования только берестяного короба на среднекамских памятниках.

Определенные параллели вятских погребений с ЖК уместно провести и с материалами Красноярского могильника I–V вв. н.э., который расположен в бассейне р. Тулвы, левого притока

р. Камы, – археологической области, которая в свое время В.Ф. Генингом рассматривалась как территория особой осинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э., Ю.А. Поляковым как локальный вариант гляденовской культуры. Автор раскопок Красноярского могильника О.А. Казанцева считает его гляденовским (2012, с. 52). Р.Д. Голдина находит перспективной идею рассматривать этот археологический микрорайон локальным (красноярским) вариантом пьяноборской культурно-исторической общности (1999, с. 254). При всей вариативности этнокультурных построений Красноярский могильник проявляет определенные параллели по признаку ЖК и с вятскими, и с камско-бельскими (чегандинскими) пьяноборскими могильниками. Помимо всеобщих признаков, характерных для большинства погребений с ЖК значительных территорий Камско-Вятского междуречья первой пол. I тыс. н.э., по степени встречаемости ЖК в погребениях (10,4%) Красноярский могильник занимает промежуточное положение между вятскими и чегандинскими некрополями, но по признакам «местоположение ЖК», где преобладает положение в области предполагаемой головы и «состав ЖК», где чаще фиксируются бусы, бисер (Казанцева, 2012, с. 25–26, табл. IV–VI) наибольшая близость проявляется с могильниками Удмуртского Прикамья и низовьев р. Белой.

В качестве общих итоговых замечаний по характеристике жертвенных комплексов вятских погребений первой половины I тыс. н.э. можно отметить, что при достаточно устойчивой тенденции его проявления в погребальной практике процент встречаемости захоронений с ЖК невысокий. Скорее всего, семантическое поле этого элемента погребальной обрядности было многоплановым. Для большинства женских погребений ЖК – это погребальный набор с дополнительными комплектами украшений и частей одежды. При этом порой фиксируется, что чем беднее сам погребальный костюм, тем выразительнее по составу ЖК (погребения с ЖК Ошкинского могильника), или наоборот (п.28 Суворовского могильника). Богатые воинские наборы ЖК могли символизировать особый социальный ранг погребенного, значимость которого особенно повышается в условиях активизации процессов взаимодействия. Вероятное назначение ЖК с орудиями труда, сырьем и готовой продукцией – профессиональная идентификация умершего. Женские ЖК в мужских захоронениях больше связаны с поминально-дарственными обрядовыми действиями. В наиболее общем виде все это ритуальные вещицевые комплексы с различными семантическими оттенками значения. Безусловно, стоит осознавать гипотетичность современных объяснительных реконструкций для погребальных традиций древности.

Таблица I

Встречаемость жертвенных комплексов в погребальных памятниках I–V вв. н.э. Вятского бассейна

Название могильника	Датировка	Общее число погребений	Количество погребений с ЖК	%
Ошкинский	кон. I – III в. н.э.	32	5 (пп.12, 14, 26, 28, 30)	15,6
Воробьевский	II–III вв. н.э.	4	–	–
Городищенский	II–III вв. н.э.	2	–	–
Худяковский	III – нач. IV в. н.э.	120	4 (пп.1, 84, 88, 100)	3,3
Кордон	III в. н.э.	24	–	–
Первомайский	кон. I – V в. н.э.	76	1 (п.1)	1,3
Азелинский	IV в. н.э.	19	–	–
Суворовский	IV в. н.э.	31	2 (пп.5, 28)	6,5
Вичмарский	IV в. н.э.	23	–	–
Уржумский	кон. IV – нач. V в. н.э.	2	–	–
Тюм-Тюмский	IV–V вв. н.э.	78	7 (пп.33, 45, 79, 94, 102, 134, 141)	9
Всего		411	19	4,6

Таблица II

Характеристика жертвенных комплексов

Название могильника	№ пп.	Дата погр. (вв.)	Пол, возраст	Кол-во ЖК в погр.	Тип контейнера									
					берестяной короб	берестяной «кошелек»	заворачивание в ткань и бересту	чехол из луба	кожаная емкость	заворачивание в ткань	прямоугольник из боевых топоров	эполетообразная застежка	не определено	
Ошкинский	12	кон. II – нач. III	Ж*, ребенок 11 л.	1					+					
	14	III	М, 50–60	2					+					+
	26	II	Ж, 25–35	1									+	
	28	II	Ж, 16–18	1									+	
	30	кон. II – нач. III	Ж*	1	+									

* Антропологическая идентификация по характеру погребального инвентаря.

гривна										+					1
нагрудник	+		+		+			+		+			+		6
бляхи		+	+	+											3
бляхи-застежки								+				+			2
бляшки		+	+							+					3
подвески	+			+						+		+	+	+	6
пояс с гарнитурой					+		+	+					+		4
эполетообразные застежки	+	+	+				+	+							5
пряжки						+						+			2
накладки										+					1
браслет						+			+	+				+	4
перстень							+								1
инструментарий, сырье металлурга										+			+		2
нож	+			+						+		+			4
шило												+			1
гребешок				+											1
серебряное блюдо													+		1

Таблица IV

Характеристика мужских жертвенных комплексов по составу предметов

Могильники	Ошкин-ский	Худяков-ский	Тюм-Тюмский						Всего
			№ погребений	79	94А	94Б	94В	102	
№ погребений	14	88	79	94А	94Б	94В	102	141	
Датировка (вв.)	III	III	IV – нач. V	IV			IV – нач. V	IV	
Элементы жертвенных комплексов:									
детали шапочки и налобных венчиков						+			1
зооморфные пронизки			+					+	2
спиралевидные пронизки			+						1
бронзовые бусы-пронизки							+		1
стеклянные бусы, бисер			+	+				+	3
халцедоновые диски, бусы					+	+	+		3
бляшки			+						1
подвески						+		+	2
пояс с гарнитурой		+		+					2
пряжки	+	+	+						3
накладки	+								1
браслет		+							1
перстень								+	1
наконечники стрел	+					+	+		3

наконечники копий					+			1
меч					+			1
боевые топоры			+		+			2
«косы-горбуши»						+		1
кольчуга		+				+		2
предметы конской упряжи	+	+			+			3
скобель		+			+	+		3
мотыжки		+						1
топор		+			+	+		3
инструментарий, сырье металлурга		+				+		2
нож	+				+			2
шило					+	+		2
сафьяновая кожа							+	1
бронзовые котлы					+			1

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арматинская О.В.* Жертвенные комплексы в погребальных памятниках Удмуртского Прикамья II–V вв. н.э. // Новые археологические исследования на территории Урала. – Ижевск, 1987. – С. 69–75.
2. *Белоцерковская И.В.* Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. – Вып. 93. – М., 1997. – С. 20–28.
3. *Бугров Д.Г.* Погребение женщины-«ремесленницы» из Тетюшского II могильника // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. – Казань, 2004. – С.77–92.
4. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. – Вып. 5. – Ижевск, 1963. С. 7–8.
5. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск, 1967. – С. 7–84.
6. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
7. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. II. – Ижевск, 2003. – 724 с.
8. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). – Ижевск, 2010. – 494 с.
9. *Казаков Е.П.* Тетюшский могильник азелинской культуры // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. – Казань, 2009. – С. 31–44.
10. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. – Ижевск, 2012. – 180 с.

11. *Лецинская Н.А.* Некоторые итоги археологического изучения Вятского бассейна в I – начале II тыс. н.э. в связи с исследованиями В.Ф. Генинга // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.* – Ижевск, 2000. – С. 210–215.

12. *Лецинская Н.А.* Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. – Ижевск, 2000а. – 55 с.

13. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки // *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция.* – Ижевск, 2012. – С. 124–163.

14. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / *Тр. МАЭ.* – Т. V. – Йошкар-Ола, 1999. – 160 с.

15. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002. – 432 с.

16. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 327 с.

17. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. – М., 2010. – 211 с.

18. *Сабиров Т.Р.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме: Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011 / *Архив ИИКНП УдГУ.* – Ф. 4/1. – Д. 173.

19. *Старостин П.Н.* Нармонский могильник. – Казань, 2002. – 62 с.

20. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник / *Археология Евразийских степей.* – Вып. 9. – Казань, 2009. – 143 с.

21. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // *Железный век Марийского края / Тр. МАЭ.* – Т. 2. – Йошкар-Ола, 1962. – С. 7–187.

Информация об авторе:

Лецинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

«SACRIFICIAL SETS» OF THE PYANOBORYE BURIAL GROUNDS IN THE VYATKA RIVER BASIN

N.A. Leshchinskaya

A clearly defined element inherent in funeral traditions of the Finno-Ugric cultures in the period of the Early Iron Age to the Middle Ages, which was specified by V.F. Gening as a “sacrificial complex”, is considered in the study. The main features of the “sacrificial complexes” fixed in the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka River basin and dated by the 1st to 5th centuries AD are characterized. A comparative analysis with synchronous monuments of the Kama-Vyatka-Volga interfluvial area is conducted. The “sacrificial complex” word combination is used in the article as a descriptive term. The diversity of the concept’ semantics as applied to the materials from the Vyatka River region is pointed out by the author.

Keywords: the Vyatka River basin, 1st– 5th centuries AD, the Pyanoborye cultural-historical community, burial grounds, funeral rite, “sacrificial complexes”.

REFERENCES:

1. Armatynskaia, O. V. 1987. In *Novye arkheologicheskie issledovaniia na territorii Urala (New Archaeological Investigations in the Territory of Ural)*. Izhevsk, 69–75 (in Russian).
2. Belotserkovskaia, I. V. 1997. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 93. Moscow, 20–28 (in Russian).
3. Bugrov, D. G. 2004. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135 letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110 letiiu so dnia rozhdeniia M. G. Khudiakova, 2–25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2–25 March 2004)*. Kazan: "Shkola" Publ., 77–92 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1963. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 5. Izhevsk, 7–8 (in Russian).
5. Gening, V. F. 1967. In *Pamiatniki mazuninskoii kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).
6. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
7. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
8. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2009. In *Materialy i issledovaniia po srednevekovoii arkheologii Vostochnoi Evropy (Materials and Studies on the Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Kazan, 31–44 (in Russian).
10. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 24. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
11. Leshchinskaia, N. A. 2000. In Goldina R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologii: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*. Izhevsk. Udmurt State University, 210–215 (in Russian).
12. Leshchinskaia, N. A. 2000. *Oshkinskii mogil'nik – pamiatnik p'ianoborskoii epokhi na Viatke (Oshkinsky Burial Ground, a Site of the Pyany Bor Culture on the Vyatka River Bank)*. Izhevsk (in Russian).
13. Leshchinskaia, N. A. 2012. In *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Izhevsk: Udmurt University, 124–163 (in Russian).

14. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov)* (*History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by the Materials from Burial Grounds*). Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).
15. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkhelogicheskim materialam)* (*Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials)*). Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).
16. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Institute for the History, Language and Literature (in Russian).
17. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Moscow (in Russian).
18. Sabirov, T. R. 2011. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area III)*. PhD Diss. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 4/1, dossier 173 (in Russian).
19. Starostin, P. N. 2002. *Narmonskii mogil'nik (Narmonka Burial Ground)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
20. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 9. Kazan (in Russian).
21. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).

About the Author:

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences, docent. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

УДК 903.02

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ В.Ф. ГЕНИНГА И ДРУГИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА МАЗУНИНСКУЮ КУЛЬТУРУ

© 2014 г. Т.И. Останина

Статья посвящена истории изучения мазунинской культуры (III–V вв.) в Среднем Прикамье. Начало исследования и теоретического обоснования этой культуры положил видный советский археолог В.Ф. Генинг. Им были получены значительные археологические материалы, относящиеся к данной культуре, в результате разведок и раскопок на территории Удмуртии и Башкирии начиная с 1954 г. В статье детально проанализированы публикации и сюжеты В.Ф. Генинга, связанные с памятниками мазунинской культуры. Прослежена эволюция взглядов ученого на ее основные элементы (территория, вещевой материал, погребальный обряд, датировка, происхождение, культурные связи и дальнейшая судьба). Впоследствии изучение новых, не известных ранее, памятников дало возможность углубить знания по многим проблемам раннего средневековья в Среднем Прикамье, в том числе в отношении мазунинской культуры. Это привело к появлению разных точек зрения на данную культуру как у современников В.Ф. Генинга, так и у исследователей последующего поколения, которые также приводятся и анализируются.

Ключевые слова: археология, Прикамье, раннее средневековье, мазунинская культура, В.Ф. Генинг, территория, инвентарь, погребальный обряд, этногенез, дискуссии.

В 1954 г. на основании распоряжения Совета Министров УАССР была организована Удмуртская археологическая экспедиция, которую возглавил В.Ф. Генинг, выпускник Пермского госуниверситета, в то время работавший в должности заместителя директора по науке Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей УР им. К. Герда). В 1954–1956 гг. УАЭ сосредоточила свои работы в южных прикамских районах Удмуртии. В течение указанных трех лет В.Ф. Генингом проводились раскопки Мазунинского могильника, давшего имя новой, выделенной им культуре – мазунинской. Могильник находится вблизи с. Мазунино Сарапульского района УАССР (ныне УР). Памятник был известен

в науке еще в конце XIX в. В 1894 г. профессор Казанского университета И.Н. Смирнов обследовал могильник, но не обнаружил там «целых погребений» (Генинг, 1958, с. 177).

Проводя археологические раскопки могильника, вещевой материал и погребальный обряд которого во многом отличался от хорошо известных ему пьяноборских памятников, В.Ф. Генинг пытался определить его историческое место. Так, в первый год раскопок некрополя, давший всего 15 погребений, позволил ему отнести его к «типу Бахмутинского могильника (конец V–VI в.)». По мнению Владимира Федоровича, на территории Прикамья наиболее близкими к нему были Сайгатский и Сарапульский, а переходным могильником являлся

Нырғында I. Население, оставившее подобные памятники, генетически связано с населением пьяноборской культуры (Генинг, Отчет УАЭ за 1954 г., л. 242). В 1955 г., после вскрытия еще 40 погребений, он уже писал, «что в нем чрезвычайно мало черт преемственности с пьяноборской археологической культурой», а могильник датировал IV–VII вв. (Генинг, Отчет за 1955 г., л. 14). И он предположил, что население, оставившее Мазунинский могильник, выходцы с р. Белой – племена бахмутинской культуры, занявшие в IV–V вв. правобережье Камы (Генинг, Отчет УАЭ за 1955 г., л. 15). Однако в 1956 г. после окончания раскопочных работ на могильнике (всего вскрыто 69 погребений) он меняет свою точку зрения на происхождение населения выделенной им культуры: пришельцы на среднюю Каму из круга угорских племен. Наибольшую близость он видит в погребальном обряде харинских курганных захоронений Верхнего Прикамья (Генинг, Отчет УАЭ за 1956 г., л. 17–20).

В этом же году один из отрядов УАЭ под руководством В.Е. Стоянова начал раскопки открытого им Нырғындынського могильника, расположенного в Каракулинском районе Удмуртии (всего вскрыто 8 погребений). Найдены артефакты, аналогичные вещам Мазунинского могильника (Генинг, 1958, с. 169), тем самым была пополнена источниковедческая база выделенной культуры. В 1956 г. разведывательным отрядом УАЭ под руководством В.А. Семенова был открыт еще один могильник – Нивский – в бассейне р. Сивы, правого притока Камы, с материалом, подобным вещам из Мазунинского могильника. Полученные отрядом вещи были до-

статочно выразительными: височные подвески, обломок от бабочковидной фибулы, гривны с бронзовой навивкой (Семенов, 1967, с. 119–122).

В этом же году еще один могильник с аналогичным материалом был исследован силами Камской и Удмуртской археологических экспедиций на Каме около с. Сайгатка Пермской области. Под руководством В.Е. Стоянова было исследовано 43 погребения (Стоянов, 1962, с. 117–134). В 1957 г. был случайно открыт и обследован В.Ф. Генингом еще один одновременный могильник – Ижевский – в бассейне р. Иж, правого притока р. Камы. На нем было вскрыто 38 погребений (Генинг, 1967, с. 123–140).

Таким образом, за 4 года раскопочно-разведочных работ УАЭ была создана источниковедческая база (161 погребение), которая долгое время оставалась без изменений и легла в основу теоретических построений В.Ф. Генинга.

Если первые свои мысли о своеобразии памятников послепьяноборского времени он выражал в текстах Отчетов УАЭ, то в 1958 г. в научно-популярной книге «Археологические памятники Удмуртии» (1958) в разделе «Археологические культуры III–IX вв.» исследователь выделяет отдельным текстом тему «Мазунинская культура». Здесь в краткой форме он дает описание находок, погребального обряда, занятий населения в III–VI вв., приводя в основном примеры из результатов собственных раскопок на городище Чеганда I и Мазунинского могильника. При этом он отмечает, что «мазунинская культура выявлена лишь в последние годы, изучена далека недостаточно» (Генинг, 1958, с. 80). Он дает археологическую карту этой

культуры, где число памятников насчитывается в количестве 34 (Генинг, 1958, рис. 29,33).

На более высоком теоретическом уровне Владимир Федорович подходит к культурам Прикамья в эпоху железа, в том числе и мазунинской, в 1959 г. в статье, изданной в «Трудах Казанского филиала Академии наук СССР» (Генинг, 1959, с. 200–204). Он обращает особое внимание на происхождение населения и отмечает наибольшую близость к бахмутинской культуре, так как та и другая этнически происходит из большой угорской общности в результате продвижения южно-уральских и западно-сибирских племен на запад (Генинг, 1959, с. 201). Он повторяет информацию 1958 г. о наиболее ярких категориях предметов и элементах погребального обряда Мазунинского могильника. Указывая на запустение удмуртского Прикамья в VII в., ученый сожалеет, что на современном этапе не может определить дальнейшую судьбу населения данной культуры.

Исходя из текста статьи В.Ф. Генинга, можно выделить следующие характерные черты мазунинской культуры:

- территория расселения – Прикамская Удмуртия;

- датировка культуры – III–VI вв.;

- основные специфические вещи: височные подвески, ожерелья из бус и спиральных пронизок, поясные наборы с медными накладками шпулькообразной формы, застежки-фибулы с круглым или овальным щитком;

- специфические элементы погребального обряда: украшения сложены в берестяной сосуд, стоящий у изголовья или у ног, поясной набор лежит всегда вытянуто с правого бока;

- культура не имеет ничего общего с пьяноборской культурой;

- наибольшая близость к памятникам бахмутинской археологической культуры (Генинг, 1959, с. 201–202).

Ученый стремится доказать особое положение мазунинской культуры, сравнивая ее с харинскими, полемскими, бахмутинскими памятниками на основе имеющихся в то время материалов. Это была его первая попытка заявить о существовании мазунинской, да и других (полемской, азелинской, ломоватовской) культур, согласно своему видению средневековой этнической истории Прикамья. Тогда, возможно, ему не хватило времени для большей аргументации своих взглядов. Это будет сделано Владимиром Федоровичем в научном сборнике, полностью посвященном памятникам мазунинской культуры (1967, с. 7–84).

Основные положения по мазунинской культуре были еще раз подтверждены В.Ф. Генингом в его совместной с В.Е. Стояновым статье в научном сборнике, посвященном второму Уральскому археологическому совещанию в Свердловске (Генинг, Стоянов, 1961, с. 82). При этом была уточнена дата культуры (III–V вв.), ее территория (правый, частично левый берег р. Камы от с. Сайгатка до р. Иж, низовье р. Белой). Увеличено число элементов погребального обряда и категорий вещей, характерных для указанной культуры.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. на территории Башкирии ведутся значительные археологические исследования. Особенно большой вклад внес Н.А. Мажитов, научный сотрудник ИИЯЛ БФАН СССР. На Бирском могильнике в течение пяти лет, начиная

с 1958 г., им было вскрыто 206 погребений. В 1959 г. Н.А. Мажитов обнаружил 18 погребений Каратамакского могильника, а в 1960 г. – 14 погребений Бахмутинского. Все эти памятники исследователь отнес к бахмутинской культуре, выделенной А.В. Шмидтом и датированной им V–VII вв. Характерными чертами культуры Бахмутинского могильника, по мнению последнего, являлись: 1) прямоугольные, с чуть закругленными углами, ямы со средней глубиной 135 см; 2) костяки лежат вытянутые на спине; 3) погребенные погребались одетыми, с украшениями; 4) горшки ставились в изголовье, в ноги и на грудь; 5) ножи прикреплялись к поясу (Шмидт, 1929, с. 16–25).

В первых статьях по осмыслению новых материалов Н.А. Мажитов, наблюдая отличие от Бахмутинского могильника, погребального обряда и вещевого материала объясняет эту разницу хронологией памятников. Для чего выделяет ранний этап культуры (III–IV вв.), в который он включает Каратамакский могильник, 40 погребений Бирского и более 10 погребений Бахмутинского могильников (Мажитов, 1962, с. 66, 69, 70).

В статье «К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры» Н.А. Мажитов уделяет большое внимание происхождению и территории бахмутинской культуры. Автор приходит к мысли о том, что «средневековые памятники типа Мазунинского, Ижевского, Сайгатского...» и по погребальному обряду, и по вещевому материалу близки к раннебахмутинским памятникам (Мажитов, 1964, с. 102). Эти памятники, по его мнению, объединяют бронзовые височные подвески с напускными бусинами, состав

ожерелий, в т.ч. большие крупные подвески из раковин; поясные наборы, редкое нахождение или отсутствие глиняных сосудов в могильниках; жертвенные комплексы из женских украшений. На основе этих данных автор приходит к заключению, что признаки мазунинской культуры характеризуют не собственно культуру, а вариант бахмутинской археологической культуры. Кроме Н.А. Мажитова пытался отрицать этнокультурное своеобразие мазунинских памятников и А.П. Смирнов (Смирнов, 1964), также относя памятники к бахмутинской культуре.

В 1967 г. В.Ф. Генинг делает всесторонний анализ памятников мазунинской культуры, чтобы выявить их место в истории населения Прикамья (Генинг, 1967, с. 7–84). Рассмотрим, как раскрывал Владимир Федорович основные черты мазунинской культуры и как затем они будут рассматриваться другими исследователями, а именно: определение территории; типология керамического материала и сооружений, в т.ч. жилищ; типология вещевого материала с выделением специфических черт культуры; определение элементов погребального обряда; разработка хронологии; а также решение вопросов происхождения и дальнейших судеб культуры.

Территория культуры. Памятники. Территорию распространения памятников ученый определил следующим образом: «она занимает южную часть среднего течения р. Камы от устья р. Сивы (г. Воткинск – с. Сайгатка) до устья р. Ик; среднее течение р. Иж и низовья р. Белой от с. Дюртюли» (Генинг, 1967, с. 8–9). К археологической карте культуры (1967, рис. 1) он прилагает список памятников (все-

го 97). Как показали дальнейшие исследования памятников, полученные в результате раскопок или повторных разведочных работ, не все они относятся к данной культуре. При детальном анализе материалов, отражающих их культурную принадлежность, оказалось, что 15 из них относятся к кругу памятников ананьинской, пьяноборской культур, даже к позднему Средневековью (Болгурская находка).

Положительно следует оценить и то, что В.Ф. Генинг довольно верно наметил пути дальнейших разведочных работ по выявлению и уточнению территории культуры: исследование левых притоков Камы (Буй, Сайгатка, Березовка), к западу от р. Иж. Археологические разведывательные работы Удмуртского республиканского краеведческого музея (1974, 1978–1980), разведывательных отрядов Камско-Вятской археологической экспедиции в 1973, 1975–1980 гг. в западных районах УАССР и на притоках Камы, а также в бассейне р. Тулвы с 1977 г. по 1989 г. (Казанцева, 2004) выявили достаточно точно восточные и западные границы мазунинской культуры в рамках территории Удмуртии, Татарии и Пермской области. Большой вклад по изучению памятников внесли и пермские археологи (Казанцева, 2009, с. 46). В итоге восточная граница определилась памятниками среднего течения р. Сива (Загибовские I и II городища) и левобережья р. Тулвы (Красноярские I городище и могильник) (Казанцева, 2004; 2012; Останина, 1997, рис. 39; История Удмуртии, 2007, с. 188, рис. 3). Определилась и западная граница – правобережье р. Тоймы, правого притока Камы, верховье р. Кильмезь, левого притока

р. Вятки (Курекгуртское селище, городище Пек-Жикья).

В 1950–1960-е гг. отмечен рост разведывательных работ в Башкирии. Ежегодно с участием многих археологов шли поиски новых памятников. В ИИЯЛ БФ АН СССР с 1964 г. была открыта тема «Археологическая карта Южного Урала», в разработке которой предусматривалось участие археологов Башкирского госуниверситета и Института археологии АН СССР. Н.А. Мажитов в течение 6 лет с 1958 г. выявил ряд новых памятников в Бураевском, Балтачевском, Бирском и Аскинском районах. Большой вклад в полевые исследования внесли археологи-любители А.П. Шокуров, А.В. Коновалов, М.Ш. Рязанов, Ю.А. Морозов. В 1965–1970 гг. удалось собрать большой фактический материал. Это позволило подготовить и издать «Археологическую карту Башкирии» (1976).

Материалы «Археологической карты...» во многом облегчили Т.И. Останиной составление археологической карты мазунинской культуры на территории Башкирии. Кроме того, ею были визуально осмотрены коллекции памятников, хранящиеся в Башкирском университете и Музее археологии и этнографии УНЦ. В результате проделанной ею работы карта памятников бахмутинской (мазунинской) культуры резко увеличилась: к югу – среднее течение р. Белой, чуть южнее г. Уфы (Поселковское селище, Акбердинское Кыз-кала Тау городище). Увеличилась территория культуры на восток (до р. Ай), на запад (до р. Сюнь). В итоге территория из «незначительной» (по В.Ф. Генингу) стала занимать огромную площадь, равную 1/3

части современного Башкортостана и Удмуртии, а также северо-восточную часть Татарстана и юго-западную окраину Пермского края (Останина, 1997, с. 85, рис. 40; 41). Общее число памятников мазунинской культуры к 1997 г. уже насчитывалось 425 (Останина, 1997, с. 201–206). За последние 15 лет эта цифра памятников выросла в результате активных разведочно-охранных работ КВАЭ Удмуртского госуниверситета и деятельности археологов ИИЯЛ УНЦ РАН и Башкирского госуниверситета, но она не изменила, а подтвердила определенную в 1997 г. территорию культуры.

В 1967 г. В.Ф. Генинг дал характеристику топографии и погребального обряда могильников культуры. В это время ему было известно только 7 могильников, а некрополи же бахмутинской культуры им не были даже включены в их состав.

На 1997 г. Т.И. Останиной было зафиксировано 29 могильников и отдельных захоронений мазунинской культуры, из них два пьяноборских (Нырғында I, Афонинский), содержащих погребение раннего этапа (II–III вв.) мазунинской культуры. На 21-м некрополе были проведены крупномасштабные раскопки. В последние годы были выявлены, а также раскопаны еще ряд могильников (Тураевский грунтовой могильник, 266 погребений; Заборьинский, 30 погребений; Тарасовский, 1880 погребений; Боярский *Арай*, 183 погребения; Дубровский, 144 погребения). Всего в конце XX – начале XXI в. силами КВАЭ вскрыто 2503 погребения мазунинской культуры, а число могильников достигло 31.

На территории Башкортостана крупные раскопки были проведены на Ста-

ро-Муштинском курганно-грунтовым могильнике (III–IV вв.). Здесь было вскрыто 102 погребения (Сунгутов и др., 2004, с. 3–6). Продолжены раскопки на Бирском, Старо-Кабановском, Ангасьякском могильниках. Все это увеличило источниковедческую базу в исследовании памятников III – V вв. в Среднем Прикамье.

В отношении поселений культуры В.Ф. Генинг отмечал их слабую изученность. Характеризуя состав находок, он приводит только мелкие объекты (ямы, очаги), отдельные предметы и фрагменты керамики мазунинского времени в верхних слоях городища Чеганда I и городища Нырғында II (Генинг, 1967, с. 19). Указанные им предметы мазунинской культуры в результате последующих исследований оказались именьковскими (жернова, железное тесло).

Владимиром Федоровичем была разработана и типология городищ: выделено 5 типов укреплений по количеству валов и рвов и три группы городищ по размерам жилой площадки (Генинг, 1967, с. 19–22). В основе последней выделенной им типологии, как считает автор, лежит хронологический подход. Площадь городищ определялась временем их использования: чем меньше площадь памятника, тем он в более позднее время использовался. Согласно существующей в то время у исследователя схеме развития культур Прикамья эпохи железа, дату городищ он доводит до VIII–IX вв. В основу датировки групп были положены не находки в культурном слое (кроме фрагментов керамики, обнаруженных разведочным путем, чаще всего там не было датирующих предметов), а аналогии городищ подобных размеров в других археологических

культурах (ломоватовская, полемская). А это не всегда соответствует действительности.

Автор данной статьи в 1997 г. провел классификацию 118 городищ культуры, в основе которой были положены два признака – площадь (как у В.Ф. Генинга) и мощность культурного слоя. Выявилось, что причина появления городищ с разной площадью и разной системой укрепления оказалась связанной с их функциональным назначением. Выделены городища – сторожевые крепости, одноплощадочные и многоплощадочные городища-поселения. Нами был сделан вывод: «...чем ниже мыс, на котором располагалась площадка городища, чем больше сооружалось защитных укреплений, чем дальше городище-поселение от крупных рек, тем длительнее время его существования» (Останина, 1997, с. 90). Картографирование городищ-крепостей вывели нас на закономерности их расположения. Так, городища-крепости располагались в основном в пограничных районах, на западной и восточных окраинах, где более всего велика возможность нападения враждебных племен. Самой безопасной для проживания мазунинского населения оказалось территория нижнего и среднего течения р. Б. Таныпа, левого притока р. Белой, а также р. Бирь.

К 1967 г. крупномасштабных раскопок на однослойных памятниках (селищах, городищах) не проводилось на всей территории культуры, поэтому В.Ф. Генинг только в предположительной форме высказал идею о существовании «наземной конструкции мазунинских жилищ» (Генинг, 1967, с. 23). В конце 1960 – начале 1980 гг. на исследование поселений с богатым культурным слоем было

обращено особое внимание как башкирскими (В.А. Иванов, Н.А. Мажитов, Г.И. Матвеева), так и удмуртскими (Т.И. Останина, О.А. Казанцева) археологами (Останина, 1997, табл. 24). При раскопках Постольского, Сосновского, Чужьяловского, I Казакларовского городищ было обнаружено 5 жилищ. Жилищные пятна фиксировались по смеси темно-серой супеси, угля, гумуса, кусочков прокаленной глины мощностью 4–15 см. При перепаде высот площадки под будущий дом, пол выравнивался, подрезался на глубину 20–30 см (I Казакларовское городище). Исследование объектов внутри жилищного пятна, использование этнографического материала позволили получить представление о жилищах. Это были наземные, срубной конструкции, деревянные сооружения, поставленные на поверхность или на материк, или на глину. Обязательными элементами интерьера дома были нары-лежанки, один-два открытых очага, две или четыре хозяйственных ямы (Останина, 1988, с. 72, 73; 1997, с. 98; 2007, с. 190–191).

В дальнейшем Е.М. Черных попыталась интерпретировать использование раннесредневековым населением обнаруженных жилищ на Сосновском и Постольском, Чужьяловском городищах. Жилища с большой площадью (100–120 кв. м), по ее мнению, трактуются как общественные дома, а малой площадью (30–40 кв. м), как дома больших патриархальных семей (Черных, 2010, с. 122–124).

Керамический комплекс культуры был в поле научного интереса Владимира Федоровича, но он изучался им только на основе находок обломков сосудов из многослойного городища Чеганда I (IV в. до н.э. – VII в. н.э.).

При большом числе разнокультурного керамического материала городища, да если еще подобный культурный анализ делается впервые, то не исключены были ошибки в культурной интерпретации керамики. Что и произошло с характеристикой мазунинской керамики. В первой работе «Археологические памятники Удмуртии» (1958) к сосудам мазунинской культуры он отнес находки из верхних слоев культурного слоя городища. Это оказалась керамика именьковской культуры: плоскодонные сосуды, грубые по внешней обработке, в глиняном тесте примесь дресвы, песка, мелкой гальки, поверхность украшена глубокими ямками (Генинг, 1958, с. 76–78).

В научном сборнике «Памятники мазунинской культуры» (1967) группе плоскодонных горшков он относит уже к чуждой мазунинской культуре типу керамики (Генинг, 1967, с. 35). Дает новую характеристику глиняной посуды: круглодонная, чаще всего высоких пропорций, орнамент сосудов беден, поверхность грубо обработана, в тесте песок, шамот (Генинг, 1967, с. 32). Если первых три признака, как показали наши исследования, свойственны керамике мазунинской культуры, то два последних характерны для именьковской посуды.

Только раскопки однослойных поселений дали возможность изучить характер керамического комплекса культуры. Это было сделано автором статьи и башкирским археологом В.А. Ивановым (Иванов, Останина, 1983, с. 120–125; Останина, 1997, с. 98–101). В результате исследования большого массива керамического материала по программе, предложенной в 1971 г. В.Ф. Генингом, морфологическому анализу было подвергнуты

керамические коллекции шести городищ (Постольское, Сосновское, Чужьяловское, Юмакаевское, I Казакларовское, Барьязы). Выявлены основные признаки керамики: сосуды округлодонные, внешняя поверхность хорошо обработана, в состав глиняного теста входит растительность, раковина, песок (удмуртская группа памятников), песок и мелкая галька (башкирская группа памятников). Сосуды были средних и больших размеров (от 16 до 35 см), орнамент бедный и относительно редко встречается (Останина, 1997, с. 98–100).

Для классификации вещевого материала памятников Прикамской Удмуртии, в том числе мазунинской культуры, в 1960-е гг. для исследователей была характерна краткость, иногда и формальность, в ее изложении. Вся характеристика вещевого материала, данная В.Ф. Генингом в научном сборнике «Памятники мазунинской культуры», сводилась к перечислению основных категорий и внешнему описанию (Генинг, 1967, с. 23–35; Генинг, Мырсина, 1967, с. 90–96; Генинг, 1967а, с. 125–129). Классификация, по сути дела, превратилась в фиксацию наличия той или иной категории в погребальном инвентаре. Для большинства категорий вещей на данном объеме материала нельзя было разработать типологию (например, для гривен, браслетов, подвесок, пронизок). Недостаточное внимание к характеристике вещевого материала раннебахмутинских комплексов можно наблюдать и в основной работе Н.А. Мажитова – «Бахмутинская культура» (1968). Характеристика вещевого материала в данной работе перемежается с описанием погребального обряда и сводится к перечислению категорий

вещей (Мажитов, 1968, с. 12–24). Об их типологии и роли в вещевом материале культуры приходится только догадываться. Недостаточное внимание авторов к вещевому материалу приводит к слабой аргументации в выделении специфических для культуры типов вещей. Многие аттрактивные вещи, даже при единичных находках, превращаются в характерные для всех памятников археологической культуры. В 1967 г. В.Ф. Генинг выделяет 8 категорий вещей (Генинг, 1967, с. 55–56), встречающихся только на памятниках мазунинской культуры (бабочковидные фибулы; височные подвески в виде кольца и отвисающего книзу стержня с бусиной; поясные застёжки в виде крючка и петли; бляхи-накладки из раковин; умбоновидные бляшки; молоточковидные подвески-пронизки; поясные накладки прямоугольной формы с насечками и выемками и сердцевидной формы; круглодонные сосуды из глины с примесями песка и изредка мелкотолченых раковин, орнаментированных очень редко пояском ямок по шейке и насечками по венчику). В 1972 г. В.Ф. Генинг число специфических категорий (археолого-этнический комплекс по В.Ф. Генингу) сокращает до двух (керамика, височные подвески), но при этом выделяет еще комплекс предметов, характерных для удмуртской и башкирской групп памятников (Генинг, 1972, с. 249–240). В монографии «Этническая история Южного Приуралья в I тысячелетии н.э.» (1988) число специфических предметов культуры исследователь доводит до трех (височные подвески, гривны с напускными бусами, круглодонные чашевидные сосуды с пояском ямок по шейке).

Проведенные в 1970–1980 гг. крупномасштабные раскопки мазунинских могильников позволили выработать типологию 39 категорий предметов, обнаруженных в 13 некрополях. Анализу было подвергнуто около 30 тыс. находок [Останина, 1997, с. 33–80]. В результате их исследования Т.И. Останиной были выявлены артефакты, характерные для культур всей лесной зоны I тыс. н.э., предметы пережиточного характера, отражающие специфику предыдущих культур. Типологический анализ погребального инвентаря позволил ей выделить предметы с этнической нагрузкой. Определены предметы, характерные для всего населения Среднего Прикамья (для памятников мазунинской культуры), а также территориально близких групп населения (памятники удмуртского и башкирского вариантов) (Останина, 1988 б, с. 82–84; 1997, с. 170–172). Автор приходит к выводу о том, что выделенный комплекс специфических предметов культуры, не определяет культуру вообще, а лишь конкретные этапы ее временного развития. При определении культурной принадлежности памятника необходимо приводить лишь те специфические элементы, которые по хронологии одно временны данному памятнику (Останина, 1997, с. 171).

Датировка культуры. Ни одна культура Урала не имеет такого числа точек зрения по данной теме, как мазунинская. Так, основной исследователь культуры В.Ф. Генинг в первых работах, как уже отмечалось ранее, датировал ее III–VI вв. (1958, 1959), а потом III–V вв. (1961). В первых статьях отсутствовала какая-либо аргументация предложенных им дат. В статье «Мазунинская культура в Среднем

Прикамье» (1967) ученым был выделен специальный раздел «Хронология и развитие социально-экономических отношений». Он датирует культуру периодом с III в. до середины IX в. Если начало появления памятников культуры, как считал Владимир Федорович, достаточно твердо определяется по аналогиям вещей из могильников культуры, то с датировкой ее поздней даты – VI–IX вв. – «гораздо хуже обстоит дело» (Генинг, 1967, с. 36). Она была сделана им, опираясь на косвенные данные, по аналогии к находкам монет могильника Мыдланьшай, памятника поломской культуры бассейна р. Чепцы. Согласно созданной им концепции развития культур Прикамья в эпоху железа культуры должны сосуществовать. Соответственно выделенные им хронологические этапы, как отмечает исследователь, «условно датируются» на основе дат, даже не изученных к этому времени городищ, но отнесенных им к VI–IX вв. (Генинг, 1967, с. 36). Недостаточная обоснованность поздней даты культуры была в свое время отмечена В.М. Васюткиным (Васюткин, 1971, с. 97–101).

В последующих своих работах ученый останавливается на единственной дате культуры – III–V вв., при этом ничем не доказывая ее интервалы (Генинг, 1972, с. 235–241; 1988). Хотелось бы отметить тот факт, что на имеющемся в то время вещевом материале очень трудно было определить даты культуры. Как оказалось при дальнейшем исследовании, он происходил из трех могильников (Мазунинский, Сайгатский, Ижевский), которые позднее были отнесены нами к раннему этапу существования культуры (III–IV вв.) (Останина, 1997, с. 119, 122, 123). В это же время другие ученые давали

следующие даты мазунинской (ранний этап бахмутинской) культуры: Н.А. Мажитов – II–IV вв. (1968, с. 18), С.М. Васюткин – III–V–VII (1971, с. 100), А.К. Амброз – IV–VII вв. (1971, с. 10). Прделанная в 1971 г. А.К. Амброзом «хронологизация археологических фактов» на основе эволюции фибул и поясной гарнитуры оказалась не совсем удачной. Причиной этого послужила, как он сам отмечает, недостаточно разработанная классификация вещевого материала в силу его малого количества.

Для разработки относительной и абсолютной хронологии необходим был массовый, типологически разнообразный материал. Им стали располагать исследователи только после масштабных раскопок, прежде всего поздних памятников или содержащих более поздние погребения (Югомашевский, Старо-Кабановский, Покровский, Усть-Сарапульский, Нивский, Ижевский, Тарасовский). На новом материале Т.И. Останина взялась за разработку хронологии вещей мазунинской культуры. Были привлечены и погребальные комплексы ранее известных могильников. Для работы были взяты только те погребальные комплексы, куда входили самые массовые, типологически разнообразно представленные категории вещей (фибулы, височные подвески, поясные накладки). Идею обратить внимание на эволюцию именно этих категорий, прежде всего на размеры и число валиков на шитке, подал автору в 1980 г. В.Ф. Генинг. В 1983 г. были опубликованы первые результаты исследования проблемы хронологии вещей (Останина, 1983, с. 72–79), а в 1997 г. изучение темы было продолжено. Кроме того, была разработана

хронология украшений, характерных для башкирского варианта культуры, а также хронология распространения самых массовых находок – бус. Автор приходит к выводу, «представленный вещевого и бусинный материал из могильников мазунинской культуры позволяет определить ее нижнюю и верхнюю даты – III–V вв.» (1997, с. 112). Эти выводы подкреплены корреляционными таблицами и рисунками. Разработки по хронологии позволили автору определить даты использования всех известных к тому времени могильников и выйти на решение проблемы развития социальной структуры мазунинского общества.

С предложенной В.Ф. Генингом, а за ним Т.И. Останиной, верхней датой мазунинской культуры соглашаются исследователи и в последнее время. Специалист в области изучения пьяноборской культуры Б.Б. Агеев датирует мазунинскую культуру IV–V вв. (Агеев, 1992, с. 108). Омоложение им культуры можно объяснить неверно определенной датировкой Ново-Сасыкульского могильника (по Б.Б. Агееву II–III вв., в действительности II в.), о чем уже писалось автором (Останина, 1997, с. 112–114).

Датировка мазунинской культуры является предметом постоянного внимания Р.Д. Голдиной. Еще в 1987 г., разрабатывая концепцию истории пермских народов по данным археологии, исследовательница относила мазунинские памятники Удмуртского Прикамья к поздней стадии чегандинской культуры, датируя их II–V вв. н.э. (1987, с. 13). В последующих крупных исследованиях она уверенно предлагает дату III–V вв., оставаясь на прежней интерпретации памятников (поздний или мазунинский этап че-

гандинской культуры) (Голдина, 1999, с. 226; Голдина, Бернц, 2010, с. 157). Также согласны с разработанной В.Ф. Генингом датой существования мазунинской культуры, хотя называя ее бахмутинской (ранний этап), в последнее время башкирские археологи (Мажитов, Султанова, 1994, с. 96; Сунгаитов и др., 2004, с. 4).

Погребальный обряд. Этому элементу мазунинской культуры В.Ф. Генинг во всех своих крупных работах уделяет особое внимание. При публикации могильников культуры (Мазунинский, Ижевский) описание погребального обряда всегда находится на первом месте (Генинг, Мырсина, 1967, с. 86–90; Генинг, 1967, с. 123–125). А в своей обобщающей статье, посвященной мазунинской культуре, исследователь приводит список основных элементов погребального обряда. Он сводится к следующему: «грунтовые неглубокие могильные ямы прямоугольной формы; деревянный гроб (ящик или колода) или каменный ящик; положение костяка вытянуто на спине; преобладание северо-восточной и северо-западной ориентации; отсутствие на костяке украшений; железные ножи у бедер большинства захороненных и почти полное отсутствие прочих орудий труда и оружия; поясной ремень уложен вдоль тела умершего; фибулы-застежки на груди мужских костяков; берестяные коробочки с жертвенными комплексами рядом с умершим; состав жертвенных комплексов мужских захоронений: височные подвески, ожерелья, браслеты; состав жертвенных комплексов женских захоронений: височные подвески, фибулы, ожерелья, пряжки, мелкие орудия труда (ножи, шилья)» (Генинг, 1967, с. 55).

Исследование погребального обряда, проведенное автором настоящей статьи на большом объеме – 14 могильников, содержащих 1529 погребений, позволили уточнить и понять содержание ряда элементов погребального обряда. Так, признак «наличие гробов» оказался зафиксированным только у 16% погребений. На Покровском, Ижевском, Красноярском могильниках, где хорошо сохранялась органика, гробы зафиксированы единично (6,8–7%). Таким образом, существовали и другие способы изоляции покойника от земли, это были не всегда гробы. В положении покойного ориентировка на стороны света не имела большого значения. Ориентировка на каждом некрополе оказалась разной, и определялась она рекой: умершие лежали головой к реке (49,1–100%) или ногами к ней (28–98,8%). Отсутствие на костяке украшений было зафиксировано только у 1/10–1/3 части захоронений. Определена большая роль ножей в погребальном обряде. Они найдены в 41% захоронений. Хотя зафиксировано 6 вариантов их расположения, но господствующим оказалось положение на поясе, что верно отметил В.Ф. Генинг. Утверждение Владимира Федоровича о положении фибул только на груди мужчин не нашло своего доказательства. Из всего массива погребений с фибулами, имеющими поло-возрастные определения (46 погребений), только 4 захоронения оказались мужскими, а остальные женскими (Останина, 1997, с. 29). Автором этих строк тщательно изучены признаки жертвенных комплексов, состав и место в погребальном обряде, для чего использованы данных 292 захоронений. Дано определение указанного элемента обряда. Оказалось, что обычай

класть вещи в виде жертвенного комплекса имеет наибольшее распространение в женских погребениях, очень редко в мужских (в удмуртской группе памятников – 2,4%). Итак, не все выделенные В.Ф. Генингом признаки погребального обряда нашли свое отражение и доказательство в последующих исследованиях. В.Ф. Генинг обратил внимание только на элементы обряда, что «лежало на поверхности», при этом верно дав характеристику погребального сооружения и наличия жертвенного комплекса, впервые введенного им понятия. Подтвердив значительным цифровым материалом, Т.И. Останина выявила основные 7 признаков погребального обряда мазунинской культуры. Они представляют собой цельную и специфическую систему действий по заботе об умершем (1991, с. 80–84; 1997, с. 31).

Как уже отмечалось ранее, в последние 20 лет резко выросло число вскрытых погребений мазунинской культуры, благодаря крупномасштабным раскопкам КВАЭ. В коллективных работах, посвященных материалам исследованных мазунинских могильников с большим числом погребений (Тарасовский, Тураевский I), авторами выявляются те же признаки погребального обряда, что и выделенные в свое время Т.И. Останиной (Голдина, Бернц, 2010, с. 85–87), которые они сводятся к следующему:

1. Все могильники грунтовые, находятся на господствующей части местности, у рек.

2. Погребальные сооружения – узкие, длинные, неглубокие, без дополнительных конструкций, прямоугольные ямы.

3. Умершие лежат вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела.

4. Ориентировка умерших определяется рекой.

5. Состав погребального инвентаря определяется полом, возрастом, социальным положением умершего.

6. В системе расположения инвентаря в могиле выделяются две тенденции. Первая – вещи размещены при костяке так, как их носили при жизни. Вторая – сопровождающий только съемный инвентарь лежит в необычных для него положениях. Последняя тенденция превалирует и проявляется в наличии *жертвенных комплексов*, в размещении поясов на теле умершего и т.д. (Останина, 1997, с. 31; Голдина, Бернц, 2010, с. 86, 87, 159).

Руководитель Камско-Вятской археологической экспедиции, доктор исторических наук Р.Д. Голдина в монографии «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999), характеризуя пьяноборскую историко-культурную общность, считает термин «жертвенный комплекс» не совсем удачным, предлагая заменить его подарочным набором, в связи с включением в могилу дополнительных украшений (Голдина, 1999, с. 215).

По поводу названия «скопления вещей, уложенных в берестяной туесок, поставленный в определенное место» – жертвенный или подарочный (по Р.Д. Голдиной) комплекс, автор статьи считает название, данное В.Ф. Генингом, наиболее удачным. Наличие «дублирования» погребального инвентаря (одна категория предметов в могиле находится в двух местах: в жертвенном комплексе и вне его) наблюдается не на всех могильниках. На имеющемся пока археологическом материале очень трудно объяснить, чем руководствовались люди, хоронившие умерших мазунин-

цев, поставившие в могилу туески с вещами (скорее, эта была жертва, чем подарок – подарки дарят живым людям).

Происхождение и дальнейшая судьба (место в истории). Эти вопросы интересовали В.Ф. Генинга с первых шагов изучения культуры. В работах по осмыслению результатов изучения шести могильников, которые по инвентарю, на первый взгляд, резко отличались от пьяноборских памятников, мнение ученого сводилось к тому, что мазунинская и близкая к ней бахмутинская культура сложились на основе продвижения южно-уральских или западно-сибирских угорских племен (1959, с. 201). Но если бахмутинская культура появилась в результате слияния пришлых племен с местным населением культуры типа Кара-Абыз и ее позднейших аналогов, то мазунинская – только пришельцы с востока. Они полностью вытеснили пьяноборские племена, которые ушли на запад, с правобережных районов Прикамской Удмуртии (1958, с. 78). Исследователь, хотя сетует, что опубликованных исследований по бахмутинской культуре пока почти нет, но отмечает наибольшую близость к этой культуре мазунинцев. Он пишет: «... в сложении мазунинской культуры чувствуется большое влияние бахмутинской» (1959, с. 202). В своей итоговой работе по мазунинской культуре Владимир Федорович уже считает: «мазунинскую культуру в Среднем Прикамье следует рассматривать как синтез местных пьяноборских и пришлых групп населения, причем синтез весьма своеобразный» (1967, с. 53). По его мнению, женское население – потомки пьяноборско-ананьинских племен, которые относятся к перм-

ской языковой группе, а мужчины – угорские племена из Западной Сибири. В.Ф. Генинг считал, что «процесс сложения мазунинской, как и бахмутинской культуры проходил гораздо сложнее ... решающее значение в их формировании сыграли не местные, а пришлые племена» (1967, с. 54).

В 1950–1960 гг. ряд археологов не отличают памятники мазунинского типа от бахмутинских и объединяют их в одну археологическую культуру, сформированную на местной пьяноборской основе (Смирнов, 1957; Ахмеров, 1952; Мажитов, 1963; 1964). Это наблюдалось в начальный период разработки вопроса автохтонного происхождения культуры. У основного исследователя бахмутинской (мазунинской) культуры на территории Башкирии Н.А. Мажитова эта точка зрения эволюционировала. В монографии «Бахмутинская культура» (1968) он считал, что это были пьяноборские и карабызские племена (1968, с. 82), а затем кроме местных племен пришельцы из степей Южной Сибири (1977, с. 178).

Появление нового материала, прежде всего, на территории Башкирии (раскопки Ангасякского, Старо-Кабановского могильников, разведочные данные о Мало-Качаковском и Юго-машевском могильниках) привели В.Ф. Генинга к отказу от прежней точки зрения о прошлом характере происхождения мазунинской культуры. В статье «Южное Прикамье в III–VII вв.» (1972) он отмечает, «что основным содержанием III–V вв. является дальнейшее развитие местного населения, когда ... произошли значительные перегруппировки и перемещения его на территории Приуралья. И только в V в. н.э. в Приуралье

хлынул большой поток различных племен неуральского происхождения» (Генинг, 1972, с. 222). Он приходит к выводу о том, что базой для формирования мазунинской культуры стала экспансия карабызских племен и смешение их с близким по культуре чегандинским (пьяноборским – Т.О.) населением» [Генинг, 1972, с. 241]. С начала 1990-х гг. точка зрения об автохтонности мазунинской культуры стала господствующей. Так, Б.Б. Агеев и А.Х. Пшеничнюк доведя верхнюю дату карабызской культуры до III в., отводят значительную роль ее племен в формировании мазунинской культуры (Агеев, 1992, с. 108). А.Х. Пшеничнюк даже предположил, что в III в. карабызская культура и сформировавшаяся на ее основе мазунинская могли сосуществовать (1987, с. 73). О внутреннем перемещении карабызских племен в эпоху конца раннего железного века пишет Владимир Федорович в своей последней монографии по данной теме (1988, с. 39).

Н.А. Мажитов, всегда высказывающийся за автохтонное происхождение бахмутинской (ранний этап) культуры, в монографии «Истории Башкортостана. С древнейших времен до XVI века» (1994) высказал мысль, что в III–IV вв. происходит «... активный процесс смешения и ассимиляции местных племен со стороны пришельцев». Пришельцы – кочевые племена – пришли из южных степей и принадлежат к тюркской языковой группе (Мажитов, Султанова, 1994, с. 97), таким образом, удревняется дата формирования башкирского народа.

Исследование вещевого материала и погребального обряда из 13 могильников автором статьи выявлена высокая степень сходства между ма-

зунинской и пьяноборской культурами, а также между пьяноборской и карабызской культурами (Останина, 1997, с. 174). Доказано, что в благоприятной социально-экономической обстановке на рубеже II–III вв. происходит формирование качественно новой культуры – мазунинской. Для IV–V вв. свойственна была стабильность, массовость и традиционность форм вещей погребального инвентаря, что отражает этническую стабильность населения. Лишь в конце IV–V вв. наблюдаются небольшие инородческие включения, которые выразились в существовании трех смешанных курганно-грунтовых памятников на р. Каме (I Тураевский, Старо-Муштинский, Кудашевский могильники).

Башкирские археологи в последние годы доказали, что «... до середины I тыс. н.э. в Прикамье и Приуралье финно-пермский этнос оставался доминирующим. Это выразилось в существовании памятников мазунинской культуры в Прикамье, которые типологически (и генетически) восходят к могильникам пьяноборской культуры» (Иванов и др., 2013, с. 29).

Подобной же точки зрения на происхождение придерживается и видный археолог Р.Д. Голдина. Следует отметить, что у исследовательницы имеется особая точка зрения на мазунинскую культуру. Памятники Среднего Прикамья III–V вв. она относит к позднему (мазунинскому) этапу чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности (Голдина, 1987, с. 13; 1999, с. 226; 1999, с. 226; Голдина, Бернц, 2010, с. 157–160).

Дальнейшая судьба населения мазунинской культуры всегда волновала В.Ф. Генинга, хотя в первых своих

трудах он определял лишь языковую принадлежность носителей (угры, тюрки или самоеды). Только в 1967 г. он пишет: «... южная группа мазунинского населения вошла, видимо, в состав северных башкир (племеней), а северная приняла участие в формировании шарканской, воткинской и ижевской групп удмуртов» (Генинг, 1967 б, с. 278). Он считал, что северные районы мазунинской культуры в большей степени сохранили местные элементы культуры, вероятно, пермский язык (пьяноборского типа). В статье «Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.» (1972) на основании материалов только Бирского могильника он выделяет позднемазунинский археолого-этнический тип, в котором в V–VII вв. сохранились признаки мазунинской культуры, но с некоторыми особенностями (Генинг, 1972, с. 257). В следующей работе (1988) ученый считал, что в бассейне р. Белой мазунинское население, смешавшись с пришельцами из Сибири, вошло в кушнаренковский массив, просуществовавший до VII–VIII вв. На территории юга Удмуртии он предполагал наличие памятников позднее VI в. и сожалел об их отсутствии.

В результате крупномасштабных работ на юге Удмуртии КВАЭ в 1970–1980-е гг. были открыты и раскопаны поселения, содержащие как материалы мазунинской культуры, так и других, пришлых для данной территории, культур (кушнаренковская, караякуповская, именьковская). Это дало возможность Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной (Ютина, 1984, с. 76–79) выделить верхнеутчанскую культуру VI–IX вв. По мнению Р.Д. Голдиной, указанная культура складывается, несомненно, на местной пьяноборско-мазунинской

основе (Голдина, 1987, с. 21). Утверждать о продолжении мазунинских традиций в памятниках южной части по имеющимся сейчас опубликованным источникам преждевременно, но решение проблемы дальнейшей судьбы мазунинской культуры в виде выделенной верхнеутчанской культуры имеет право на существование, хотя требует накопления нового материала. На сегодняшний день пока отсутствуют и погребальные памятники выделенной культуры, которые дали бы наибольшую информацию о средневековом населении.

В изучении судьбы удмуртской группы памятников мазунинской культуры интерес представляет мысль, высказанная в свое время В.А. Семеновым. А именно – участие мазунинских племен в формировании полемской культуры, предков северных удмуртов (1982, с. 75–77). При сравнительном анализе этих культур обнаруживается много общего как в вещевом материале, так и в погребальном обряде, и в керамическом комплексе (История Удмуртии, 2007, с.206).

В решении вопроса дальнейшей судьбы южной части (башкирский вариант мазунинской культуры) имеется несколько точек зрения. Еще в 1987 г. Р.Г. Кузеев и В.А. Иванов считали, что в середине I тыс. н.э. в Приуралье образуется новая археологическая культура, генетически восходящая к мазунинской, но несущая в себе некоторые инновации неприуральского происхождения. Для нее, считали, они нуж-

но оставить название «бахмутинская культура» (V–VII вв. н.э.) (Кузеев, Иванов, 1987, с. 7). Эту же мысль, но со ссылкой на большую доказательную базу, высказал В.А. Иванов в коллективной монографии «Южный Урал в эпоху Средневековья» (Иванов и др., 2013, с. 26–28). Ближе к этой точке зрения и мнение автора, но с небольшим отличием, так как объединять в одну археологическую культуру как минимум представителей трех культур (турбаслинская, кушнарниковская, послемазунинская по В.Ф. Генингу) нецелесообразно. Автор предлагает подобную чересполосицу объединить одним термином – бахмутинский тип.

Итак, В.Ф. Генинг внес большой вклад в изучение мазунинской культуры. Кроме проведения полевых работ на памятниках культуры, он стремился на теоретическом уровне определить и атрибутировать основные черты культуры. Положительно и то, что ученый выделил основные направления, определившие задачи которые необходимо решать будущим поколениям археологов. Несмотря на слабую источниковедческую базу, он интуитивно приходил к верным выводам по проблемам культуры. Только новые материалы, полученные в результате крупномасштабных археологических работ как башкирских, так и удмуртских археологов на памятниках мазунинской культуры, позволили уточнить, дополнить, а иногда и опровергнуть взгляды видного исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992. – 139 с.
2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971. – № 3. – С. 106–134.

3. Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1976. – 234 с.
4. *Ахмеров Р.Б.* Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным // СЭ. – 1952 – № 3. – С. 36–49.
5. *Васюткин С.М.* К дискуссии по бахмутинской культуре // СА. – 1971. – № 3. – С. 91–105.
6. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 963.
7. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1955 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 1105.
8. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1956 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 1378.
9. *Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958. – 191 с.
10. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. – Т. 2. – Казань, 1959. – С. 157–220.
11. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Ижевск; Свердловск, 1967. – С. 7–84.
12. *Генинг В.Ф.* Ижевский могильник IV–V вв. // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск; Ижевск, 1967а. – С. 123–140.
13. *Генинг В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Вып. IV. – Ижевск, 1967б. – С. 262–270.
14. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 221–295.
15. *Генинг В.Ф., Мырсина Е.М.* Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск; Ижевск, 1967. – С. 85–115.
16. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. – Вып. 1. – Свердловск, 1961. – С. 76–90.
17. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов, 1987. – С. 6–37.
18. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
19. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. – Ижевск, 2010. – 499 с.
20. *Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В.* Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н.э.). – Уфа, 2013. – 280 с.
21. *Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. – С. 104–127.
22. История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. – Ижевск, 2007. – 304 с.
23. *Казанцева О.А.* Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. – Ижевск, 2004. – 174 с.

24. *Казанцева О.А.* Археологические памятники Бардымского района // От прошлого к настоящему. – СПб., 2009. – С. 35–78.
25. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. – Ижевск, 2012. – 180 с.
26. *Кузеев Р.Г., Иванов В.А.* Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С. 5–18.
27. *Мажитов Н.А.* Ранние памятники бахмутинской культуры // ВАУ. – Вып. 2. – Свердловск, 1962. – С. 65–71.
28. *Мажитов Н.А.* К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ. – Т. 1. – Уфа, 1964. – С. 101–110.
29. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 161 с.
30. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 239 с.
31. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994. – 360 с.
32. *Останина Т.И.* К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 72–79.
33. *Останина Т.И.* Городище мазунинской культуры около ст. Постол Удмуртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1988. – С. 65–78.
34. *Останина Т.И.* Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье. К вопросу определения археолого-этнического комплекса культуры // КСИА. – Вып. 194. – М., 1988а. – С. 80–85.
35. *Останина Т.И.* Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 76–91.
36. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 326 с.
37. *Пшеничнюк А.Х.* Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа, 1987. – С. 67–76.
38. *Семенов В.А.* Два памятника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Ижевск; Свердловск, 1967. – С. 119–122.
39. *Семенов В.А.* К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы к этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 43–62.
40. *Смирнов А.П.* Железный век в Башкирии // МИА. – № 58. – М., 1957. – С. 6–113.
41. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // СА. – 1964. – № 4. – С. 3–11.
42. *Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. – Вып. 4. – Свердловск, 1962. – С. 117–134.
43. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). – Уфа, 2004. – 172 с.

44. Черных Е.М. У истоков Уральского домостроительства. – Ижевск, 2010. – 160 с.

45. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. – № 8–9. – Уфа, 1929. – С. 16–25.

46. Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1984. – С. 71–94.

Информация об авторе:

Останина Таисия Ивановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда (г. Ижевск, Россия); tiostanina@gmail.com

EVOLUTION OF V.F. GENING'S VIEWS AND OTHER RESEARCHER'S VIEWS ON THE MAZUNINSKAYA CULTURE

T.I. Ostanina

The history of studies of the Mazunino culture (3rd -5th centuries AD) located in the Middle Kama region is traced. Vladimir Fyodorovich Gening, a prominent Soviet archaeologist, was the first to start research on this culture and offer its theoretical substantiation. As a result of surveys and excavations conducted in Udmurtia and Bashkiria starting 1954, he accumulated a vast archaeological material related to the culture. A thorough analysis of V.F. Gening's publications and essays on the Mazunino culture sites is provided. The evolution of the scholar's views regarding the culture basic elements (territory, implements, burial rite, dating, origin, cultural ties and further fate) are traced in the article. Later on, the study of new, previously unknown monuments made it possible to expand the knowledge of quite a number of problems related to the early Middle Ages in the Middle Kama River region, including those regarding the Mazunino culture. This resulted in the formation of differing viewpoints concerning the culture among both V.F. Gening's contemporaries and further generation of researchers, and their views are also discussed and analyzed.

Keywords: the Kama River region, the early Middle Ages, the Mazunino culture, V.F. Gening, territory, implements, burial rite, ethnogenesis, discussions.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Bashkirian Scientific Center (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
3. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arkheologicheskaja karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Akhmerov, R. B. 1952. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 36–49 (in Russian).
5. Vasiutkin, S. M. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 91–105 (in Russian).
6. Gening, V. F. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1954 g. (Report on Archaeological Investigations of the*

Udmurt Archaeological Expedition in 1954). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 963 (in Russian).

7. Gening, V. F. 1955. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax Udmurtskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v 1955 g. (Report on Archaeological Investigations of the Udmurt Archaeological Expedition in 1955)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 1105 (in Russian).

8. Gening, V. F. 1956. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax Udmurtskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v 1956 g. (Report on Archaeological Investigations of the Udmurt Archaeological Expedition in 1956)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 1378 (in Russian).

9. Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii (Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtknigoizdat" Publ. (in Russian).

10. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR. Humanities Series)* 2. Kazan, 157–220 (in Russian).

11. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 7. Izhevsk; Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).

12. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 7. Sverdlovsk; Izhevsk, 123–140 (in Russian).

13. Gening, V. F. 1967. In *Voprosy finno-ugorskogo iazykoznanii (Issues of the Finno-Ugric Linguistics)* IV. Izhevsk, 262–270 (in Russian).

14. Gening, V. F. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 221–295 (in Russian).

15. Gening, V. F., Myrsina, E. M. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 7. Sverdlovsk; Izhevsk, 85–115 (in Russian).

16. Gening, V. F., Stoianov, V. E. 1961. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 1. Sverdlovsk, 76–90 (in Russian).

17. Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtov (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–37 (in Russian).

18. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

19. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

20. Ivanov, V. A., Zlygostev, V. A., Antonov, I. V. 2013. *Iuzhnyi Ural v epokhu srednevekovia (V XVI veka n. e.) (Southern Urals in the Middle Ages (5th–14th Centuries AD))*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

21. Ivanov, V. A., Ostanina, T. I. 1983. In *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 104–127 (in Russian).
22. Ivanova, M. G. (ed.). 2007. *Istoriia Udmurtii: S drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: from the Earliest Times to 15th Century AD)*. Izhevsk (in Russian).
23. Kazantseva, O. A. 2004. *Katalog arkheologicheskikh pamiatnikov Bardymskogo raiona Permskoi oblasti (Catalogue of Archaeological Sites of the Bardymsky District, Perm Oblast)*. Izhevsk (in Russian).
24. Kazantseva, O. A. 2009. In *Ot proshlogo k nastoiashchemu (From the Past to the Present)*. Saint Petersburg, 35–78 (in Russian).
25. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiariskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
26. Kuzeev, R. G., Ivanov, V. A. 1987. In *Problemy srednevekovoi arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Medieval Archaeology of Ural and Volga Regions)*. Ufa, 5–18 (in Russian).
27. Mazhitov, N. A. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 2*. Sverdlovsk, 65–71 (in Russian).
28. Mazhitov, N. A. 1964. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria) 1*. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 101–110 (in Russian).
29. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 1994. *Istoriia Bashkortostana s drevneishikh vremen do XVI veka (History of Bashkortostan from the Earliest Times to 16th Century)*. Ufa (in Russian).
32. Ostanina, T. I. 1983. In *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in Ural and Siberia in Prehistory)*. Izhevsk, 72–79 (in Russian).
33. Ostanina, T. I. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 65–78 (in Russian).
34. Ostanina, T. I. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 194*. Moscow, 80–85 (in Russian).
35. Ostanina, T. I. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk, 76–91 (in Russian).
36. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Institute for the History, Language and Literature (in Russian).
37. Pshenichniuk, A. Kh. 1987. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Iuzhnogo Urala (Issues of Ancient and Medieval*

History of Southern Ural Region). Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–76 (in Russian).

38. Semenov, V. A. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 7. Izhevsk; Sverdlovsk, 119–122 (in Russian).

39. Semenov, V. A. 1982. In *Materialy k etnogenezu udmurtov (Materials on the Ethnic Genesis of the Udmurt People)*. Izhevsk, 43–62 (in Russian).

40. Smirnov, A. P. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 58. Moscow, 6–113 (in Russian).

41. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 3–11 (in Russian).

42. Stoianov, V. E. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 4. Sverdlovsk, 117–134 (in Russian).

43. Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Yusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area during the Great Migrations: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

44. Chernykh, E. M. 2010. *U istokov Ural'skogo domostroitel'stva (At the Origins of Housebuilding in the Ural)*. Izhevsk (in Russian).

45. Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Bashkirian Economy Magazine)* 8–9. Ufa, 16–25 (in Russian).

46. Iutina, T. K. 1984. In Pliushchevskii, B. G. (ed.). *Pamiatniki zheleznogo veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Iron Age Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk, 71–94 (in Russian).

About the Author:

Ostanina Taisiya I. Doctor of Historical Sciences. The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd. Kommunarov St., 287, Izhevsk, 426034, Russian Federation; tiostanina@gmail.com

УДК 902

**В.Ф. ГЕНИНГ И ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ
ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ**

© 2014 г. К.А. Руденко

В статье рассматривается вклад В.Ф. Генинга в исследования Волжской Булгарии и его взгляды на проблемы истории и археологии этого государства. В сферу его интересов входила прежде всего связь населения Волжской Булгарии с племенами предшествующих культур – пьяноборской и именьковской. В.Ф. Генинг исследовал Большетарханский, Тураевский и Рождественский могильники VIII–IX, V и VI–VII вв. н.э., материалы которых изменили представление о времени и характере прихода булгар на Волгу. Им была пересмотрена хронология и интерпретация археологических памятников, относящихся к эпохе, предшествующей появлению булгар на Волге, и выдвинута гипотеза о волжских булгарах как тюрко-угорском этносе. В.Ф. Генинг создал периодизацию истории болгар в Восточной Европе с I–III вв. н.э. до начала XIII в.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Приуралье, раннее средневековье, болгары, гунны, сарматы, тюрки, финно-угры, готы, этногенез.

В творческом наследии В.Ф. Генинга тема Волжской Булгарии не является основной, но тем не менее его исследования в этой области оказались весьма значимыми. Можно предположить, что начальный интерес к ней был обусловлен в определенной мере историографической традицией. Еще в начале 1930-х годов считалось, что в истории Урала болгары сыграли очень важную роль. Их считали тюрками, как и гуннов, пришедшими в Волго-Камье в V в. н.э. Волжские болгары представлялись как «хорошо вооруженная и организованная орда», которая «стояла на голову выше туземных финских и угорских племен, преемников полубронзовой пьяноборско-уфимской культуры» которая завоевала их после непродолжительной борьбы, а впоследствии «впиталась» в них (Берс, 1930, с. 86). Отмечалось, что болгары, обосновавшись в Волго-Камье вплоть до X в. оставались кочевниками, точнее их элита, кото-

рая возглавила покоренные финно-угорские племена. Земледелие было «уделом поработанных племен и беднейших слоев пришлого населения» (Берс, 1930, с. 87). Утверждалось, что после X в. болгары стали торгово-промышленным народом, «изнеженным и не воинственным», которые растеряв за столетия боевой кочевой дух, пали под ударами монгол (Берс, 1930, с. 93).

Если не касаться ярких эмоциональных оценок, то сам по себе «торговый характер булгар» был обозначен в работах ряда казанских историков еще в середине 1920-х – начале 1930-х годов (напр., Н.Н. Фирсов), что вероятно и явилось источником такого рода высказываний. Этот взгляд был наследием предшествующего времени, когда о болгарской культуре судили в основном по находкам на крупнейших болгарских городищах, обращая в большей степени внимание на привозные и необычные изделия. Даже начавши-

еся в начале 1930-х годов профессиональные раскопки А.П.Смирновым городища Сувар сначала общей картины в видении болгарской культуры не изменили.

Самым сложным и запутанным оказался вопрос о том, когда собственно болгары пришли на Волгу. Сообщений письменных источников об этих событиях не сохранилось, и получалось, что болгары как бы сами собой появились на Волге в промежутке III–X вв., пока их здесь не застал Ибн Фадлан. С чем это было связано и когда случилось по косвенным данным имеющихся в разных исторических сочинениях установить нельзя и сейчас. Многие историки предполагали, что это произошло в VII в. н.э. когда орда Аспаруха пришла на Дунай. В этом контексте вопрос о появлении болгар на Волге был тесно связан с этнической идентификацией болгар: славяне, гунны, угры, финны, тюрки, сарматы и т.д., что было еще более сложным делом.

Трудность была и в том, что до середины XX века не были известны и археологические свидетельства этих событий, и даже что считать собственно болгарским в археологическом материале тоже было не очень ясно. Это отмечали в начале 1920-х гг. Н.Ф.Высоцкий и В.Ф.Смолин.

Исследования археологических памятников в Волго-Камье в 1930–1940-х годах позволили выдвинуть гипотезу, что коренными насельниками здесь были племена городищ «рогожной керамики» (городецкие) и пьяноборские, проживавшие на этой территории с конца бронзового и раннего железного века (Смирнов, 1952, с. 110). В III–IV вв. в пограничье леса и степи на них оказали влияние гунны

и сарматы, а в V–VI вв. (либо в VI–VII вв.) часть их в низовьях Камы и на Средней Волге была завоевана болгарами, которые впоследствии частично растворились в этом субстрате, частью ассимилировали местное население. В любом случае, считалось, что памятники местного населения продолжали существовать и в болгарскую эпоху. Основной проблемой этой концепции было отсутствие исследованных археологических памятников, подтверждавших высказанное мнение. Доказательством его чаще всего были косвенные данные или логические построения и предположения. Так, о сарматском (булгаро-аланском) элементе в болгарской культуре судили в основном по находкам зооморфных ручек от керамических болгарских сосудов XI–XIII вв.

Начав заниматься пьяноборской культурой в 1950-х годах В.Ф.Генинг должен был решить несколько принципиальных вопросов: имеют ли ранние болгары непосредственное отношение к этой культуре, когда болгары появились в Предуралье и какова была их роль в этногенезе народов региона.

К тому времени изучением пьяноборской эпохи активно занимался А.П. Смирнов (рис. 1), сформулировавший свою гипотезу в конце 1940-х – начале 1950-х годов и выделивший несколько хронологических стадий (этапов) развития этой культуры (Смирнов, 1952, с. 68–110). Эта тема звучала и в других работах ученого 1950-х годов (Смирнов, 1957, с. 20–30). По его мнению, поздний этап пьяноборской культуры (III–V вв. н.э.) характеризовался «смешанностью этнического состава», особенно в бассейне Ветлуги и восточных районов Марийского

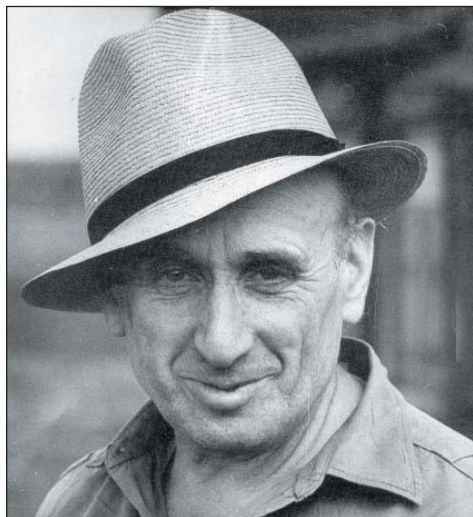

Рис. 1. А.П. Смирнов. 1960-е годы
(личный архив Н.Д. Аксеновой)

края, где в этот период ощущалось подавляющее влияние дьяковской и городецкой культур. Население Нижней Камы (до р. Белой), по его мнению, находилось под воздействием сармат, а на Средней Каме – угров (Смирнов, 1957, с. 26–27).

В.Ф. Генинг считал, что пьяноборская культура – это «культура постоянного племенного союза с концентрацией населения в сравнительно небольшом районе на Каме у устья Белой» (Генинг, 1966, с. 285). Эта точка зрения шла вразрез с традиционными взглядами на пьяноборскую культуру как общность, занимавшую все Прикамье и частично Марийское Поволжье (Смирнов, 1952, с. 69; Генинг, 1959, с. 174). В этой связи в числе прочих тем, В.Ф. Генинг затронул вопрос о сарматском влиянии в первых веках н.э. в Прикамье, о чем писал А.П. Смирнов (1952, с. 79, 82), причем в этой части научной концепции его поддерживал Н.Ф. Калинин, научный руководитель В.Ф. Генинга. В.Ф. Генинг считал эту точку зрения

А.П. Смирнова необоснованной, однако весомых аргументов против доказательств оппонента представить не мог (Генинг, 1959, с. 177).

Стоит отметить, что А.П. Смирнов рассматривал сарматское влияние в начале I тыс. н.э. как определяющее для культур Волго-Камья (Смирнов, 1957 а, с. 5), связывая с сарматами, точнее сарматами, смешанными с гуннами собственно и ранних болгар на Волге (Смирнов, 1951, с. 19–20; 1957, с. 7), которые, по его мнению, появились здесь в VI–VII вв. и покорили местные племена, затем ассимилировались с ними, «внеся с собой новые сармато-гуннские черты» (Смирнов, 1948, с. 17).

В работах конца 1940-х годов А.П. Смирнов отмечал, что в III в. н.э. в Причерноморье существовал гото-сарматский союз, который, вел достаточно агрессивную политику в Причерноморье, на юге Европы. По его мнению, гото-сарматы в это время доходили и до Средней Волги, хотя убедительных аргументов А.П. Смирнов не привел (Смирнов, 1948, с. 16–17). Чуть позже он скорректировал свою точку зрения, убрав готский элемент из этой связки, и оставил лишь суждение о том, что готский союз стимулировал создание других союзов, в том числе и болгарского в Приазовье. В конце 1950-х годов он считал, что этот союз сложился в последних десятилетиях V в., а в VI в. известен по письменным сообщениям как «Великая Болгария» (Смирнов, 1957а, с. 11). Во второй половине 1950-х годов, учитывая новые исследования могильников раннеболгарского времени – Кайбельского и Большетарханского, он пересмотрел время появления болгар на Волге и отнес его к VIII в. н.э. (ранее

он предполагал, что это произошло в IV–V вв.) (Смирнов, 1957а, с. 12). При этом для него предшествующее «смешение древних обитателей приволжских степей сарматов с гуннами» являлось несомненным фактом (Смирнов, 1951, с. 19).

К почти аналогичному выводу о роли гуннов для населения Прикамья, в частности пьяноборской культуры, пришел В.Ф. Генинг (Генинг, 1959, с. 163–166). Он считал, что переломным для нее был III в. н.э. как вследствие гуннского нашествия. Это наблюдение оказалось весьма знаменательным, поскольку стало основой его гипотезы о миграции части пьяноборских племен на запад по правому берегу Камы, параллельном движении еще одного потока населения, которое он связал с памятниками именьковской культуры, ранее названной Н.Ф. Калининым буртаской, а А.П. Смирновым – позднегородецкой (Генинг, 1959, с. 208–210) (рис. 2). Основанием для этого стали раскопки Рождественского комплекса памятников в 1956–1958 гг. в Лаишевском районе ТАССР (Генинг и др., 1962) (рис. 3; 4).

Выделение в Среднем Поволжье особой культуры, при этом пришедшей, в противовес «местной» позднегородецкой (буртаской) культуре, привело и к формированию новой концепции, развитой и обоснованной уже не В.Ф.Генингом, а А.Х.Халиковым и его учеником П.Н.Старостиным (1971, с. 37–54). Суть ее заключалась в том, что, по их мнению, именьковская культура (III–IV – VII–VIII вв. н.э.) принадлежала тюркоязычному (или самодийско-угорско-тюркскому) населению из Зауралья и никаким образом не поволжским финнам (Хали-

ков, 1971, с. 8–11). Завершением идеи стала гипотеза о том, что решающим фактором, изменившим этнокультурную ситуацию в Волго-Камье стало образование Тюркских каганатов в VI в. н.э. и как следствие – добулгарская тюркизация Поволжья. Эта гипотеза, по сути, в тот период завершила пересмотр сармато-аланской гипотезы А.П. Смирнова и его булгарской концепции в целом. На формирование концепции А.Х. Халикова, возможно, оказали влияние взгляды Л.Н. Гумилева, начавшего в начале 1960-х годов публиковать материалы по истории тюрков (Гумилев, 1961), и подготовившего в эти годы монографическое исследование этой темы, которое увидело свет через шесть лет после написания, в 1967 г. (Гумилев, 1967).

В конце 1950-х годов В.Ф. Генинг считал, что «именьковские племена, судя по многочисленности и огромным размерам их поселений, составили основную массу населения Волжской Булгарии» (Генинг, 1959, с. 210). Эта точка зрения не шла в разрез с мнением предшественников, в частности, того же А.П. Смирнова, который за десять лет до этого утверждал, что «ко времени образования Булгарского царства в X в., этот край был в основном земледельческим», имея в виду потомков населения «городищ с рогожной керамикой» (Смирнов, 1948, с. 18), позже причисленных им к позднегородецкой культуре. Аналогичные взгляды были высказаны и Н.Ф. Калининым – одним из авторов «Истории ТАССР», в разделе, посвященном предбулгарскому времени (История, 1951, с. 56–57). Синхронность позднегородецких и булгарских городищ постулировалась А.П. Смирновым на материалах поселений Самарской

Рис. 2. Именьковское городище. Фото К.А. Руденко. 1995 г.

Рис. 3. Место Рождественского городища. Фото К.А. Руденко. 1995 г.

Луки, исследованных В.В. Гольмстен (Смирнов, 1951, с. 15). Позже А.П. Смирнов отказался от этой версии, высказавшись за то, что верхним рубежом городецкой культуры является VIII в. – приход болгар на Волгу,

подкрепляя это материалами раскопок Балымерского городища (Смирнов, 1957а, с. 15).

Очевидно, что тема ранней Волжской Булгарии становилась следующей, которая завершила бы исследо-

Рис. 4. Рождественское селище. Фото К.А. Руденко. 1995 г.

вательскую парадигму В.Ф. Генинга. Однако этого не произошло. Связующее звено в виде именьковской АК в этой непрерывной цепочке развития археологических культур Волго-Камья было из изъято, поскольку В.Ф. Генинг пересмотрел свою точку зрения о вхождении местного (добулгарского) населения (именьковцев) в состав булгарского государства.

В общем виде проблема ранних болгар была им сформулирована сразу после исследований Большеатарханского и Тураевского могильников в 1960 г. В отчете за 1961 г. он писал, что появление болгар произошло в VII – начале VIII в. в результате единовременного переселения «чрезвычайно крупной группировки племен», единовременно из одного района вместе с дунайскими и придонскими болгарами, причем на протяжении более ста лет болгары жили «весьма обосо-

бленно от местного населения». С небольшими уточнениями эти выводы были им изложены спустя несколько лет в совместной с А.Х. Халиковым монографии (Генинг, Халиков, 1964) (рис. 5).

Сославшись на то, что А.П. Смирнов не имел в распоряжении археологических материалов ранее X в., авторы сделали вывод, что концепция ученого всего лишь научная гипотеза (Генинг, Халиков, 1964, с. 102). Предпринятый затем обширный экскурс в историю болгар (подготовленный В.Ф. Генингом), построенный на сообщениях письменных источников в основном по исследованию М.И. Артамонова (Артамонов, 1962) и Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1957) был призван обосновать историческое время прихода болгар на Среднюю Волгу, несмотря на то, что прямых указаний на этот факт в источниках не было.

Следующий раздел был посвящен анализу новых археологических материалов VIII–IX вв. через призму определения этнического состава. При этом, ссылаясь на мнение С.А. Плетневой, В.Ф. Генинг рассматривает южную группу памятников салтово-маяцкой культуры как праболгарскую (Генинг, Халиков, 1964, с. 119–120), отмечая, что абсолютно идентичного или даже просто очень близкого памятника к Большетарханскому могильнику в древностях этого региона не было обнаружено, а имеющиеся сходные черты связаны с территориальной близостью и тесными контактами населения в рамках Великой Болгарии. Такая ситуация, считал В.Ф. Генинг, связана с культурными отличиями и с различным происхождением этих племен. Более того, очевидные различия между Танкеевским, Большетарханским, Кайбельским могильниками он объяснял пестротой этнического состава болгар на Волге (Генинг, Халиков, 1964, с. 129, 130, 131).

Касаясь специфических черт погребального обряда волжских болгар, не встречающихся у болгар Подонья и Приазовья (что противоречило тезису о предшествующем единстве болгар до миграции их на Волгу и Дунай), он объяснял это тем, что они связаны с традициями населения восточных районов Восточного и Центрального Казахстана и южных лесостепных районов Западной Сибири и Зауралья эпохи раннего железного века (Генинг, Халиков, 1964, с. 139), то есть другим этническим компонентом. Несмотря на то что памятники этих регионов были изучены еще недостаточно, В.Ф. Генинг считал возможным связать круглодонную посуду Большетарханского могильника с угорским этно-

сом, памятники которых локализовались в указанных районах Западной Сибири и Зауралья (Генинг, Халиков, 1964, с. 139, 145). Идеи об угорском компоненте в культуре ранних болгар по материалам могильников, а затем и поселений были впоследствии развиты Е.П.Казаковым (рис. 6). Некоторые сосуды Танкеевского могильника В.Ф. Генингом были сопоставлены со средневековой финской (древнеудмуртской) керамикой (могильник Мыдлань-Шай).

Новую идею В.Ф. Генинга о том, что именковские и болгарские племена не контактировали между собой, но поддерживали тесные связи с древней мордвой (от гипотезы что именковцы вошли в состав болгарского государства он в начале 1960-х гг. отказался), обосновал А.Х. Халиков (Генинг, Халиков, 1964, с. 153, 159) (рис. 7).

Таким образом, В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым была, по сути, выдвинута новая гипотеза развития археологических культур Волго-Камья в начале болгарской эпохи. Она строилась на только что полученных материалах, которые к тому времени лишь предварительно могли быть вписаны в общий археологический контекст эпохи и в силу этого требовали дальнейшей разработки и корректировки. Какая-то часть взглядов ученых выдержала испытание временем, часть была скорректирована, а часть не подтвердилась появившимися новыми источниками.

К болгарской теме В.Ф. Генинг вернулся спустя более чем 25 лет (Генинг, 1989), в какой-то степени подводя итог своих изысканий в области болгаристики. Правда, аспект проблемы, который в этот раз заинтересовал исследователя, был уже иной. Он ста-

Рис. 5. В.Ф. Генинг (справа) и А.Х. Халиков изучают материалы Большеетарханского могильника. Начало 1960-х гг. (личный архив Н.А. Халикова)

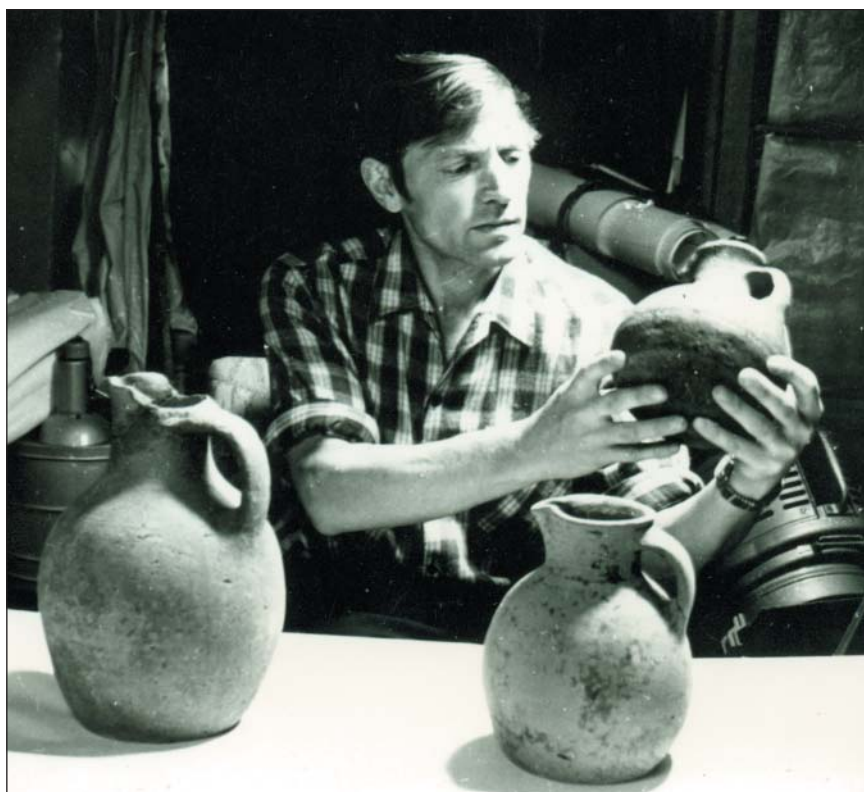

Рис. 6. Е.П. Казаков изучает керамику Танкеевского могильника. 1960-е годы (НФ МА РТ)

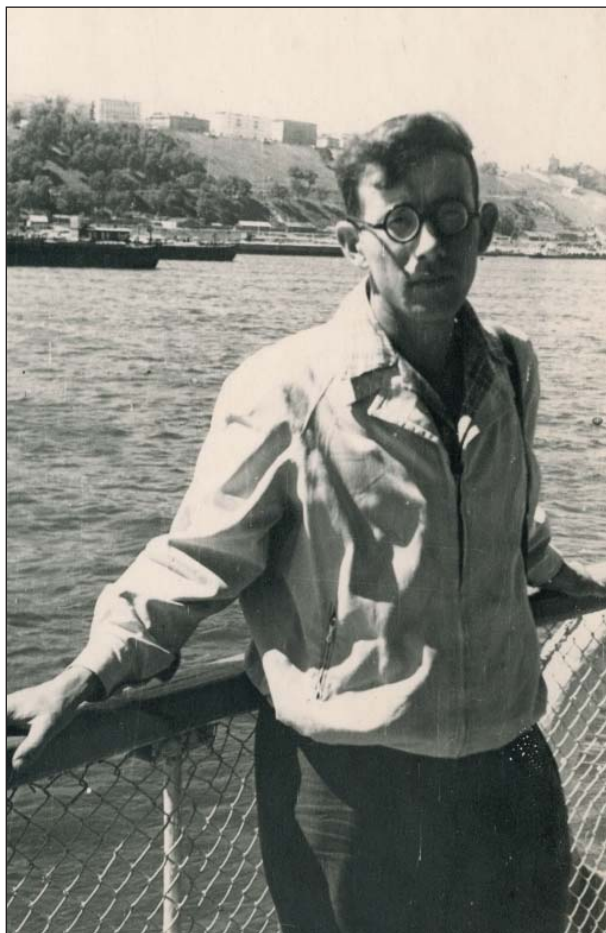

Рис. 7. А.Х. Халиков. Конец 1950-х годов (личный архив Н.А. Халикова)

вил своей задачей, с одной стороны, изучить исторические трансформации этнических общностей на примере болгар и, с другой стороны, апробировать методику социологической интерпретации археологических источников как некую закономерность этнических процессов «детерминированного общественно-экономическим развитием в эпоху племенного строя» и построения «конкретных концепций этнической истории отдельных народов» (Генинг, 1989, с. 4). Следуя методологии исторического материализма, он считал, что в первую очередь

следует рассматривать экономические факторы развития и как производные – этнические, различая при этом понятия народ и этнос (народ как социально-исторический организм, а этнос – как частное его выражение). Отметим, что определение этничности, данное В.Ф. Генингом, не потеряло своей актуальности и по сей день (Генинг, 1989, с. 5).

Вместе с тем, описывая свою модель развития социальных отношений, он явно абстрагируется от того факта, что кочевое общество развивается по несколько иным законам, нежели земледельческое (Плетнева, 1982), избирая и анализируя только отдельные аспекты этого процесса. Это, правда, не является столь принципиальным для автора, по-

скольку он рассматривает проблему как переход от первобытного общества к классовому в целом, делая акцент на археологическое выражение этих формационных моментов. С этим оказалось сложнее, поскольку имевшиеся в распоряжении ученого материалы, несмотря на многолетние исследования, сводились, в сущности, к тем основным положениям, что были определены еще в начале 1960-х годов и как вывод: основные признаки болгарского погребального обряда не являются специфически болгарскими (Генинг, 1989, с. 8).

Однако в этой работе особо ценным представляется предложенная

периодизация болгарской истории, особенно в ситуации терминологической путаницы в современной литературе о болгарях. В.Ф. Генинг выделяет 1) протоболгарский этап (с древнейших времен до I–III вв. н.э.), 2) праболгарский (IV–VI вв. н.э.); 3) болгарский (VII в. н.э.); 4) постболгарский этап (после 70-х годов VII в.), в котором он рассматривает историю дунайско-болгарского народа (681–1081 гг.); среднедунайско-болгарского народа (670–791 гг.); волжско-болгарского народа (конец VII – начало XIII в.); донецко-болгарского народа (VII–IX вв.); кавказско-болгарского народа (?). Вывод ученого достаточно своеобразен: он считал, что «говорить о болгарском этногенезе не приходится», вместо этого необходимо вести исследования на выявление археолого-этнографических специфических черт болгарских народов отдельных этапов, определении этнического субстрата, участвовавшего в их формировании и тех образований, в которых болгары сами выступали в качестве субстрата (Генинг, 1989, с. 14). При этом характеристика 1–4 этапов, по сути, является гипотетической, поскольку основана на общеисторическом контексте, как отмечал и сам автор, не подкрепленном в большинстве случаев материалами конкретных археологических памятников.

Если подвести итог того, что внес В.Ф. Генинг в болгаристику, то можно констатировать, что исследования В.Ф. Генинга, прежде всего раскопки памятников V–IX вв. в казанский период его жизни и деятельности – Большетарханского, Тураевского, Рождественского могильников и Рождественского селища, – позволили четко определить время появления

болгар на Средней Волге – середина VIII в. н.э., внести ясность в разноречивой мнений по этому поводу в предшествующий период. Они позволили установить многокомпонентный состав населения ранней Волжской Булгарии, а также отделить элементы болгарской материальной культуры от древностей иных эпох и культур, например, пьяноборской (азелинской). Выделение им именьковской культуры предбулгарского времени открыло сложную тему взаимодействия пришельцев-булгар и местного (добулгарского) населения, которая дискутируется по сей день. В этом отношении В.Ф. Генингу принадлежит идея об отсутствии контактов ранних булгар и именьковцев, которая и сейчас имеет своих сторонников, хотя взгляд на именьковскую культуру за более чем 50 лет ее изучения существенно изменился.

В.Ф. Генинг создал гипотезу о волжских булгарах как тюрко-угорском этносе (в широком смысле), сочтя не обоснованной версию А.П. Смирнова о булгарах как аланосарматах, впрочем, так же критически отнесясь вообще к идее сарматского влияния на население Прикамья в первой половине I тыс. н.э. в целом. Эта часть концепции В.Ф. Генинга была опровергнута последующими исследованиями, появились факты, заставляющие тщательнее относиться и к вопросу о постсарматском влиянии на культуру ранних булгар. В.Ф. Генингу впервые удалось сформулировать гипотезу о раннеболгарском периоде и его специфике; поставить вопрос о методике изучения истории булгар и контексте социально-экономической парадигмы советской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М.И.* История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 522 с.
2. *Берс А.А.* Прошлое Урала. С древнейших времен до русской колонизации. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1930. – 132 с.
3. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. – Вып. 2. – Казань, 1959. – С. 157–219.
4. *Генинг В.Ф.* По поводу рецензии А.П. Смирнова // СА. – 1966. – № 3. – С. 282–288.
5. *Генинг В.Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 4–15.
6. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.
7. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К.* Археологические памятники у с. Рождествено. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1962. – 126 с.
8. *Гумилев Л.Н.* Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по этнографии ВГО. – № 1. – Л., 1961. – С. 19–20.
9. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
10. История Татарской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. I. – Казань: Татгосиздат, 1951. – 660 с.
11. *Мельникова О.М.* Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 9. – Ижевск, 2003. – 194 с.
12. *Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. – 37 с.
13. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 188 с.
14. *Смирнов А.П.* Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. – 82 с.
15. *Смирнов А.П.* Волжские болгары / Тр. ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.
16. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – М., 1952. – 276 с.
17. *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА. – 1957. – № 3. – С. 20–30.
18. *Смирнов А.П.* Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957а. – 36 с.
19. *Старостин П.Н.* Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 37–54.
20. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 7–36.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук; профессор Казанского государственного университета культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru.

**V. F. GENING AND ISSUES ON THE ARCHAEOLOGY
OF VOLGA BULGARIA**

K.A. Rudenko

V. F. Gening's contribution to the study of the Volga Bulgaria and his views concerning the history and archaeology of this state formation are considered in the article. His sphere of interest first of all included the links between the Volga Bulgaria population and the tribes belonging to preceding cultures, such as Pyanoborye and Imenkovo ones. V.F. Gening investigated the Bolshie Tarkhany, Turaevo and Rozdestveno burial grounds dated by the 8–9th, 5th and 6–7th centuries A.D., and the materials collected modified the notion of the time and character of the Bulgars arrival in the Volga area. He reconsidered the chronology and interpretation of the archaeological monuments, which referred to the epoch preceding the Bulgars appearance on the Volga, and proposed a hypothesis of the Volga Bulgars as a Turkic-Ugrian ethnos. V. F. Gening created a periodization of the Bolgars history in Eastern Europe within the time span between 1st-3rd centuries AD and the early 13th century AD.

Keywords: the Volga River region, the Urals region, the early Middle Ages, the Bulgars, the Huns, the Sarmatians, the ancient Turks, the Finno-Ugrians, the Goths, ethnogenesis.

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
2. Bers, A. A. 1930. *Proshloe Urala. S drevneishikh vremen do russkoi kolonizatsii (The Urals Past: from the Earliest Times to the Russian Colonisation)*. Moscow: "Rabotnik prosveshcheniia" Publ. (in Russian).
3. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR. Humanities Series)* 2. Kazan, 157–219 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 282–288 (in Russian).
5. Gening, V. F. 1989. In *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (Early Bulgars in Eastern Europe)*. Kazan, 4–15 (in Russian).
6. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
8. Gumilev, L. N. 1961. In *Materialy po etnografii VGO (Materials on Ethnography of the All-Union Geographic Society)* 1. Leningrad, 19–20 (in Russian).
9. Gumilev, L. N. 1967. *Drevnie tiurki (Ancient Turkic People)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. *Istoriia Tatarskoi ASSR (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Vol. I. *S drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii (From the Earliest Past to the Great October Socialist Revolution)*. 1951. Kazan: "Tatgosizdat" Publ. (in Russian).

11. Mel'nikova, O. M. 2003. *Sverdlovskaiia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola V. F. Geninga (1960–1974 gg.) (The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening: 1960–1974)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 9. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

12. Merpert, N. Ya. 1957. *K voprosu o drevneishikh bolgarskikh plemenakh (To the Issue of the Earliest Bulgar Tribes)*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR (in Russian).

13. Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonmernostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Smirnov, A. P. 1948. *Drevniaia istoriia chuvashskogo naroda (do mongol'skogo zavoevaniia) (Early History of the Chuvash People: before the Mongol Conquest)*. Cheboksary: "Chuvashgosizdat" Publ. (in Russian).

15. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum XIX*. Moscow (in Russian).

16. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Middle Volga-Kama Rivers Region Peoples)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 28. Moscow (in Russian).

17. Smirnov, A. P. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 20–30 (in Russian).

18. Smirnov, A. P. 1957. *Nekotorye voprosy srednevekovoi istorii Povolzh'ia (Some Problems of the Medieval History of the Volga River Area)*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR (in Russian).

19. Starostin, P. N. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Series: *Archaeology and Ethnography of Tataria 1*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 37–54 (in Russian).

20. Khalikov, A. Kh. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Series: *Archaeology and Ethnography of Tataria 1*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–36 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

УДК 902+39(470.51)

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УДМУРТИИ

© 2014 г. Н.И. Шутова

В статье освещается история археолого-этнографических исследований в Удмуртии, начало которым было положено дореволюционными учеными. Продолжателями этой линии стали археологи А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, их ученики и последователи. Масштабные археологические исследования, проведенные в Камско-Вятском регионе на современном этапе (конец XX – начало XXI вв.), позволили собрать значительный археологический материал по основным периодам истории и культуры местного населения от мезолита до XIX в. Эти данные интенсивно вводились в научный оборот в виде авторских и коллективных монографий. Для интерпретации археологических источников использовались данные письменных источников, топонимии, фольклора и этнографии, что способствовало количественному накоплению археолого-этнографических наблюдений. В результате были подготовлены благоприятные условия для целенаправленных археолого-этнографических исследований по проблемам религиозных верований и традиций населения региона. Подобные систематические работы по интеграции археологических и этнографических знаний проводились в Удмуртии с 1990-х гг. по трем главным направлениям: 1) изучение поздних удмуртских кладбищ XVI–XIX вв. на основе сопоставления и корреляции этих материалов с данными средневековой археологии VI–XIII вв. и с историческими и фольклорно-этнографическими источниками конца XVIII – начала XX вв.; 2) исследование культовых памятников (святилищ, могильников, ритуальных предметов) от эпохи средневековья до наших дней также с опорой на методику параллельного сбора и интерпретации археологической и фольклорно-этнографической информации; 3) реконструкция культурного и сакрального ландшафта отдельных микрорайонов отмеченных периодов.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Удмуртия, археолого-этнографические исследования, поздние могильники, священные места, культурный и сакральный ландшафт, история науки.

Дореволюционные исследователи – А.А. Спицын, Н.Г. Первухин, И.Н. Смирнов и др. – обращались к данным этнографии для характеристики этнической принадлежности выявленных археологических материалов, для реконструкции хозяйственных занятий, общественной и духовной жизни древнего прикамского населения. В дальнейшем эту традицию продолжили А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, которые заложили основу археологических изысканий в

Удмуртии. Заслуга А.П. Смирнова заключается в том, что в 1920–1930-х гг. им были проведены раскопки эталонных средневековых памятников Чепецкого бассейна (городища Иднакар, Дондыкар, Учкакар, могильника Чемшай) и разведочные обследования поздних удмуртских кладбищ в бассейне р. Валы. Им опубликованы десятки статей и обобщающая монография «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (М., 1952), ос-

вещающая историю финно-угорских народов региона от эпохи бронзы до средневековья. Следует подчеркнуть, что это фундаментальное исследование основано на тщательном анализе археологических источников с широким привлечением данных этнографии, фольклора, письменных документов.

С 1954 г., со времени организации Удмуртской археологической экспедиции (далее УАЭ), под руководством В.Ф. Генинга в Удмуртии развернулись систематические археологические исследования памятников раннего железного века и раннего средневековья. В научных разработках В.Ф. Генинг широко использовал этнографические параллели при характеристике погребальной обрядности, головных уборов и украшений пьяноборского, азелинского и чепецкого населения, при разработке вопросов этногенеза народов Прикамья. В плане археолого-этнографических сопоставлений древних обществ большую ценность имеют его труды «Археологические памятники Удмуртии» (Ижевск, 1958), «Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв.» (Свердловск, 1962), «Азелинская культура III–V вв.» (Свердловск–Ижевск, 1963), «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» (Ижевск–Свердловск, 1970) и др. Исследователь также дал общую характеристику археологическим памятникам удмуртов XV–XVIII вв. и отметил их недостаточную изученность. Однако при этом он несколько недооценивал научный потенциал этой группы источников, полагая, что они могут представлять интерес лишь как подсобный вспомогательный материал при освещении истории удмуртского народа (Ге-

нинг, 1958, с. 116–122). Проведенные В.Ф. Генингом изыскания, в том числе и его археолого-этнографические наблюдения, легли в основу общей концепции историко-культурного развития народов Прикамья. В последующем эта схема исторического развития уточнялась, конкретизировалась, дополнялась реальными фактами и материалами, но не утратила своего значения до настоящего времени. Во всяком случае, ключевые положения этой концепции составляют скелетную основу современного научного знания о происходящих исторических процессах в регионе.

В последующие периоды (1970–1980 гг.) традицию археолого-этнографических сопоставлений продолжили ученики и последователи В.Ф. Генинга – Р.Д. Голдина, Т.И. Останина, В.А. Семенов, ученица А.П. Смирнова – М.Г. Иванова. В.А. Семенов провел раскопки базовых памятников, используемых ныне при разработке этноархеологических проблем – Варнинского, Омутницкого, Ореховского, Ципьинского могильников, Маловенижского, Весьякарского, Поломских городищ, жертвенного места около с. Большая Пурга и др. Важно отметить, что исследователь выявил близкие этнографические соответствия обнаруженным археологизированным остаткам женского костюма и украшений, домостроительства и культовых сооружений, элементам погребальной обрядности, бытовой утвари и орудий труда. Результаты этих наблюдений нашли отражение в ряде статей, таких как «Из истории удмуртского народного орнамента. III–XII вв.» (Ижевск, 1967), «Южные удмурты в XVI в. (по данным Ореховского могильника)

(Ижевск, 1976), «Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений в VI – первой половине IX в.» (Ижевск, 1979), «Варнинский могильник» (Ижевск, 1980), «Омутницкий могильник» (Ижевск, 1985), «Городище Весья-кар» (Устинов, 1985), «Ципьинский могильник» (Ижевск, 1987) и др.

Работами сотрудников трех археологических экспедиций – УАЭ под руководством М.Г. Ивановой, Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ), руководимой Р.Д. Голдиной, экспедицией Национального музея Удмуртской Республики (экспедиция НМ УР) под руководством Т.И. Останиной проведены сплошные разведочные обследования и стационарные исследования множества базовых археологических памятников в Удмуртии и Кировской области, а также на территориях соседних Пермского края и Татарстана. В результате был собран и накоплен богатый археологический материал по всем основным периодам истории края от мезолита до XIX в. В последние десятилетия этот солидный корпус источников интенсивно вводится в научный оборот в виде авторских и коллективных монографий. Новые материалы рассматриваются на широком историко-культурном фоне, с привлечением данных письменных источников, топонимии, фольклора и этнографии для этнической атрибуции выявленных и обследуемых археологических объектов, для разработки проблем торговых и культурных связей, выполнения социальных реконструкций, характеристики особенностей домостроения, своеобразия древнего и средневекового искусства (Голдина, 2003, 2004, 2012; Голдина, Бернц, 2010; Голдина, Колобова, Ка-

занцева и др., 2013; Голдина, Пастушенко, Перевозчикова и др., 2012; Голдина, Пастушенко, Черных, 2011; Древности Прикамья, 2012; Иванов, 1998; Иванова, 1998; Останина, 1997, 2002; Останина, Канунникова, Степанов и др., 2012; Перевощиков, 2002; Черных, 2008; Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002 и др.).

Особо следует отметить монографическое издание Р.Д. Голдиной, посвященное проблеме «сквозного» рассмотрения основных этапов этнической истории удмуртского народа. Монография опирается на солидную базу археологических источников и подкреплена выводами смежных научных дисциплин – истории, фольклора, этнографии, лингвистики, топонимии. Автор изложил картину истории местных обитателей региона от древности до Средневековья, наметил основные направления и этапы исторического пути народов и этносов края. Перед нами научное издание, в котором изложена новейшая археологическая информация об исторических процессах древности и средневековья. В монографии в полной мере нашла отражение такая сильная исследовательская черта Р.Д. Голдиной, как умение синтезировать и обобщать объемные материалы и излагать их в виде стройной концепции (Голдина, 1999). В дальнейшем многие затронутые в книге проблемы истории и культуры обитателей региона будут уточняться, прорабатываться, ибо в рамках одной, даже очень объемной книги, трудно охарактеризовать все аспекты истории края на протяжении такого колоссального хронологического отрезка времени.

Археолого-этнографические исследования этого периода можно оха-

рактизовать как фактологические: сбор, осмысление и публикация археологического материала; количественное накопление единичных археолого-этнографических наблюдений. В применении этнографических материалов (в археолого-этнографических сопоставлениях) преобладал метод прямых аналогий, а в исторических реконструкциях – визуально-интуитивный подход.

Параллельно с введением в научный оборот археологических материалов происходит обобщение и публикация большого корпуса новых лингвистических и фольклорно-этнографических источников. В рассматриваемый период появляются добротные научные труды по народной одежде, семейным и календарным обрядам, традиционным религиозным верованиям, удмуртскому фольклору, ономастике (Атаманов 1988, 1997, 2001, 2005; Владыкин, 1994; Владыкина, 1998; Кириллова, 1992, 2002; Косарева, 2000; Миннихметова, 2000, 2003; Попова, 1998, 2004; Садилов, 2001, 2008 и др.). М.Г. Атаманов, В.Е. Владыкин, Т.Г. Владыкина, И.А. Косарева в своих научных изысканиях активно использовали археологические материалы, что расширяло научные знания о глубинных корнях народной культуры и языка. Искусствовед К.М. Климов в авторской монографии «Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX–XX вв.» (Ижевск, 1999) также обратился к поискам древних истоков удмуртского и бесермянского народного искусства. Научной находкой и главным стержнем его работы является идея ансамблевости удмуртского искусства и ее проявление в народном зодчестве, интерьере,

одежде. Народное искусство рассмотрено им с большой любовью, с привлечением разнородных источников (археологические данные, фольклор, этнографические сведения, архивные и музейные коллекции), во взаимосвязях с окружающей природной и социокультурной средой и в процессе эволюции (Климов, 1999).

Указанные научные разработки подготовили благоприятные условия для проведения систематической и результативной интеграции археологической и этнографической информации, проводившейся последовательно, в соответствии с накоплением необходимых источников по трем основным направлениям. Первое направление касалось проведения широкомасштабных исследований могильников XVI – первой половины XIX вв., которые занимают выгодное промежуточное положение между средневековыми археологическими и поздними историко-этнографическими источниками и которые открыли для науки новый пласт источников позднейшей эпохи. Это позволяло проводить сопоставление и корреляцию полученных археологических материалов XVI–XVIII вв. как с данными средневековой археологии VI–XIII вв., с одной стороны, так и с историческими и фольклорно-этнографическими источниками конца XVIII – начала XX в., с другой стороны.

Основные итоги археолого-этнографического изучения поздне-средневековых могильников сводились к следующему. Впервые были систематизированы и обобщены материалы удмуртских могильников XVI – первой половины XIX вв. Проведен анализ погребальной обрядности и вещевых находок поздних погре-

бальных памятников в синхронном и диахронном разрезе. По мере возможности прослежены возникновение, эволюция и затухание наиболее важных элементов погребального обряда, рассмотрены направления постепенной трансформации языческих традиций захоронения умерших. Проведена классификация вещевого инвентаря, разработаны вопросы хронологии позднесредневековых древностей, охарактеризована история бытования основных категорий сопровождающего умерших инвентаря. Выполнены реконструкции головных уборов, украшений, костюмов удмурток рассматриваемого времени, прослежены типы и разновидности используемых при захоронении погребальных камер. Определено место удмуртских могильников среди аналогичных памятников соседних народов Среднего Поволжья и Приуралья. В исторических реконструкциях широко привлекались параллели по соседним финно-угорским народам региона, а также по русским и татарам.

Полученные археологические характеристики могильников позднего средневековья, их всестороннее изучение, привлечение данных смежных исторических дисциплин помогло осветить целый комплекс вопросов функционирования удмуртского общества XVI–XVIII вв.: расселение, основные демографические показатели, эволюцию материальной и частично духовной культуры, отдельных сторон социально-экономической жизни. Выяснилось, что материалы археологических памятников второй половины II тыс. н. э. составляют солидную базу источников и могут не только подтверждать или дополнять данные этнографии, но и играть само-

стоятельную роль при исследовании истории и культуры удмуртов XVI–XVIII вв. В последующем материалы позднесредневековых удмуртских могильников послужили одним из базовых компонентов для археолого-этнографического изучения культовых памятников (Шутова, 1992).

Второе направление исследования – изучение трех групп культовых памятников (святилища, кладбища и ритуальные предметы) для освещения религиозных верований местного финно-пермского населения от средневековья до этнографической современности. Выбор такой группы исторических источников для проведения этноархеологических исследований был обусловлен несколькими важными обстоятельствами. Во-первых, в культовых объектах и предметах сконцентрированы материализованные остатки вещного, акционального и вербального оформления обрядов верований и представлений о мире. Во-вторых, археологические памятники такого рода в большей степени, чем другие вещественные объекты, характеризуются консервативностью форм и сохраняют архаичные черты традиционной обрядности. В-третьих, как правило, памятники культового назначения использовались в течение длительного промежутка времени на разных хронологических этапах функционирования этноса. И, в-четвертых, богатейшие средневековые древности, выявленные в Камско-Вятском регионе несколькими поколениями исследователей, имели многочисленные параллели в духовной культуре удмуртского этноса, сохранившего некоторые языческие черты обрядов и представлений из-за поздней христи-

анизации и оставшейся некрещеной части населения.

Процесс исследования культовых объектов проводился путем параллельного самостоятельного сбора, анализа и интеграции археологической, фольклорно-этнографической и исторической информации по трем хронологическим периодам: средневековье VI–XIII вв., позднее средневековье XVI–XVIII вв., новое и новейшее время XVIII–XX вв. Изучение материалов сакральных мест и ритуальных вещей проводилось в контексте социально-экономической и духовной жизни местного населения, а археологизированные остатки рассматривались как объекты исчезнувшей живой культуры.

Основное содержание работы подразделено на четыре блока проблем. В первом блоке дана систематизация имеющихся материалов по дохристианским святилищам древнеудмуртских племен и удмуртов XVI–XX вв. Преимущественное внимание при этом уделялось характеристике сакральных мест как материальных объектов (топография, устройство, функции и вещное оформление). Эти показатели облегчали задачу выявления объектов культового назначения среди археологических памятников. Материалы о культовых местах XVI–XX вв. собирались в заранее намеченных опорных пунктах. Их выбор был предопределен несколькими важными для проведения археолого-этнографического изучения факторами: расположением в зоне расселения средневековых племен, их сопряженностью с памятниками эпохи средневековья по данным легенд и преданий, степени наибольшей сохранности культовых мест, а также их использованием в конце XX в. При-

влеченные историко-этнографические и фольклорные данные позволили выполнить реконструкцию их реального облика, а археологические материалы дали возможность проследить историческую преемственность и эволюцию связанных со святилищами этнографических фактов и явлений во времени.

Во втором блоке анализируется роль и место кладбищ трех упомянутых выше временных периодов. Приведена краткая характеристика основных элементов погребально-поминальной обрядности местного населения в рассматриваемые эпохи, в хронологической последовательности прослежены наиболее общие тенденции ее развития в описываемом временном периоде. Такой подход позволил проследить некоторые аспекты взаимоотношений между миром живых и миром мертвых, а также определить значение этой группы специализированных культовых памятников в обрядовой и духовной жизни удмуртского общества.

Третий блок касается изучения символики и ритуальных функций основных категорий вещей (культовые пластины, металлические подвески, серьги, кольца, посуда, орудия труда и быта), их значения в обрядовой жизни людей на разных исторических отрезках времени. Четвертый блок связан с реконструкцией традиционных воззрений, представлений о языческих божествах и духах (их образы, функции, место в пантеоне, направления эволюции), выполненной на основе последовательного изучения трех групп вещественных источников: кладбищ, святилищ, предметов. В работе раскрыты некоторые малоизученные проблемы традиционного мировоззрения местного населения от

Средневековья до начала XIX в. (Шутова, 2001).

Последующие исследования священных мест были связаны с необходимостью рассмотрения удмуртских материалов на более широком историко-культурном фоне с привлечением данных по религиозной практике и верованиям других этносов Камско-Вятского региона. Для этого проводилось всестороннее изучение святилищ и почитаемых объектов, оставленных финно-угорскими племенами, волжскими булгарами, марийцами, бесермянами, коми, русскими, татарами. Давалось описание типологии, функций, семантики и локальных особенностей святилищ эпохи средневековья, позднего средневековья, Нового и Новейшего времени. Исследовалось состояние традиционной обрядности (характер проводимых обрядов, состояние культов), особенности топографии и устройства культовых памятников от средневековья до начала XXI столетия. Велась фотосъемка, подготовка рисунков, планов языческих, христианских и мусульманских священных мест (рощи, родники, часовни, отдельные деревья и камни). Выявлялись общие и своеобразные черты в обустройстве и использовании святилищ разного ранга на рассматриваемых территориях. Собиралась информация об отношении современного населения к сакральным памятникам разных эпох. Помимо автора данной статьи подобными изысканиями занимались сотрудники других подразделений Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (Е.В. Попова), сотрудник Национального музея УР Т.И. Останина, а также пермские, татарские и башкирские коллеги (А.В. Черных, Т.М. Миннихметова, К.А. Руденко,

Р.Р. Садиков). Группа биологов, географов, этнографов Удмуртского университета и Национального музея УР под руководством В.И. Капитонова особое внимание обращала проблеме изучения природных характеристик священных рощ, их экологии, особенностям топографии сакральных мест, вопросам сохранения их в качестве объектов природного и культурного наследия (Культовые памятники, 2004).

Как и в случае с удмуртскими святилищами, при проведении исследований повышенное внимание уделялось сбору этнографических данных в районах локализации средневековых археологических памятников. В связи с немногочисленностью выявленных в регионе культовых мест средневекового времени, а также трудностью выявления такого рода остатков, анализировались материалы выявленных средневековых древностей на предмет их возможного функционирования в качестве культовых мест. Привлекались результаты археологических изысканий по святилищам и культовым объектам бассейна Вятки и Верхней Камы, в частности материалы археологического изучения пермских коллег В.А. Оборина, А.М. Белавина, А.Ф. Мельничука и др.

В ходе исследования выяснено, что священные места средневековых финно-угорских племен Камско-Вятского региона уникальны по планировке и организации сакрального пространства, по набору используемых для ритуала средств. Важным критерием, позволяющим вычленить культовые памятники средневекового времени, является факт почитания средневековых святилищ или урочищ, участков территории возле них окрест-

ным населением и в более позднее время, в XIX–XX вв. Как правило, с почитаемыми объектами связаны разнообразные легенды и предания. Для таких мест характерны проявления духовных энергий – видения, чудесные исцеления или, наоборот, жестокие наказания за неблагочестивое или неправильное отношение к объекту, людей здесь «водит», «носит». Часто на площадке средневекового мольбища или неподалеку от него строили христианские церкви или часовни (Руденко, 2004; Шутова, 2004).

Сравнительное изучение археологических и этнографических данных по культовым местам региона позволило проследить как сохранение преемственности, так и динамику развития религиозных представлений и обрядов на протяжении от Средневековья до XIX–XX вв. Сохранение традиционности в культовой сфере фиксировалось на двух уровнях. В более широком смысле традиционность наблюдалась в характере священных мест региона, в одинаковых способах организации сакрального пространства, в сходстве основных правил жертвоприношений. В более узком понимании этого слова традиционность проявлялась как прямая преемственность между культовыми памятниками второй половины I – начала II тысячелетия и капищами XVII–XX вв.

Как в Средневековье, так и в XVII – начале XX вв. функционировали три основные группы почитаемых объектов. Одни из них располагались на площадках поселений и были посвящены семейно-родовым покровителям, вторые объекты были приурочены к захоронениям предков, а третьи – предназначались для молений хозяевам Дикой Природы и были связаны

с почитанием природных объектов – возвышений, деревьев, рощ, родников, камней, озер, рек. Существовали определенные способы организации внутреннего пространства капища в виде округлой, квадратной, прямоугольной или многоугольной утрамбованной площадки, в котором очаг, растущее дерево /столб/ пень от священного дерева, ямка /углубление или камень/ обломки жерновов служили маркерами сакрального центра. Прилегающая к священному центру площадка чаще всего имела ограждение искусственного или естественного происхождения.

Говоря о прямой преемственности между памятниками разных эпох, следует отметить, что средневековые культовые объекты не только почитались, но и использовались окрестным населением позднее, в XVIII–XX вв. В одних случаях такие святилища сохраняли свой прежний статус до христианской святыни и продолжали функционировать как языческие капища. В других случаях на площадке средневекового святилища или неподалеку от него строили христианские церкви или часовни (Шутова, 2004).

Основными принципами проводимых нами этноархеологических исследований являлись: акцент на практическую разработку связанных с религиозной тематикой проблем; параллельное изучение археологических и этнографических источников по культовым памятникам. С одной стороны, при изучении археологического материала отслеживались те элементы культуры, типы и категории предметов и объектов, которые сохранились в «живой» этнографии. С другой стороны, проводилась работа по выявлению древних (архаичных)

пластов в верованиях и обрядовой практике народов региона по данным фольклора и этнографии. В результате выполненной работы выстраивались определенные связи и закономерности между вещественными (археологизированными) остатками и данными, полученными в «живых» сообществах. Важной особенностью этих археолого-этнографических работ является целостный синтез археологических, историко-этнографических, фольклорных и лингвистических материалов по исследуемой теме, а также их рассмотрение в процессе эволюции и с демонстрацией вариабельности.

Третье направление археолого-этнографических исследований – культурное и сакральное пространство региона разных эпох. На примере отдельных микрорайонов характеризовалось состояние локальных форм и путей формирования сельского ландшафта Камско-Вятского края как способа адаптации населения к условиям среды обитания. Анализировалось место и значение археологических памятников в культурном пространстве края в Средневековье, Новое и Новейшее время. Описаны типологии, современное состояние культовых мест и сакральных объектов бесермян, обрядов и традиций, связанных с ними, рассмотрены проблема традиционного сакрального пространства, а также вопросы межэтнических и межконфессиональных воздействий на культуру и верования бесермян (Попова, 2011).

С привлечением археологических, фольклорно-этнографических данных, сведений письменной истории, микротопонимов, географических, экологических и биологических показателей выполнена реконструкция

культурного ландшафта окрестностей д. Кузубаево Алнашского района Удмуртии, д. Старой Учи, сс. Старой Юмьи и Нырьи Кукморского района Татарстана. Проведенное исследование отдельных микрорайонов Камско-Вятского региона в целях выявления особенностей культурного ландшафта в разные исторические эпохи показало, что он сформировался в результате заселения, хозяйственного и духовного освоения края разными этническими группами. Одной из характерных черт освоения являлось гнездовое расположение средневековых памятников края. Каждое гнездо (куст) поселений занимало площадь радиусом 3–5 км от центра округа и располагалось друг от друга на расстоянии около 10 км и более. В пределах ряда ареалов формировались, в свою очередь, большие компактные группы, состоявшие из таких кустов поселений.

Выявленная система локализации археологических памятников свидетельствует о существовании определенной социальной структуры средневековых племен, низшими элементами которой являлись локальные общины, а высшими – крупные территориальные объединения. В пределах каждого куста поселений, или сельской округи, зарождались устойчивые хозяйственные, социальные и духовные связи сообщества людей. Такие стихийно сложившиеся локальные коллективы в последующем составили базу административных и территориальных образований Нового и Новейшего времени (округи, приходы, волости). Существовала удивительная преемственность (с небольшими вариациями) культурной традиции этнических групп населения, выбиравших для обитания одни и те же природные

ареалы на протяжении длительных исторических отрезков времени.

Можно говорить о единстве и вариативности локальных моделей культурного пространства. На фоне довольно однородной/однотипной культуры каждая сельская удмуртская округа (община) обладала некоторыми особыми нюансами в способах оформления культурного ландшафта, мировосприятии и в системе обрядовой деятельности. Традиционная удмуртская система расселения и организации духовного пространства, как правило, предполагала наличие религиозного центра с окружным святилищем, основными сакральными ценностями в старой материнской деревне, сети более мелких деревень, каждая из которых имела свою общедеревенскую святыню, группу семейных или патронимических культовых объектов. За пределами селений располагались священные места для почитания хозяев Дикой Природы и умерших предков.

Историко-культурный ландшафт обнаруживает высокую степень взаимосвязанности их обитателей с природной средой. Такие элементы ландшафта, как возвышения, низины, родники, известные своими особыми свойствами, камни, старые и сильные деревья – активно использовались в ритуальной практике местного населения. Эти природные объекты выступали в качестве сакральных памятников. Особое значение придавалось системе размещения культовых мест относительно окультуренного деревенского пространства и речной долины. Существовала сеть сакральных локусов и в пределах каждого частного подворья.

Колонизация рассматриваемых территорий русскими и постепенная христианизация коренного населения сопровождалась увеличением плотности населения, формированием новой картины культурного пространства, усилением взаимодействия контактирующих народов, изменениями этнической и конфессиональной структуры населения региона. Примеры христианской традиции формирования сакрального пространства также свидетельствуют о четкой внутренней структуре в локализации культовых объектов и пространственно-временной организации заветных и церковных праздников. Село с храмом являлось главным религиозным центром местности. В нем отмечали окружной (кустовой) церковный праздник, проходили окружные (кустовые) ярмарки. Вокруг каждого села располагалась сеть более мелких деревень, выселков, починков, в некоторых из них имелись свои почитаемые памятные часовни. Каждая деревня отвечала за проведение какого-либо календарно-приуроченного праздника, на который съезжались знакомые и родственники со всей округи.

Прослеженные закономерности в эволюции историко-культурного ландшафта отдельных удмуртских и русских микрорайонов в Удмуртии, Татарстане и Кировской области свидетельствуют об особенной целостной системе размещения культурных и культовых объектов, маркировавших важные точки виртуального пространства селения. Оно имело ясно очерченную структуру с центром и периферией, строгую внутреннюю иерархию священных мест, систему их почитания и правила гостевания

в пределах сельской округи. Хорошо организованная система размещения и функционирования дохристианских и христианских культовых памятников и сакральных локусов, коллективное проведение аграрных и календарных праздников способствовали единению и сплочению людей каждой округи не только в хозяйственном и социальном плане, но и в духовном смысле. В пределах каждой локальной территории происходило регулярное воспроизводство сакральных ценностей и психологическая релаксация людей. Все это способствовало успешной адапта-

ции сельского сообщества к занимаемой природной среде и к социально-экономическим условиям обитания (Шутова и др., 2009).

В целом существование разных форм и традиций почитания дохристианских, христианских и мусульманских культовых объектов (священные деревья, столбы-часовни, почитаемые родники, камни и др.) в Камско-Вятском регионе в зоне интенсивных межэтнических контактов формировали сложную, многоуровневую и мозаичную систему сакрального пространства отдельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.
2. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 347 с.
3. Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. – 216 с.
4. Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 216 с.
5. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
6. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 356 с.
7. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958. – 192 с.
8. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
9. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. II. – Ижевск, 2003. – 721 с.
10. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. I. – Ижевск, 2004. – 319 с.
11. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. н. э. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 21. – Ижевск, 2012. – 472 с.
12. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 17. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2010. – 499 с.
13. Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 26. – Ижевск, 2013. – 184 с.

14. *Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Перевозчикова С.А., Черных Е.М., Голдина Е.В., Перевоицков С.Е.* Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 23. – Ижевск, 2012. – 264 с.

15. *Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М.* Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 13. – Ижевск; Пермь, 2011. – 340 с.

16. Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 25. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012. – 544 с.

17. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 309 с.

18. *Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 192 с.

19. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

20. *Кириллова Л.Е.* Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 320 с.

21. *Кириллова Л.Е.* Микропонимия бассейна Кильмези. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 571 с.

22. *Климов К.М.* Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX–XX вв. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 1999. – 320 с.

23. *Косарева И.А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинский, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – 228 с.

24. Культурные памятники народов Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 228 с.

25. *Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – 168 с.

26. *Миннихметова Т.Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. – Tartu: University Press, 2003. – 257 с.

27. *Останина Т.И.* Кузубаевское городище. IV–V, VII вв. Каталог археологической коллекции. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – 112 с.

28. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 327 с.

29. *Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.* Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. – Ижевск, 2012. – 218 с.

30. *Перевоицков С.Е.* Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). – Ижевск, 2002. – 176 с.

31. *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX в.) – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 241 с.

32. *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 256 с.

33. *Попова Е.В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. – 320 с.

34. *Руденко К.А.* Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск, 2004. – С. 36–66.

35. *Садиков Р.Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспект). – Уфа: Изд-во «Гилем», 2001. – 181 с.

36. *Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). – Уфа: Центр этнолог. исслед. УНЦ РАН, 2008. – 232 с.

37. *Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск, 2008. – 272 с.

38. *Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. – М.: Ин-т компьютер. технологий, 2002. – 188 с.

39. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 263 с.

40. *Шутова Н.И.* Дохристианские культурные памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 304 с.

41. *Шутова Н.И.* Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск, 2004. – С. 5–35.

42. *Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И.* Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. – 244 с.

Информация об авторе:

Шутова Надежда Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия); shutova@udnii.ru, nad_shutova@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL-ETHNOLOGICAL RESEARCHES IN UDMURTIA

N.I. Shutova

The article is devoted to the history of archaeological and ethnological research in Udmurtia, which was started by pre-revolutionary scholars. The archaeologists A.P. Smirnov and V.F. Gening, their followers and disciples, followed this tradition. Contemporary extensive archaeological research conducted in the Kama-Vyatka region in the late 20th and early 21st cc. made it possible to collect a considerable archaeological material referring to the basic periods of the history and culture of the local population from the Mesolithic up to the 19th century. These data were intensively published as individual and collective monographs. Utilization of written sources, toponymy, folklore and ethnography data helped to interpret archaeological materials that promoted quantitative accumulation of ethno-archaeological observations. As a result, favorable conditions for purposeful ethno-archaeological research on the problems of religious beliefs and traditions were prepared. Similar systematic work aimed at the integration of archaeological and ethnographic knowledge has been conducted in Udmurtia since the 1990s in accordance with three main directions: 1) studies of the later period (16-17th-century) Udmurt cemeteries based on these materials comparison and correlation with both medieval (6th to 13th centuries) archaeology data and historical and

folklore-ethnographic sources of the late 18th – early 20th centuries; 2) studies of the cult monuments (shrines, burial grounds, ritual objects) dating from the Middle Ages to the present also based upon the methods of parallel collection and interpretation of archaeological, folklore and ethnographic information; 3) reconstruction of cultural and sacral landscapes of individual local districts in the framework of the periods under consideration.

Keywords: the Kama River region, Udmurtia, archaeological and ethnological studies, cemeteries of later periods, shrines, cultural and sacred landscape, history of science.

REFERENCES

1. Atamanov, M. G. 1988. *Udmurtskaia onomastika (Udmurt Onomastics)*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
2. Atamanov, M. G. 1997. *Istoriia Udmurtii v geograficheskikh nazvaniakh (History of Udmurtia in Geographic Names)*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
3. Atamanov, M. G. 2001. *Po sledam udmurtskikh vorshudov (Tracing the Udmurt Vorshuds (Ancestors-Protectors))*. Izhevsk (in Russian).
4. Atamanov, M. G. 2005. *Ot Dondykara do Ursyгурта. Iz istorii udmurtskikh regionov (From Dondykar to Ursyгурt: From the History of Udmurt Regions)*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
5. Vladykin, V. E. 1994. *Religiozno-mifologicheskaiа kartina mira udmurtov (Religious and Mithological Worldview of Udmurts)*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
6. Vladykina, T. G. 1998. *Udmurtskii fol’klor: problemy zhanrovoi evoliutsii i sistematiki (Udmurt Folklore: Issues of Genre Evolution and Systematisation)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
7. Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii (Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk: “Udmurtknigoizdat” Publ. (in Russian).
8. Goldina, R. D. 1999. *Drevniаia i srednevekovaia istoriа udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
9. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil’nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area) II*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
10. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil’nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area) I*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
11. Goldina, R. D. 2012. *Nevolinskii mogil’nik VII–IX vv. v Permskom Predural’e (Nevolino Burial Ground from 7th–9th cc. in the Perm Cis-Urals)*. Series: Materialy i issledovaniа Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 21. Izhevsk (in Russian).
12. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil’nik – unikal’nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniа narodov v Srednem Prikam’e (beskurgannaia chast’) (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

13. Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zheleznogo veka v Srednem Prikam'ie* (*The Tarasovo Sanctuary of the Early Iron Age in Middle Kama Basin*). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).
14. Goldina, R. D., Pastushenko, I. Yu., Perevozchikova, S. A., Chernykh, E. M., Goldina, E. V., Perevoshchikov, S. E. 2012. *Gorodishche Lobach i ego okrestnosti v epokhu srednevekov'ia* (*Lobach Hillfort and Its Environs in the Middle Ages*). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 23. Izhevsk (in Russian).
15. Goldina, R. D., Pastushenko, I. Yu., Chernykh, E. M. 2011. *Bartym'skii kompleks pamiatnikov epokhi srednevekov'ia v Sylvenskom porech'ie* (*Bartym Complex of Medieval Sites in the Sylva River Basin*). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 13. Izhevsk; Perm (in Russian).
16. Goldina, R. D. (ed.). 2012. *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.): khronologicheskaiia atributsiia* (*Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution*). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
17. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Chepsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.)* (*Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Chepsta River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries)*). Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
18. Ivanova, M. G. 1994. *Istoki udmurtskogo naroda* (*Origins of the Udmurt People*). Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
19. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurt'skoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th–13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
20. Kirillova, L. E. 1992. *Mikrotoponimiia basseina Valy (v tipologicheskome osveshchenii)* (*Micro-toponymy of the Vala River Basin: a Typological View*). Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
21. Kirillova, L. E. 2002. *Mikrotoponimiia basseina Kil'mezi (Micro-toponymy of the Kilmez River Basin)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
22. Klimov, K. M. 1999. *Ansaml' kak obraznaia sistema v udmurtskom narodnom iskusstve XIX–XX vv. (Ensemble as an Image System in the Udmurt Popular Art)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
23. Kosareva, I. A. 2000. *Traditsionnaia zhenskaia odezhda periferiinykh grupp udmurtov (kosinskii, slobodskoi, kukmorskoi, shoshminskoi, zakamskoi) v kontse XIX – nachale XX v. (Traditional Female Clothing of Peripheral Groups of Udmurts (Kosa, Slobodskoy, Kukmor, Shoshma River, Trans-Kama) in Late 19th – Early 20th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
24. *Kul'tovye pamiatniki narodov Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia* (*Cult Sites of the Kama and Vyatka Region Peoples: Materials and Studies*). 2004.

Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

25. Minniakhmetova, T. G. 2000. *Kalendarnye obriady zakamskikh udmurtov (Calendary Rites of Trans-Kama Udmurts)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

26. Minniakhmetova, T. G. 2003. *Traditsionnye obriady zakamskikh udmurtov: Struktura. Semantika. Fol'klor (Traditional Rites of Trans-Kama Udmurts: Structure, Semantics, Folklore)*. Tartu: University Press (in Russian).

27. Ostanina, T. I. 2002. *Kuzebaevskoe gorodishche. IV–V, VII vv. Katalog arkheologicheskoi kolleksii (The Kuzebayevo Hillfort of 4th–5th and 7th Centuries: Catalogue of the Archaeological Collection)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

28. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

29. Ostanina, T. I., Kanunnikova, O. M., Stepanov, V. P., Nikitin, A. B. 2012. *Kuzebaevskii klad iuvelira VII v. kak istoricheskii istochnik (Kuzebayevo Jeweler's Hoard of 7th Century as a Historical Source)*. Izhevsk (in Russian).

30. Perevoshchikov, S. E. 2002. *Zhelezoobrabatyvaiushchee proizvodstvo naseleeniia Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia v epokhu srednevekov'ia (tekhnologicheskii aspekt) (Iron-working Production of Population of the Kama and Vyatka Interfluvial Area in Middle Ages: Technological Aspect)*. Izhevsk (in Russian).

31. Popova, E. V. 1998. *Semeinye obychai i obriady besermian (konets XIX – 90-e gody XX v.) (Family Customs and Rites among Besermyans: Late 19th Century – 1990s)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

32. Popova, E. V. 2004. *Kalendarnye obriady besermian (Calendary Rites among Besermyans)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

33. Popova, E. V. 2011. *Kul'tovye pamiatniki i sakral'nye ob'ekty besermian (Cult Sites and Sacred Objects among Besermyans)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

34. Rudenko, K. A. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 36–66 (in Russian).

35. Sadikov, R. R. 2001. *Poseleniia i zhilishcha zakamskikh udmurtov (material'nyi i dukhovnyi aspekt) (Localities and Dwellings of Trans-Kama Udmurts: Material and Spiritual Aspects)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

36. Sadikov, R. R. 2008. *Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov (istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia) (Traditional Religious Beliefs and Rites of Trans-Kama Udmurts: History and Present-Day Tendencies of Evolution)*. Ufa: Center for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

37. Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ia (epokha zheleza) (Dwellings in the Kama Region (The Iron Age))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

38. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Fortified Site on the Vyatka River)*. Moscow: Institute for Computer Studies (in Russian).

39. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

40. Shutova, N. I. 2001. *Dokhristianskie kul'tovye pamiatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniia (Pre-Christian Cult Sites in the Udmurt Religious Tradition: an attempt to complex study)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

41. Shutova, N. I. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 5–35 (in Russian).

42. Shutova, N. I., Kapitonov, V. I., Kirillova, L. E., Ostanina, T. I. 2009. *Istoriko-kul'turnyi landshaft Kamsko-Viatskogo regiona (Historical and Cultural Landscape of the Kama and Vyatka Region)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

About the Author:

Shutova Nadezhda I. Doctor of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (GRID). Lomonosova St., 4, Izhevsk, 426004, Russian Federation; shutova@udnii.ru, nad_shutova@mail.ru

УДК 902

ИСКЕР – КУЧУМОВО ГОРОДИЩЕ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1968 ГОДА)¹

© 2014 г. Б.Б. Овчинникова

Статья посвящена результатам изысканий Уральской археологической экспедиции (УАЭ) под руководством В.Ф. Генинга в 1961–1969 гг. на городище Искер. Задачей экспедиции было разведочное обследование памятников железного века в лесостепной зоне Среднего Прииртышья и составление их периодизации. В частности, были предприняты раскопки на ряде памятников эпохи Сибирского ханства, в том числе и на Кучумовом городище – Искер (под руководством автора). Памятник расположен на правом берегу Иртыша недалеко от современного города Тобольска. Исследования 1968 года подтвердили опасения ученых, посещавших памятник в XVII – начале XX вв. (Н. Спафарий, П.А. Словцов, Г.Ф. Миллер, М.С. Знаменский, В.Н. Пигнатти и др.) о скором разрушении укреплений и площадки городища. Была отмечена сложная стратиграфия городища и обнаружен комплекс, предположительно связанный с металлургическим процессом, что подтверждается и письменными источниками.

Ключевые слова: археология, Приуралье, Сибирское ханство, городище Искер, Кучум, летописи, раскопки, металлургический комплекс, артефакты.

В 1961–1969 гг. Уральской археологической экспедицией (УАЭ) Уральского государственного университета им. А.М. Горького², возглавляемой Владимиром Федоровичем Генингом, были проведены разведочные обследования памятников эпохи железного века в лесостепной зоне Среднего Прииртышья с целью составления их периодизации на данной территории (Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970, с. 203).

¹ Работа выполнена в соответствии с грантом РГНФ «Город Сибирь – городище Искер» (комплексное историко-археологическое исследование) № 01-01-00303а.

² Уральский государственный университет им. А.М. Горького, г. Свердловск – ныне Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Среди предварительно выделенных периодов определенное внимание было уделено эпохе Сибирского ханства (Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970, с. 225–228). Археологические памятники, связанные с западносибирскими татарами, принято было включать в культурный комплекс Сибирского юрта (Левашева, 1950, с. 341). Их изучение представляло огромный интерес, так как в процессе исследования этого периода важно было привлечь комплекс источников: письменных, топонимических, этнографических и пр. К сожалению, в 60-е годы XX века археологическое изучение лесостепных районов середины II тыс. н.э. во многом отставало. Уральской археологической экспедицией были предприняты раскопки на ряде памятников этой эпохи: в их число вошли Кучум-гора на р. Ишим –

раскопки 1963–1964 гг. (Голдина, 1969, с. 138–158), Большой Лог на р. Омь – 1965 г. (Генинг, Голдина, 1967, с. 145–148) и Искер на р. Иртыш – 1968 г. (Овчинникова, 1968).

Городище Искер находится в Тюменской области недалеко от современного города Тобольска. Памятник своим историческим значением неоднократно привлекал внимание как ученых, так и просто посетителей, интересующихся историей своего края. Сведения о столице древнего Сибирского царства – Искер (по-татарски *иски* – древний, *ер* – земля), как известно, упоминаются в русских летописях как Старая Сибирь или Кашлык (Есиповская летопись, 1636; Строгановская летопись, 1 пол. XVII в.; Сибирские летописи, 1907 и др.). Особую ценность среди письменных источников представляет «Ремезовская летопись», автором которой был тобольский сын боярский Семен Ремезов (Краткая сибирская летопись, 1880). Как отмечал С.В. Бахрушин, Семен Ремезов был небезызвестным ученым и составителем единственного в своем роде географического атласа Сибири (Бахрушин, 1928, с. 17). По данным С. Ремезова, жившим в Западной Сибири татарам принадлежало большое количество укреплений, которые он называет «городами». Вся правая нагорная часть Иртышского берега в период могущества Сибирского ханства именовалась горой Алафейской – от татаро-арабского слова *алагфалы*, что означает «коронный», иначе «царский», то есть «ханская гора», или земля, принадлежащая хану (Кабо, 1949, с. 22). «На этой Алафейской горе, на протяжении трех десятков верст, были разбросаны города

властителя Сибири, его сыновей, родственников и жен...» (Пигнатти, 1915, с. 2). Все они, представляя собой стройную систему укреплений, защищали подступы к столице Сибирского ханства – Искеру. Вокруг крепостей возводились земляные валы и выкапывались глубокие рвы, дополнительно их усиливали рядами частокола. Представление о системе укреплений можно получить по описанию Искера в работах Миллера (1937, с. 232–233, параграф 76) и Пигнатти (1915, с. 16).

Однако, возвращаясь к сведениям в летописях, заметим, что летописи являются все же не документальными, а фольклорно-историческими источниками, поэтому в изложении фактов они порой не точны. Естественно, как сегодня, так и раньше вставал вопрос о комплексном изучении прошлого наследия столицы Сибирского царства. И в этом плане, прежде всего, необходимы были археологические исследования, которые помогли бы более подробно через артефакты и сохранившиеся материальные остатки памятника не только дополнить, но и реконструировать утраченное. Поэтому чрезвычайно важно археологу, прежде чем приступить к исследованию оставшейся части объекта, учесть мнение побывавших в этих местах очевидцев, которые оставили записи увиденного во время их посещений, а некоторые из них даже проводили раскопки. Обращаясь к докладу В.Н. Пигнатти, адресованному Обществу собранию членов Тобольского Губернского Музея от 14 октября 1915 г. (Пигнатти, 1915), можно попытаться реконструировать ход событий относительно посещения его предшественниками и им самим сто-

лицы Сибирского ханства Искер, известного ныне у местного населения как «Жучумово городище».

Через 94 года (1675) после взятия городка русскими Н.Г. Спафарий оставил такое описание: «... от села Абалак, версты с 2, течет речка малая, Сибирка, и чаёт, что от той речки и царство Сибирское именовано, для того что близ речки лежит пустой городок и шанцы Кучюма царя Сибирского... и место то самое крепкое; остров есть, однако ж ныне лежит пусто...» (Спафарий, 1882).

После Н. Спафария через 76 лет побывал на этом поселении Г.Ф. Миллер. В своем «Описании Сибирского царства» (первое издание в 1750 г.) относительно столицы Искер он заметил, что «внутреннее пространство кругловато, и поперек не более 50 сажень..., от дворов или другого строения следов нет... Дворы по обыкновению сибирских татар построены были либо деревянные, либо по бухарскому обыкновению из нежженных кирпичей...» (Миллер, 1750, с. 134). Заметим, что Миллер обращается к классификации археологических материалов, это находит отражение в его статье «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных» (Миллер, 1750). Он обращается за подтверждением археологического материала к письменным источникам. Описывая Искер, Г.Ф. Миллер отмечал, что «развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, видимо, было оно прежде, вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. Высокий восточный берег реки Иртыш имеет там большую, чем обычно, высоту. Как это вообще бывает в тех местах, где река, протекая, подмывает берег, так

и здесь часть горы обвалилась, и потому берег подмывается здесь со стороны реки почти перпендикулярно. Наверху горы, если смотреть по течению реки, имеется буерак, по которому течет небольшая речка, которая по имени города носит по-русски название Сибирки. Татары не имеют для этой речки особого названия. В виду крутизны с этой стороны горы совсем нет входа. С третьей степной стороны горы имеется долина, которая сверху спускается в буерак к речке Сибирке; отсюда можно было, пожалуй, добраться до того места, где находился город, но так как и здесь довольно крутое место, то подъем требовал больших усилий. Только четвертая сторона постепенно спускается к берегу и отсюда, должно быть, был доступ к городу. То же самое и теперь, когда едешь для обозрения: указанное место именно с этой стороны прежде всего бросается в глаза. Оно представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Эти валы окружают город только со стороны долины и со стороны, доступной для подъема. Обе другие стороны, от Иртыша и от буерака, где протекает Сибирка, не требовали каких-либо укреплений. В некоторых местах валы и рвы с течением времени так заросли, что они едва видны. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диаметре. Из этого можно заключить, что кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. Уверяют, что со стороны реки часть площади много или мало – не-

известно, была подмыта водою и обвалилась. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища» (Миллер, 1937, с. 232–233). Обследование развалин столицы хана Кучума позволили Г.Ф. Миллеру представить расположение и масштабы этого поселения, а также прийти к ряду заключений.

В 1774 г. И.Е. Фишер публикует в Санкт-Петербурге «Сибирскую историю» с самого открытия Сибири до русских». В ней автор практически повторяет описание Искера вслед за Г.Ф. Миллером, используя иногда его текст дословно. По мнению В.Н. Пигнатти, Фишер в некоторых местах даже проявляет явно некомпетенцию в месте расположения объекта, что повергает ряда исследователей в сомнение о его посещении городища. У И.Е. Фишера мы читаем, что «остатки сей крепости видны еще донныне, она лежала на восточном берегу Иртыша, в 16-ти верстах ниже Тобольска, берег там необычайной вышины; а так как его почти во всех местах, где река подле гор протекает, подмывает, то и тут отвалилась некоторая часть горы, так что та сторона к Иртышу почти прямо в глубь опускается. На верхней стороне, рассуждая по течению реки, есть глубокий буерак, в который течет малый ручеек – Сибирка, а татары не имели для его названия, т.к. подобным ручьям в 2–3 версты не дают имени. Оная сторона будучи весьма крута, также не преступна. На третьей стороне, обращенной к твердой земле, есть долина, которая с вышины по малу опускается вниз и ведет к буераку р. Сибирки. Оттуда можно взойти на

крепость, однако с великим трудом и опасностью... Оно кажется оттуда на малом круглом пригорке, который на разных уступах укреплен был тройным рвом и валом. Но сии валы окружали крепость токмо с сией и с луговой стороны,.. В некоторых местах валы и рвы заросли, что их не видно... Внутреннее пространство идет в круг и имеет около 50 сажень поперек. Из того заключить можно, что там кроме хана и фамилий его и служителей мало других людей жило, разве место это в те времена больше было, т.к. уверяют, что река, подмывая, некоторую часть от него оборвала. Домов и других постоянных жилищ более не видно, однако по неровности земли – что оные прежде там стояли. Они конечно по обыкновению сибирских татар строены были из дерева, или по бухарскому обычаю из неженного кирпича: понеже иначе не может статья, чтобы все строения с того времени могли совсем пропасть. Некоторые места перед прочими глубже, некоторые окончательно вместо погребов служили» (Фишер, 1774, параграф 135).

В XIX в. появляется ряд публикаций, обращенных к истории Сибири и Сибирскому ханству. В частности, в «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов, излагая события с 1585 г. по 1742 г., большое внимание уделяет истории Сибирского ханства, Кучуму и истории его столицы Искер на основе разбора и прочтения государственных листов в грамотах, в которых Едигера называют Сибирским князем, а Кучума – Сибирским царем. Из сокращенного чтения листов П.А. Словцов приходит к нетрадиционным выводам. Во-первых, подвергая сомнению интерпретацию слова «Сибирь»– оно «не есть слово мест-

ное, от вогулов или зырян..., слово [это] затверженное Ногайскою ордою, господствующей на Яике и до Дона». Во-вторых, о местонахождении Едигера – «Едигер жил не на Иртыше, т.к. есть другая речка Сибирка, впадающая в Чусовую...., что пространство земли, называвшееся Сибирью Едигера, не далеко лежало от главного Ногайского юрта; и едва ли юрт Сибирский не стоял между Исетью и Миассом, при озерах Иртыше и двух Наньягах... К предположению юрта Едигерова на этом месте склоняет и грамота царя Иоанна от 30.5.1574 г., в которой нашествие Мамешкула представляется, хотя и не буквально, с верховьев Тобола». Далее П.А. Словцов приходит к ряду заключений, что «выводимое летоисчисление ханства Кучумова на Искере не может быть достоверным и что ханство Кучумово ныне вмещается в уезде Тобольском, как моллюск в раковине...» (Словцов, 1838, кн. I).

В 1880-е годы на памятнике побывал Н. Ядринцев, после чего он посвятил свою статью Искеру, описав археологические находки М.С. Знаменского (Ядринцев, 1884). В «Сибирском Вестнике» вышла также статья «Об Искере», автором которой значится Тобояк (1887). Известно и то, что сравнительно большая коллекция вещей с Искера была представлена В. Флоринским в Археологическом музее Томского университета (600 номеров). (Флоринский, 1888). Об Искере упоминается и в очерке С. Максимова в многотомном издании «Живописная Россия»: «До сих пор все эти места казацких стоянок и зимовок, страданий и странствий сохраняются в приметных следах насыпей и курганов по Чусовой и ее притокам, и по притокам великой Сибирской

реки Оби. Кое-где еще видны валы и рвы, и глубокие ямы, наполовину затянутые грязью. На высокой горе Иртыша, на правом берегу, в 6 верстах от с. Абалацкого, эти валы тройные, один выше другого, а ров имеет больше двух аршин глубины и знаменует место сибирской столицы, известной теперь под именем “Кучумова городища”. Сюда до сих пор на могилы, разбросанные во множестве, ходят сибирские татары весною и осенью поминать своих предков» (Максимов, 1895, с. 130).

Небольшая коллекция вещей с Искера была составлена студентом М.Д. Субботиным (содержание ее мало известно), хранившаяся в Географическом кабинете Императорского Казанского университета (Дмитриева, 1900).

В конце XIX в. на Искере побывал М.С. Знаменский (1891; 1901). При нем площадка Искера составляла в ширину 15 сажень, а в длину 129 сажень, следовательно, за 150 лет – площадь уменьшилась втрое (рис. 2). М.С. Знаменским был раскопан курган и ямы, «судя по внутреннему его устройству и имеющемуся в нем ходу под гору со ступенями, это была или тюрьма, или склад для продуктов». Подробней об Искере М.С. Знаменский изложил в своих Записках: «Миновав д. Алемасово, с версту приходится ехать по заросшим колеям дороги; слева золотая зыбь хлебов, направо – лес. Мы идем по месту (по преданию) занятому прежде жилищами воинов Кучума, дорога оканчивается у изгороди, за которой существует небольшой овраг, оканчивающийся отвесной стеной – местом бывших резиденций Этигера, Кучума, Ермака, Алея и Сейдека, Бекбулата... 300 лет прошло, как пала столица. На

имеющемся плане снятом в 1830-ые годы уже нет многого: кургана, ямы в 15 сажень от обрыва скоро исчезнут... В 45 сажennem овраге различаем и рвы и валы, и искусственный путь к Сибирке и колодцу... Длина холма не более 120 сажень, заканчивается острым мысом... Мы спустились в главный ров, а затем повернули направо по тропинке к Сибирке... Миллер 160 лет назад (1730) нашел здесь в самом широком месте 50 сажень, у нас в 1820-ые годы – 40 сажень, сейчас (1890) – 15 сажень» (Знаменский, 1901, с. 9).

Наиболее подробное описание состоянию памятника на момент его посещения дал В.Н. Пигнатти (1915). Задача исследования сводилась к описанию характера стратиграфии и сбору артефактов. За исключением плана, снятого Давидовским, и ряда фотографий памятника и некоторых вещей, полевая документация по проведенным им раскопкам, к сожалению, отсутствует. Описывая свое посещение городища в 1912 г., В.Н. Пигнатти отметил местонахождение сибирской столицы: «Через д. Алемасово сажень 300 полями можно попасть на Кучумово городище... Уцелевшая площадка – миниатюрна в виде треугольника – с одной стороны ров, с другой – Иртыш, с третьей – овраг речки Сибирки. По рву ширина площадки 12 саж., длина же к вершине «треугольника» около 40 саж. Склоны оврага Сибирки покрыты смешанным лесом. Площадка совершенно ровная – все, что было раньше, смыто. Сибирка сажени 3 в ширину... и скоро от площадки исторического памятника не останется ни пяди земли... По берегу везде рассыпаны свалившиеся сверху кости животных – лошадь, олень..., много

кирпича, угли, окалины. Весь разрез осыпи состоит из культурного слоя; по всему этому слою везде торчат кости животных (изумительное обилие!) и кирпичи» (Пигнатти, 1915). В.Н. Пигнатти обследовал «площадку сплошной раскопкой в перевале, уступ откоса рва со стороны площадки, дно самого рва и противоположный склон, а также сопку...» При раскопках им были обнаружены кости лошади, коровы, лося, оленя, собаки, кошки, мыши домашней, соболя, белки, а также чешуя рыбы и куженка – сосуд из бересты. В описании В.Н. Пигнатти отмечено, что «вся площадка имеет разрез, на глубине от одного до одного с четвертью аршина слой угля иногда значительной толщины – до четверти аршина и местами огромного количества золы, можно сказать, ямы наполненные золой. Ниже слоя угля идет культурный слой, местами достигающий глубины сажени. Можно утверждать, что все постройки в этой части площадки были деревянными, и что они сгорели в общем пожаре. Нигде не сохранилось ни обуглившихся балок, ни досок, в одном лишь месте была выкопана еловая балка саженной длины... При раскопках ясно были видны иногда уходящие в подпочву следы столбов в диаметре около четверти аршина, обложенные берестой, которая великолепно сохранилась; большая часть площадки носила следы частью позднего, частью раннего ограбления: слои были смешаны, находки совершенно отсутствовали, кости животных находились почти на поверхности. На всей площадке удалось раскопать лишь три места, которые оказались нетронутыми... На самом гребне осыпи в углу, выходящем и к Сибирке и к Иртышу, была раскопана

яма свыше сажени в диаметре, содержала кости животных... обилие кухонной посуды (обломки) без всяких узоров, гладкие, напоминающие современную. Обломки точильных камней. Все трубчатые кости оказались искусно расколоты – добыча из них мозга... Все это позволяет сделать вывод, что мы имели дело со свалочным местом бывшего города, куда свозились кухонные отбросы и сваливались испорченные вещи. Становится очевидным, что сохранился лишь край бывшего города или его крепости, именно свалочное место, остальное унесено волнами. Приблизительно в середине площадки, ближе к осыпям обрыва к Иртышу, мы наткнулись на следы жилища: под слоем угля находился осевший слой глинобитного свода, поставленного на сгнившие ныне балки высотой около 2 аршин. Раскопки (показали) установили нахождение двух ям диаметром свыше сажени, с лазом между собой. Выход из этих ям был к Иртышу – осыпался. Была ли это земляная часть постройки, надземная часть которой, деревянная, сгорела, сказать трудно; но можно лишь утверждать, что именно в этих ямах жил человек, и что он занимался рыболовством; здесь найдено значительное количество рыбных остатков – ребер, позвонков, чешуи (налим по летописи), здесь найдены кибасья из кирпича для сетей, куженка (берестяная сумка) и обгорелый край туяса из бересты. В одну из ям либо осел [свалился], либо разрушен сдвигом земли чувал, сложенный из плохо обожженных кирпичей, при разборке которого найден сосуд.

Ближе ко рву, к восточному углу площадки был найден след другого жилища. Огромное количество угля и

золы свидетельствует о значительности деревянного здания, но никаких следов кирпичного или глиняного сооружения здесь обнаружено не было. Лишь состав находок этого места наводит на мысль, что мы имеем дело с мастерской: здесь найдены были формы для литья украшений, жернова, но главное – масса окалин, целые точильные камни и один из них значительной величины. Становилось очевидным, что Искер уже обвалился и что многое раскапывалось. У уступа ко рву был обнаружен череп человека. Уступ рва, идущий вдоль всей площадки на глубине сажени от нее и имеющий саженную ширину, дал ряд случайных находок, два скелета без головы. Во рву исследованы остатки кургана, колодец у Сибирики. Рядом на сопке № 6 – березовый околок – могильник – большие круги, вмещающие 5–6 человек; маленькие все грабленые. На поле дальше – черепки.

Почти исчезнувшая ныне площадка Искера была, несомненно, грандиозной и сильной по тому времени земляной крепостью. Ров с совершенно отвесными со стороны крепости скатами делал ее неприступной. Но площадь земли, занятой крепостью, была мала, и нельзя как будто бы допустить, что здесь находился город, и могло постоянно жить значительное количество людей. Вернее, что здесь жил властитель и его приближенные, прислуга и стража – все это, конечно, в ограниченном числе; здесь же во время вражеских нападений собирались и войска. Можно утверждать, что строения были выстроены из хвойного леса, имели печи и чувалы, сложенные из кирпича, что в строениях были окна из слюды. Тут же находились и мастерские, которые могли обслу-

живать крепость во время осады. По краю ската рва, во всю длину крепости шла площадка, окруженная полисадом; отсюда осажденные забрасывали градом стрел, копий и камней, которых в виде гальки разной формы – во время раскопок найдено много» (Пигнатти, 1915).

Нельзя не отметить еще один факт: имеются сведения о небольшой коллекции артефактов с Искера (76 экз.), попавшей в Омский музей. В их числе значатся: две застежки из кости оленя, часть уздечного набора и ряд остяцких вещей, фрагменты керамики и др. Несколько позже в своем Путеводителе по археологическому отделению Государственного Западно-Сибирского музея в г. Омске В.П. Левашева оставит следующие сведения: «В витрине 17-ой представлен материал, собранный на городище Искер близ г. Тобольска. Это позднее татарское городище, оно известно с 17-го века как резиденция татарского князя Кучума. Железные предметы Искерского городища имеют почти современную форму, но у костяных есть много сходства с материалом Вознесенского городища, что заставляет предположить, что Искер мог существовать несколько веков и древнейшие наслоения его, давшие костяные орудия, одновременны культуре Вознесенского городища (XIV в.)» (Левашева, 1928а, с. 194). Все вышеизложенные сведения свидетельствуют о безграничном интересе к истории такого важного исторического объекта среди памятников историко-культурного наследия, как столица Сибирского ханства Искер. Прошло 55 лет после посещения Пигнатти городища Искер, когда автор настоящей статьи впервые посетила этот памятник, описав его состояние (1967 г.), а в 1968 г.

В.Ф. Генинг включил его в план летних полевых исследований УАЭ УрГУ. На раскопки памятника был отправлен немногочисленный отряд (Овчинникова, 1968)³.

Август 1968 года. Основной целью рекогносцировочных исследований являлось снятие общего плана оставшейся части площадки поселения и выявление стратиграфического слоя, а также сбор артефактов. В результате визуального осмотра местности было засвидетельствовано, что оставшаяся часть Кучумова городка находится в 18–19 км юго-восточнее современного Тобольска на обрывистом берегу Иртыша, о чем свидетельствует план, составленный еще М.С. Знаменским (1891, см. рис. 1). В 2 км к востоку от Искера располагалась д. Преображенка, в 5–6 км на запад – д. Соляная. Остатки городища сохранились на мысу высотой до 50 м от уровня реки Иртыш, образованном с южной стороны коренной террасой правого обрывистого берега реки, а с северо-восточной стороны – склоном практически пересохшей речки Сибирки, впадающей в Иртыш (рис. 3; 4) Оба склона круто обрываются. С юго-западной стороны городище было защищено двумя рядами оборонительных укреплений в виде рвов (рис. 4), остатки которых можно наблюдать и сегодня. Топография памятника идентична типу поселений Сибирского ханства (городище Кучум-гора, Вознесенское и др.).

³ Раскопки проводились Тобольским отрядом УрАЭ с 22 по 31 июля 1968 г. в составе: руководитель Б.Б. Овчинникова; студенты исторического факультета УрГУ А. Батенёв, Р. Рыськова, В. Черноскутов.

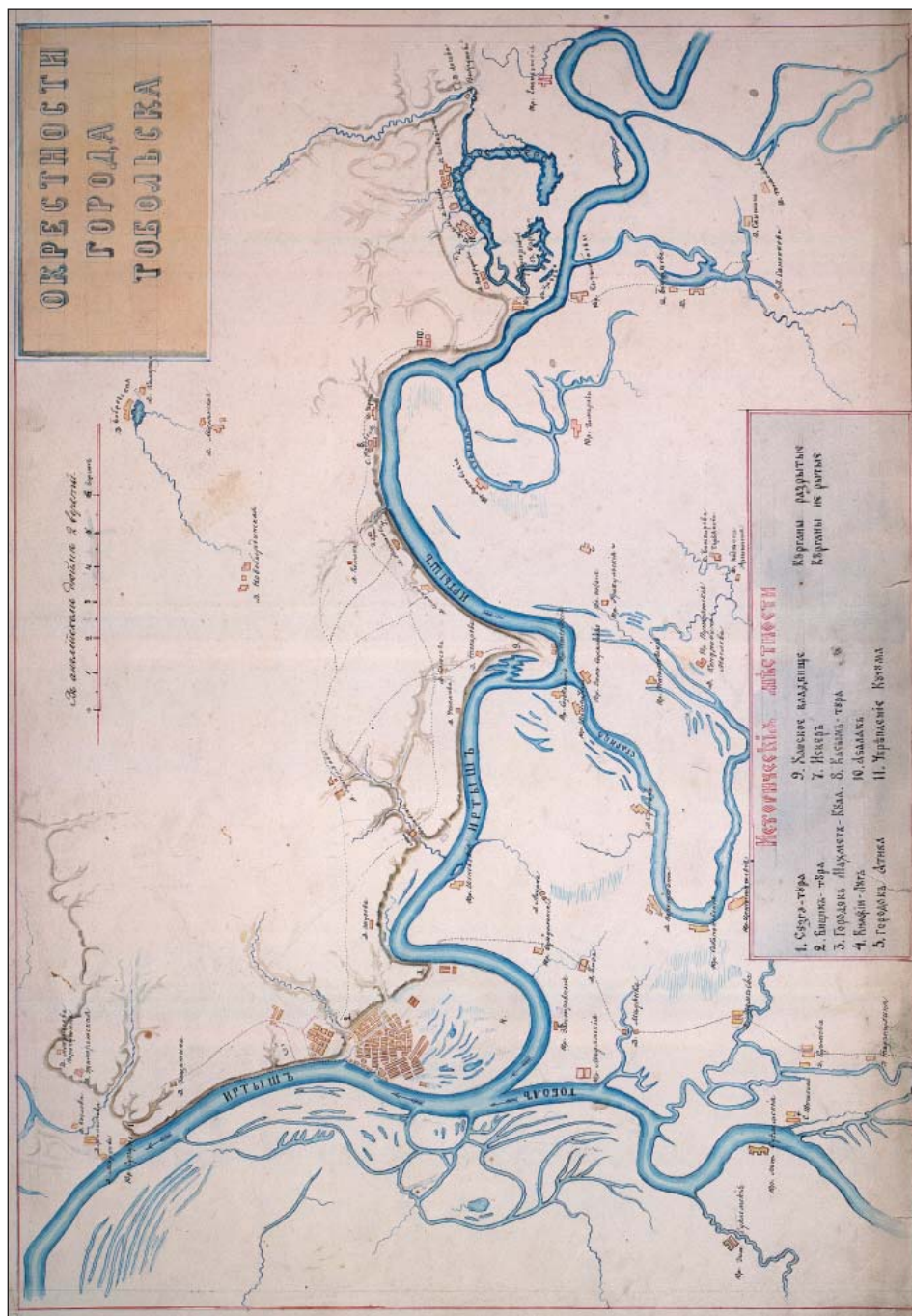

Рис. 1. Карта. Окрестности г. Тобольска. Знаменский М.С. Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска. Альбом. Тобольск, 1891. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Рис. 2. Искер. Городище Сибирского юрта. Знаменский М.С. Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска. Альбом. Тобольск, 1891. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Рис. 3. Городище Искер (вид с р. Иртыш). Фото автора 1968 г.

Оставшаяся часть городища представлена двумя небольшими овально-вытянутыми по линии запад-восток площадками, соединенными перешейком. Западная площадка наиболее широкой частью полосы примыкает к основному массиву террасы, где проходит линия укреплений. Восточная же площадка – наиболее узкая, она завершает треугольный мыс, образующийся двумя обрывистыми берегами при слиянии речки Сибирки в р. Иртыш. Таким образом, сохранившаяся часть городища представляет собой труднодоступное место и имеет неровную поверхность, о чем свидетельствуют встреченные на его территории ямы и современные перекопы. Месторасположение и укрепления памятника свидетельствуют о некогда его доминирующем положении над окружающей местностью. Естественные крутые склоны, укрепления в виде рвов ясно указывают на оборонительный характер столицы Сибирского ханства.

Для выяснения степени сохранности, а также обитаемости различных частей оставшейся территории городища были заложены раскоп и два шурфа. Для раскопа была выбрана

самая узкая восточная часть некогда северного края площадки городища, которая на момент раскопа составляла 3–5 м шириной. Сохранившаяся площадка поросла кустарником, и размеры ее постоянно сокращаются за счет оползней грунта в Иртыш. Это подтвердилось при нашей попытке зачистить обнажение берега реки, часть которого тут же под нами и обвалилась, унося с собой костяной наконечник стрелы и неорнаментированный фрагмент темного цвета керамики. Учитывая аварийную ситуацию, несмотря на определенный риск, закладка раскопа была проведена именно на этой части памятника (рис. 4). Для того чтобы захватить всю площадь планируемого раскопа, ее территория была разделена на квадратные участки размером $3,5 \times 3,5$ м. Общая площадь раскопа составила около 70 кв. м. Для получения стратиграфии слоев на раскопочной площадке на границах участков были оставлены бровки шириной 20 см.

Расположение раскопа по наклонной поверхности отразилось на методике проведения исследования. Для получения минимально искаженных очертаний остатков сооружений

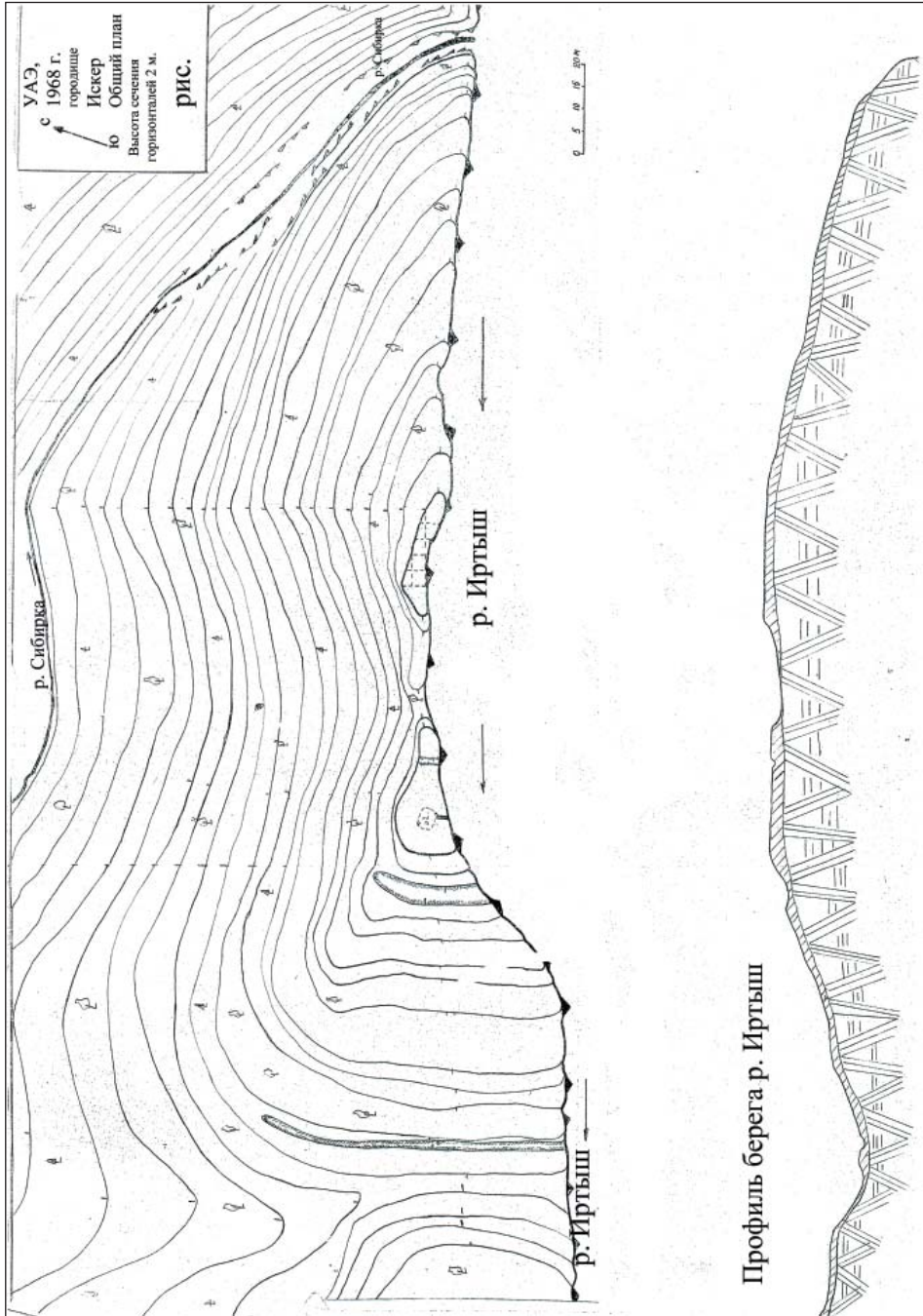

Рис. 4. Искер. План и профиль береговой части. 1968 г.

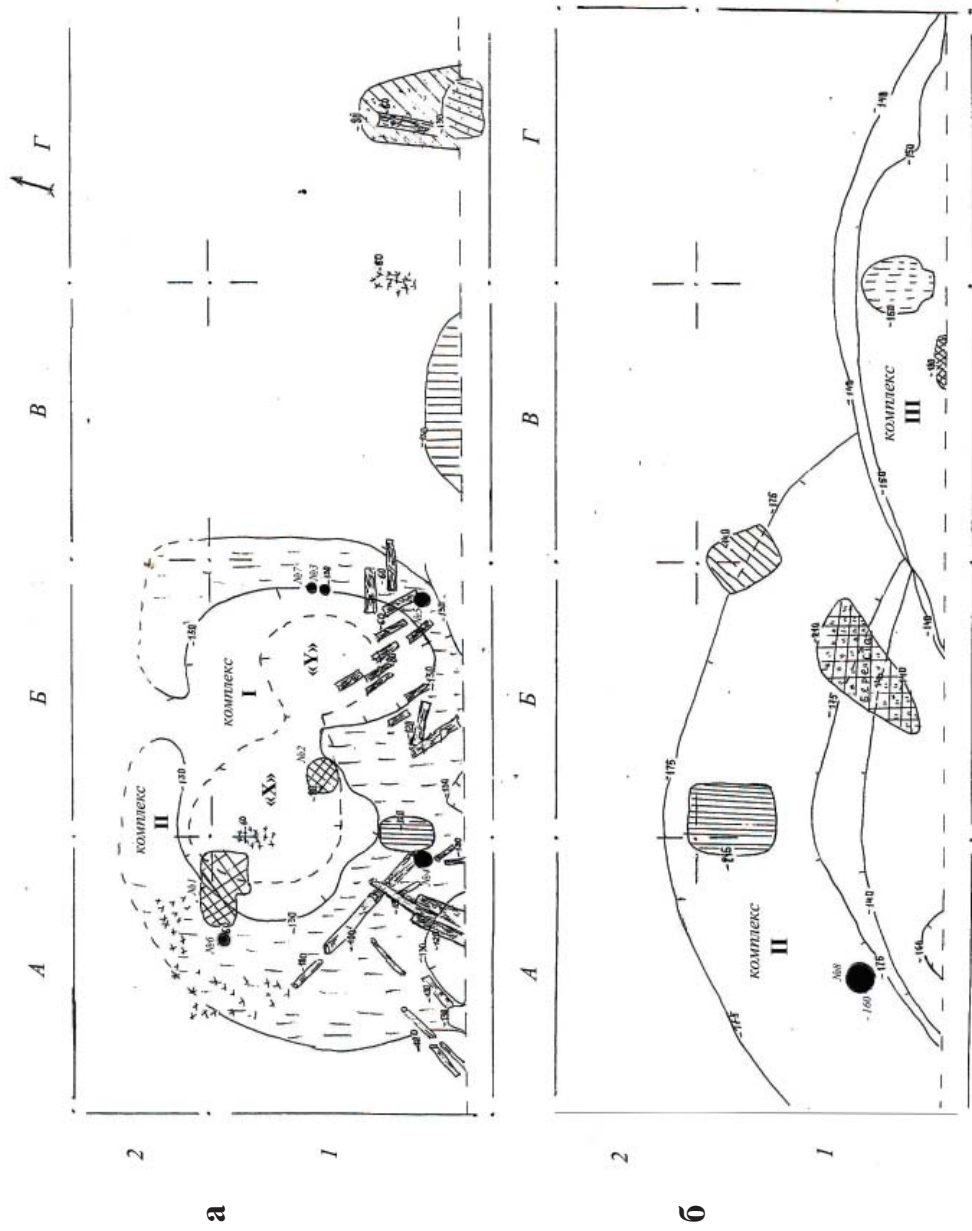

Рис. 5. Искер. План раскопа:
 а – на глубине 60–130 см;
 б – на глубине 140–215 см

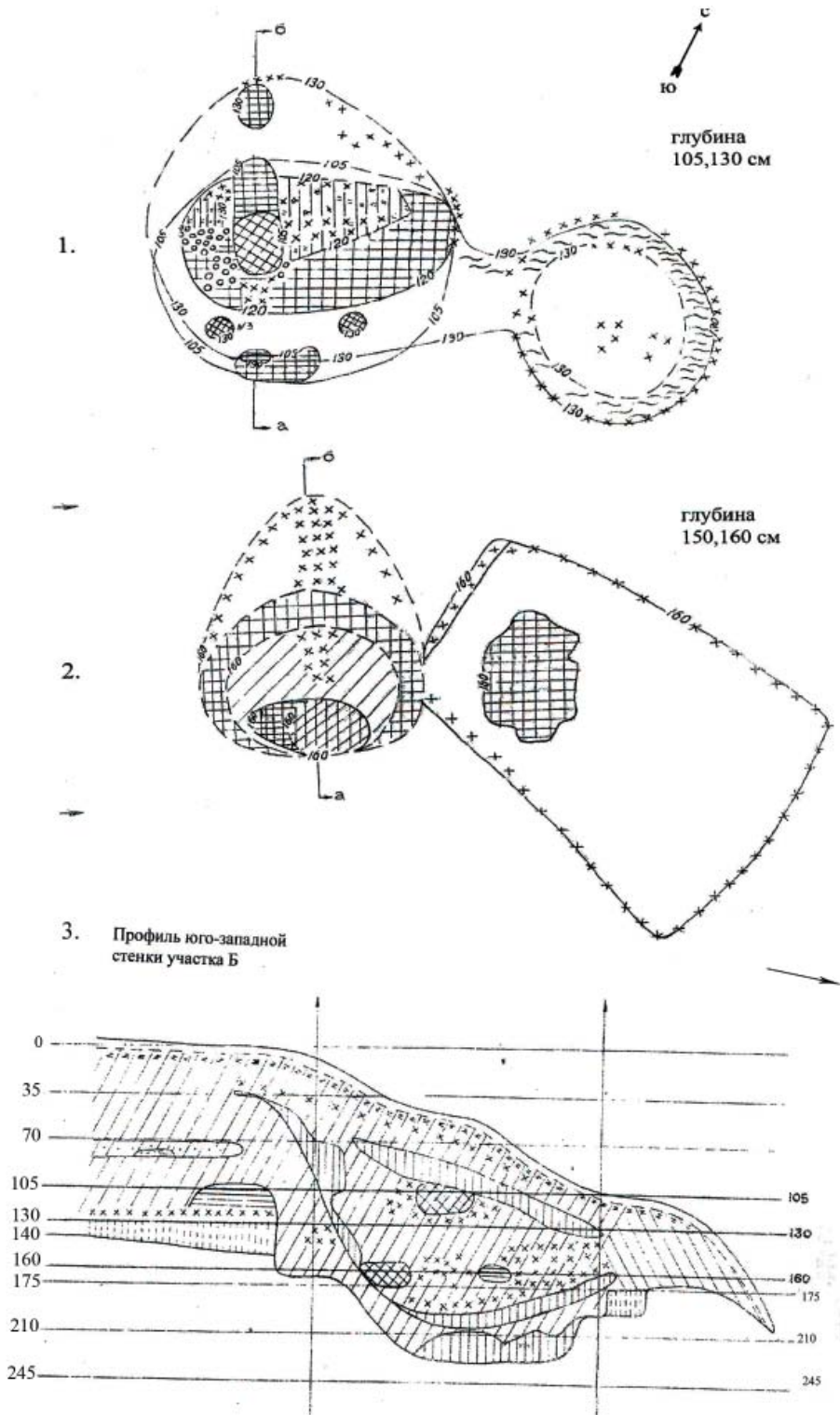

Рис. 6. Искер. План раскопа комплекса 1:
1 – на глубине 105–130 см; 2 – на глубине 150–160 см; 3 – профиль

вскрытие культурного слоя велось выравниванием поверхности к горизонтальной, т.е. культурный слой снимался условными горизонтами, направленными перпендикулярно к самой высокой отметке – это юго-западный угол участка В-1, превышающий все остальные участки раскопа. Первый горизонт равнялся 50 см, второй – 20 см, третий и все последующие – 10 см.

Стратиграфия слоев на поселении разнообразна и порой достаточно сложная (рис. 6: 3). Поверхность площадки задернована. Скосив кустарник, сняли дерн. Сразу под ним на глубине 8–10 см повсеместно открылась золисто-пепельная почва, затем пошел слой темного, порой сильно пережженного чернозема. Оба эти слоя содержали массу костных остатков вперемешку с кусками обмазки, обломков кирпичей и камней, кусков обожженного дерева, обуглевших деревянных плах и т.д. После зачистки и выравнивания площадки раскопа в культурном слое стали четко проявляться остатки прокаленных площадок различных по цвету и по степени прокала. Мощность прокала от 20–30 см (минимально) достигала 50–90 см и увеличивалась у юго-западного склона площадки. Этот слой в южной части участков Б, В, Г/1 перекрывал очень плотный темно-серый грунт, содержащий в верхних слоях и на самом дне следы прокала. Культурные остатки в этом слое отсутствовали. Мощность его – 40–50 см. Почти на этом же уровне, на участках А и Б находился «илисто-спрессованный» слой обмазки, напоминающий цемент, который также не содержал каких-либо культурных остатков. В процессе раскопок стало возможным выделить три строитель-

ных комплекса (сооружения), различающихся по стратиграфии.

Комплекс I (рис. 5-а.) занимал площадь участков А, Б/1, 2. Его очертания стали проявляться с глубины 60–80 см в виде овальных скоплений кусков обмазки, глины, углей и прокала (рис. 5-а, № 1, 2). На глубине 105 см появилось пятно овальной формы, заполненное разного цвета прокаленной почвы со следами обмазки. С глубины 130 см более четко обозначились контуры остатков сооружений в виде двух овальных линз (рис. 5-а: «Х» и «У»), соединенных друг с другом, напоминая горизонтально вытянутую восьмерку (рис. 5-а; 6: 1).

Сооружение «Х» размером 210 × 215 см в заполнении содержало обломки обмазки, беспорядочно лежащие в наплыве культурного слоя. Если с глубины 105 см очертание данного сооружения имело форму правильного овала, то с глубины 130 см оно увеличивалось в размерах и несколько изменило форму. В середине площадки данного сооружения фиксировалось плотное заполнение, отличающееся пестротой окраски грунта: это пепельно-серый, зеленоватый и красный цвета различной степени прокала, содержащие в северо-восточной части остатки древесного угля. В его западном секторе находилось скопление шлака, а в южном, за пределами заполнения, находились два прокаленных, одинаковых по диаметру (17 см) красных по цвету пятна (рис. 5-а, № 3, 4). На глубине 160 см сооружение несколько поменялось в размерах, приобретая яйцевидную форму, северная часть которой в заполнении содержала углистую прослойку (рис. 6: 2). Начиная с середины объекта, вся его южная часть представляла собой кольцо

из обмазки зеленоватого цвета, обрамляющего площадку рыхлого чернозема с остатками древесного угля, в южной части которого находился провал ярко-красного цвета, который фиксировался еще ранее с глубины 105 см (рис. 6).

Сооружение «У» (рис. 5-а; 6) фиксировалось с глубины 130 см и по заполнению менее разнообразно, чем сооружение «Х». В плане оно более правильной округлой формы и меньше размером (140 × 125 см). По кругу с внешней стороны его опоясывала четкая линия прослойки, содержащая древесные угли, а изнутри четко очерченная полоска слабо прокаленной почвы оранжевого цвета. В центре пятна находилось скопление углей и трухи (рис. 6: 1). С глубины 160 см на месте этого сооружения были обнаружены лишь остатки древесного угля, по очертаниям напоминающие обугленную деревянную раму. На площадке «рамы» в западной части находилось бесформенное пятно, заполненное «цементом» (рис. 6: 2). Обращает на себя внимание разрез пятна, в профиле которого четко прослеживались остатки обмазки зеленоватого цвета, придающие яме овальную форму.

Наличие прокаленных пятен, обломков промазки, куски шлака, массовое скопление углей, встречающихся в заполнении комплекса I, несмотря на его сильное разрушение, позволяет предположить, что данное строительное сооружение могло быть связано с металлургическим процессом, вероятно, служившим для обжига руды (тип рудообжигательной печи).

Комплекс II (рис. 5-а) занимает участки А, Б/1 и южную часть участков А, Б/2. С глубины 60–80 см на площадке комплекса проявились

очертания прокаленных пятен, а также остатки деревянных перекрытий, относящиеся именно к комплексу II. С глубины 120 см на участках А, Б/1, 2 проявился слой, содержащий «илистую обмазку», похожий на «цементный пол» строительного сооружения. Создавалось впечатление, что некогда вся площадка на данных участках была «зацементирована», однако при более позднем строительстве металлургического комплекса I она, вероятно, была разрушена. На глубине 130 см особенно четко прослеживались очертания, благодаря которым стало возможным зафиксировать внутренние границы данного разрушения. Внешние границы комплекса II слабо фиксировались, однако частично удалось их отметить: с западной и с восточной стороны (рис. 5-а). На этом «цементном» полу обнаружены ямы различных размеров (рис. 5-а: № 3–7), в которых сохранились остатки от столбов, а также возле столбовой ямы № 4; к северо-востоку от нее на глубине 120 см проявилось пятно, содержащее по заполнению прокаленную обмазку зеленого цвета, похожее на выявленное в сооружении «Х» при вскрытии комплекса I. Таким образом, остатки сооружения в плане напоминали четырехугольную площадку со сглаженными углами. На глубине 175 см «цементная прослойка» комплекса II меняется на спрессованный пестроцвет, в очертаниях напоминая вероятность существования здесь некой «канавы» (рис. 5-б), которая простиралась на участки А, Б, В/1, 2. В ее южной части на глубине 160 см обнаружена столбовая яма диаметром 35 см (рис. 5-б, № 8). К югу от этой канавы в юго-восточной части участка А/1 находились остатки

овальной ямы размером 140x45 см и глубиной 50 см, по-видимому хозяйственного значения, так как в ней обнаружено большое скопление рыбьей чешуи. При расчистке участка Б/1 в юго-восточном секторе с глубины 140 см начали проявляться слои бересты, располагавшиеся единым массивом в виде ступеньки. Береста была выстлана так, что нижняя ее часть находилась на глубине 210 см. Настилась береста послойно пластами, в верхней части слои шли горизонтально (поперек), затем, спускаясь книзу – вертикально, потом вновь поперек, продолжаясь до глубины 210 см. Причем, перекрывая друг друга, пласты послойно были выстланы с запада на восток и с севера на юг общей на площади 170 x 70 см, напоминая в плане форму треугольника (рис. 5-б; 7). Необходимо отметить, что только этот комплекс II содержал культурные остатки. После зачистки и разборки бровки между участками А и Б (уч. А, Б/1, 2) под сооружением «Х» комплекса I на дне «канавы» на глубине 215 см находилась площадка четырехугольной формы, в заполнении которой обнаружена обмазка зеленоватого цвета, размером 105 x 85 см. Рядом была обнаружена берестяная сумка (рис. 8). В процессе разборки бровки между участками Б и В, также на уровне 140 см гл., было выявлено пять обмазок серого цвета (рис. 5-б).

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что сооружения, зафиксированные в условно названном нами комплексе II, могут служить остатками хозяйственного помещения, некогда разрушенного металлургическим комплексом I.

Обобщая полученные сведения по строительным комплексам I и II,

можно предположить, что это либо остатки жилого комплекса, который, возможно, имел подвальное помещение или «тайник» – «канавы», часть которого была выложена берестой. Расположение дерева и плах говорит о наличии деревянной конструкции, скорее всего, перекрытия. Пол жилища был обмазан («илистая» обмазка) и разрушен сооружением, возникшим значительно позднее. Такое сооружение вполне допустимо из-за частой смены обитателей поселения. Связать жилище с металлургическим комплексом I затруднительно, вместе с тем есть вероятность такого предположения, о чем свидетельствует известный пример: домница в срубках XVI в. – Старая Рязань (Колчин, 1953), Кокуй-городок (Нижний Тагил) (Рассадович, 1977, с. 32). Либо сооружение только для металлургического комплекса. Удобная прибрежная часть могла быть использована именно для комплекса I типа рудообжигательной печи, а «обмазка», как указывалась выше, могла быть подвергнутой нагреву естественной породой.

Комплекс III (рис. 5-б) представлен остатками сооружения, очертания которого прослеживаются с глубины 140 см на участках Б, В, Г/1, которые разделяли подстилающий слой от плотного серого цвета грунта. По самому краю обрыва на уч. В/2 и Г/2 на глубине 130 см были обнаружены остатки обмазки серого цвета в виде линз. На стыке участков В и Г по линии бровки на глубине 150 см проявилось овально-вытянутой формы пятно, заполненное «илистой обмазкой» (85 x 70 см). На этой же глубине очертания данного сооружения несколько меняют свою конструкцию в плане (рис. 5-б, уч. В и Г). С глубины 180

см на участке В/1 в той части, которая обращена к обрыву, были обнаружены остатки, вероятно, костровой площадки в виде прокала красного цвета. К сожалению, в этой части сооружения в культурном слое артефактов не сохранилось. Не исключено, что данный комплекс III представлял собой жилое сооружение, форму которого в силу обрушения уже полностью восстановить невозможно.

Для проверки наличия культурного слоя и степени его насыщенности на территории городища дополнительно были заложены два шурфа.

Шурф № 1. Контрольный шурф размером 1,5 м × 2,5 м был заложен на северо-восточном крае береговой площадки городища. После снятия дерна сразу появляется зольно-пепельный слой вперемешку с множеством обломков строительного материала (мусора). Непосредственно под ним, на глубине 30 см зафиксированы остатки развала печи. В южной части ее обнаружены очертания пода печи овальной формы, размером 60 × 70 см. Рядом на расстоянии 35 см еще один прокал пода печи, но залегающий немного глубже – 60 см, размером 80 × 70 см. Под ним на глубине 80–100 см находилось массовое скопление костей крупного рогатого скота и рыбы чешуя. Глубже идет слой, заполненный пеплом, обмазкой, углем и другими перегоревшими остатками. Весь этот выше упомянутый слой перекрывает слой с плотным серым грунтом вперемешку с пережженными остатками. Контактная линия, разделяющая подстилающий слой с материковым, не имеет продолжения с юго-восточной стороны памятника, так как уходит в обрыв. Таким образом, судя по открывшимся остаткам,

можно предположить, что перед нами фрагмент глинобитной печи с очагами. Глинобитная площадка для печей имела прямоугольную форму размером 245 × 165 см. На поверхности площадки обнаружены поды двух печей с остатками прокаленной обмазки, видимо, разрушенные стенки. На части глинобитной площадки, окружающей под печи № 2 и под ним, обнаружено два фрагмента керамики, медная пластина, масса древесного угля и кости животных крупного рогатого скота, а также скопление рыбьей чешуи. Аналогичные глинобитные печи, известные под названием «чувалы», уже неоднократно встречались на поселениях эпохи Сибирского юрта (Кучумгора, Большой Лог и др.).

Шурф № 2 размером 1,0 × 2,5 м (СЗ–ЮВ) заложен в западной части площадки городища в продолжение ямы, вероятно, представляющей часть раскопа предшественников. Заполнение шурфа аналогично содержанию раскопа данного городища. Также сразу после снятия дерна шел пепельно-золистый слой, а затем перегоревший чернозем вперемешку с костями и строительным материалом. С глубины 80 см проявилось пятно прокала длиной 70 см, при толщине 20 см. Сразу под ним были обнаружены угли и масса костей рыбы и чешуи. Слой с этими остатками перекрывает слой «илистой обмазки» (толщина 30 см, длина 100 см), ее контуры прерваны обрывом.

Вопреки ожиданиям исследования городища Искер дали совсем немногочисленный *вещевой комплекс*, относящийся к эпохе средневековья. Даже традиционно самый многочисленный керамический материал из поселений здесь составил всего лишь

Рис. 7. Искер.
Настил из бересты. Фото автора 1968 г.

Рис. 8. Искер.
Сумка из бересты. Фото автора 1968 г.

шесть фрагментов: небольшие обломки шеек от сосудов и один фрагмент доньшка. По способу изготовления их можно разделить на два вида: I – посуда, изготовленная ручной лепкой (рис. 9: 1, 2, 4, 5). Это чашевидные сосуды, различающиеся по форме венчика, – отогнуты и прямые. Орнамент проходит только по шейке в виде ряда ямочек. Аналогичный вид керамики известен из раскопок городищ Сибирского юрта: Чиняиха, Вознесенское и на самом Искере (раскопки Пигнатти); II – посуда изготовлена на

гончарном круге (рис. 9: 3, 6). Сосуды хорошо обожжены, черного цвета, без орнамента, с плоским дном. Хронологически этот вид керамики наиболее поздний.

Более часто встречающиеся находки относятся к костяным поделкам. Прежде всего, это заготовки, расколотые трубчатые кости, рога, которые имеют следы обработки: срезы, сломы, грани. Среди них обнаружены предметы: напоминающий мотыгу (рис. 10: 4) и костяное пряслице? (рис. 10: 1). К числу изделий из кости

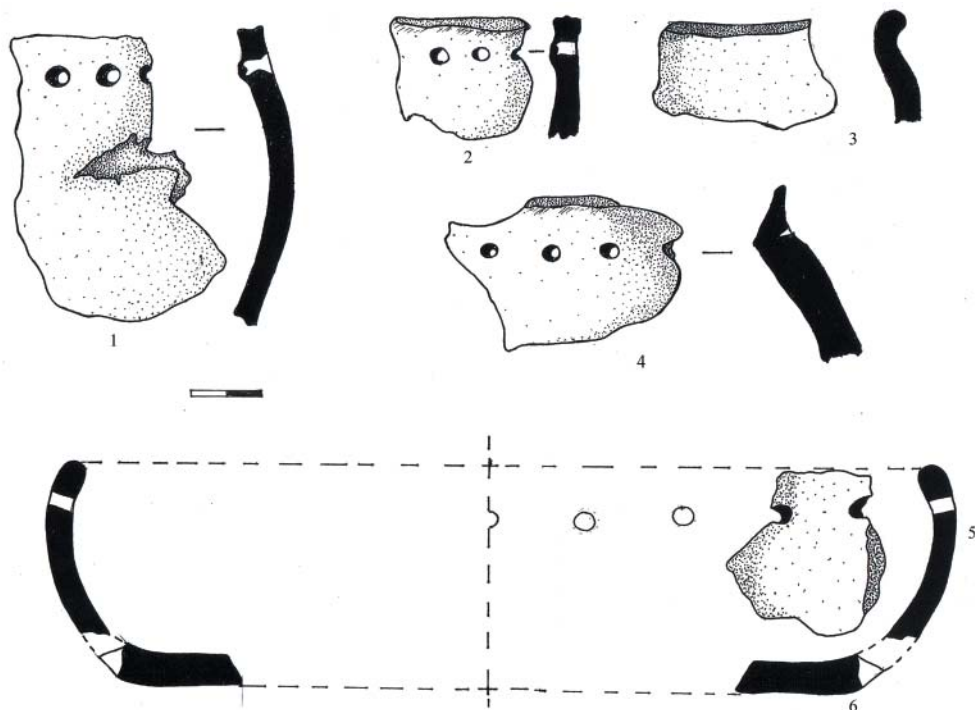

Рис. 9. Искер. Сосуды во фрагментах (керамика). Раскопки 1968 г.

также можно отнести и кости со сверлиной, которые могли применяться в качестве подвесок (рис. 10: 3). Аналогичные им известны по раскопкам С.А. Плетневой как амулеты-ангон (Плетнева, 1967, с. 173). Весьма необычен по назначению обломок дугообразной пластины со сверлиной (рис. 10: 2). По аналогии она ближе всего напоминает часть лучкового привода, выделенного Б.А. Колчиным (Колчин, 1959, с. 67).

Изделия из металла довольно не многочисленны. В коллекции имеется железная пешня (рис. 11: 1). Общая длина составляет 20 см, диаметр втулки – 3,5 см, длина пера – 10,5 см. В сечении перо представляет собой треугольник толщиной 6 мм. Во втулке сохранились остатки деревянной

рукояти. Такой тип орудия был довольно широко распространен в России, особенно в XVI веке. В процессе раскопок встречен обломок железного ножа (рис. 11: 4). Ширина лезвия 11 мм. Лезвие ножа имело клиновидное сечение с довольно широкой спинкой (4–5 мм). Спинка лезвия прямая. Черенок для рукояти имеет заостренный конец, в сечении – прямоугольник. Такой тип ножей также хорошо известен территориально и имеет широкие хронологические рамки – XIII–XIV вв. (Генинг, 1954, с. 154). Кроме того, найден железный предмет непонятного назначения и медная пластина длиной 95 мм. Также обнаружены обломки каменных точильных брусков (рис. 11: 3, 5). Довольно часто при раскопках встречаются куски

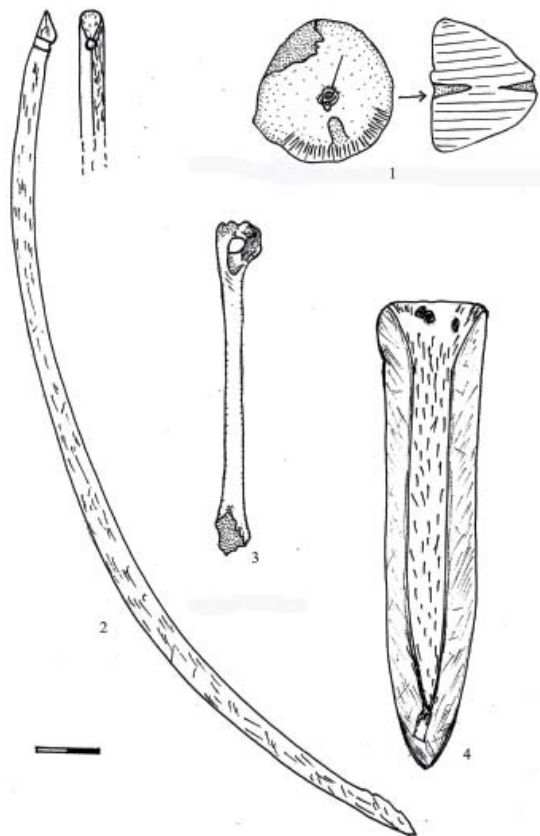

Рис. 10. Искер.
Предметы из кости.
Раскопки 1968 г.

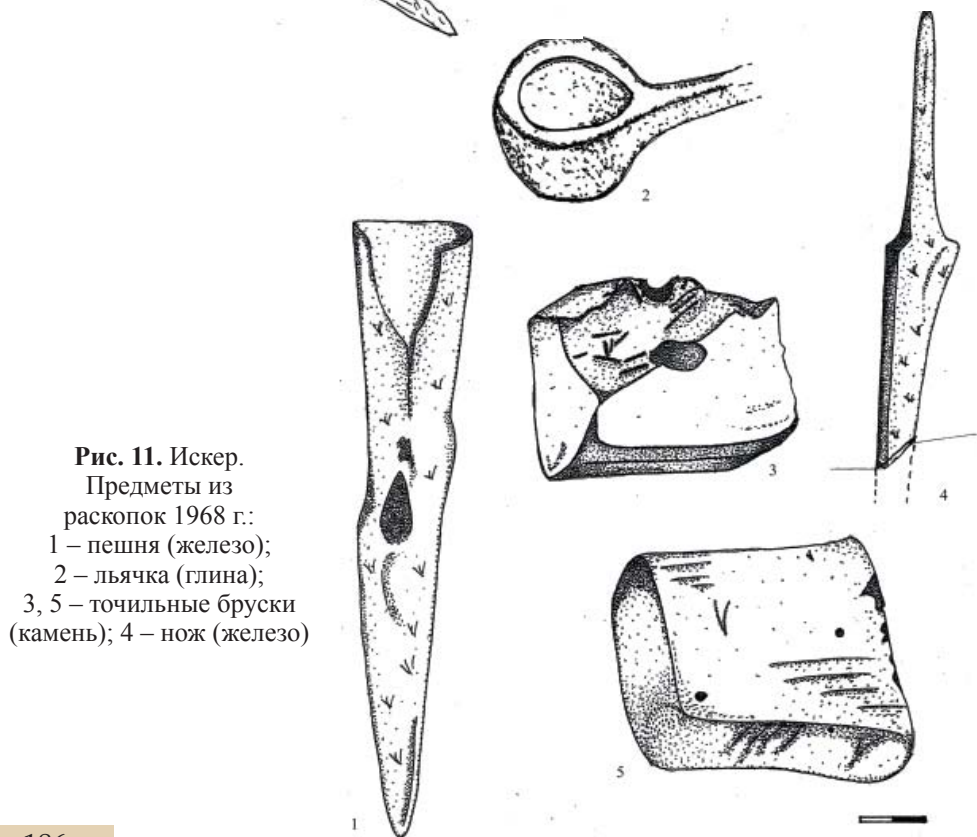

Рис. 11. Искер.
Предметы из
раскопок 1968 г.:
1 – пешня (железо);
2 – льячка (глина);
3, 5 – точильные бруски
(камень); 4 – нож (железо)

Рис. 12. Искер. Монета (бронза).
Раскопки 1968 г.

Рис. 12а. Искер. Монета (бронза)
с обратной стороны. Раскопки 1968 г.

обмазки, камни, угли и прочий строительный материал (мусор), предназначение которых порой трудно реконструировать.

Как уже отмечалось выше, на участке А/2 под металлургическим комплексом I была обнаружена целая берестяная сумка (рис. 7), по дну которой и на ее берестяных ремешках остались следы прошивки. Подобного типа сумки были найдены на этом же поселении В. Пигнатти, который именует их «куженками – как особое устройство сосуда из бересты» (Пигнатти, 1915), а также на Вознесенском городище (Левашева, 1928б, с. 91).

Интересная находка представлена из шурфа №2, в котором была найдена небольшая керамическая, слегка обожженная, льячка для разлива металла (рис. 11: 2). В осыпи берега обнаружена монета очень плохой сохранности (рис. 12; 12а). При устной консультации с Г.А. Федоровым-Давыдовым, судя по форме, а также по тому, как она обрублена, она может быть и среднеазиатской, а дата – конец XV – XVI вв.

Как видно по вещевому комплексу, хронологические рамки довольно широкие, и это не случайно, так как, привлекая письменные источники и археологические материалы, отраженные в публикациях предшественников: М.С. Знаменского (Знаменский, 1891) и В.Н. Пигнатти (1915), – можно считать, что как городок Искер был известен с XIV в. и функционировал до конца XVI в., что подтверждается в какой-то степени и нашими столь незначительными находками артефактов. Необходимо учитывать, что в 1968 г. была вскрыта лишь окольная часть оставшейся площадки бывшего городища, при этом неоднократно перекопанная.

Более четырех столетий минуло с того времени, когда с приходом русских пала столица Сибирского царства Искер. К сожалению, никаких описаний Искера во времена существования там татарского укрепления и поселения не сохранилось. Напомню сведения оставленные царским послом в Китае Николаем Спафарием об этих местах: «И от села Абалак неда-

Рис. 13. Лист рисунка. Краткая Сибирская летопись тобольского боярского сына Семена Ремезова (Кунгурска). С-Петербург, 1880

леко, версты с две, течет речка малая, именем Сибирка, и часть что от речки и царство Сибирское именовано, для того, что близ речки лежит пустой городок и шанцы Кучума царя... и место то самое крепкое: остров есть, однако ныне лежит пусто, только тобольские татары для воспоминания нечистые их веры... и ныне обновляют мечеть, в которой по их нечистой вере приходящие действуют» (Спафарий, 1882). Как мы видим, Н. Спафарий, как и все упомянутые выше предшественники, все кто посещал это историческое место до нас, не оставляют сомнения в том, что в скором времени «от площадки исторического памятника не останется и пяди земли...». Исследования уральцев в 1968 г. еще раз

подтвердили обоснованность их опасений.

Археологам, вступившим на территорию бывшей столицы в 1968 г., предстала картина интенсивного разрушения оставшейся площадки Искера, – его территория «таяла» буквально на глазах, ибо время и воды неумолимо точат иртышский берег. У подножия мыса и в наши дни можно найти кости животных, куски глиняной обмазки, кирпича и прочего строительного материала эпохи Сибирского царства и даже более ранних времен.

После знакомства с письменными источниками и материалами археологических раскопок, попытаем-

ся и мы реконструировать прошлое ставки хана Кучума. Скорее всего, мы увидим небольшой, зато хорошо укрепленный самой природой город, занимающий очень выгодное положение на высоком и обрывистом мысу Иртыша подобно тому, как это представлено в прорисовках Ремезовской летописи (Ремезовская летопись, 1880, см. рис. 13). На этом плане кроме естественных укреплений лишь с наиболее уязвимой стороны, в юго-западной части площадки, он имел капитальные оборонительные сооружения – это три линии рвов и валов, на которых некогда возвышались деревянные стены с башнями. Вероятно, по скату рва, во всю длину крепости тянется, окруженная поли-

садом площадка. Отсюда забрасывали противника градом стрел, копий и камней. Здесь же, вероятно, находились и мастерские, обслуживающие «крепость» во время осады. К слову, упоминания о мастерских действительно имеются в письменных источниках, но лишь упоминания, не более того. Если обратиться к вышепредставленному материалу наших раскопок, то можно интерпретировать выявленный при вскрытии площадки на мысу комплекс как связанный непосредственно с металлургическим процессом. Правда, завал сильно разрушен, в связи с чем реконструировать сам комплекс затруднительно, но прокаленные пятна, обломки промазки, шлаки, уголь, куски крицы и железа, льячки для разлива металла, берестяная сумка для переноса руды – это весомые доводы в пользу наличия в столице Искере металлургического производства. Остатки пода печи, к сожалению, сохранились только в виде прокаленного пятна красного цвета, вокруг которого свалены уголь, шлак и обмазка. Вероятно, печь была глинобитной или же древние железных дел мастера устраивали ее в яме.

Население Искера было немногочисленным. Хан держал при себе лишь приближенных, прислугу и стражу; даже своих жен он не считал возможным поселить в Искере – они жили в близлежащих улусах. Была поблизости, по свидетельству Спафария, и мечеть. Но все это находилось за пределами крепости, которая занимала исследуемую нами площадку и которая практически основной своей частью обвалилась в Иртыш. Кроме ханской челяди, в укрепленной части города, проживало ограниченное число ремесленников – не больше,

чем того требовала необходимость. Они строили свои жилища из дерева или из сырцового кирпича; тут же внутри этих скромных построек находились чувалы, или печи. Судя по письменным источникам, в том числе иллюстрациям Ремезовской летописи, а также археологическим раскопкам, можно сказать, что внутри самого Искера находились дворец-усадьба, мечеть, казармы гарнизона, мастерские. Искер действительно был крупным ремесленным центром. В его укрепленной части, внутри крепости, а также за ее пределами с западной стороны за валами и рвами на территории т.н. «посада» существовали мастерские кузнецов, оружейников, ювелиров, кожевников, ткачей, косторезов. Жители столицы, а по большей части ее округи занимались скотоводством, земледелием, рыболовством, охотой. Город Сибирь (Искер) был и крупным центром международной торговли, о чем свидетельствуют находки различного происхождения монет. В столице сосредоточивался весь собранный с подвластных территорий ясак (дань). Вероятно, именно сюда из Югорских княжеств поступала пушнина, и для торгового каравана из Средней Азии. Кратковременное присутствие русских едва ли сколько-нибудь отразилось на внешнем виде сибирской столицы... Что же касается этнической принадлежности, если ранние слои городища принято связывать с пребыванием на этом поселении финно-угорского населения, то со времен Сибирского ханства, как известно, оно было татарским, что подтверждается и историческими именами в названии памятников и письменными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. Вып. I. – М., 1928. – 200 с.
2. *Генинг В.Ф.* Новый могильник позднеродановского времени // КСИИМК. – Вып. 55. – М., 1954. – С. 153–154.
3. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Поселение Большой Лог у г. Омска // V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений). – Сыктывкар, 1967. – С. 145–148.
4. *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-гора // Вопросы археологии Урала. – Вып. VIII. – Свердловск, 1969. – С. 138–158.
5. *Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В.* Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 203–228.
6. *Дмитриева А.А.* Кучумов Искер на Иртыше // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Т. 16. – Вып. 3. – Казань, 1900. – С. 257–272.
7. *Знаменский М.С.* Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска. Альбом. – Тобольск, 1891. – 60 с.
8. *Знаменский М.С.* Искер. // Исторические окрестности г. Тобольска. – Тобольск, 1901. – 66 с.
9. *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири (очерки историческо-экономические и географические). XVII – первая половина XIX вв. – М., 1949. – 218 с.
10. *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период) // МИА. – № 32. – М., 1953. – 260 с.
11. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. – М., 1959. – С. 7–120.
12. *Краткая Сибирская летопись* тобольского боярского сына Семена Ремезова (Кунгурская летопись). – С–Петербургъ, 1880. – С. 1–48.
13. *Левашева В.П.* Путеводитель по археологическим отделам // Известия. – Омск: Государственный Западно-Сибирский музей, 1928. – № 1. – С. 189–196.
14. *Левашева В.П.* Вознесенское городище // Известия. – Омск: Государственный Западно-Сибирский музей, 1928а. – С. 87–98.
15. *Левашева В.П.* О городищах Сибирского юрта. // СА. – Вып. XIII. – М., 1950. – С. 341–350.
16. *Максимов С.* Очерк VI. Ангара // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П.П. Семенова, вице председателя Императорского Русского Географического общества. – Т. 12, часть первая. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – М., СПб.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1895. – 364 с.
17. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. – Кн. I. – СПб., 1750.
18. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. I. – М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1937. – 607 с.

19. Овчинникова Б.Б. Отчет о рекогносцировочных раскопках городища Искер летом 1968 г. / Архив кабинета Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского федерального университета. Екатеринбург.

20. Пигнатти В. Искер (Кучумово городище). Доклад общему собранию членов Тобольского губернского музея. 14 октября 1915 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. XXV. – Тобольск, 1915. – С. 1–36.

21. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. – № 142. – М., 1967. – 195 с.

22. Рассадович А.И. Освоение русскими Урала по данным археологии // VI Уральское археологическое совещание. Тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов. – М., 1977. – С. 3–5.

23. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири с 1585 до 1742 гг. – Кн. I. – М., 1838. – 484 с.

24. Спафарий Н.Г. Описание путешествия Спафария. – М.: Изд. Арсеньева, 1882.

25. Строгановская летопись – «Повесть о взятии Сибирской Земли». Первая пол. XVII в.; Сибирские летописи. – СПб., 1907.

26. Тобольск. Об Искере // Сибирский Вестник. – № 99. – Томск, 1887.

27. Фишер И.Е. «Сибирская история» с самого открытия Сибири до русских. – СПб., 1774.

28. Флоринский В. Археологический музей Томского университета. – Томск, 1888.

29. Ядринцев Н. Древняя столица Сибирского царства (археологические находки М.С. Знаменского) // Восточное обозрение. – № 22. – СПб., 1884. – С. 8–10.

Информация об авторе:

Овчинникова Бронислава Борисовна, кандидат исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); bovchinnikova@mail.ru

ISKER – KUCHUM FORTIFIED SETTLEMENT (ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF 1968)

B.B. Ovchinnikova

The article is devoted to the results of the Ural Archaeological Expedition (UAE) investigations of the Isker settlement site headed by V.A. Gening in 1961–1969. The expedition was aimed at survey investigations on the Iron Age sites located in the forest-steppe zone of the Middle Irtysh area and at determining their periodization. In particular, a number of sites referring to the Siberian Khanate period were excavated by the UAE, including a Kuchum fortified settlement named Isker (excavations were headed by the author). The site is located on the right bank of the Irtysh River near present-day Tobolsk city. The 1968 studies confirmed the apprehension expressed by scholars as N. Spathari, P.A. Slovtsov, G.F. Miller, M.S. Znamensky, V.N. Pignatti and others, who had visited the site in the 17th through to early 20th cc., concerning an inevitable collapse of the hill fort site in the near future. The complex stratigraphy of the site was noted; an assemblage supposedly connected with the metallurgical process (the fact confirmed by written sources) was discovered.

Keywords: the Trans-Urals, the Siberian Khanate, the Isker fortified settlement, Kuchum chronicles, excavations, metallurgical complex, artifacts.

REFERENCES

1. Bakhrushin, S. V. 1928. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. (Essays on the History of Colonisation of Siberia in 16th and 17th Centuries)* I. Moscow (in Russian).
2. Gening, V. F. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 55. Moscow, 153–154 (in Russian).
3. Gening, V. F., Goldina, R. D. 1967. In *V Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (The 5th Ural Archaeological Conference)*. Syktyvkar, 145–148 (in Russian).
4. Goldina, R. D. 1969. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* VIII. Sverdlovsk, 138–158 (in Russian).
5. Gening, V. F., Koriakova, L. N., Ovchinnikova, B. B., Fedorova, N. V. 1970. In Matiushchenko, V. I. (ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri (Problems of Chronology and Cultural Attribution of the West Siberian Archaeological Sites)*. Tomsk: Tomsk State University, 203–228 (in Russian).
6. Dmitrieva, A. A. 1900. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Bulletin of the Society of Archaeology, History and Ethnography affiliated to the Kazan University)* 16 (3). Kazan, 257–272 (in Russian).
7. Znamenskii, M. S. 1891. *Progulki po istoricheskim okrestnostiam g. Tobol'ska. Al'bom (Walks in the Historical Surroundings of the Tobolsk Town: Album)*. Tobolsk (in Russian).
8. Znamenskii, M. S. 1901. In *Istoricheskie okrestnosti g. Tobol'ska (The Historical Surroundings of the Tobolsk Town)*. Tobolsk (in Russian).
9. Kabo, R. M. 1949. *Goroda Zapadnoi Sibiri (ocherki istoricheskoe-ekonomicheskie i geograficheskie). XVII – pervaiia polovina XIX vv. (Towns of Western Siberia: Historical, Economic and Geographical Essays. 17th Century – First Half of 19th Century)*. Moscow (in Russian).
10. Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 32. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
11. Kolchin, B. A. 1959. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. Moscow, 7–120 (in Russian).
12. Remezov, S. U. 1880. *Kratkaia Sibirskaiia letopis' tobol'skogo boiarskogo syna Semena Remezova (Kungurskaia letopis') (Brief Siberian Chronicle of Semen Remezov, a Small Landowner from Tobolsk (the Kungur Chronicle))*. Saint Petersburg, 1–48 (in Russian).
13. Levasheva, V. P. 1928. In *Izvestiia (News)* 1. Omsk: State Museum of Western Siberia, 189–196 (in Russian).
14. Levasheva, V. P. 1928. In *Izvestiia (News)*. Omsk: State Museum of Western Siberia, 87–98 (in Russian).
15. Levasheva, V. P. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIII. Moscow, 341–350 (in Russian).

16. Maksimov S. 1895. In Semenov, P. P. (ed.). *Zhivopisnaia Rossiia. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii (Artistic Russia: Our Fatherland in Its Geographic, Historical, Ethnic, Economic and Everyday-Life Aspects)*. Vol. 12, part 1. *Vostochnye okrainy Rossii. Vostochnaia Sibir' (Eastern Margins: Eastern Siberia)*. Moscow; Saint Petersburg: "M. O. Wolf" Publ. (in Russian).
17. Miller, G. F. 1750. *Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniia ego Rossiiskoi Derzhave po sii vremena (Description of the Siberian Kingdom and All Its Affairs from the Beginnings, and Especially from Its Conquest by the Russian Empire to the Present Times)* I. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
18. Miller, G. F. 1937. *Istoriia Sibiri (History of Siberia)* I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
19. Ovchinnikova, B. B. 1968. *Otchet o rekognostsirovochnykh raskopkakh gorodishcha Isker letom 1968 g. (Report on Archaeological Surveys of the Isker Hillfort in Summer of 1968)*. The Archive of the Thematic Scientific Archaeological Laboratory of the Urals Federal University. Yekaterinburg (in Russian).
20. Pignatti, V. 1915. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia (Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum)* XXV. Tobolsk, 1–36 (in Russian).
21. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 142. Moscow (in Russian).
22. Rassadovich, A. I. 1977. In *VI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (6th Ural Archaeological Session)*. Moscow, 3–5 (in Russian).
23. Slovtsov, P. A. 1838. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri s 1585 do 1742 gg. (Historical Description of Siberia from 1585 to 1742)* I. Moscow (in Russian).
24. Spafarii, N. G. 1882. *Opisanie puteshestviia Spafariia (Description of the Journey of Nikolai Spatari)*. Moscow: "Arsen'ev" Publ. (in Russian).
25. Stroganovskaia letopis' (The Stroganovs' Chronicle). 1907: «*Povest' o vziatii Sibirskoi Zemli*». *Pervaia pol. XVII v. ("Tale of the Capture of Siberian Land" of the First Half of 17th Century)*. Series: *Sibirskie letopisi (Siberian Chronicles)*. Saint Petersburg (in Russian).
26. Toboliak. 1887. In *Sibirskii Vestnik (Siberian Herald)* 99. Tomsk (in Russian).
27. Fisher, I. E. 1774. «*Sibirskaia istoriia*» *s samogo otkrytiia Sibiri do russkikh (The "Siberian History" from the Discovery of Siberia to the Russian Rule)*. Saint Petersburg (in Russian).
28. Florinskii, V. 1888. *Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta (Archaeological Museum of the Tomsk University)*. Tomsk (in Russian).
29. Iadrintsev, N. 1884. In *Vostochnoe obozrenie (Oriental Review)* 22. Saint Petersburg, 8–10 (in Russian).

About the Author:

Ovchinnikova Bronislava B. Candidate of Historical Sciences, professor. Ural Federal University. Mira St., 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; bovchinnikova@mail.ru

УДК 904(470.5)"13/14"(045)

В.Ф. ГЕНИНГ И РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЯТСКОГО КРАЯ*

© 2014 г. Л.Д. Макаров

Статья посвящена вкладу В.Ф. Генинга в исследование русских памятников Вятского края. В 1949 г. он обследовал Искорское городище – одно из первых древнерусских поселений региона. С 1954 г. В.Ф. Генинг возглавил Удмуртскую экспедицию и Удмуртский отряд Нижнекамской экспедиции, которыми было открыто немало новых памятников, в том числе русских. Он проводил раскопки на могильнике Гоньба в низовьях Вятки (1955 г.), где вскрыл захоронения XVI–XVIII вв., а позже (1970–1972 гг.) – и на Зуево-Ключевском I городище с древнерусскими предметами XIV–XV вв. Им был проведен анализ древнерусских материалов из разведок на ряде городищ Средней Вятки, дано подробное описание и типология керамики. Начало русского заселения средневятского региона ученый относил к концу XIV в. В книге «Археологические памятники Удмуртии» (1958) В.Ф. Генинг дал характеристику в том числе и памятникам и находкам XV–XVIII вв.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, бассейн Вятки, средневековье, новое время, русская колонизация, городища, могильники, керамика.

Владимир Федорович Генинг оставил огромное научное наследие. Наряду с изучением проблем древней и средневековой археологии Урала и Западной Сибири, финно-угорской археологии Прикамья и Поволжья, разработкой методов статистического анализа археологических источников, исследованием индоиранской проблематики, некоторых аспектов теории и методологии истории первобытного общества, этнических процессов в первобытности, ученый не оставлял без внимания любые дискуссионные вопросы, которых касался хотя бы вскользь. В числе таковых – освоение Прикамья выходцами из Русского государства. Отмечу, что автору уже

довелось обращаться к этой стороне научной деятельности В.Ф. Генинга (Макаров, 2000; 2005).

Будучи студентом Пермского университета, а затем и являясь уже дипломированным специалистом-археологом, он обследовал в 1949 г. одно из первых древнерусских поселений городского типа в Перми Великой – Искорское городище (Оборин, Вечтомов, Голдина, Поляков, 1976, с. 40), являющееся одновременно и крупнейшим культовым центром региона (Оборин, 1990, с. 78, 83, 89; Мельничук, Корчагин, 2003; Корчагин, 2003; 2005; 2008; Корчагин, Шабурова, 2009; Головчанский, 2009; Макаров, 2001, с. 25–29, рис. 74, 75; 2010). Участвовал он и в изучении некоторых строгановских городков, находясь в составе созданной О.Н. Бадером Камской археологической экспедиции.

В 1950 г. В.Ф. Генинг и В.А. Оборин провели разведочные работы на

* Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР № 2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

Осинском городище (Ново-Никольская слобода). В русской части памятника заложили 6 шурфов, 2 небольших (16 и 4 кв. м) раскопа и сняли профиль культурного слоя после зачистки стенки водопроводной траншеи длиной более 160 м. В 1956 г. В.Ф. Генинг провел стационарные исследования в центральной части памятника, вскрыв двумя раскопами 210 кв. м. Здесь был выявлен русский культурный слой XVI–XVII вв. мощностью до 60 см, который был нарушен православным кладбищем XVIII–XIX вв. и современными постройками. Зафиксированы оборонительные сооружения: ров шириной 10 и глубиной 2,8 м, а вдоль края площадки – срубные городни с земляной забутовкой. В раскопе также обнаружены остатки жилых домов с развалами печей и следы частоколов по границам усадеб. Собран значительный вещевой инвентарь XVI–XVII вв.: керамические изразцы, посуда, грузила и другие находки (Генинг, 1959, с. 164–173).

Эти первые шаги Владимира Федоровича по его ознакомлению с малоизвестными доселе материалами не вылились в солидные публикации, поскольку период русского заселения Верхнего Прикамья был объектом внимания его коллеги Владимира Антоновича Оборина. Тем не менее из-под пера В.Ф. Генинга выходили порой небольшие заметки о древнерусских находках на Урале, в т.ч. и в центральной печати (Генинг, 1955б; 1956). Однако нашей целью является рассмотрение вклада ученых в исследование памятников русской колонизации Вятского края, территориально соотносимого с пределами Вятской губернии конца XVIII – начала XX

в. или современными Кировской областью, Удмуртской Республикой, северо-востоком Республики Татарстан и Республики Марий Эл.

В 1954 г. В.Ф. Генинг возглавил созданную в Ижевске Удмуртскую археологическую экспедицию. Ее отряды провели обследование ряда районов Удмуртии и Кировской области, где было открыто немало новых памятников, в том числе русских. В 1955 г. в с. Гоньба Малмыжского р-на Кировской обл. ученый обнаружил не менее трех погребений русско-го православного могильника XVI–XVIII вв. (Генинг, 1955а, с. 15–16). В 1957 г. отряд экспедиции под руководством Л.М. Еговкиной провел разведку на Средней Вятке и обследовал древнерусские слои городищ (Котельничское, Ковровское, Шабалинское, Тороповское, Орловское, Чижевское, Кривоборское) и более ранних укрепленных поселений с русскими находками (Скорняковское, Вершинятское), а на Орловском городище обнаружил три погребения православного могильника XVI–XVIII вв. (Еговкина, 1957, с. 1–25).

В рукописи, приложенной к отчету Л.М. Еговкиной, В.Ф. Генинг выделил три группы средневятских городищ: ананьинскую, раннесредневековую и русскую. При этом начало заселения р. Вятки русскими он отнес к концу XIV в. Этот вывод В.Ф. Генинг обосновал данными русских летописей, в том числе первым упоминанием в них Вятки под 1374 г. Что касается археологических материалов, то ученый помимо анализа топографии памятников мог обратиться лишь к керамическому комплексу. Несмотря на малочисленность последнего, В.Ф. Генинг выделил четыре типа горшков, от-

дельные экземпляры иных форм посуды, включая одну миску.

Им же составлены три таблицы рисунков керамики городищ Котельничского, Орловского, Шабалинского и Ковровского. Автор приложения к отчету зафиксировал следующие технологические и орнаментальные особенности посуды: использование в ряде случаев ручного гончарного круга, донную подсыпку, господство в тесте мелкозернистого песка и немногочисленность крупнозернистого при полном отсутствии других примесей, слабый обжиг ранней посуды, единичность орнаментации и разнообразную цветовую гамму черепков. Для уточнения датировки вятской керамики ученый обратился к разработкам Г.П. Смирновой по новгородской посуде (Смирнова, 1956, с. 228–248) и определил наибольшую близость рассматриваемого комплекса к керамике типа IV (вид «Г»), бытовавшей в Новгороде в XI – середине XIII вв. (Генинг, 1957, с. 25–45). При этом он отметил: «Аналогии вятской керамики дают довольно ранние [даты], по крайней мере, XIII в., но едва ли этим временем можно датировать собранные материалы, их еще слишком мало. Учитывая полное отсутствие в примесях дресвы, что характерно для русской керамики вплоть до XIII и даже XIV вв., а также в общем все-таки довольно крутой изгиб у плечиков для всех сосудов (у ранних русских форм этот изгиб гораздо меньший) и очень редкую орнаментацию сосудов, наиболее ранняя дата вятского комплекса керамики не выходит, очевидно, за пределы XIV в. Причем по фактуре, формам, цвету керамика Шебалинского, Ковровского и Топорковского городищ относится только к само-

му раннему периоду. Верхние культурные напластования Котельничича и Орлова датируются XVI и XVII вв., что не исключает, конечно, и находок XVIII–XIX вв., поскольку остатки этих городищ находятся в центре современных городов» (Генинг, 1957, с. 45, 46).

Приведенный отрывок из рукописи В.Ф. Генинга показывает, насколько тонким исследовательским чутьем обладал ученый. Обращаясь к материалу, ему практически не известному¹, он тем не менее сумел правильно его оценить и датировать. Лишь масштабные раскопки русских памятников, проведенные Л.П. Гуссаковским (первых их итогов В.Ф. Генинг, очевидно, не знал), позволили поставить вопрос о более раннем проникновении славян на Среднюю Вятку – не позднее конца XII – начала XIII вв. (Гуссаковский, 1962, с. 118–121). Это заключение подтверждено и нашими исследованиями (Макаров, 1985, с. 5–14). Что касается керамики, то выборка, на основании которой В.Ф. Генинг делал свои выводы, была чрезвычайно мала и в основном происходила с памятников (или слоев) позднего времени. Ранние напластования русского периода были выявлены только в ходе раскопок Л.П. Гуссаковского в Орлове (1967, с. 102–105) и моих – в Коврове, Шабалино и Котельничиче (Макаров, 1980, с. 152; 1983, с. 158; 1984, с. 156–157). При этом среди находок весьма заметный процент составила именно

¹ До этого случая В.Ф. Генинг вряд ли имел какое-либо отношение к русской керамике. Русские материалы Искорского и Осинского городищ, судя по всему, не вызывали у него особого интереса. Тем более, что они были предметом специального исследования В.А. Оборина.

керамика с дресвой и архаичной профилировкой сосудов (Салангин, 1999, с. 9–11). Кроме того, обнаружены вещи, подтверждающие раннюю датировку памятников. Здесь не приводятся данные по другим поселениям (Никулицын, Вятка-Хлынов), ранние материалы которых ученый, по-видимому, не только не анализировал, но, очевидно, и не видел.

В 1958 г. В.Ф. Генинг опубликовал книгу «Археологические памятники Удмуртии». В ней содержится не только полный для того времени каталог древностей нашей республики, но и дается понятие об археологии как исторической науке, описываются виды археологических памятников, методы их раскопок, дается представление о местных археологических культурах и хронологии археологических памятников, излагается история археологических исследований в Удмуртии. Главное место в книге занимает очерк «Основные этапы развития ранней истории Удмуртии» (Генинг, 1958, с. 26–122). Далее ученый знакомит читателя с методикой первичного изучения памятников, включая их обнаружение, охрану, составление описаний и топографических планов, сбор вещевых материалов и их паспортизацию.

В очерке В.Ф. Генинг утверждает, что «оплотом русских поселений на Вятке был город Хлынов, возникший в конце XIV в., вероятно, где-то в районе современного гор. Кирова. Хлынов вначале принадлежал Ростово-Суздальскому княжеству, а в 1489 г. перешел к Москве. С этого времени начинается интенсивное продвижение русских на восток на Верхнюю Каму и в среду удмуртских племен на Чепцу» (Генинг, 1958, с. 116). Данные выводы

неточны, но вполне понятны. Заключение о принадлежности Вятки вплоть до 1489 г. Ростово-Суздальскому княжеству, очевидно, было навеяно господствовавшими тогда взглядами ведущих вятских историков П.Н. Луппова и А.В. Эммаусского. Однако после археологических раскопок одним из этих исследователей многие выводы были пересмотрены (Эммаусский, 1996, с. 27–37).

Характеризуя памятники XVI–XVIII вв., В.Ф. Генинг упоминает селища, где найдены «обломки посуды черноватого цвета, изготовленной на гончарном круге, которая в XV–XVI вв. полностью вытесняет лепную посуду. В глиняном тесте этой посуды всегда имеется примесь песка, обжиг ее печной, довольно высокий, отчего черепки плотные и крепкие. Нередко на таких поселениях находят железные вещи: ножи, топоры, косы и пр. Сохранились также остатки строений, но что они из себя представляют, мы пока не знаем» (Генинг, 1958, с. 117). В «Материалах к археологической карте Удмуртии» фигурируют памятники, содержавшие упомянутую выше круговую керамику и отдельные вещи, связанные, в том числе, с русскими поселенцами. Это селища Гуляевское, Абыстемское, Начар-Котьянское, Табанёвское, Малиновское, Можгинское, Черный Лог, «Старые Селища», Заринское, Пуроможгинское, Черновское, Куралихинское, Больше-Киварское II, Дубровинское II, поселение на месте Сарапульского II могильника, (Генинг, 1958, №№ 13, 15, 27, 36, 44, 47, 53, 172, 208, 296, 301, 336, 345, 348, 353), городища Кривоборское, Елабужское (Чортово), Ильнешское, Зуевключевское I, Момылевское (№№ 63, 167, 193, 222,

287), могильники Юшковский (на городище), Сарапульские I и II, Болгурский (№№ 293, 296, 297, 332), клады древнерусского серебра и русских монет XVI и XVII вв. – Лыстемский, Елабужский, Ижевский (№№ 19, 168, 211), местонахождения Болгурское и Романовское (№№ 332, 333).

В 1970–1972 гг. Удмуртский отряд Нижнекамской экспедиции под руководством В.Ф. Генинга исследовал Зуево-Ключевское I городище на р. Каме, в Каракулинском районе Удмуртской Республики. В юго-восточной части памятника обнаружены различные предметы хозяйственного назначения, изготовленные из меди (рыболовная блесна, фрагмент котелка) и железа – коса-горбуша, удила, ножи, обломки обуха и лезвия плотницких топоров, боевой (?) топор, замки и ключ.

Здесь же зафиксированы два десятка хозяйственных ям, оставшихся, по мнению исследователей, от русского поселения XVII–XVIII вв. (Ашихмина, Генинг, Голдина, 1972, с. 183; Ашихмина, Генинг, 1973, с. 156). Правда, находки круговой керамики ни в отчетах, ни в публикациях не упомянуты. По рассказам участников раскопок, с поздними материалами не церемонились и попросту выкидывали. Такие материалы считали современными, либо относящимися к XVIII–XIX вв.; лишь часть предметов, явно более ранних, оставляли в коллекции. Судя по всему, судьбу выброса разделила вся круговая посуда. Между тем, в раскопе 1997 г. Е.М. Черных обнаружила фрагмент древнерусского горшка («славяноидного» типа), с линейно-волнистым орнаментом и примесью точеных раковин в тесте, а также обломок дни-

ща (Макаров, 2008, с. 73, рис. 10: 2, 3; 2009, с. 238–239, рис. 3: 2, 3).

Вещевой комплекс, отнесенный исследователями городища к XVII–XVIII вв.², на самом деле бытовал и раньше – в древнерусское время. Так, замки типа «Д» известны на Руси в XIV – середине XV вв., а ключи типа «В» (Ашихмина, 1972, рис. 53: 56–58) – во второй половине XII – первой половине XV вв. (Колчин, 1982, с. 160, рис. 3). Коленчатые светцы (Ашихмина, 1972, рис. 53: 61) появляются в домонгольское время (Колчин, 1959, рис. 83: 3) и встречаются на памятниках XIII–XV вв. Топоры утяжеленных типов (Генинг, 1971, рис. 71: 41; Ашихмина, 1972, рис. 53: 60) распространены в русских землях и на их периферии во второй половине XIV–XVI вв. (Колчин, 1959, рис. 9: 9, 10; 12; 1982, с. 164, рис. 4). Топор индивидуальной формы, возможно, боевой (Ашихмина, 1972, рис. 53: 51), использовался, по-видимому, в это же время: его конструктивные прототипы известны на Руси еще в домонгольское время (Кирпичников, 1966, табл. XII, XVIII). Другие находки датируются широко. Например, удила с псалиями, изогнутыми в виде конских голов (Ашихмина, 1972, рис. 53: 59), известны в неволинских могильниках Прикамья VII–VIII вв. (Голдина, Водолага, 1990, с. 87, Табл. L, 9, 12) и на Руси с IX в. Вместе с тем конструкция типа II наиболее характерна с XII–XIII вв., а ее «рацио-

² В отчете 1971 г. (Генинг, 1971, с. 71) со ссылкой на сводную работу А.В. Никитина (1971, с. 37–38, табл. 1: 5; 2: 2; 4: 10; 5: 1) приведена дата XVI–XVII вв., что ближе к истине.

нальность» предопределила производство таких изделий вплоть до XX в. (Кирпичников, 1973, с. 13–16, рис. 4: 2; 5: 1, 2; табл. I, 2). Кольчатые удила (Генинг, 1971, рис. 71: 37, 39; Ашихмина, 1972, рис. 53: 50) датируются столь же широко. Это же касается ножей (Генинг, 1971, рис. 71: 36; Ашихмина, 1972, рис. 53: 52, 53). Таким образом, вещевой материал позднего времени позволяет определить период русского поселения на городище XIV–XV вв.

Приблизительно в 50 м к северо-востоку от поселенческих остатков, в восточной части городища, обнаружены следы могильника. В нем преобладают позднеананьинские захоронения с широтной ориентацией (покойные уложены ногами к реке). Пять могил относятся к позднему средневековью. Покойные ориентированы головами на юго-запад, их руки расположены на поясе или в области таза. В одном из погребений (№44) найдены бронзовые серьги и пластинчатый щитковый перстень (Ашихмина, 1972, с. 48, рис. 53: 9, 12, 13), что дало основание отнести эти захоронения к памятникам удмуртов XVII–XVIII вв. (Шутова, 1992, с. 255). Тем не менее отмеченные выше находки известны и на русских памятниках. Так, серьги в виде знака вопроса появились на Руси в XIV в. и имели некоторое распространение в XIV–XV вв., в том числе в Новгороде (Седова, 1981, с. 16, рис. 3: 1, 2, 9). Похожая серьга с оформлением вместо бусины металлическими колечками-«кудряшками» – прием, известный в Новгороде (там же, рис. 3: 3), – обнаружена автором при ис-

следованиях Никульчинского городища в сооружении XV в. Аналогичные перстни бытовали в Новгороде (Седова, 1981, с. 135–136, рис. 49: 9–11), на Вятке и в других русских землях в XII–XIV вв. К сожалению, бронзовая и железная поделки из погребения № 31 никак «не расшифрованы», хотя по ориентации (покойный ориентирован головой на юго-запад), оно относится к той же группе поздних захоронений. В иллюстрациях к отчету 1972 г. имеются рисунки трех бронзовых украшений, которые никак не аннотированы, но также датируются древнерусским временем (преимущественно XIII–XIV вв.): финно-пермская грушевидная привеска-бубенчик, поволжско-финская «спиралеконечная» плоская в сечении сьюльгама, а также славянское перстнеобразное проволочное височное кольцо (Ашихмина, 1972, рис. 53: 4, 5, 8). Отмеченные выше признаки погребального обряда (ориентация и положение рук умерших, малая глубина могил, отсутствие погребального инвентаря в большинстве погребений) позволяют синхронизировать позднюю часть Зуево-Ключевского II могильника с древнерусским поселением XIV–XV вв. и «удревнить» начало заселения Среднего Прикамья выходцами из Древней Руси (Макаров, 2001, с. 32, рис. 83).

В заключение хочется отметить, что взгляды В.Ф. Генинга на русские памятники Прикамья отличаются тонкостью наблюдений и оригинальностью суждений, что делает вклад ученого в изучение этих древностей весьма значительным, а заключения востребованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР, проведенных летом 1972 года. Свердловск, 1972 / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 4685.
2. *Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО – 1971 года. – М., 1972. – С. 182–183.
3. *Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО – 1972 года. – М., 1973. – С. 155–156.
4. *Генинг В.Ф.* Исследования Удмуртской археологической экспедиции в среднем течении р. Вятки в 1955 г. Ижевск, 1955а / Архив НМУР. – Д.4.
5. *Генинг В.Ф.* Серебряный браслет из Верхнего Прикамья // КСИИМК. – Вып. 57. – М., 1955б. – С.135–136.
6. *Генинг В.Ф.* Романовский клад // КСИИМК. – Вып. 62. – М., 1956. – С. 159–162.
7. *Генинг В.Ф.* Средне-Вятские городища // Археологические памятники среднего течения р. Вятки по материалам разведок 1957 г. Киров, 1957. / Архив КОКМ. – НВ-75–40.
8. *Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958. – 192 с.
9. *Генинг В.Ф.* Осинское городище // Отчеты К(В)АЭ. – Вып. I. – М., 1959. – С. 164–195.
10. *Генинг В.Ф.* Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. Свердловск, 1971. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д 4545.
11. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1991. – 176 с.
12. *Головчанский Г.П.* К вопросу о завершенности процесса христианизации коми-пермяков // Тр. КАЭЭ. – Вып. VI. – Пермь, 2009. – С.182–189.
13. *Гуссаковский Л.П.* Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. – Вып. 2. – Свердловск, 1962. – С. 118–121.
14. *Гуссаковский Л.П.* Древнерусский город Орлов // КСИА. – Вып. 110. – М., 1967. – С. 102–105.
15. *Еговкина Л.М.* Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г. // Археологические памятники среднего течения р. Вятки по материалам разведок 1957 г. / Архив КОКМ. – НВ-75–40.
16. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. – Вып. Е1-36. – М.; Л.: Наука, 1966. – 147 с.
17. *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – Вып. Е1-36. – Л.: Наука, 1973. – 140 с.
18. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – № 65. – М., 1959. – С. 7–120.
19. *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 156–177.
20. *Корчагин П.А.* Древний Искор: от язычества к православию (по материалам археологических раскопок 2001–2003 гг.) // Чердынский край: прошлое и настоящее. – Чердынь, 2003. – С. 102–107.

21. *Корчагин П.А.* Городище – святилище Искор // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 49–58.
22. *Корчагин П.А.* Новые «старые» материалы Искорского городища-святилища из раскопок 2008 г. // Тр. КАЭЭ. – Вып. V. – Пермь, 2008. – С. 168–173.
23. *Корчагин П.А., Шабурова Е.В.* Вехи крещения и христианизации Перми Великой XV – начала XVIII в.: археологический и искусствоведческий аспекты // Тр. КАЭЭ. – Вып. VI. – Пермь, 2009. – С. 190–197.
24. *Макаров Л.Д.* Исследование средневековых памятников на Средней Вятке // АО – 1979 года. – М., 1980. – С. 152–153.
25. *Макаров Л.Д.* Исследования древнерусских памятников на Средней Вятке // АО – 1981 года. – М., 1983. – С. 158.
26. *Макаров Л.Д.* Исследования в Котельничском районе Кировской области // АО – 1982 года. – М., 1984. – С. 156–157.
27. *Макаров Л.Д.* Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 15 с.
28. *Макаров Л.Д.* Вклад В.Ф. Генинга в исследование славяно-русских памятников Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск, 2000. – С. 217–220.
29. *Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Учебн. пособие. – Ижевск, 2001. – 143 с.
30. *Макаров Л.Д.* В.Ф. Генинг и славяно-русские древности Прикамья // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 2005. – С. 237–242.
31. *Макаров Л.Д.* Русские в Удмуртском Прикамье: материалы к историко-археологической карте // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 70–85.
32. *Макаров Л.Д.* Среднее Прикамье – объект русской колонизации (XII–XVII вв.) // «100 лет – это повод»: Материалы науч.-практ. конф. – Сарапул, 2009. – С. 237–249.
33. *Макаров Л.Д.* К вопросу о методике исследования культовой постройки на Искорском городище (по результатам раскопок 1975, 1976 и 1980 гг.) // Десятая Российская университетско-академическая науч.-практич. конф. – Ижевск, 2010. – С. 3–6.
34. *Мельничук А.Ф., Корчагин П.А.* Новейшее изучение древнего Искура // Чердынский край: прошлое и настоящее. – Чердынь, 2003. – С. 22–30.
35. *Никитин А.В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. – Вып. Е1-34. – М.: Наука, 1971. – 84 с.
36. *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск, 1990. – 168 с.
37. *Оборин В.А., Вечтомов А.Д., Голдина Р.Д., Поляков Ю.А.* Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь, 1976. – С. 22–42.
38. *Салангин Д.А.* Круговая неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1999. – 17 с.
39. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981. – 195 с.

40. Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. – № 55. – М., 1956. – С. 228–248.

41. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. – Ижевск, 1992. – 264 с.

42. Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. – Киров, 1996. – 272 с.

Информация об авторе:

Макаров Леонид Дмитриевич, доктор исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

V.F. GENING AND RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE VYATKA RIVER REGION

L.D. Makarov

The article is devoted to V. F. Gening's contribution to the study of Russian archaeological sites of the Vyatka region. In 1949, he examined the Iskor fortified settlement site – one of the first ancient Russian settlements of the region. Starting 1954, V. F. Gening headed the Udmurt Archaeological Expedition and the Udmurt Detachment of the Lower Kama Expedition, which discovered quite a number of new archaeological sites, including Russian ones. He conducted excavations on the Gon'ba burial ground site in the lower reaches of the Vyatka (1955), where 16–18th-century burials were uncovered, and later (1970–1972) on the Zuyevo-Klyuchevskaya I settlement site with 14–15th-century Russian antiquities. He analyzed ancient Russian materials from surveys on a number of settlement sites in the Middle Vyatka River region and provided a detailed description and typology of ceramics. The researcher attributed the start of the Russian colonization of the Middle Vyatka River region to the late 14th century. In his book on "Archaeological monuments of Udmurtia" (1958), V.F. Gening characterized the monuments uncovered and discoveries made, including those referring to the 15th – 18th centuries.

Keywords: the middle Kama River region, the Vyatka River basin, the Middle Ages, the New Time, Russian colonization, fortified settlements, ceramics.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1972. *Otchet ob issledovaniiah Zuevo-Klyuchevskogo I gorodishcha v Karakulinskom raione Udmurtskoi ASSR, provedennykh letom 1972 goda (Report on Investigation of the Zuyevo-Klyuchevskoe I Hillfort in the Karakulinsky District, Udmurt ASSR, in Summer of 1972)*. Sverdlovsk. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 4685 (in Russian).

2. Ashikhmina, L. I., Gening, V. F., Goldina, R. D. 1972. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda (Archaeological Discoveries in 1971)*. Moscow, 182–183 (in Russian).

3. Ashikhmina, L. I., Gening, V. F. 1973. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 goda (Archaeological Discoveries in 1972)*. Moscow, 155–156 (in Russian).

4. Gening, V. F. 1955. *Issledovaniia Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v srednem techenii r. Viatki v 1955 g. (Investigations of the Udmurt Archaeological Expedition in the Vyatka River Middle Course Area in 1955)*. Izhevsk. Archive of the National Museum of the Udmurt Republic, dossier 4 (in Russian).

5. Gening, V. F. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 57. Moscow, 135–136 (in Russian).
6. Gening, V. F. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 62. Moscow, 159–162 (in Russian).
7. Gening, V. F. 1957. In *Arkheologicheskie pamiatniki srednego techeniia r. Viatki po materialam razvedok 1957 g.* (Archaeological Sites in the Vyatka River Middle Course Area after the Surveys Materials of 1957). Kirov. Archive of the Kirov Regional Museum of Local Studies. NV-75–40 (in Russian).
8. Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii* (Archaeological Sites of Udmurtia). Izhevsk: “Udmurtknigoizdat” Publ. (in Russian).
9. Gening, V. F. 1959. In *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii* (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition) I. Moscow, 164–195 (in Russian).
10. Gening, V. F. 1971. *Otchet ob issledovaniiakh Zuevo-Kliuchevskogo I gorodishcha v Karakulinskom raione Udmurtskoi ASSR letom 1971 g.* (Report on Investigation of the Zuevo-Klyuchevskoe I Hillfort in the Karakulinsky District, Udmurt ASSR, in Summer of 1971). Sverdlovsk. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 4545 (in Russian).
11. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1991. *Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e* (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region). Irkutsk (in Russian).
12. Golovchanskii, G. P. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University) VI. Perm, 182–189.
13. Gussakovskii, L. P. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala* (Problems of Archaeology of Ural) 2. Sverdlovsk, 118–121 (in Russian).
14. Gussakovskii, L. P. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 110. Moscow, 102–105 (in Russian).
15. Egovkina, L. M. 1957. In *Arkheologicheskie pamiatniki srednego techeniia r. Viatki po materialam razvedok 1957 g.* (Archaeological Sites in the Vyatka River Middle Course Area after the Surveys Materials of 1957). Kirov. Archive of the Kirov Regional Museum of Local Studies. NV-75–40 (in Russian).
16. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie 2. Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv.* (Early Russian Weapons 2. Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ.
17. Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv.* (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th–13th Centuries). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
18. Kolchin, B. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 65. Moscow, 7–120 (in Russian).
19. Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda)* (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod)). Moscow, 156–177 (in Russian).

20. Korchagin, P. A. 2003. In *Cherdynskii krai: proshloe i nastoiashchee (Cherdyn Land: Past and Present)*. Cherdyn, 102–107 (in Russian).
21. Korchagin, P. A. 2005. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh (The Culture of Russians in Archaeological Research)*. Omsk, 49–58 (in Russian).
22. Korchagin, P. A. 2008. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* V. Perm, 168–173 (in Russian).
23. Korchagin, P. A., Shaburova, E. V. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm, 190–197 (in Russian).
24. Makarov, L. D. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda (Archaeological Discoveries in 1979)*. Moscow, 152–153 (in Russian).
25. Makarov, L. D. 1983. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda (Archaeological Discoveries in 1981)*. Moscow, 158 (in Russian).
26. Makarov, L. D. 1984. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda (Archaeological Discoveries in 1982)*. Moscow, 156–157 (in Russian).
27. Makarov, L. D. 1985. *Viatskaia zemlia v epokhu srednevekov'ia (po dannym arkheologii i pis'mennym istochnikam) (The Vyatka Land in the Middle Ages: by the data of archaeology and written sources)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
28. Makarov, L. D. 2000. In Goldina R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologiia: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*. Izhevsk. Udmurt State University, 217–220 (in Russian).
29. Makarov, L. D. 2001. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X–XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th–15th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
30. Makarov, L. D. 2005. In *Arkheologiia Urala i Zapadnoi Sibiri (Archaeology of Ural and Western Siberia)*. Yekaterinburg, 237–242 (in Russian).
31. Makarov, L. D. 2008. In Tataurova, L. D. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh (The Culture of Russians in Archaeological Research)*. Omsk, 70–85 (in Russian).
32. Makarov, L. D. 2009. In «100 let – eto povod»: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Institut kul'tury: balans traditsii i innovatsii» («100 Years Is a Good Occasion”: Materials of Scientific-Practical Conference “Cultural Institute: a Balance of Traditions and Innovations”)*. Sarapul, 237–249 (in Russian).
33. Makarov, L. D. 2010. In *Desiataia Rossiiskaia universitetsko-akademicheskaiia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (10th Russian University and Academic Scientific and Practical Conference)*. Izhevsk, 3–6 (in Russian).
34. Mel'nichuk, A. F., Korchagin, P. A. 2003. In *Cherdynskii krai: proshloe i nastoiashchee (Cherdyn Land: Past and Present)*. Cherdyn, 22–30 (in Russian).
35. Nikitin, A. V. 1971. *Russkoe kuznechnoe remeslo XVI–XVII vv. (Russian Smithery in 16th–17th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) EI-34. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
36. Oborin, V. A. 1990. *Zaselenie i osvoenie Urala v kontse XI – nachale XVII veka (Settlement and Development of Ural in Late 11th – Early 17th Centuries)*. Irkutsk (in Russian).

37. Oborin, V. A., Vechtomov, A. D., Goldina, R. D., Poliakov, Yu. A. 1976. In *Pamiatniki istorii i kul'tury Permskoi oblasti (Historical and Cultural Sites of the Perm Oblast)*. Perm, 22–42 (in Russian).

38. Salangin, D. A. 1999. *Krugovaia nepolivnaia posuda Viatskogo kraia v XII–XVIII vv. (po arkheologicheskim istochnikam) (Wheelled Non-glazed Ceramics of the Vyatka Land of 12th–18th Centuries: by archaeological sources)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).

39. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

40. Smirnova, G. P. 1956. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 55. Moscow, 228–248 (in Russian).

41. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt Research History, Language, and Literature Institute (in Russian).

42. Emmausskii, A. V. 1996. *Istoriia Viatskogo kraia v XII – seredine XIX veka (History of the Vyatka Land in 12th – Mid-19th Centuries)*. Kirov (in Russian).

About the Author:

Makarov Leonid D. Doctor of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

УДК 903/904:739.5(574.5)

БРОНЗОВЫЙ АМУЛЕТ ИЗ СИДАКА

© 2014 г. Е.А. Смагулов

В статье рассматривается бронзовый амулет в виде всадника, найденный на цитадели городища Сидак в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области. Подобные находки известны на широком евразийском пространстве от Монголии до Урала. Публикуемое изделие дополняет серию подобных находок из ремесленных центров в бассейне р. Сырдарья, таких как Ходжент, Канка, и теперь – Сидак. Центрами их изготовления традиционно считаются ремесленные центры Согда. Между тем, в действительно согдийских городах (Пенджикент, Пайкенд, Афрасиаб и др.), хорошо археологически изученных, таких находок не отмечено. Отсюда автором делается вывод об изготовлении этих амулетов, как и многих других ювелирных изделий, в VII–VIII вв. в ремесленных центрах Чача – государственного образования, объединявшего в это время оазисы Средней Сырдарьи. Этот регион населяли потомки жителей древнего государства Кангюй, унаследовавшие их культурные традиции, в том числе мифы о герое-всаднике.

Ключевые слова: археология, Средняя Азия, бассейн р. Сырдарья, раннее средневековье, Кангюй, Чач, городище Сидак, бронзовый амулет, культовый атрибут, храмовый комплекс, бронзолитейное ремесло.

Среди раннесредневековых бронзовых атрибутов, имевших широкое распространение как на степных евразийских просторах, так и в оазисах великой среднеазиатской реки Сырдарьи (древний Яксарт, Джейхун) особое внимание привлекают бронзовые пластинки-амулеты в виде явно героизированного всадника (рис. 1). Детали изображения костюма и оружия позволили исследователям определить с этнокультурной принадлежностью, а присутствие их в погребальных комплексах вполне определенно и обоснованно датировало эти изделия. Рассмотрены вопросы семантики, функции, аргументированы взгляды на места их производства, но новые материалы, как обычно, вносят и новые нюансы в их толкование. Находки, полученные нами при исследовании культового памятника древ-

ней и раннесредневековой эпохи – городища Сидак в Туркестанском оазисе, как нам представляется, проливают свет на вопрос о центрах изготовления таких амулетов. Среди множества мелких бронзовых поделок в виде наременных пряжек и бляшек всевозможных форм и назначения здесь обнаружена ажурная бронзовая пластина-амулет в виде всадника (рис. 1: 9; 5).

Городище Сидак, тип которого принято называть «тобе с площадкой», расположено в 18 км. к западу от г. Туркестан. Общая площадь основного холма, имеющего четырехугольное в плане очертание со скругленными углами, составляет 340 × 180 м. Средняя высота площадки 7–9 м. В центральной части выделяется мощный холм «цитадели», подковообразной формы в плане, вы-

сотой около 14–15 м. Вокруг хорошо читаются следы широкого крепостного рва, питавшегося водой из расположенного западнее ныне сухого русла небольшой речки. Хронологически подобного типа памятники обычно относятся ко времени от первых веков до н.э. и вплоть до VIII–IX вв. В доарабское время множество подобных укрепленных поселений определяли историческую топографию оазисов, расположенных в благодатных местах при-сырдарьинского региона.

Первые же сезоны раскопочных работ методом «вскрытия широких площадей» (рис. 2) показали, что постройки на холме цитадели были покинуты после тотального пожара, прокалившего штукатурку сырцовых стен. На полах лежали обугленные балки кровли, в жилых помещениях десятки разбитых и целых бытовых керамических сосудов... Но пожар не был неожиданным для жителей. В брошенных и сгоревших домах в кладовых стояли хумы, но ни в одном из десятков обнаруженных *in situ* хумов не найдено ни горсти пищевых припасов. Напротив, иногда в них встречены отдельные мелкие поделки из кости, бронзы и железа. Очевидно, что все хранилища были

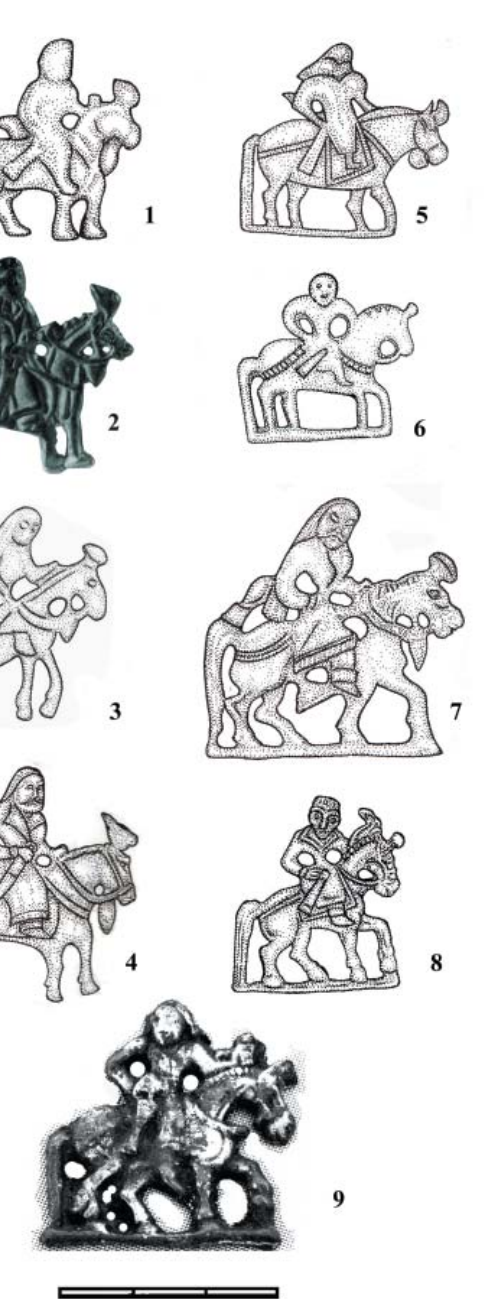

Рис. 1. Бронзовые амулеты первой группы типов 1 (1–4) и 2 (5–9) по: (Борисенко, Худяков, 2007)

заблаговременно опустошены. Полученные многочисленные комплексы материалов, в том числе и нумизматические, дали основание датировать этот тотальный пожар временем араб-

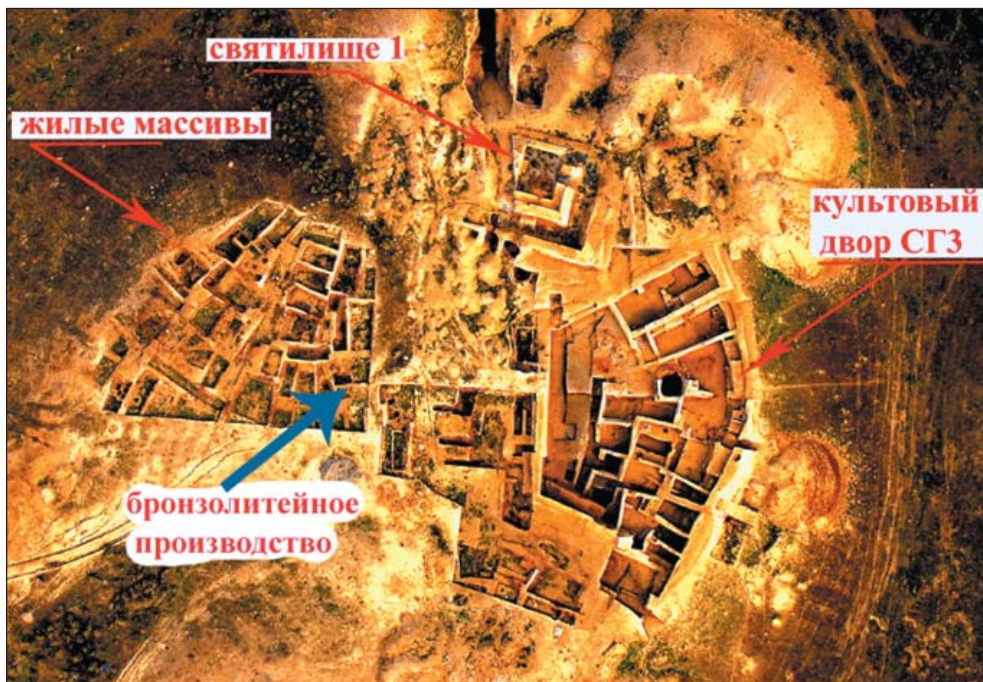

Рис. 2. Аэрофото раскопа на цитадели Сидака. 2006 г.

Рис. 3. Атрибуты бронзолитерного производства из Сидака VII–VIII вв.

ского завоевания края ближе к середине VIII в. (Смагулов, 2004).

Основным объектом исследования стала цитадель городища, где помимо жилых массивов в северо-западном углу были расчищены два святилища (рис. 2). В одном обнаружен напольный алтарь полуовальной формы (пом. 14), в другом – алтарь в виде подиума перед глубокой нишей был устроен в южной стене (пом. 1). Как оказалось в структуре городища и в полученной здесь массе материалов сильно выражен культовый акцент, что заставляет интерпретировать городище как специальный храмовый комплекс, посвященный культу предков (Смагулов, 2008; 2011).

Жители храмового поселения занимались разнообразными ремеслами, что обеспечивало городку статус ремесленного центра, работавшего на обширный внешний рынок. В ходе вскрытия жилых кварталов по уровню верхнего строительного горизонта (ВСГ) были обнаружены следы керамического производства и костерезного ремесла. Комплексы артефактов говорят и об иных видах ремесленной деятельности. Жили здесь также мастера, которые занимались плавкой бронзы и отливкой всевозможных изделий. Прежде всего, очевидно, ювелирных изделий и бронзовой наременной фурнитуры. Здесь же, вероятно, изготавливались пояса, конская упряжь, т.е. обрабатывалась кожа, и ремни украшались бронзовыми накладками. На сегодняшний день находки этих категорий изделий в слоях Сидака составляют многочисленные комплексы.

При расчистке жилищ ВСГ в центральной части подковообразной в плане цитадели были обнаружены

фрагменты маленьких тиглей, изготовленных из белой массы высококремнеземистого состава. Стенки тигильков покрыты остекленевшими потеками преимущественно зеленоватого цвета. Здесь же было найдено керамическое раздваивающееся сопло – деталь конструкции печи, в которую для достижения высоких температур мехами принудительно нагнетался воздух (рис. 3: 1, 2). Аналогичные находки присутствуют в материалах раскопок широко известного городища Пенджикент (Распопова, 1980, с. 48, рис. 33).

В сезоне 2011 г. при продолжении вскрытия ВСГ в центре цитадели на суфе пом. 16 найден целый миниатюрный тигилек с сохранившимся на его дне металлом – бронзовым слитком (рис. 3: 3). Размеры тигля: высота 50 мм, диаметр устья 40 мм. Бронзовый слиток имеет вид полусферы диаметром 26 мм, при высоте 20 мм. Его вес – 55 гр. Это явно атрибуты мастера-ювелира, который, возможно, помимо прочего специализировался на отливке наременных накладок и, вероятно, на изготовлении поясов и конской сбруи, традиционно украшавшихся бронзовыми накладками. Дело в том, что неподалеку от дома с пом. 16 была найдена дефектная костяная модель, по которой, очевидно, делались глиняные формочки для отливки бронзовых наконечников с орнаментированной поверхностью (рис. 3: 4).

Разнообразные бронзовые накладки на всевозможные – ремни вполне обычные находки в верхних слоях Сидака. Есть, кстати, среди них и бракованные образцы, результаты неудачных отливок (рис. 3: 5). Среди находок сезона 2011 г. можно отметить найденный на полу одного из

помещений, возможно, полный комплект пояса т.н. «катандинского типа» (рис. 4). Такие поясные наборы, по мнению специалистов, получают широкое распространение в Сибири и Средней Азии именно во второй половине VII – VIII вв. (Торгоев, 2011, с. 432–446).

Особое внимание, естественно, привлекают уникальные изделия сидакских торевтов. Среди таковых имеется литая бронзовая плоская фигурка всадника (рис. 5). Она найдена почти на уровне современной дневной поверхности. Утрат нет. Размеры пластинки 34 x 36 мм. Толщина 3 мм. Вес – 12,3 гр. Изображен мерно шествующий вправо конь с приподнятой передней левой ногой. Всадник показан с развернутым анфас корпусом. Левая рука над шеей коня держит нечто вроде кубка (?). Правой рукой всадник как бы вынимает стрелу из колчана, который висит на правом боку. Колчан явно того типа, что был широко распространен в VII–VIII вв. в среде тюркских кочевников Саяно-Алтая. По описанию Ю.И. Трифонова берестяные колчаны этой формы имели длину около 0,9 м, корпус с расширенным устьем и основанием и состоял из двух частей, вставленных друг в друга, а «перехват» располагался на уровне верхней половины изделий (Трифонов, 1987, с. 191).

Головной убор у всадника отсутствует, длинные волосы распущены по плечам. Всадник одет в верхнюю одежду вроде халата, на ногах остроносые сапожки. Лошадь небольшого роста с крупной головой; явно азиатской степной породы. Показаны поводья, ремни, уздечки, передняя лука седла. Наличие на отливке довольно четко переданных мелких деталей

говорит о мастерстве литейщика. Не отлился лишь маленький фрагмент повода под мордой лошади, да сохранились литейные наплывы по краям. Бляшка производит впечатление новой отливки, не подвергавшейся обычной доработке после выемки из формы, поскольку не удалены наплывы металла по краям отверстий (рис. 5). Эти наблюдения и другие находки в ВСГ Сидака (тигли, литейный брак, шлаки и пр.) говорят о том, что отливка подобных пластин-амулетов, как и других изделий из меди и бронзы, была налажена местными мастерами Сидака.

Подобные амулеты хорошо известны среди раннесредневековых древностей Евразии. Анализ их морфологии и семантике посвящено несколько обобщающих статей (Борисенко, Худяков, 2007, с. 102–115; Волков, 1965; Воронцов, 2001, с. 409–411; Плотников, 1982, с. 55–59; Сунгатов, Юсупов, 2006, с. 246–256; Чиндина, 1981, с. 87–97). Детально описана и проанализирована наиболее территориально нам близкая находка с городища Канка (Ташкентская обл., Узбекистан), датированная VI–VIII вв. Г.И. Богомолов высказал мнение о том, что на подобных амулетах изображено тюркское верховное божество Тенгри, покровитель воинских успехов (Богомолов, 1986, с. 78).

На Кавказе подобные по форме и, вероятно, семантике амулеты, хотя и очевидно их стилистическое отличие от рассматриваемых (рис. 1; 6), встречаются в закрытых погребальных комплексах VIII–IX вв. (Ковалевская, 2005, с. 360). Их всестороннему изучению посвящен целый ряд известных исследований (Рунич, 1968, с. 212; Афанасьев, 1973, с. 37; Кова-

Рис. 4. Сидак. Совместная находка бронзовых деталей пояса. 2011 г.

Рис. 5. Бронзовый амулет из Сидака

левская, 1995, с. 147). Работами Ковалевской В.Б. разработана детальная классификация северокавказских раннесредневековых древностей. В ней бронзовые амулеты в виде всадников описываются как таксон 4.2. (Албегова (Царикаева), Ковалевская, 2011,

с. 281–282). Вариант 1 таксона 4.2 характеризуются как «небольшие бронзовые односторонние (за единичными исключениями) амулеты, изображающие всадников на коне, всегда повернутом головой вправо. На амулетах часто проработаны детали сбруи и

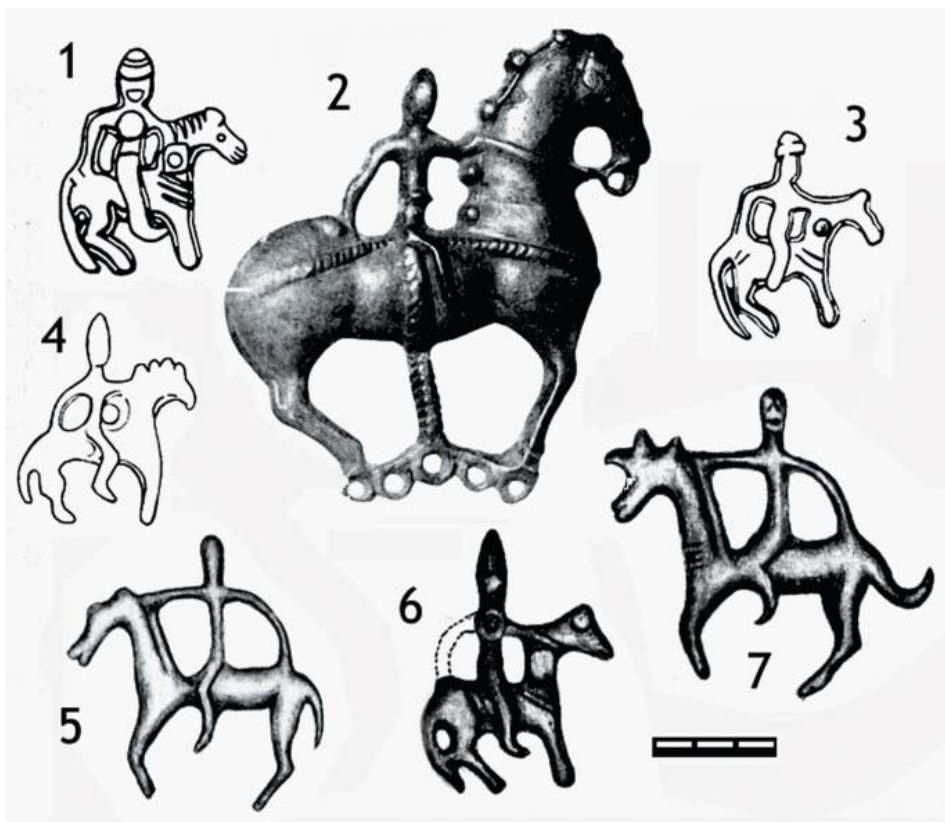

Рис. 6. Бронзовые амулеты по: (Албегова (Царикаева), Ковалевская, 2011)

допехе. Лошадь изображена в спокойной позе – с прямыми, несколько вытянутыми вперед передними и согнутыми задними ногами. На некоторых амулетах интересна очень глубокая посадка всадника с прямым или чуть наклоненным вперед корпусом и почти прямыми ногами (без стремян?). На всаднике виден шлем, на груди – панцирь или нагрудник. Правая рука всадника положена на круп коня, левая – на середину его шеи». Эти бронзовые амулеты связываются с культурой северокавказских алан VII–IX вв., которые способствовали распространению их по степям Евразии. На основе формального сходства изображений этих «аланских амулетов» с изображениями взнузданных коней на

фибулах III–IV вв. из Восточной Грузии, не исключается возможность их происхождения как подражания более ранним образцам (Албегова/ Царикаева, Ковалевская, 2011, с. 281).

Очевидны различия в иконографии аланских бронзовых амулетов и амулетов из восточной части Евразии. В обобщающей статье А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова предложена систематизация подобных пластин-амулетов из Азиатской Сарматии. Среди морфологического разнообразия вариантов сидакский экземпляр можно отнести ко второму типу первой группы литых бронзовых амулетов/всадников (Борисенко, Худяков, 2007, с. 75–95). Амулеты этого типа имеют широкое распространение в степной зоне от

Забайкалья до Приуралья. Известны также отдельные экземпляры среди находок из ремесленных центров присырдарьинских оазисов (рис. 1). Однако происхождение этих изделий авторы почему-то настойчиво связывают с Согдом, среднеазиатским раннесредневековым государством, расположенным в бассейнах рек Зеравшан, Сурхандарья и Кашкадарья. Для обоснования отнесения пластин с всадником «к числу изделий согдийских ремесленников VII–VIII вв., выполнявших заказы знатных тюрок» авторы сравнивают бронзовые изделия с афрасиабскими настенными рисунками всадников. «Наличие этих сходных элементов в изображениях на бляшках и фресках дает основание согласиться с высказывавшимся ранее мнением о том, что исходные образцы бляшек первого типа первой группы изготавливались в согдийских ремесленных центрах, при этом согдийские мастера ориентировались на вкусы согдийской и древнетюркской военно-служилой знати» (Борисенко, Худяков, 2007, с. 89).

Однако известные находки подобных амулетов происходят из Ходжента, Канки и вот теперь из Сидака, т.е. из городов, которые никогда не были «согдийскими городами!» «Согдийскими» для периода распространения рассматриваемых амулетов со времен В.В. Бартольда (Бартольд, 1965, с. 489–490) принято именовать города и поселения в долинах рек Зеравшан (включая Бухарский оазис) и Кашкадарья (см. напр.: Обельченко, 1992, с. 4; Средняя Азия в раннем средневековье, 1999, с. 50). Но дело в том, что здесь подобные пластины пока не обнаружены. Даже на таком уникальном по степени изученности и масштабам

проведенных раскопочных работ городище, каковым является Пенджикент, не встречено подобных образцов торевтики. Хотя здесь как нигде в изобилии зафиксированы многочисленные следы бронзолитейного производства в виде фрагментов тиглей и бракованных отливок, найдены керамические сопла, развалы печей, и пр. (Распопова, 1980, с. 47–48). Не известны они и в материалах раскопок Афрасиаба (древний Самарканд) или Пайкенда. А в отношении амулетов из Ходжента и Канки интересно отметить, что в их описании авторы особо подчеркивают, что эти изделия не были подработаны резцом мастера, а значит, можно предположить, что это были неудачные, бракованные отливки, сразу же выведенные из обращения прямо на месте их изготовления и случайно не попавшие в переплавку (Древности Таджикистана, 1985, с. 327, № 836; Богомолов, 1986, с. 72–73). Это же можно сказать и в отношении сидакского амулета. К тому же, среди находок из верхнего строительного горизонта цитадели Сидака, с которым связана находка пластинки, как было выше показано, присутствуют атрибуты бронзолитейного производства – тигли, сопла, бракованные отливки, развалы печей и пр., а также не обработанная, возможно, забракованная пластинка-амулет с изображением всадника. Этот комплекс артефактов, по нашему мнению, однозначно свидетельствует о том, что подобные изделия (первая группа, типы 1 и 2 по Борисенко/Худякову) отливались в ремесленных центрах присырдарьинских оазисов. Как известно, эти земли в то время входили в состав бывших под протекторатом Западно-Тюркского каганата

Рис. 7. 1 – Бронзовая монета из ВСГ Сидака, 2, 3 – тип 6 группы 2;
4, 5 – тип 7 группы 2 по: (Шагалов, Кузнецов, 2006)

Ферганы, Чача, включая Отрарский (Тарбанд), Туркестанский (Шавгар) оазисы и другие, более мелкие оазисы вплоть до Тараза, но отнюдь не Согда. При этом Отрарский и Туркестанский оазисы были политическим центром Чача (Бабаяров, 2004, с. 28).

Культура населения расположенных здесь многочисленных городков и укрепленных поселений по утвердившемуся в науке мнению является наследницей культуры древнего Кангюя, и их коренные жители – это по-

томки древних кангюйцев. Поскольку земли по Сырдарье являлись оплотом массовой инвазии культур т.н. «канчиноидного облика» с конца I тыс. до н.э. к берегам Зеравшана, Кашкадарьи и Амударьи (Буряков, 1986, с. 50–67), то, может быть, именно здесь надо искать истоки культа и художественной традиции бронзовых амулетов в виде всадника. Именно с Кангюем связывал С.П. Толстов происхождение и широкое распространение культа Сиявуша, божественного героя сред-

неазиатских, а в древности, по сути, кангюйских, мифов и преданий. В них Сиявуш выступает как величайший культурный герой, устроитель городов, основатель династий. По мнению исследователей, в образе Сиявуша, как он рисуется в Шах-намэ, присутствуют отголоски древнейшего сюжета об умирающем и воскресающем боге. В народном эпосе, художественно обработанном Фирдауси, Сиявуш выступает неизменно в образе юного прекрасного всадника в золотом шлеме, на могучем черном коне. Как известно с Сиявушем связывал С.П. Толстов изображения всадника на древнейших хорезмийских монетах (Толстов, 1948, с. 203 и сл). Изображение всадника имеется и на древних монетах Чача. Реже всадник с предстоящим персонажем (Ртвеладзе, 2006; Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 309–310) (рис. 7: 2–5). Подобные монетки встречаются при раскопках слоев VII–VIII вв. того же Сидака. Монета на рис. 7: 1 имеет диаметр монетного кружка 20–21 мм, вес 2,6 гр. По классификации Шагалова и Кузнецова она может быть отнесена к типу 6 группы 2 с изображением всадника перед божеством на Av и тамгой и алтарем огня на Rv. (рис. 7: 1, 2, 3).

В заключение блестяще разработанного сюжета С.П. Толстов отметил: «Мы видим, таким образом, что культ Сиявуша – божественного предка династии, умирающего и воскресающего бога растительности, – имел исключительное значение в религиозном ритуале всех остальных центров древнего Кангюйского царства» (Толстов, 1948, с. 205). При этом он связывал происхождение изображения всадника с миром алаано-сарматских племен, которые распространили в искусстве Причерноморья образ конно-

го всадника. Особо представительные комплексы артефактов происходят из Боспорских и Бактрийских городов, правители которых были выходцами из сарматско-юзджийских племен. Связь этих пограничных со степью постэллинистических государств, попавших под зависимость от воинственной элиты сарматских племен, особо наглядно демонстрируется, по мнению С.П. Толстова, идентичностью тамг на монетах Боспорского царства и оазисных государственных образований Средней Азии. Здесь патриарх хорезмийской археологии следовал за М.И. Ростовцевым, показавшим происхождение правящих элит и их роль и значение в истории древней Евразии (Ростовцев, 1927).

Исследователями давно было отмечено распространение образа «всадника на стоящем коне» в искусстве городов эллинистического Причерноморья. А на монетах боспорского царя Савромата II, прочное место занимает изображение всадника на спокойно стоящем или идущем вправо коне. М.И. Ростовцев воспринимал его как изображение царя, приобщенного к власти богом. Добавим к этому, что, несомненно, этот же статуарный тип передает конная статуя, увенчивающая въездную арку городской стены на монетах Рескупорида II. По мнению специалистов, это был образ божественного предка царя-всадника, имевшего культовый характер. Его распространение в I в. до н.э. – I в. н.э. в городах Боспора связано с массовой инфильтрацией в этот период в состав городского населения представителей сарматских племен. В то время в корoplastике боспорских городов появляются статуэтки всадника на спокойно стоящем коне с поднятой правой

ногой (Пругло, 1977, с. 177–183). Семантике этой категории керамических поделок, получивших распространение почти синхронно в Бактрии и Боспоре, посвящена обобщающая статья С.А. Яценко (2004).

Как известно, в последующем трактовка С.П. Толстовым всадника на монетах Хорезма как бога Сиявуша подверглась «десакрализации» Г.А. Пугаченковой (1965, с. 130.) и Б.И. Вайнберг (1977). Но А.М. Беленицкий в краткой, но содержательной публикации привел ряд неоспоримых аргументов и, пожалуй, расставил точки над *i*. При этом он выразил сомнение в утверждении С.П. Толстова, порожденном его «прохорезмийским энтузиазмом», что именно Хорезм является исходным пунктом сложения образа всадника и его семантики. Нам остается присоединиться к мнению А.М. Беленицкого, что «хорезмийский всадник принадлежит к миру образов, сложившихся в обширной зоне, охватываемой географическими пунктами, названными в работе Ростовцева» (Беленицкий, 1981, с. 216). А это основная зона контакта юэджийско-сарматских племен с древними центрами оседлой городской культуры. Пробразом персонажа, изображенного на находимых в присырдаринском регионе бронзовых амулетах (Ходжент, Канка, Сидак), вполне мог быть образ Сиявуша – божественного всадника – фигурирующий в эпосе среднеазиатских народов. В неких контекстах, этот образ инкорпорировал черты Митры, древнего сакского солнечного божества. Очевидно, что обосновывая легитимность своей власти, новые тюркские властители в различных регионах Средней Азии неоднократно обращались к древней

традиции и включали местные исторические представления в контекст своих генеалогических преданий, чем обеспечивали живучесть древнему эпосу. Сам же амулет, возможно, маркировал достаточно высокий социальный статус владельца.

В отношении сидакского амулета считаем возможным сузить его датировку в рамках ВСГ, т.е. датировать его производство концом VII – первой четвертью VIII вв. Вполне вероятно, что эту датировку следует принять и в отношении других аналогичных находок – амулетов из Ходжента и Канки. Нам представляется, что датировка «ходжентского всадника» V–VI вв. излишне удревнена (Древности Таджикистана, с. 327, № 836). В степных регионах они, конечно, могли бытовать более продолжительное время и могли отложиться в комплексах IX в. К тому же, надо добавить, что древний сюжет «всадник на коне» был «популярен» у жителей Сидака на бытовом уровне. Имеется его изображение в виде граффити на стенке уже обожженного большого горшкообразного сосуда с раздутым туловом (рис. 8). При всем схематизме рисунка на боковине керамического сосуда здесь вполне угадывается тот же образ – всадник на коне, левой рукой держит повод, сидит на круглом чепраке, на голове убор вроде шлема (Смагулов, Яценко, 2010, с. 190–222). В целом же изобразительная традиция этой темы, конечно же, более древняя, чем афрасиабские росписи или рассматриваемые бронзовые амулеты и имеет неисчислимое множество вариаций в глиптике, ковроткачестве, нумизматике, торовитике и т.д. (см., напр.: Вишневская, 2004, с. 62–66; Мещеряков, 2010, с. 247–253; Яценко, 2004).

Дальнейший анализ семантики данного образа, происхождения его иконографии и истории распространения может увести нас далеко в сторону от темы данной публикации. Пока же надо констатировать, что «бронзовые амулеты в виде всадника», как и металлическая фурнитура раннесредневековых поясов, отливались преимущественно в Чачских присырдарьинских культовом-ремесленных центрах

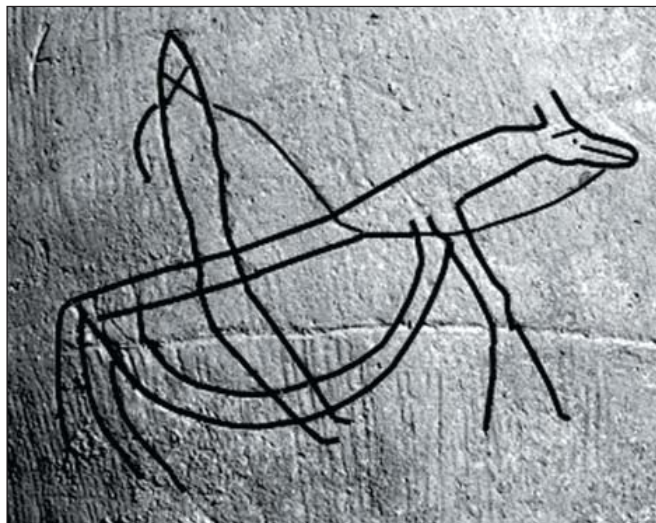

Рис. 8. Граффити «всадник» на керамическом сосуде VIII в. из Сидака.

Западно-Тюркского каганата, откуда они распространялись по евразийским просторам. Подобные амулеты

в виде героизированного всадника изготавливались в VII–VIII вв., но могли бытовать и в IX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегова (Царикаева) З.Х., Ковалевская В.Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа (Отв. ред. Х.М. Мамаев). – Грозный-Москва, 2011. – С. 280–296.

2. Афанасьев Г.Е. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // СГЭ. – Вып. XXXVI. – Л., 1973. – С. 36–39.

3. Бабаяров Г. Чач в период Тюркского каганата // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию Ю.Ф. Бурякова. – Самарканд, 2004. – С. 28–36.

4. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. III. – М., 1965. – 712 с.

5. Беленицкий А.М. Хорезмийский всадник – царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. – М., 1981. – С. 213–218.

6. Богомолов Г.И. Изображения всадников с городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 20. – Ташкент, 1986. – С. 69–78.

7. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. – Вып. 6. – С. 66–74.

8. Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент, 1986. – С. 50–57.

9. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. – М., 1977. – 193 с.
10. *Вишневская Н.* Оттиски штампа с изображением всадника из коллекции Государственного музея Востока // *Transoxiana. История и культура.* – Ташкент, 2004. – С. 62–66.
11. *Волков В.В.* Гобийский всадник // *Новое в советской археологии / МИА* – № 130. – М., 1965. – С. 286–288.
12. *Воронцов В.В.* Бронзовые изображения всадников I – начала II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья // *Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий.* – Барнаул, 2001. – С. 409–412.
13. *Древности Таджикистана.* Каталог выставки. – Душанбе, 1985. – 344 с.
14. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 2005. – 398 с.
15. *Ковалевская В.Б.* Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.* – М., 1978. – С. 78–85.
16. *Культура и искусство древнего Узбекистана.* Каталог выставки. – Москва, 1991. – Кн. 2. – 215 с.
17. *Мещеряков Д.В.* Образ всадника в искусстве ранних кочевников Южного Приуралья // *Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий.* – М., 2010. – С. 247–253.
18. *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. – М., 1992. – 256 с.
19. *Плотников Ю.А.* О предназначении литых фигур, изображающих всадников // *Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс».* История. – Новосибирск, 1982. – С. 64–69.
20. *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // *История и культура античного мира.* – М., 1977. – С. 177–183.
21. *Пугаченкова Г.А.* К иконографии Герая. (О некоторых вопросах раннекушанской истории) // *ВДИ.* – 1965. – № 1. – С. 127–134.
22. *Распопова В.Д.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980. – 136 с.
23. *Ростовцев М.И.* Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // *Seminarium Kondakovianum.* 1. Praha, 1927. – С. 141–146.
24. *Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача (втор. пол. III – сер.VIII вв. н.э.). – Ташкент, 2006. – 132 с.
25. *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // *Мобилизованный археологией.* – Астана, 2004. – С. 103–113.
26. *Смагулов Е.А.* Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей // *Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент.* Материалы международной конференции. – Шымкент, 2008. – С. 378–408.
27. *Смагулов Е.А.* Храм предков на цитадели городища Сидак (средняя Сырдарья) // *Сборник материалов международной научно-практической конференции «III Оразбаевские чтения» по теме «Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии», приуроченной к 40-летию кафедры археологии и этнологии.* 29–30 апреля 2011 г. – Алматы, 2011. – С. 98–105.

28. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Знаки-нишан и сюжетные граффити V–VIII вв. на керамике городища Сидак на Средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма. – М., 2010. – С. 190–221.

29. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / отв. ред. Г.И. Брыкина. – М.: Наука, 1999. – 378 с.

30. Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 112–120.

31. Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: МГУ, 1948. – 440 с.

32. Торгоев А.И. О происхождении и времени распространения поясов катандинского типа // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 3. – Алматы, 2011. – С. 432–446.

33. Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI–X вв. в связи с новым находками в Туве // Военное дело древнего населения северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 189–199.

34. Чиндина Л.А. Изображения воинов из среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 87–97.

35. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. – Ташкент: Фан, 2006. – 327 с.

36. Яценко С.А. Глиняные фигурки всадников древних иранских народов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Вип. XI (Відпов. ред. Г.Н. Тошчев). – Запоріжжя, 2004. – С. 294–298.

Информация об авторе:

Смагулов Ербулат Акижанович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); az_sultan2015@mail.ru

BRONZE AMULET FROM SIDAK

E.A. Smagulov

A bronze amulet in the shape of a horseman found on the citadel of the Sidak fortified settlement site in Turkestan district, Southern Kazakhstan oblast is described in the article. Similar findings are met on the vast Eurasian area ranging from Mongolia to the Urals. The published item may be referred to a series of similar finds from the handicraft centers located in the Syr Darya river basin, such as Khujand, Kanka, and, lately, Sidak. Handicraft centers of Sogdiana are traditionally regarded as places of their manufacture. However, no finds of the kind are mentioned at proper Sogdian towns (Penjikent, Paikend, Afrasyab, etc.), which have been thoroughly studied. Hence, the author makes a conclusion that these amulets, as well as many other pieces of jewelry were manufactured in the 7th to 8th centuries AD at the handicraft centers of Chach, a state formation comprising the Middle Syr-Darya River oases at the time. This region was inhabited by the descendants of the ancient Kangju state inhabitants, who inherited cultural traditions of the past, including the myths about the hero-horseman.

Keywords: Central Asia, the Syr Darya river basin, the early Middle Ages, Kangju, Chach, the Sidak fortified settlement site, bronze amulet, cult attribute, temple complex, bronze craft.

REFERENCES

1. Albegova (Tsarikaeva), Z. Kh., Kovalevskaia, V. B. 2011. In Mamaev, Kh. M. (ed.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (Issues of the Ancient and Medieval Archaeology of the Caucasus)*. Grozny; Moscow: Institute for Humanitarian Studies of the Chechen Republic, 280–296 (in Russian).
2. Afanas'ev, G. E. 1973. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XXXVI. Leningrad, 36–39 (in Russian).
3. Babaiarov G. 2004. In *Arkheologiya i istoriya Tsentral'noi Azii. K 70-letiiu Yu. F. Buriakova (Archaeology and History of Central Asia: on 70th Anniversary of Yu. F. Buryakov)*. Samarkand, 28–36 (in Russian).
4. Bartol'd, V. V. 1965. *Sochineniia (Works) III. Raboty po istoricheskoi geografii (Writings on the Historical Geography)*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
5. Belenitskii, A. M. 1981. In *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma (Culture and Art of Ancient Khwarazm)*. Moscow, 213–218 (in Russian).
6. Bogomolov, G. I. 1986. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 20. Tashkent, 69–78 (in Russian).
7. Borisenko, A. Yu., Khudiakov, Yu. S. 2007. In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri (Studying the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia)* 6. Gorno-Altaysk, 66–74 (in Russian).
8. Buriakov, Yu. F. 1986. In *Materialy k etnicheskoi istorii naseleniia Srednei Azii (Materials on the Ethnic History of the Population of Central Asia)*. Tashkent, 50–57 (in Russian).
9. Vainberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Ancient Khwarazm Coins)*. Moscow (in Russian).
10. Vishnevskaiia N. 2004. In *Transoxiana. Istoriia i kul'tura (Transoxiana: History and Culture)*. Tashkent, 62–66 (in Russian).
11. Volkov, V. V. 1965. In *Novoe v sovetskoii arkheologii (New Discoveries of the Soviet Archaeology)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 130. Moscow, 286–288 (in Russian).
12. Vorontsov, V. V. 2001. In *Istoriiko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: itogi i perspektivy na rubezhe tysiacheletii (Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Results and Perspectives at the Turn of Millennia)*. Barnaul, 409–412 (in Russian).
13. *Drevnosti Tadjikistana. Katalog vystavki (Antiquities of Tajikistan: Catalogue of the Exhibition)*. 1985. Dushanbe (in Russian).
14. Kovalevskaia, V. B. 2005. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n. e. – I tys. n. e. (The Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st Century B.C. – the 1st Century A.D.)*. Pushchino: Russian Academy of Sciences, Pushchino Scientific Center (in Russian).
15. Kovalevskaia, V. B. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfeldt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 78–85 (in Russian).
16. *Kul'tura i iskusstvo drevnego Uzbekistana. Katalog vystavki (Culture and Art of Ancient Uzbekistan: Catalogue of the Exhibition)* 2. 1991. Moscow.
17. Meshcheriakov, D. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh*

territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories). Moscow, 247–253 (in Russian).

18. Obel'chenko, O. V. 1992. *Kul'tura antichnogo Sogda: Po arkheologicheskim dannym VII v. do n.e. – VII v. n. e. (Culture of Antique Sogd: by Archaeological Data (7th Century BC – 7th Century AD))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

19. Plotnikov, Yu. A. 1982. In *Student i nauchno-tehnicheskii progress. Istoriia (Student and the Scientific and Technical Progress: History)*. Novosibirsk, 64–69 (in Russian).

20. Pruglo, V. I. 1977. In *Istoriia i kul'tura antichnogo mira (History and Culture of Ancient World)*. Moscow, 177–183 (in Russian).

21. Pugachenkova, G. A. 1965. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 127–134 (in Russian).

22. Raspopova, V. D. 1980. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda (Metal Articles of Early Medieval Sogd)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

23. Rostovtsev, M. I. 1927. In *Seminarium Kondakovianum* 1. Praha, 141–146 (in Russian).

24. Rtveladze, E. V. 2006. *Istoriia i numizmatika Chacha (vtoraia polovina III – seredina VIII v. n. e.) (History and Numismatics of Chach: Second Half of 3rd – Middle 8th Centuries AD)*. Tashkent: “Media Land” Publ. (in Russian).

25. Smagulov, E. A. 2004. In *Mobilizovannyi arkheologii (Mobilised by Archaeology)*. Astana, 103–113 (in Russian).

26. Smagulov, E. A. 2008. In *Drevniaia i srednevekovaiia urbanizatsiia Evrazii i vozrast goroda Shymkent (Ancient and Medieval Urbanisation in Eurasia and the Age of Shymkent Town)*. Shymkent, 378–408 (in Russian).

27. Smagulov, E. A. 2011. In *Kazakhstanskaia arkheologiiia i etnologiiia: sovremennye dostizheniia i innovatsionnye tekhnologii (III Orazbaevskie chteniia) (Kazakhstan Archaeology and Ethnology: Recent Advances and Innovation Technologies (3rd Orazbaev Readings))*. Almaty, 98–105 (in Russian).

28. Smagulov, E. A., Iatsenko, S. A. 2010. In Zilivinskaia, E. D. (ed.). *Otzvuki Velikogo Khorezma (The Echo of Great Khwarazm)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 190–221 (in Russian).

29. Brykina, G. I. (ed.). 1999. *Sredniaia Aziia i Dal'nii Vostok v epokhu srednevekov'ia. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e (Central Asia and the Far East in the Middle Ages. Central Asia in Early Middle Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

30. Sungatov, F. A., Iusupov, R. M. 2006. In *Iuzhnyi Ural v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural in the Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa, 112–120 (in Russian).

31. Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarazm: An Attempt of Historical and Archaeological Study)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

32. Torgoev, A. I. 2011. In *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 3. Almaty, 432–446 (in Russian).

33. Trifonov, Yu. I. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii (Warfare of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 189–199 (in Russian).

34. Chindina, L. A. 1981. In Plotnikov, Yu. A. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Warfare of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk, 87–97 (in Russian).

35. Shagalov, V. D., Kuznetsov, A. V. 2006. *Katalog monet Chacha III–VIII vv. (Catalogue of Chach Coins of 3rd–8th Centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

36. Iatsenko, S. A. 2004. In Toshchev, G. N. (ed.). *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* XI. Zaporizhzhya, 294–298 (in Russian).

About the Author:

Smagulov Erbulat A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Av., 44 / Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Kazakhstan; az_sultan2015@mail.ru

УДК 903.25

**СЕРЬГИ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА
ИЗ ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ (XIII–XIV вв.):
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

© 2014 г. Г.В. Владимиров

Рассматривается особый тип украшений – серьги в виде знака вопроса из Болгарии. Выясняется ареал их распространения, а также вероятные источники их появления в культуре Дунайской Болгарии в XIII–XIV вв. Выделяются две стилистические группы: с простым стилизованным рисунком и со сложным рисунком. Вторая группа, более многочисленная, находит аналогии на территории Золотой Орды. По мнению автора, можно утверждать, что появление и распространение этих серег в болгарской среде является результатом влияния «надэтнической» культуры степных народов. Эти народы (главным образом, куманы) находились в орбите Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Второе Болгарское царство, серьги в виде знака вопроса, происхождение, куманы, золотоордынская культура.

Серьги в виде знака вопроса относятся к числу малоизученных средневековых артефактов в болгарской медиевистике¹. Опубликовано только одно исследование об этих ювелирных образцах, а также один текст,

¹ Автор выражает свою благодарность Ив. Петринскому (НИМ-София), А. Конаклиеву (РИМ-Торговище), Б. Борисову (НИАР-Мадара), Б. Тотеву (РИМ-Добрич), В. Пауновой и О. Рачеву (РИМ-Перник), В. Чомовой (РАМ-Пловдив), Г. Атанасову (РИМ-Силистра), Д. Мирчевой (ИМ-Каварна), М. Дякову (РИМ-Плевен), О. Милановой (РИМ-Видин), Пл. Мадемову (ИМ-Горна Оряховица), Ст. Лазаренко и О. Пелевиной (РИМ-Варна), Т. Тихову (РИМ-Шумен), Д. Андоновой, И. Мечкову, Пл. Павлову и К. Попконстантинову (ВТУ), М. Долмовой, П. Христову (ИЕФЕМ-София), П. Георгиеву (НАИМ-Шумен), К. Руденко (КГУКИ), Silviu Ota (Национальный исторический музей Румынии) за помощь и предоставление визуальных и текстовых материалов для настоящего исследования.

связанный с конкретной находкой из Велико Тырново (Йосифова, 2001, с. 75–84; Владимиров, 2011, с. 272–279). О серьгах в виде знака вопроса некоторые сведения имеются в публикациях болгарских исследователей (Миятев, 1926–1931, с. 253; Миков, 1934, с. 155; Попов, 1936, с. 83; Митова-Джонова, 1958, с. 42; Станчев, Начева, 1960, с. 83–86; Вългов, 1974, с. 52; Бобчева, 1978, с. 156; Нешева, 1979, с. 49; Джингов, 1985, с. 111; Попов, 1985, с. 9; Овчаров и Хаджиева, 1992, с. 118; Бъчваров, 1993, с. 24; Михайлова, 1993, с. 200). Тема частично затронута и в разработках о средневековых нарядах Второго Болгарского царства (Долмова-Лукановска, 1988, с. 71; Долмова, 1999, с. 143). Опубликованные тексты очень скромные в интерпретации, приведенные параллели находок редко выходят за балканские рамки. Самое дальнейшее прозрение авторов, что такие наряды «есть и в Волжской Болгарии

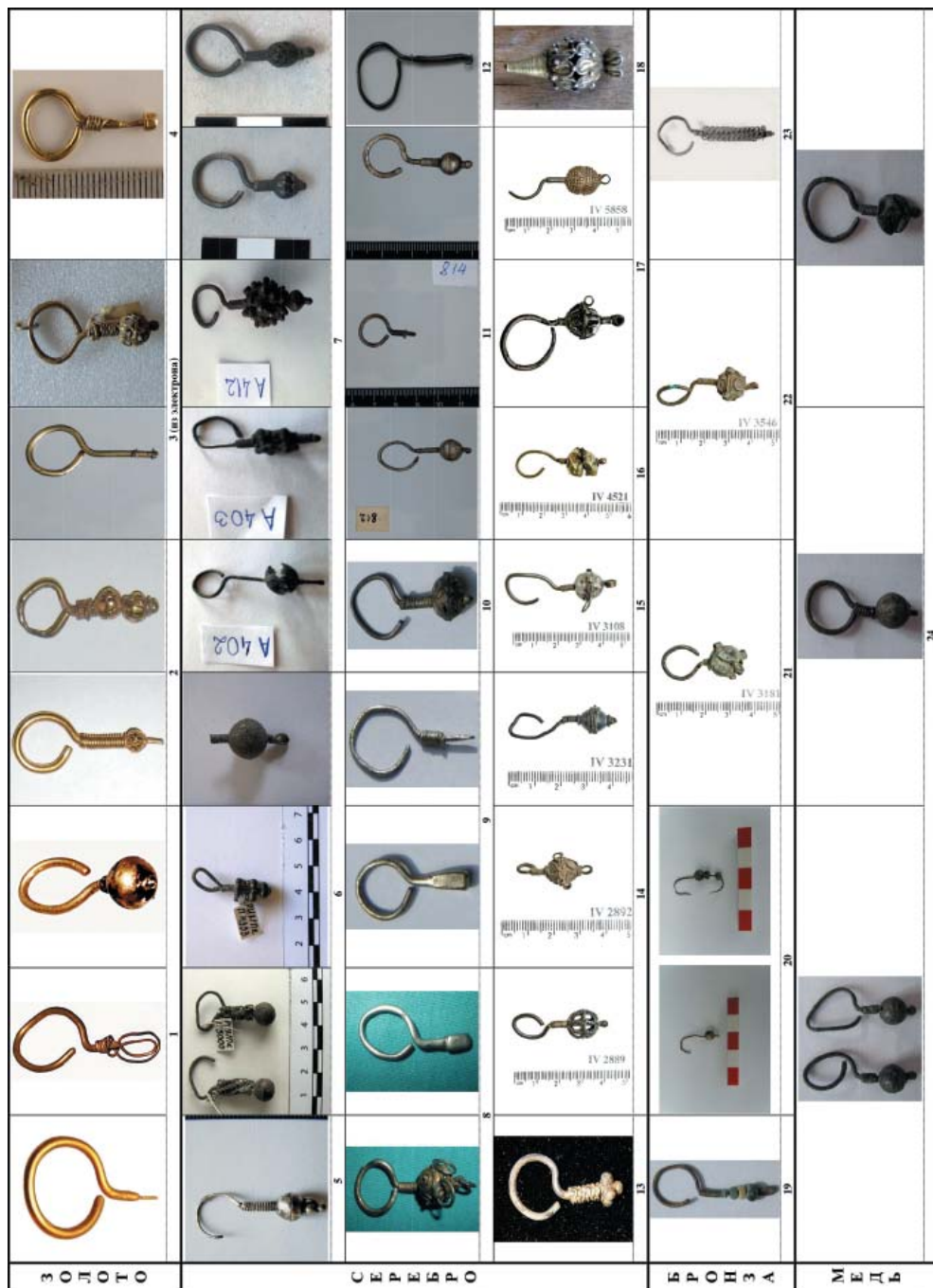

Рис. 1. Каталог серег в виде знака вопроса из средневековой Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.)

1. Могилы Кафедральная базилика г. Силистра;
2. Цитадель Калнакря;
3. Шуменская крепость;
4. Погребение № 47 в церкви «Св. 40 мучеников», Велико Тырново;
5. Могильник с. Турковци возле Перник;
6. Могильник Перника;
7. Могильник возле Луковит;
8. Могильник Калнакря;
9. Калнакра (неизв. местонахождение);
10. и 19. Внешний город Калнакря;
11. Могильник ниже Мадарского всадника;
12. Айтоские бани;
13. и 24. Могильник с. Янтры возле Велико Тырново;
14. с. Осеново возле Варна;
15. и 21. с. Свети Никола возле Калнакра;
16. с. Бегово возле Варна;
17. Северовосточная Болгария;
18. Фрагмент (неизв. местонахождение);
20. Могильник с. Крелча, Торговицкая область;
22. с. Изворско возле Варна;
23. Могильник с. Нетовановци возле Видин

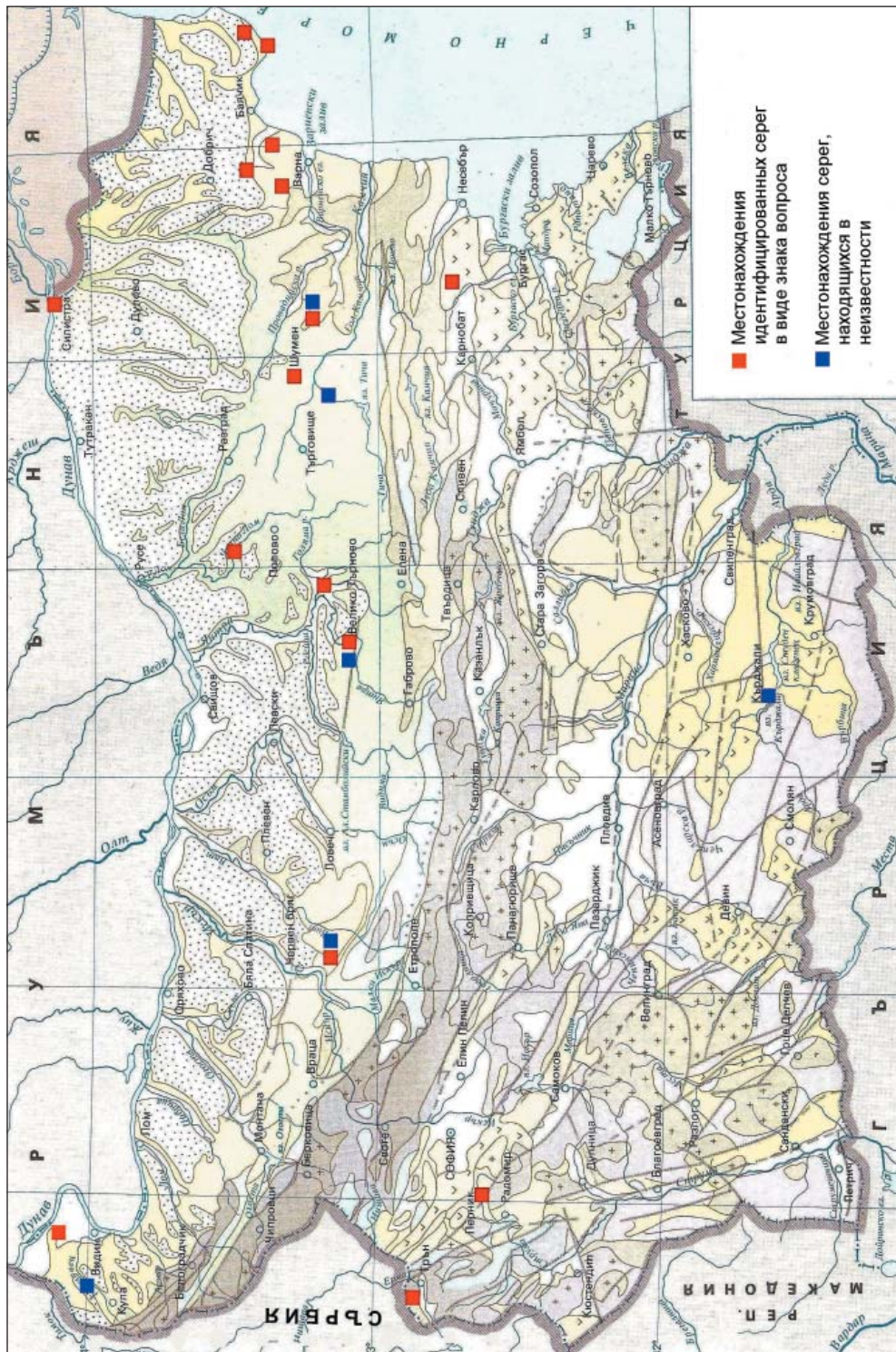

Рис. 2. Географическое местонахождение серег в виде знака вопроса

Рис. 3. Серьги «в неизвестности» и их происхождения:

1. Монастырь «Великая лавра» в Велико Тырнове;
2. с. Градец возле г. Видин;
3. Средневековый монастырь г. Кърджали;
4. Могильник ниже Мадарского всадника;
5. Средневековой могильник г. Велики Преслав;
6. Средневековой Велики Преслав

и Золотой Орде» (Джингов, 1989, с. 53; Михайлова, 1993, с. 200), при отсутствии более глубокого анализа их возникновения и распространения. В единственном исследовании с попыткой типологии рассматривается ограниченный эмпирический материал, а некоторые наблюдения и выводы требуют уточнения (Йосифова, 2001).

После исследований средневековых коллекций болгарских музеев было обнаружено более 40 серег в виде знака вопроса (рис. 1). К сожалению, имеются серьезные пробелы в информации о местонахождении и их датировании. Более чем 1/3 из серег являются неопубликованными, а об опубликованных часто отсутствуют данные *in situ*, а также и антропологические анализы (когда серьги являются частью погребального инвентаря). Все это препятствует точной интерпретации.

С точки зрения географического местонахождения, серьги в виде знака вопроса локализируются в Северной Болгарии преимущественно в Северо-Восточном регионе (рис. 2). Значительная часть происходит из средневековой Калиакры – столицы Добруджанского деспотата (8 шт.). Есть несколько серег «в неизвестности» – они упомянуты в публикациях их открывателей, но отсутствуют в коллекциях болгарских музеев (рис. 3). Это проблемная ситуация более уголовная, чем собственно научная, поэтому не будем ее обсуждать.

Наиболее часто серьги встречаются в погребальном инвентаре могильников: могильник возле города Луковит (7 шт.), с. Янтры Великотырновской области (5 шт.), в могилах возле Мадарского всадника (4 шт.) и т.д. Из Западной и Южной Болгарии известно несколько образцов, среди которых внимание заслуживают 5 серебряных серег из района Перника.

Среди серег в виде знака вопроса из средневековой Болгарии доминируют образцы из серебра (рис. 4). Скудные данные о местонахождении серег показывают их преобладание в детских и женских погребениях. Находятся, прежде всего, единичные образцы, без ясности из какой они страны (рис. 5). Датировка серег тоже слишком неясная – наиболее часто украшения относятся к XIV в. (рис. 6).

С точки зрения стиля, обособляются две группы. К первой категории относится небольшое количество серег из золота и серебра с простым, стилизованным рисунком (Айтоские бани, Калиакра, Велико Тырново, Силистра). Особой интерес среди них представляет серьга из Айтоских бань (рис. 7) – классический, по Г. Федорову-Давыдову, кочевой образец

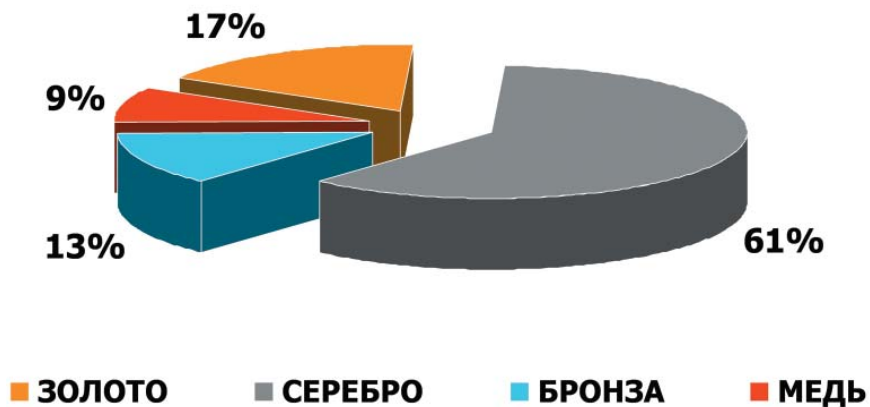

Рис. 4. Диаграмма серег с точки зрения материала

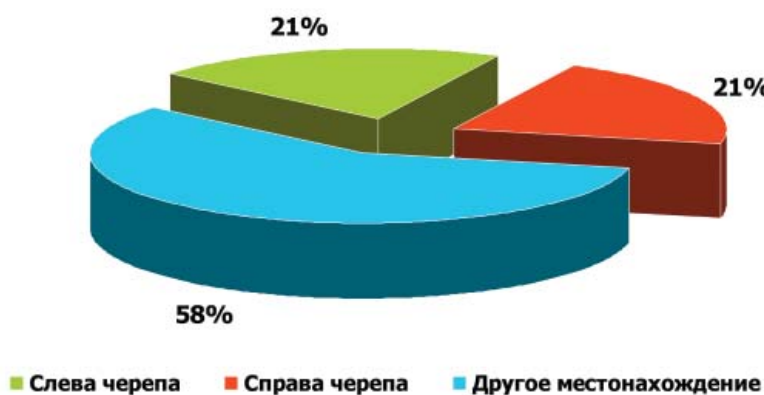

Рис. 5. Диаграмма серег с точки зрения местонахождения *in situ*

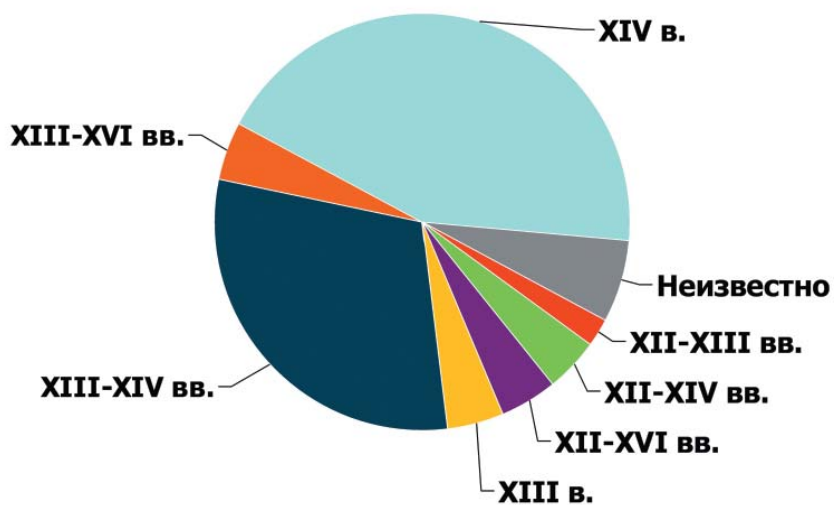

Рис. 6. Диаграмма серег с точки зрения датировки их открывателей

Рис. 7.
Серьга из
Айтоских
бань,
серебро,
длина 68 мм

с длинным вертикальным стержнем (Федоров-Давыдов, 1966, с. 39–41). Этот предмет является покупкой, и отсутствие данных о его происхождении делает остальные рассуждения о нем гипотетическими.

Вторая, более массовая, группа серег, представлена артефактами XIV в. со сложным рисунком – результат моды, характерной для Золотой Орды, на территории которой найдены аналоги болгарским образцам с обмоткой, металлическим шариком или бусиной. Поэтому теза македонских археологов об «эволюции» артефакта, известного с VIII–X вв., а также точка зрения румынских коллег о византийском влиянии должны быть определены как дискуссионные (Манева, 1992, с. 45; Ота, 2012, pp. 123–142).

Артефакт и традиция ношения не зарегистрированы в болгарской среде до XII в. (Григоров, 2007). Это доказывает гипотезу об их «импортном» характере – результате влияния поздних кочевников (вероятно куманов), среди которых существовал обычай носить серьги.

Роль куманов в истории Второго болгарского царства хорошо изучена

(Павлов, 1992, с. 5–59; Андреев, 1996, с. 108–132; Павлов, 2010, с. 308–337). Кочевники появляются в Болгарии еще в XII–XIII вв., смешиваются с местным населением и христианизуются. На элитном уровне даже создается новое сословие – болгаризирующееся куманское боярство, по выражению болгарского историка Й. Андреева, – представителями которого были царские династии Тертер и Шишман, добруджанские владетели Срацимир и Балик, а также хозяева Дрыстыра, Калиакры и Варны.

В результате этого «вторичного этногенезиса» формируется среда, в которой процветает мода на серьги в виде знака вопроса. О присутствии куманов в Плисковском поле свидетельствуют знаменитые каменные бабы возле с. Царев брод, западнее Плиски (Рашев, 1983, с. 246). Наверное, старые районы обитания праболгар в треугольнике «Плиска-Преслав-Мадара» около XIII в. вторично осваиваются кочевниками. Косвенным доказательством этих процессов являются серьги в виде знака вопроса из Преслава и Мадары.

Массовое распространение серег в Добруджи (более 40% всех образцов из Болгарии – см. рис. 2) подтверждает резонность гипотезы болгарского археолога Г. Атанасова об активном обитании этого региона куманами в XII–XIII вв., прежде всего его дунайская и черноморская периферия – территория очень подходящая для жизни кочевников (Атанасов, 2009, с. 420). Подобные процессы зарегистрированы и в средневековом Пернике, где антропологи убедительно доказывают присутствие куманов (Перник, 1983, с. 210). Другой центр распространения этих артефактов – город Видин – исторически также связан с куманами, а в XIV в. в источниках зарегистриро-

вано и золотоордынское присутствие татар Каракишека (3000 всадников).

Широкое распространение серег в виде знака вопроса в XIV в., наверное, является результатом воздействия золотоордынской «надэтнической» культуры (по определению Р. Каримовой), основным проводником которой была как диаспора куманов и татар (возможно, и аланов, или ясов) после краха улуса Ногая (по свидетельству византийского историка Георгия Пахимера), так и вассалитет Дунайской Болгарии, установленный Золотой Ордой (см. Руссев, 2009, с. 90–102). В конце XIV в. в районе Варны появляются и татары Актава, изгнанные из армии Тимура.

После описания серег в виде знака вопроса и ареала их распространения, остается ряд вопросов: как можно интерпретировать их преобладание в детских погребениях в Болгарии как случайный факт или как результат рас-

пространения кочевых архетипов (в золотоордынской среде существовала прямая зависимость между возрастом похороненного и присутствием серег в виде знака вопроса среди погребального инвентаря)? Были ли артефакты импортными образцами или продуктом местных ювелиров? Являются ли эти украшения идентификаторами социокультурной ситуации средневекового болгарского общества? Можно ли на основе анализа ареала распространения и датировки серег сделать вывод о татарской гегемонии во Втором болгарском царстве?

Некоторые из этих вопросов, вероятно, не найдут ответа из-за отсутствия информации. Очевидно, что появление и распространение серег в виде знака вопроса в болгарской среде является результатом влияния культуры степных золотоордынских народов. Проявления этого влияния отныне предстоит тщательно изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Й. Българи и кумани през средните векове // История на Второто българско царство. – Велико Търново, 1996. – С. 108–132.
2. Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. – Велико Търново, 2009. – 496 с.
3. Бобчева Л. Некропол от XIII–XIV в. в Калиакра // ИНМВ. – 1978. – № 14(29). – С. 152–180.
4. Бъчваров И. Янтрени некрополи (два средновековни некрополя от XIV век при село Янтра, Горнооряховско). – Велико Търново, 1993. – 172 с.
5. Владимирова Г. Погребение эпохи Золотой Орды в средневековой болгарской столице Велико Търново: проблемы, гипотезы, факты // Золотоордынское наследие. – Вып. 2. – Казань, 2011. – С. 272–279.
6. Вълков В. Новите разкопки на църквата «Св. 40 мъченици» във Велико Търново // Археология. – 1974. – № 2. – С. 37–54.
7. Григоров В. Метални накити от средновековна България (VII–XI в.). – София, 2007. – 256 с.
8. Джингов Г. Църква № 2 в Калиакра // ИНМВ. – 1985. – № 21 (36). – С. 107–122.

9. Долмова-Лукановска М. Тырновские средневековые украшения (XII–XIV вв.) // Труды V Международного конгресса археологов–славистов. – Вып. 2. – Киев, 1988. – С. 70–74.
10. Долмова М. Накитите от погребенията в манастира «Великата лавра» и църквата «Св. Четиридесет мъченици» // ИИМВТ. – 1999. – № 14. – С. 140–150.
11. Йосифова М. За един малко познат тип средновековни обеци и наушници (XIII–XV в.) // ИНИМ. – 2001. – Вып. 12. – С. 75–84.
12. Манева Е. Средновековен накит од Македонија. – Скопје, 1992. – 286 с.
13. Миков В. Гробни находки // Мадара. – Т. 1. – София, 1934. – С. 147–158.
14. Митова-Джонова Д. Археологически данни за селската носия в Северо-западна България през XIV в. // ИЕИМ. – 1958. – № 3. – С. 39–64.
15. Михайлова Т. Обеци и наушници от Велики Преслав (края на X–XIV в.) // Преслав. – 1993. – Т. 4. – С. 181–205.
16. Миятев К. Старобългарски надгробен надпис от XIV в. // ГНМ. – 1926–1931. – Т. 5. – С. 253–255.
17. Нешева В. Средновековен некропол във Вътрешния град на Преслав // Археология. – 1979. – № 2. – С. 47–60.
18. Овчаров Н., Хаджиева Д. Средновековният манастир в гр. Кърджали – център на архиепископията Ахридос (XI–XIV в.). // Разкопки и проучвания. – Т. 24. – 1992. – С. 114–120.
19. Павлов П. Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241) // ТрВТУ. – 1992. – Т. 27. – Вып. 3. – С. 20–31.
20. Павлов П. Куманите в България и Византия през XII–XIV в. // Забравени и неразбрани: събития и личности от българското средновековие. – София, 2010. – С. 308–337.
21. Перник. – 1983. – Т. 2. – 216 с.
22. Попов А. Търновска Велика лавра. – София, 1985. – 56 с.
23. Попов Р. Материали от разкопките през 1934–1935 г. // Мадара. – 1936. – Т. 2. – С. 31–97.
24. Рашев Р. Късни номади в Плисковското поле // Преслав. – 1983. – Т. 3. – С. 242–252.
25. Руссев Н.Д. Золотая Орда на Нижнем Дунае // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 2. – Казань, 2009. – С. 90–103.
26. Станчев Ст. и Начева Ив. Средновековен български некропол до Луковит // ИАИ. – 1960. – Т. 23. – С. 72–97.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966. – 276 с.
28. Ota S. Tombs with Jewels in the Byzantine Tradition Discovered on the Present-Day Territory of Romania, Nord of the Danube (End of the XI Century – the XIV Century) // Ziridava Studia Archaeologica. – 2012. – № 26/1. – P. 123–142.

Информация об авторе:

Владимиров Георги Владимиров, доктор по истории, магистр по культурологии, главный эксперт Министерства культуры Республики Болгария (г. София, Болгария); vladimirovkult@yahoo.com

**QUESTION MARK SHAPED EARRINGS FROM DANUBE BULGARIA
(the XIII–XIV cc.): ORIGIN AND AREA OF SPREAD**

G.V. Vladimirov

A special type of jewelry, earrings shaped as question mark from Bulgaria, is considered. Their spreading area and possible sources of their emergence in the culture of 13–14th-century Danube Bulgaria are made clear. Two stylistic groups are distinguished: those with a simple stylized pattern and those with an intricate pattern. The second group, a more numerous one, finds an analogy in the territory of the Golden Horde. According to the author, it can be argued that the emergence and spread of this type of earrings in the Bulgarian environment is the result of the influence of a “supraethnic” culture of the steppe peoples. These peoples (mainly the Cumans) were in the orbit of the Golden Horde.

Keywords: the Second Bulgarian Kingdom, earrings shaped as question mark, origin, the Cumans, the Golden Horde culture.

REFERENCES

1. Andreev, J. 1996. In *Istoriya na Vtoroto bălgarsko tsarstvo (History of the Second Bulgarian Kingdom)*. Veliko Tarnovo, 108–132 (in Bulgarian).
2. Atanasov, G. 2009. *Dobrudzhanskoto despotstvo. Kăm politicheskata, tsărkovnata, stopanskata i kulturnata istoriya na Dobrudzha prez XIV vek (Despotate of Dobruja. Concerning the political, clerical, economical and cultural history of the Dobroudja in the 14th century)*. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
3. Bobcheva, L. 1978. In *Izvestiya na narodniya muzej vāv Varna (Reports of Varna National Museum)* 14 (29), 152–180 (in Bulgarian).
4. Băchvarov, I. 1993. *Yantrenski nekropoli (dva srednovekovni nekropola ot XIV vek pri selo Yantra, Gornooryakhovsko) (Jantra Necropolises: Two Medieval Necropolises of 12th Century near Jantra Village, Gorna Oryakhovitsa District)*. Veliko Tarnovo (in Bulgarian).
5. Vladimirov, G. 2011. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan, 272–279 (in Russian).
6. Vălov, V. 1974. In *Arkheologiya (Archaeology)* (2), 37–54 (in Bulgarian).
7. Grigorov, V. 2007. *Metalni nakiti ot srednovekovna Bălgariya (VII–XI v.) (Metal Jewelry in Medieval Bulgaria (7th – 11th Centuries))*. Sofia (in Bulgarian).
8. Dzhingov, G. 1985. In *Izvestiya na narodniya muzej vāv Varna (Reports of Varna National Museum)* 36 (21), 107–122 (in Bulgarian).
9. Dolmova-Lukanovska, M. 1988. In *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings of the 5th International Congress of Slavicist Archaeologists)* 2. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 70–74 (in Bulgarian).
10. Dolmova, M. 1999. In *Izvestiya na Istoricheskiya muzej – Veliko Tărnovo (Reports of the Historical Museum in Veliko Tyrnovo)* 14, 140–150 (in Bulgarian).
11. Josifova, M. 2001. In *Izvestiya na Natsionalniya istoricheski muzej (Reports of the National Historical Museum)* 12, 75–84 (in Bulgarian).
12. Maneva, E. 1992. *Srednovekoven nakit od Makedonija (Medieval Jewelry of Macedonia)*. Skopje (in Macedonian).
13. Mikov, V. 1934. In *Madara (Madara)* 1. Sofia, 147–158 (in Bulgarian).

14. Mitova-Dzhonova, D. 1958. In *Izvestiya na Etnografskiya institut i muzej (Reports of the Institute and Museum of Ethnography)* 3, 39–64 (in Bulgarian).
15. Mikhajlova, T. 1993. In *Preslav (Preslav)* 4, 181–205 (in Bulgarian).
16. Miyatev, K. 1926–1931. In *Godishnik na Narodniya Muzej (Yearbook of the National Museum)* 5, 253–255 (in Bulgarian).
17. Nesheva, V. 1979. In *Arkheologiya (Archaeology)* (2), 47–60 (in Bulgarian).
18. Ovcharov, N., Khadzhieva, D. 1992. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* 24, 114–120 (in Bulgarian).
19. Pavlov, P. 1992. In *Trudi na Veliko-Tărnovskiya universitet (Proceedings of the Veliko Tŭrnovo University)* 27 (3), 20–31 (in Bulgarian).
20. Pavlov, P. 2010. In *Zabraveni i nerazbrani: săbitiia i lichnosti ot bălgarskoto srednovekovie (Forgotten and Misunderstood: Events and Personalities of the Bulgarian Middle Age)*. Sofia, 308–337 (in Bulgarian).
21. *Pernik (Pernik)*. 1983. Vol. 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
22. Popov, A. 1985. *Tărnovska Velika lavra (Great Lavra in Veliko Tŭrnovo)*. Sofia (in Bulgarian).
23. Popov, R. 1936. In *Madara (Madara)* 2, 31–97 (in Bulgarian).
24. Rashev, R. 1983. In *Preslav (Preslav)* 3, 242–252 (in Bulgarian).
25. Russev, N. D. 2009. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 2. Kazan, 90–103 (in Russian).
26. Stanchev, St., Nacheva, Iv. 1960. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* 23, 72–97 (in Bulgarian).
27. Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
28. Oța, S. 2012. Tombs with Jewels in the Byzantine Tradition Discovered on the Present-Day Territory of Romania, Nord of the Danube (End of the XI Century – the XIV Century). In *Ziridava Studia Archaeologica* 26 (1), 123–142.

About the Author:

Vladimirov Georgi V. Doctor of History, Master of Cultural Studies. Chief Expert, Ministry of Culture of Republic of Bulgaria. “Al. Stamboliiski” Bd., 17, Sofia, 1301, Bulgaria; vladimirovkult@yahoo.com

УДК 903.25

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ НАКЛАДОК ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА МАЛЯЕВКА-V

© 2014 г. Р.В. Исаков, Н.Н. Афоньков,
М.С. Архангельский, Ю.А. Павленко, А.Г. Шереметьев

В статье рассматриваются джучидские воинские пояса XIII–XIV вв. с накладками с изображениями драконов. Их изучение показало, что традиция их ношения была заимствована монголами из Китая вместе с соответствующей имперской символикой, к которой относятся и изображения драконов. Образы этих мифологических существ использовались, по мнению авторов, не только элитой Улуса Джучи, но и привилегированными сословиями не самого высокого ранга. Эту точку зрения подтверждают как многочисленные находки поясных блях и других вещей с оговариваемой символикой с территории Поволжья, часто изготовленные из дешевых материалов, так и юаньские письменные источники.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Юань, джучидские ранговые пояса, изображения драконов, элита, сословия.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что наиболее популярными на территории Улуса Джучи были привозные вещи из Китая, и это наглядно подтверждается массовым тиражированием их копий (Федоров-Давыдов, 1994). Среди предметов с дальневосточной символикой, выделяются артефакты с изображениями драконов. Их отдельную группу формируют поясные накладки, география находок которых весьма широка – от Поволжья до Приладожья. Рядом авторов высказывалось предположение, что эти изделия использовались лишь представителями золотоордынской политической элиты (например, Крамаровский, 2000, 346 с., 2001, с. 43–81; Юрченко, 2013, 432 с., кат. 101). Однако их многочисленность, нередко дешевизна материала (бронза, рог или кость), из которого они изготовлены, а также низкое качество, позволя-

ют усомниться в справедливости вышеприведенной точки зрения.

На наш взгляд, предметы с имперской символикой широко использовались привилегированными слоями общества, включенными в военно-административный аппарат Золотой Орды, но при этом не относились к высшей элите. Представляется, что идентификация артефактов с атрибуцией различных социальных страт требует учитывать не только морфологию предметов, но и стоимость материалов, из которых они были изготовлены. Косвенно это подтверждается юаньскими письменными источниками, которые будут рассмотрены ниже.

В соответствии с вышесказанным весьма показательны накладки из курганного могильника Маляевка-V (курган № 8) у Царевского городища, раскопанного в Волгоградской области. Согласно автору исследований

И.В.Сергацкову и др. (Сергацков и др., 2001, с. 13–63), погребение с упомянутыми артефактами располагалось в центральной части кургана. На дне могилы, сильно поврежденной нормами землеуровней, находилось деревянное гробовище прямоугольной формы, в котором был расчищен скелет ребенка возрастом около двух лет, погребенного вытянуто на спине, головой на юго-запад. Верхняя часть скелета (голова и грудная клетка) были покрыты парчой, с растительным орнаментом, вышитым золотыми нитями, что, по мнению В.П. Попова, является признаком буддийской погребальной обрядности (Попов, 2011, с. 119–132). За черепом погребенного были обнаружены две бляхи с изображением извивающихся драконов, вырезанные, по мнению И.В. Сергацкова, из слоновой кости. Накладки оправлены в серебро с позолотой. Еще один аналогичный предмет располагался у колен. Автор датировал погребение XIII–XIV вв. и предположил, что бляхи являлись украшением головного убора (Сергацков и др., 2001, с. 13–63), но, к сожалению, никак не обосновал свое предположение. В более поздних публикациях эта атрибуция оставалась неизменной (Крамаровский, 2005, с. 101, кат. 77–79; Хабарова, 2001, с. 17, кат. 41; Юрченко, 2013, 432 с., кат. 117).

Между тем в работах, посвященных традиционному костюму населения Великого монгольского государства XIII–XIV вв., прямых или косвенных подтверждений использования подобных накладок в убранстве головных уборов нами не встречено. Известные изобразительные и письменные источники также не дают никаких оснований для такого суждения. Осмотр блях, хранящихся в Волгоградском

областном краеведческом музее, показал, что они изготовлены не из слоновьего бивня. Хорошо известно, что дентин бивня слона имеет мелкую пористую микроструктуру в виде тонких линий, пересекающихся друг с другом под тупым углом. В биологии такая структура получила название «линий Шрегера» или «углов Рециуса». Она обеспечивает высокую механическую прочность конструкции бивня (MacGregor, 1985.). В то же время, для артефактов, изготовленных из кости, характерно наличие участков с ячеистой тканью (*substantia spongiosa*). Материал, из которого изготовлены накладки, не имеет вышеперечисленных признаков, а его характерные структурные особенности позволяют заключить, что накладки были изготовлены из рога копытных.

Кроме того, на наш взгляд, описываемые накладки являются поясными. К обоснованию предлагаемой нами версии, приведем их краткое описание. Накладки имеют форму четырехлепестковой розетки с вытянутым верхним сегментом (рис. 1). Каждая из них состоит из трех частей: тыльной, основной и скрепляющего элемента. На каждой из них имеются по четыре сквозных отверстия, служащих для фиксации предположительно на поясе.

Тыльная часть представляет собой серебряную изогнутую пластину с напаянным бортиком из рубчатой проволоки. Весь элемент позолочен.

Основная часть исполнена из рога высоким рельефом. Несет ажурное изображение свернувшегося трехпалого дракона со сквозным отверстием в центре композиции.

Скрепляющий элемент – крупная серебряная заклепка с широкой кру-

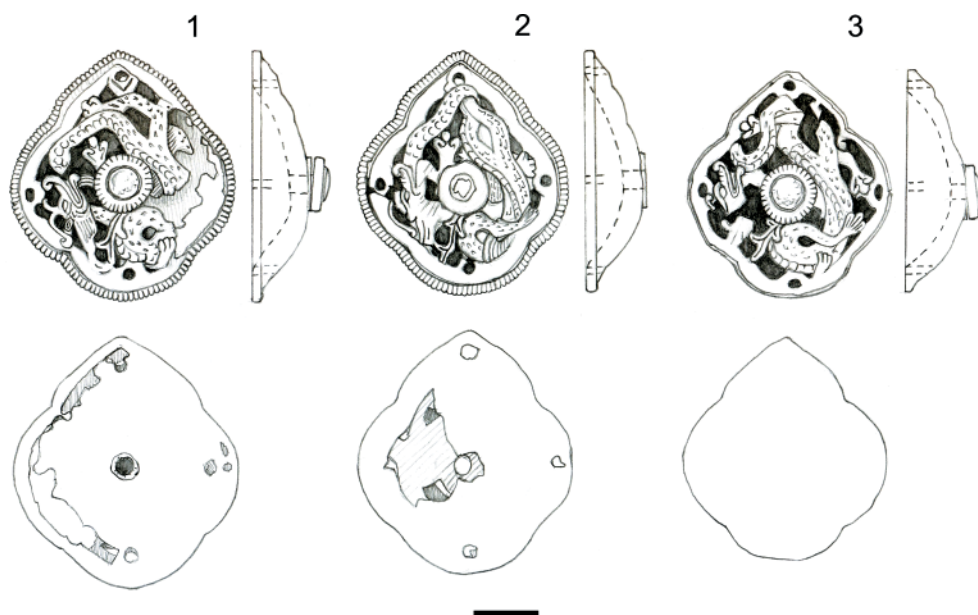

Рис. 1. Поясные бляхи из курганного могильника Маляевка V (курган № 8).
1 – ВОКМ № 31512/27, 2 – ВОКМ № 31512/26, 3 – ВОКМ № 31512/28.
Масштаб – 1 см

глой шляпкой, декорированной по борту рубчатой проволокой и круглой стеклянной вставкой в центральной части. Шляпка позолочена. Ножка полая, свернута из полосы металла и, вероятно, припаяна к шляпке.

Накладка (ВОКМ № 31512/27) (рис. 1: 1) Размеры: ширина 34,2 мм, высота 36,8 мм.

Накладка (ВОКМ № 31512/26) (рис. 1: 2) утрачен скрепляющий элемент. Размеры: ширина 32,6 мм, высота 36,8 мм.

Накладка (ВОКМ № 31512/28) (рис. 1: 3) утрачена тыльная часть. В процессе реставрации была заменена гладкой пластиной белого металла. Размеры (ширина 31 мм, высота 34,2 мм).

Основная часть оправлена таким образом, что рубчатая проволока обрамляет изображение дракона, а серебряная пластина повторяет ее внутреннюю форму. Заклепка проходит

сквозь основную и тыльную части, удерживая их вместе.

Вышеизложенное позволяет выделить, по меньшей мере, два признака, роднящих накладку из кургана № 8 с парадными поясными гарнитурами раннеджучидского времени: 1) все бляхи конструктивно и внешне схожи между собой. Их тройное дублирование и повторение крупных накладных элементов с изображением дракона характерно для парадных поясов и не встречено на иных предметах материальной культуры; 2) традиционный художественный прием, применявшийся мастерами при изготовлении крупных накладок-обоймиц парадных поясов, а именно совмещение высокого просечного рельефа и наличие подпирающей его тыльной пластины, создающей фон.

Прямых аналогий подобного рода элементам в составе поясных гарнитур XIII–XIV вв. с территории Улуса

Джучи в процессе работы не выявлено, но нельзя не отметить их сходство с накладками условно-ромбической формы, хорошо известными в различных вариациях среди средневековых древностей Дальнего Востока (Исаков и др., 2013 б, с. 248–255, рис. 2а).

Неполноту поясного набора и разброс его частей по погребению, можно объяснить различными факторами, один из очевидных – жизнедеятельность роющих животных (материал, видимо, мог быть частично вынесен из могильной ямы). Кроме того, для золотоордынского периода на территории Поволжья отмечена традиция помещения в могилы неполных наборов, содержащих только крупные накладки-обоймицы (Ляхов, 1999, с. 94–96). В контексте рассматриваемого вопроса наглядным примером может служить погребение 60 Аткарского древнемордовского могильника (Ляхов, 1999, с. 94–96). Интересно, что это захоронение также являлось детским, а входившие в состав инвентаря поясные накладки-обоймицы были изготовлены из кости.

Ввиду отсутствия в кургане №8 Маляевского могильника фрагментов кожаного ремня, можно предположить, что накладки нашивались на ленту из ткани (подобные примеры известны в Китае).

Накладки из могильника Маляевка-V, сочетают в себе простоту формы, использование комбинации материалов и высокое качество их обработки. Изготовление таких предметов требует высоких ремесленных навыков и возможно только в мастерской с многолетними традициями производства ювелирных изделий. Такие мастера обслуживали, как правило, знатных и зажиточных людей. Поэто-

му факт наличия в данном комплексе ременной фурнитуры с «драконьей» символикой и богатого парчового покрывала указывает на привилегированное положение родственников погребенного.

И.В. Сергацковым и др. (2001, с. 13–63) пол ребенка был определен как женский, но нам представляется, что по скелетному материалу установить половую принадлежность *infantis* столь малого возраста вряд ли возможно. К тому же, в составе сопутствующего погребального инвентаря отсутствуют какие-либо вещи, типичные для средневековых женских погребений территории Улуса Джучи. С другой стороны, если версия о принадлежности накладок к парадной поясной гарнитуре верна, то уместнее предположить, что в кургане №8 был захоронен мальчик, наследовавший социальный статус своего отца, подтверждаемый соответствующей атрибутикой.

Историко-культурный аспект исследования. Известно, что символика дракона в эмблематику гвардии Чингис-хана была импортирована из политического репертуара чжурчжэньской династии Цзинь, испытавшей сильнейшее китайское влияние, когда в состав государства чжурчжэней вошли отторгнутые у Сун территории, где проживало коренное китайское население.

До монгольского завоевания «цзиньский» дракон имел на каждой лапе три когтя (Чэнь Цзун-юэ, 1986, 56 с.). Все обилие его изображений на вещах, датируемых периодом государств Ляо и Цзинь (X–XIII вв.), подтверждает этот постулат. Сунский дракон также был трехпалым (Чэнь Цзун-юэ, 1986). В период X–XIII вв.

дракон становится символом императорской власти, что предполагало известную табуальность образа, но абсолютный запрет на внединастическое использование его изображений оказался невозможен.

Поскольку оспаривать китайское влияние на монгольскую политическую культуру периода становления Империи вряд ли уместно, то вполне закономерным будет предположение о том, что изображения трехпалых драконов на территории Улуса Джучи – не что иное, как элементы дальневосточной культуры, привнесенные в кипчакские степи монголами, вероятно, уже в ходе западного похода Бату (1236–1242 гг.). Позже на Востоке, в период династии Юань (1260–1368 гг.) собственно у монголов появился вариант четырехпалого дракона, а затем и с пятью пальцами (Чэнь Цзун-юэ, 1986). Причем, лапы четырехпалого дракона были похожи на задние конечности хищных (ястребиных?) птиц, что, очевидно, подчеркивало ее семантическую связь с небесной сферой.

Придворный историк хулагуидов Рашид ад-Дин писал: «У монголов же считается, что молния исходит от некоего животного, подобного дракону, и в их областях жители [будто бы] видят, своими глазами, как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя» (Рашид-ад-Дин, 1952, с. 156). Более подробных сведений о восприятии образа дракона средневековыми монголами нет, но отчасти, вероятно, картина может быть восполнена поздними этнографическими данными. Так, в монгольском эпосе XIX в. дракон (*луу*) – владыка водной стихии и громовержец (Михайлов,

1963, с. 75–79). Согласно поздним данным *Луу* причисляется к небесным богам – тенгри (*Луу-тенгри*). Он может выступать также локальным и хтоническим духом, но чаще в этой роли фигурирует *лус* (*лусууд*, *лусад*, *лусын*, *лусан*, *лосон*). Четкое разграничение между этими двумя персонажами отсутствует. *Лусы*, как правило, – духи-хозяева водоемов. Монголы верили, что гром – это рык и скрежет зубов *луу*, а молния возникает тогда, когда он быстро свивает и распрямляет свой хвост (Михайлов, 1963, с. 75–79).

Неоспорим тот факт, что дракон занял определенную нишу в идеологии Великой империи (Юрченко, 2012). Он стал инструментом выражения иерархической соподчиненности. В целом семантика его образа укладывается в понятие «благоволение Неба» и «Власть», которую оно дарует (Исаков и др., 2013б, с. 248–255). В традиции всех народов, близко контактировавших с Китаем, дракон идентифицировался с небесными силами и их земными представителями. Условно говоря, он и есть Небесная Сила, несущая благо не только императору, но его подданным.

Использование образа дракона в качестве статусного геральдического символа хорошо известно по китайским источникам, например «Юань ши». При внимательном знакомстве с текстом этой династийной истории обнаруживается противоречие. С одной стороны, геральдическая эмблематика в монгольском Китае была строго регламентирована: определенным рангам военнотружущих предписывалось ношение поясов и одежд с изображением драконов. При этом существенную роль играли: видовой вариант дракона, его поза, цвет, размер и

местоположение на одежде. С другой стороны, периодически издавались законы, запрещающие использование тех или иных символов (в т.ч. драконов) каким-либо сословным группам, что, вероятно, свидетельствует о пренебрежении ими существовавшим регламентом. Приведем несколько примеров. В 1314 г. Аюрбарибадара – император Юань – повелел «всем чиновникам исключить ношение дракона и феникса» на одеждах. Этот же запрет касался «монголов, состоящих в императорской гвардии (кешик), при исполнении ими служебных обязанностей» (Юань Ши. Цз. 78) Запрет на использование данного статусного символа выразился в 1336 г. при императоре Тогон-Тэмуре в постановлении, более известном как «Закон пяти когтей». Он гласил: «простым людям запрещается носить любое платье с изображениями цилиня, луаня и феникса, белого кролика, линчжи, дракона с пятью когтями и двумя рогами, восемь драконов, девять драконов, иероглифы 万寿 («десятитысячного долголетия (вечности)») и 福寿 («ниспосланное небесами благоволение и долголетие (вечность)»), а также золотисто-желтый цвет» (Юань Ши. Цз. 39; Шунь-Ди, ч. 2).

Однако достоверно не известно, существовал ли в Улусе Джучи запрет на ношение изображений драконов некоторыми слоями общества. Прямые подтверждения этому отсутствуют. Нет ни одного хроникального свода, указывающего на это. Кроме того, следует отметить, что, юаньский двор не испытывал нужды в том, чтобы навязывать джучидам какую-либо систему иерархического этикета. В самой Золотой Орде ориентация на Ханбалык, имевшая место при Ногае

и Токте, в результате которой могли быть внедрены некоторые элементы юаньской политической культуры, в XIV в. была очень условной. Здесь, во владениях потомков Джучи, иерархический этикет и соответствующая эмблематика получили развитие в несколько ином русле, хотя и берущем начало в китайской и раннемонгольской традициях.

По нашему мнению, связывать «драконовую» эмблематику лишь с элитарными слоями золотоордынского общества, видимо, не вполне верно. Само собой разумеется, что «символ Власти» не могли носить низшие социальные группы. Однако образы этих фантастических существ часто встречаются на бытовых предметах, к примеру, посуде, тканях, бронзовых поясных гарнитурах и зеркалах, датируемых концом XIII – XIV вв. Счет последних идет на многие сотни (Полякова, 1996, с. 253–255). Широкое тиражирование изделий с изображением драконов наталкивает на мысль о том, что не только высшая элита могла использовать символику этого образа, но и определенные привилегированные сословия.

Согласно известным современным определениям, «политическая элита – это группа лиц, осуществляющая власть в обществе» (БСЭ, 1978, т. 30, с. 141); «сословие – это социальная группа общества, обладающая закрепленными в обычае или законе... правами (привилегиями) и обязанностями» (БСЭ, 1976, т. 24, ч. 1, с. 585). Согласно системе социальных отношений, заложенных в основу дальневосточного феодального общества, существовали пять основных сословий: государственные чиновники (для Китая – шэньши (绅士) – «ученые мужи,

носящие широкий пояс [Власти]), воины, земледельцы, ремесленники и торговцы (Померанц, 1974, с. 362–385). Ни одно из них, естественно, не входило в состав политической элиты. Однако, согласно «Истории дома Юань», представители воинского сословия могли носить на поясах только изображения четвероногих (Юань ши. Цз. 78, Выезды и наряды). К ним относились хищники и драконы (геральдическая группа «2» («Животные»)) (по: Бинь Яньхун, 2008, с. 86–87; Исаков и др., 2013б, с. 248–255). Образ дракона соответствовал понятию «Власть». При этом существенную роль играл материал, из которого были произведены накладки. Чем он был дешевле, тем соответственно ниже ранг обладателя пояса. Мы склонны допускать возможность существования в Улусе Джучи аналогичной ситуации, в силу не столько номинального подчинения этих территорий юаньскому двору, сколько тождественного понимания социальной иерархии и средств ее маркирования.

П.О. Рыкин убедительно показал, что монгольская имперская верхушка в XIII–XIV вв. была представлена двумя широкими категориями: царевичи (ср.-монг. *ko'ut*) – непосредственно чингизиды и князья (ср.-монг. *noyat*) – лица не царских кровей, но обладающие высоким статусом в силу проявленных способностей. Кроме того, выделялась прослойка царевен (ср.-монг. *okit*) – жен чингизидов и зятьев (ср.-монг. *guriget/gureget*) – мужей чингизидок (Рыкин, 2011, с. 196–217). Когда исследователи пишут о монгольской (золотоордынской) элите, подразумеваются, по-видимому, именно эти перечисленные группы (Крамаровский, 2001, с. 43–81; Юр-

ченко, 2013). Однако, на наш взгляд, следует разграничивать понятия «элита» и «привилегированная прослойка», под которой следует понимать, например, и выходцев из покоренного населения, занимавших посты в военно-государственном аппарате.

Безусловно, сословия Китая и дальневосточных государств вряд ли были идентичны по социальной структуре золотоордынским. Тем не менее предположение о том, что представители военного аппарата Улуса Джучи носили изображения драконов на статусных поясах не вызывает сомнений (Крамаровский, 2001, с. 43–81; Исаков и др., 2013б, с. 248–255). Хорошо известно, что выходцы из подконтрольных Золотой Орде территорий состояли на службе у юаньских правителей. Русский полк в пекинской гвардии упоминается впервые в 1330 г., когда на ханский престол взошел Туг-Темур. Он учредил специальное командование гвардейским русским корпусом, во главе которого стоял темник 3-й степени. Корпус получил наименование «Сеан-Джу-улосы-хувэй-цинъ-цзюнь», т.е. охранный полк из русских, прославляющих преданность. В начале 1330 г. было собрано до 10 000 русских, которым было выделено около 600 га (по другим данным 1800 га) земли для самообеспечения. Уже в 1331 г. «отменено темничество русского полка и учреждено командирство с пожалованием серебряной печати». По мнению П.И. Кафарова (2008, с. 62–65), эти изменения в управлении свидетельствуют о приближении ранга русского корпуса к статусу ханской гвардии, точнее о включения его в ее состав. Теоретически русские гвардейцы, как и прочие военнотружущие, должны были нести на своих поясах

воинскую эмблематику – драконов и хищников (Исаков и др., 2013а, с. 212–226; они же, 2013б, с. 248–255). Возможно, схожая практика существовала и в Улусе Джучи.

Вернемся к «Юань ши». В этой хронике не единожды упоминаются роговые (костяные) ременные гарнитуры. Согласно источнику, с самого начала основания династии они украшали пояса чиновников с пятого по девятый ранг без более дробной детализации (Юань Ши. Цз. 78, Выезды и наряды, ч. 1). Однако согласно императорскому указу от 1314 г. «пояса чиновников пятого ранга и ниже дозволяется украшать серебром, вплоть до железа» (там же). В этом случае есть основания предполагать, что на практике имелись более обстоятельные представления современников о престижности материалов на ременной гарнитуре, нежели это было отражено в первоисточнике. Так, уже в «Истории династии Мин» (《明史》) в установлении от 1370 года декларируется, что в повседневности гражданские и военные чины пятого, шестого и седьмого ранга имеют серебряные пояса, и только чины восьмого и девятого рангов могут использовать роговые пояса (Мин ши. Цз. 67). Анализ названий должностей, занимаемых чиновниками восьмого и девятого рангов, позволяет судить, что под их началом находилось менее сотни подчиненных, или, иными словами, их должности соответствовали «десятникам» и «пятидесятникам». Очевидно, схожий иерархический уровень занимали и юаньские официальные лица с соответствующей поясной атрибутикой.

Мы полагаем, что, несмотря на наличие изображения дракона («символа Власти») на бляхах из Маляевского

могильника, недорогого материал, из которого они сделаны, может указывать на не слишком высокий ранг их обладателя. Так же, как и многочисленные бронзовые и медные поясные гарнитуры с изображениями трех- и четырехпалых драконов, часто встречаемые в Поволжье, в основном на мордовских и русских поселениях конца XIII – начала XIV вв. (рис. 2). Нам представляется вполне вероятным, что эта группа артефактов могла принадлежать корпусу «младших офицеров», использующих «драконью» символику по праву причастности к военно-административному механизму управления Улуса Джучи, наряду с элитными слоями общества.

Необходимо отметить, что изображения на маляевских бляхах стилистически не соответствуют китайским, однако, судя по позе животного и ряду характерных художественных особенностей, копировались именно с дальневосточных аналогов. Другие роговые и костяные накладки золотоордынского времени (как и бронзовые аналоги), происходящие с территории Европейской России также, видимо, в своей основе имеют образ «китайского» дракона, зачастую адаптированного под местные художественные традиции. Например, некоторые варианты изображений драконов приобретают недвусмысленные черты псовых и кошачьих хищников, более привычных для местной ментальности (Горелик, 2008, с. 117; Валиулина, 2000, с. 280–281). Кроме того, приведенные изображения драконов (рис. 2: 2, 5), вероятно, исполнены в соответствии с православной иконографической традицией, хорошо известной русским мастерам, как поволжских городских центров, так и русских княжеств, и

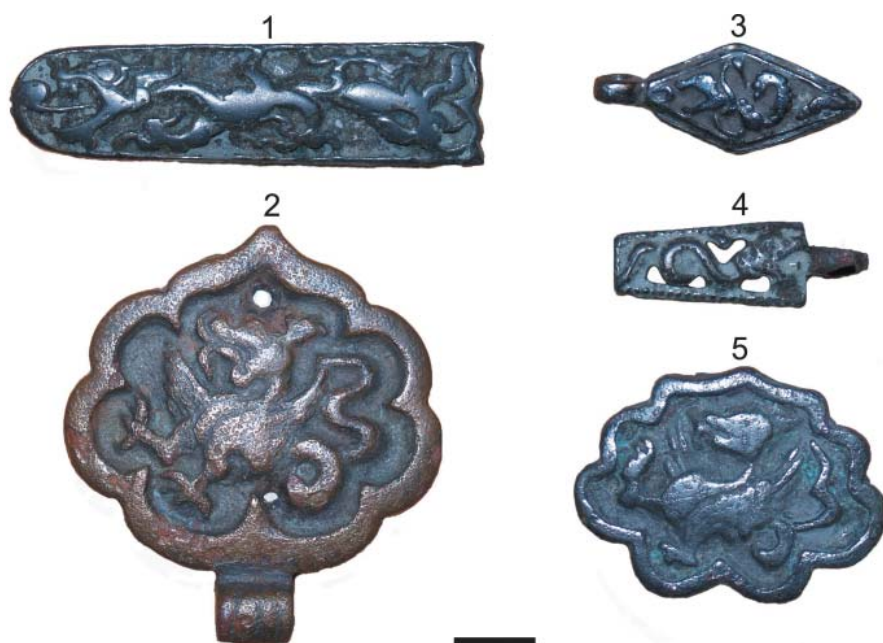

Рис. 2. Бронзовые поясные гарнитуры с изображением безногго, двух-, трех- и четырехпалых драконов, происходящие из Поволжья, кон. XIII – нач. XIV вв. (период правления ханов Токты и Узбека). 1, 3–5 – Саратовская область, 2 – Волгоградская область. Коллекция Естественноисторического музея Саратовского государственного технического университета, экспозиция «Археология и этнография». Масштаб – 1 см

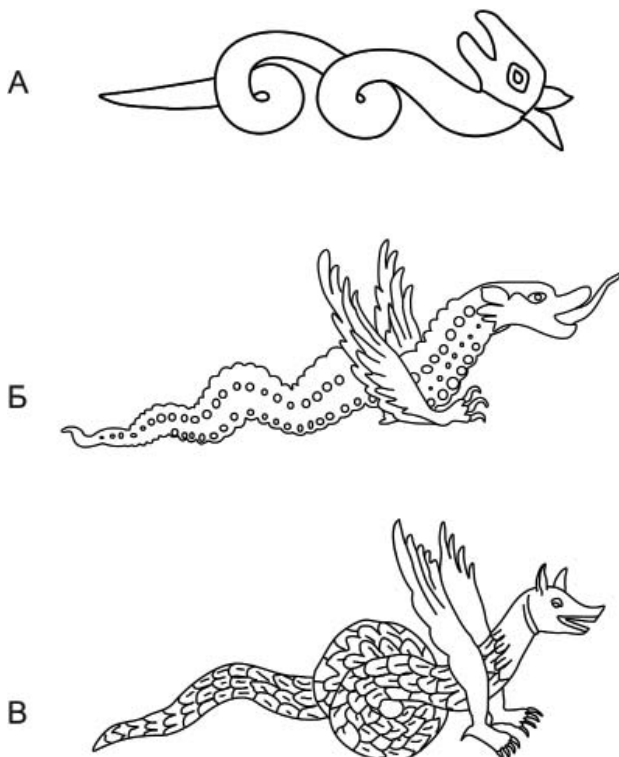

Рис. 3. Православные иконографические изображения змиев.
А – Киевская Русь, XII в., Национальный историко-культурный заповедник «София Киевская»,
Б – Новгород, пер. четв. XIV в., Русский музей,
В – Россия, XV в., Гос. Третьяковская галерея

вряд ли заимствованы из стран Западной Европы (Крамаровский, 2008, с. 104–105, рис. 80). В Поволжье весьма широко распространены подражания и другим геральдическим изображениям, характерным для китайской поясной гарнитуры (например, из уже упомянутого Аткарского могильника) (Шереметьев, 2012, с. 11–19, рис. 2: 19). Существующие геральдические (и соответствующие им семантические) линии оговаривались нами ранее (Исаков и др., 2013а, с. 212–226; 2013б, с. 248–255).

Дальнейшее многоуровневое изучение статусных поясных блях с территории Улуса Джучи, по мере поступления новых материалов, а также широкого привлечения данных локальных нарративов, использования семантико-семиотического подхода и авторитетных определений представителей естественных наук, позволят существенно подкорректировать устоявшиеся взгляды на социально-политическую структуру золотоордынского общества XIII–XIV вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бинь Яньхун* Ванхоу чжунци (Элитарные регалии государственной власти) // Ишу шичан (Арт-рынок). – 2008. – № 3. – С. 86–87 (на кит. яз.).
2. *Валиулина С.И.* Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М.: Исторический музей, 2000. – С. 280–281.
3. *Горелик М.В.* Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. – Вып. 222. – М.: Наука, 2008. – С. 117.
4. *Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Шереметьев А.Г., Архангельский М.С.* Парадный золотой пояс раннеджучидского времени из Мариентала: историко-культурный и семантический аспекты исследования // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2013а. – С. 212–226.
5. *Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Шереметьев А.Г., Архангельский М.С.* Парадные золотые пояса раннеджучидского времени из Олень-Колодезя и Гашун Уста: историко-культурный и семантический аспекты исследования // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 11. – Саратов, 2013б. – С. 248–255.
6. *Кафаров П.И. (о. Палладий)* Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Китай у русских писателей. – М., 2008. – С. 62–65.
7. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. – С. 346 с.
8. *Крамаровский М.Г.* Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XIII – первой половины XIV вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556. – Казань, 2001. – С. 43–48.
9. *Ляхов С.В.* Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 3. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов, 1999. – С. 94–96.
10. Мин ши. Цз. 67, Выезды и наряды, ч. 3 // Электронная версия: <http://www.sidneyluo.net/a/a24/067.htm>.

11. Михайлов Г.И. Луу и лус в произведениях героического эпоса монгольских народов // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Литературоведение, фольклористика и изучение памятников. – Т. 63. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1963. – С. 75–79.

12. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. – Казань, 1996. – С. 253–255.

13. Померанц Г.С. Шэньши как тип средневекового книжника // История и культура Китая. – М., 1974. – С. 362–385.

14. Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей, посвященный памяти В.П. Костюкова. – Астрахань, 2011. – С. 119–132.

15. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. / Пер. О.И. Смирновой. – М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. – 220 с.

16. Рыкин П.О. О двух категориях правящей элиты Монгольской империи // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Монгольской и Российской. – СПб., 2011. – С. 196–217.

17. Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: ВолГУ. – 2001. – № 1. – С. 13–63.

18. Сословие // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – Т. 24.1. – С. 585.

19. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.

20. Чэнь Цзун-юэ. Лун (Дракон) // Чжунчжен лин сюэшу луньвэнь цзи (Беспристрастные горы. Сборник научных статей). 1986. – 56 с. (на кит. яз.).

21. Шереметьев А.Г. Личные статусные подвески с джучидскими тамгами: вопросы хронологии, интерпретации и использования // Родная старина. – 2012. – № 2. – С. 11–19.

22. Элита // Большая советская энциклопедия. – Т. 30. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 141.

23. Юань Ши. Цз. 78, Выезды и наряды, ч. 1 // Электронная версия: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/yuanshi/yuas_078.htm.

24. Юань Ши. Цз. 39, Шунь-Ди, ч.2 // Электронная версия: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/yuanshi/yuas_039.htm.

25. Юрченко А.Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. – СПб.: Евразия, 2012. – 268 с.

26. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. – СПб.: Евразия, 2013. – 432 с.

27. MacGregor A. Bone, Antler, Ivory & Horn: The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. – GBR: Croom Helm: 1985. – 245 pp.

Информация об авторах:

Исаков Рудольф Викторович, общественная организация «Вечное Небо» (г. Бийск, Россия); ewa42@yandex.ru

Афоньков Николай Николаевич, общественная организация «Вечное Небо» (г. Саратов, Россия); nikolavoron@mail.ru

Архангельский Максим Саввич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет (г. Саратов, Россия); paleozoo@gmail.com

Павленко Юрий Алексеевич, кандидат исторических наук, автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» (г. Саратов, Россия); pavlenko127@mail.ru

Шереметьев Александр Григорьевич, аспирант, Саратовский государственный университет, научный сотрудник, автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» (г. Саратов, Россия); alexandrsheremetev@yandex.ru

CONCERNING THE ISSUE ON ATTRIBUTION OF THE GOLDEN HORDE PLACUES FROM THE MOUND GROUND THE MALYAEVKA-V

**R.V. Isakov, N.N. Afon'kov, M.S. Arkhangelsky,
Ju.A. Pavlenko, A.G. Sheremet'ev**

13–14th-century Juchid plated military belts with dragon images are considered in the article. Their study has shown that the tradition of wearing them had been borrowed by the Mongols from China together with corresponding imperial symbols, dragon images included. In the authors' opinion, the images of these mythological creatures were used by both the elite of the Ulus Juchi and the privileged classes of lesser rank. This viewpoint is confirmed by numerous finds of belt plaques and other items with the symbolic in question (often manufactured from inexpensive materials) from the Volga River region, and by Yuan literary sources.

Keywords: the Golden Horde, Yuan, Juchid rank belts, dragon images, elite, social ranks.

REFERENCES

1. Bin Yanhong. 2008. In *Yishu shichang (Art-Market)* 3, 86–87 (in Chinese).
2. Valiulina, S. I. 2000. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Moscow: State Historical Museum, 280–281 (in Russian).
3. Gorelik, M. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222. Moscow: "Nauka" Publ., 117 (in Russian).
4. Isakov, R. V., Afon'kov, N. N., Sheremet'ev, A. G., Arkhangel'skii, M. S. 2013. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 212–226 (in Russian).
5. Isakov, R. V., Afon'kov, N. N., Sheremet'ev, A. G., Arkhangel'skii, M. S. 2013. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov, 248–255 (in Russian).
6. Kafarov, P. I. (o. Palladii). 2008. In Romanenko, A. D. (comp.). *Kitai u russkikh pisatelei (China in Description of Russian Writers)*. Moscow: "Algoritm" Publ., 62–65 (in Russian).
7. Kramarovskii, M. G. 2000. In *Sokrovishcha Zolotoi Ordyy (The Treasures of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 132, 202 (in Russian).

8. Kramarovskii, M. G. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556 (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223–1556)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 43–48 (in Russian).
9. Liakhov, S. V. 1999. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia 3. Okhrana i issledovaniia v 1997 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1997)*. Saratov, 94–96 (in Russian).
10. *Min shi (Ming shi = History of the Ming Dynasty)*. Juan (chapter) 67: Vyezdy i nariady (Trips and Outfits) 3. Available at: <http://www.sidneyluo.net/a/a24/067.htm> (in Russian).
11. Mikhailov, G. I. 1963. In *Kratkie soobshcheniia Instituta narodov Azii Akademii nauk SSSR. Literaturovedenie, fol'kloristika i izuchenie pamiatnikov (Brief Communications of the Institute of Asian Peoples, Academy of Sciences of the USSR. Literature, Folklore and Sites Studies)* 63. Moscow: “Nauka” Publ., Main Redaction of Oriental Literature, 75–79 (in Russian).
12. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 253–255 (in Russian).
13. Pomerants, G. S. 1974. In *Istoriia i kul'tura Kitaia (History and Culture of China)*. Moscow, 362–385 (in Russian).
14. Popov, P. V. 2011. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of History and Archaeology of Medieval Nomads and Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhan University Publ. House, 119–132 (in Russian).
15. Rashid-al-Din. 1952. *Sbornik letopisei (Compendium of Chronicles)*. Vol. 1, book 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
16. Rykin, P. O. 2011. In *Sibirskii sbornik (Siberian Collected Papers)* 3. *Narody Evrazii v sostave dvukh imperii: Mongol'skoi i Rossiiskoi (Peoples of Eurasia under the Rule of Two Empires: Mongolian and Russian)*. Saint Petersburg, 196–217 (in Russian).
17. Sergatskov, I. V., Dvornichenko, V. V., Demkin, V. A. 2001. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Proceedings on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 13–63 (in Russian).
18. Soslovie (Estate). 1976. In *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)*. 24.1. Moscow: “Sovetskaia Entsiklopediia” Publ., 585 (in Russian).
19. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
20. Chen Zongyue. 1986. Long (Dragon). In *Zhongzheng ling xueshu lunwen ji (Dispassionate Mountains: Collected Papers)* (in Chinese).
21. Sheremet'ev, A. G. 2012. In *Rodnaia starina (National Past)* 2, 11–19 (in Russian).
22. Elita (Elite). 1978. In *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* 30. Moscow: “Sovetskaia Entsiklopediia” Publ., 141 (in Russian).
23. *Iuan' Shi (Yuan shi = History of the Yuan Dynasty)*. Juan (chapter) 78: Vyezdy i nariady (Trips and Outfits). 1. Available at: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/yuanshi/yuas_078.htm (in Russian).

24. *Iuan' Shi* (*Yuan shi = History of the Yuan Dynasty*). Juan (chapter) 39: Shun'-Di (Shundi), part 2. Available at: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/yuanshi/yuas_039.htm (in Russian).

25. Yurchenko, A. G. 2012. *Zolotaia Orda. Mezhd u Iasoi i Koranom. Nachalo konflikta* (*The Golden Horde between Yassa and Koran: the Beginning of Conflict*). Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).

26. Yurchenko, A. G. 2013. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei* (*The Elite of the Mongol Empire: the Time for Holidays, the Time for Executions*). Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

27. MacGregor, A. 1985. *Bone, Antler, Ivory & Horn: The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period*. GBR: Croom Helm.

About the Authors:

Isakov Rudolf V. Public organization "Eternal Sky". Byisk, Russian Federation; ewa42@yandex.ru

Afon'kov Nikolay N. Public organization "Eternal Sky". Saratov, Russian Federation; nikolavoron@mail.ru

Arkhangelsky Maxim S. Candidate of Geologo-Mineralogical Sciences, docent, Saratov State Technical University. Polytechnicheskaya St., 77, Saratov, 410054, Russian Federation; paleozoo@gmail.com

Pavlenko Yuri A. Candidate of Historical Sciences. Non-profit Independent Organization "Research Center for Preservation of Cultural Heritage". Glebucev ovrag St., 492, Saratov, 410003, Russian Federation; pavlenko127@mail.ru

Sheremet'ev Alexandr G. Saratov State University. Astrakhanskaya St., 83 Saratov, 410012 Saratov, Russian Federation; Non-profit Independent Organization "Research Center for Preservation of Cultural Heritage". Glebucev ovrag St., 492, Saratov, 410003, Russian Federation; alexandrsheremetev@yandex.ru

Археология и естественные науки

УДК 631.4

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЧВ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ НА ЮЖНОМ УЧАСТКЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

© 2014 г. В.В. Колода, Ю.Г. Чендев, Д.А. Борбукова, Д.И. Дудин

Статья посвящена почвенно-археологическим исследованиям городищ на юге лесостепи Среднерусской возвышенности, которые позволили выявить направленность и стадийность позднеголоценовой эволюции растительного покрова в пределах придолинных участков водоразделов. Исследовались городища двух типов: относящиеся к одной исторической эпохе (скифские, салтово-маяцкие) и многослойные. Палеоэкологические реконструкции осуществлялись на основании сравнительного анализа современных и разновозрастных почв, погребенных под оборонительными валами городищ. В скифское время придолинные участки водоразделов, на которых стали возникать городища, представляли собой поляны или переполынья на черноземных почвах, окруженные лесной растительностью. Во второй половине первого тысячелетия до н.э. леса полностью заняли водораздельные участки местности, вытеснив степи. Колебательный характер климатических изменений в позднем голоцене отражался на пространственно-временной динамике растительного покрова и почвенного плодородия. Увлажнение климата в начале субатлантического периода голоцена 2800–2500 л.н. способствовало продвижению лесов по склонам речных долин и балок на водоразделы. Последовавшая аридизация климата 2500–1700 л.н. остановила данный процесс. Новая стадия покрытия лесами водоразделов в обстановке увлажнения климата началась после 1700 л.н. Эпизоды аридизации климата и остепнение участков на территории и в окрестностях городищ в позднем голоцене способствовали увеличению плодородия почв. Наступление лесов, связанное с увлажнением климата, снижало почвенное плодородие и негативно отражалось на возможностях зернового хозяйства.

Ключевые слова: археология, Среднерусская возвышенность, Северский Донец, лесостепь, голоцен, скифский период, раннее средневековье, городища, почвенно-археологические исследования, реконструкция природной среды.

Введение. В восточноевропейской геoarхеологии широким признанием пользуется почвенно-археологический метод или метод почвенных хронорядов, который ис-

пользуют многие авторы (Александровский, Александровская, 2004; Дмитрук и др., 2008; Иванов, 1992; Чендев, 2008 и др.). Он заключается в сравнительном исследовании почв, сопряженных с земляными археологическими памятниками (курганами, валами, культурными слоями древ-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-04-01511-а, № 13-04-10121-к.

них поселений) и естественных почв природного окружения рядом с памятниками. Почвы взаимодействуют с растительностью и атмосферой, записывая информацию о биоклиматической обстановке, в которой происходит их развитие. При перекрытии искусственным наносом почва «выключается» из сферы активного почвообразования и долгое время (тысячелетия) сохраняет в своих свойствах ту комбинацию факторов среды, которая существовала до момента ее погребения. Поэтому сравнение ее признаков с признаками современной (фоновой) почвы, которая продолжала развиваться и изменяться до настоящего времени, дает возможность выявить направленность и скорость эволюционного развития почвы. Чем больше имеется разновозрастных земляных насыпей (и погребенных под ними почв), тем более детальную информацию об изменении во времени природной среды можно получить, сравнивая между собой компоненты почвенного хроноряда. Почвы, формирующиеся на поверхности земляных насыпей, характеризуют последние стадии почвообразования. Они также дают ценную информацию об эволюции природной среды и почв в конкретном исследуемом регионе.

Вот уже почти 15 лет продолжается плодотворное сотрудничество историков и почвоведов-географов российско-украинского приграничья – Харьковской и Белгородской областей, отразившееся в серии публикаций (Колода, Лисецкий, Чендев, 2004; Чендев, Колода, 2004; Колода, Чендев, 2010; 2011; Чендев, Колода, 2012 и др.).

За этот период в почвенно-археологических экспедициях на ряде памятников археологии были выпол-

нены палеопочвенные, палеоэкологические и палеогеографические реконструкции. Особенно плодотворным оказалось изучение природного окружения и почв городищ Харьковской области. Изученные нами городища условно можно разделить на два типа: городища с фортификациями одного времени создания (например, скифское городище у пос. Червоносого Нововодолажского района, городища салтово-маяцкой культуры у Верхнего Салтова и Волчанска, древнерусское Донецкое городище), а также городища с линиями обороны, созданными в разные исторические эпохи. Ко второй категории изученных памятников относятся городища Водяное, Мохначанское и Коробовы Хутора, первое из которых находится на р. Уды (правый приток Северского Донца), остальные – на самом С.Донце. Указанные памятники находятся в Змиевском районе Харьковской области, на юге лесостепной зоны – в 10–35 км севернее границы между лесостепью и степью (рис. 1: 1). Информационная значимость городищ второго типа для целей палеопочвенных, палеоэкологических и палеогеографических реконструкций оказалась более высокой по сравнению с городищами первого типа в связи с изучением на данных памятниках более детальных хронорядов почв, которые позволили выявить стадийность почвообразования и развития природной среды в позднем голоцене. Результаты исследования второй группы городищ легли в основу написания данной статьи.

Изученные городища характеризуются рядом черт сходства по природным условиям их местоположения, а также по периодам их функционирования.

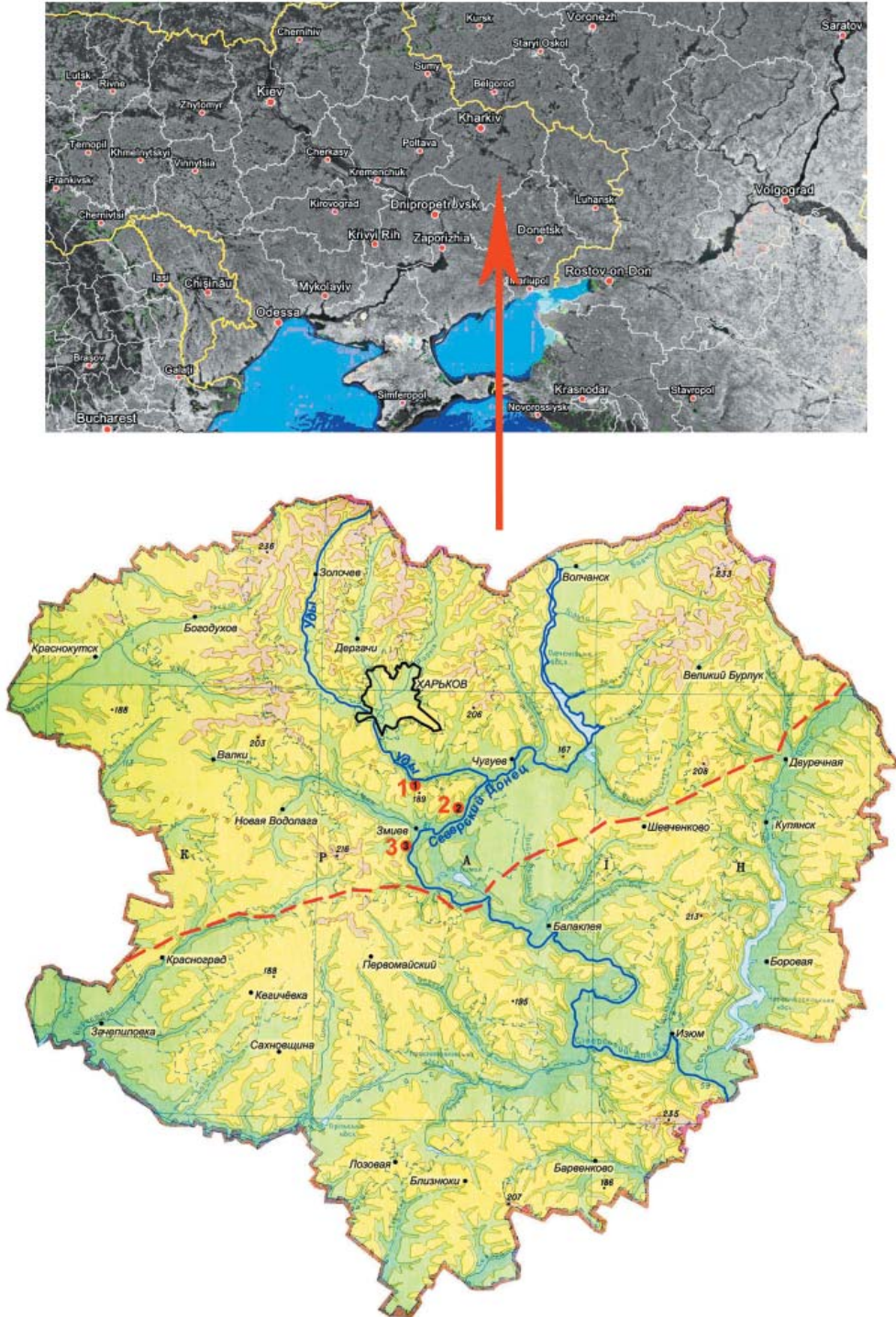

Рис. 1. Местоположение городищ со сложной историей военно-стратегического и хозяйственного освоения, на которых проводились комплексные почвенно-археологические исследования. Пунктиром показана граница между степью и лесостепью (1 – Водяное, 2 – Мохнач, 3 – Коробовы Хутора)

Сходство природных условий отразилось в стратиграфии геологических пород, положении в рельефе, строении почвенного покрова, характере растительности. В геологическом отношении на высоких платообразных водораздельных участках, контактирующих с крутобережными частями речных долин, почвообразующими породами являются лессовидные суглинки четвертичного периода, которые залегают на древнеаллювиальных песках неогена (Генезис, 1988). На склонах, прилегающих к городищам, суглинки выклиниваются и на поверхность выходят древнеаллювиальные пески, являющиеся здесь почвообразующими породами. В рельефе все городища занимают мысовые выступы рельефа, бортами которых служат крутые склоны речных долин и примыкающие к ним склоны балок. Современными почвами на всех изученных участках являются серые лесные почвы лесостепи. На поверхности городищ в настоящее время произрастают дубово-широколиственные леса.

Главные периоды функционирования городищ относятся к раннему железному веку (лесостепная культура скифского времени – вторая половина/конец V – IV вв. до н.э.) и к раннему средневековью: салтово-маяцкая и роменская культуры (в рассматриваемом регионе первая из них датируется второй половиной VIII – IX вв. н.э., культурные отложения роменцев (летописных северян) на указанных выше памятниках относятся к X – первой половине XI вв. н.э.). Именно в указанные периоды на городищах сооружались оборонительные фортификации в виде валов и рвов, причем под валами в хорошем состоянии со-

хранились погребенные почвы, по которым авторами статьи выполнялись реконструкции этапов почвообразования и развития природной среды.

Специфической чертой изученных городищ было своеобразие почвенно-литологических условий формирования почвенных хронорядов – в связи с приуроченностью почв на разных городищах к породам разного литологического состава. Также выявляются отличия по архитектурному облику городищ. Например, для городища Водяное характерна внешняя, наиболее древняя линия укреплений скифского времени, и внутренняя, созданная в раннем средневековье представителями роменской культуры (Гречко, Свистун, 2004, с. 112–114; Колода, 2004, с. 171); на городище Коробовы Хутора в скифское время существовали внутренняя и внешняя линии укреплений в виде валов и рвов, которые в раннем средневековье были преобразованы в более мощные оборонительные укрепления населением салтово-маяцкой культуры (Колода, Чендев, 2010-2011; Чендев, Колода, 2012); на Мохначанском городище по периметру всего мыса, на котором оно располагается, в скифский период существовала единая система оборонительных укреплений, а в салтово-маяцкий период она достраивалась и модифицировалась как по периметру, так и внутри (Колода, 2007).

Общее представление о положении в рельефе изученных городищ, характере геологических пород, растительности, местах изучения погребенных почв дают их схематические профили на рис. 2.

Результаты и их обсуждение. Ниже приводятся результаты, вытекающие из полевого исследования почв

городищ и далее, в качестве примера, рассмотрены некоторые результаты лабораторных анализов почв на одном из них (Водяное), дополняющие результаты полевых исследований.

Безусловно, самым информативным является полевой период исследования, в который производится описание почвенных профилей, выявляются их генезис и многообразные связи с компонентами географической среды: породами, рельефом, растительным покровом, климатом.

Основной материал для палеоэкологических и палеогеографических реконструкций дает сравнительный анализ визуально определяемых в полевых условиях свойств разновозрастных погребенных почв между собой, а также погребенных почв с современными аналогами, продолжающими свое формирование поблизости от оборонительных валов – в сходных с погребенными почвами позициях рельефа и на сходных почвообразующих породах.

Важным результатом полевого исследования почв на трех изученных городищах явилось обнаружение под валами скифского периода (V–IV вв. до н.э.) на водоразделах, в непосредственной близости от крутых склонов речных долин и балок, темноокрашенных погребенных черноземов, прошедших длительную стадию степного почвообразования. Фоновыми (современными) аналогами скифских палеочерноземов во всех случаях являются серые лесные почвы, свидетельствующие о длительном (на протяжении как минимум последних 1500 лет) почвообразовании под лесом. Примеры профилей некоторых изученных нами хронорядов почв, представлены на рис. 3 и 4.

На городищах Мохначанское и Коробовы Хутора на более низких уровнях рельефа, где почвообразующими породами являются пески, под оборонительными валами скифского времени нами также изучались погребенные почвы (рис. 2). Их свойства и система почвенных горизонтов (на Мохначанском городище – A1-A1A2-A2B-BC; на Коробовых Хуторах – A1-A2-B-BC) позволяют с полной уверенностью отнести данные почвы к серым лесным, формирование которых происходило под лесом на протяжении, по крайней мере, нескольких столетий до появления скифских городищ.

Таким образом, реконструированный по палеопочвенным данным растительный покров на территории указанных городищ к моменту появления населения лесостепной культуры скифского времени (2450–2400 л.н. на Коробовых Хуторах и около 2300 л.н. на Мохначанском городище) был неоднородным. Лесная растительность тяготела к более влажным и прохладным местообитаниям – средним и нижним частям склонов балок и долины Северского Донца, – там, где почвообразующими породами были пески. На вершинах и верхних частях склонов придолинных участков водоразделов, имевших облик полей, в это время еще существовали черноземы, формировавшиеся на суглинках под лугово-разнотравной растительностью.

Согласно существующим представлениям, в бронзовом веке климатические условия на территории восточноевропейских степей и лесостепей были более засушливыми по сравнению с условиями раннего железного века и современного периода (Александровский, 1988, с. 87;

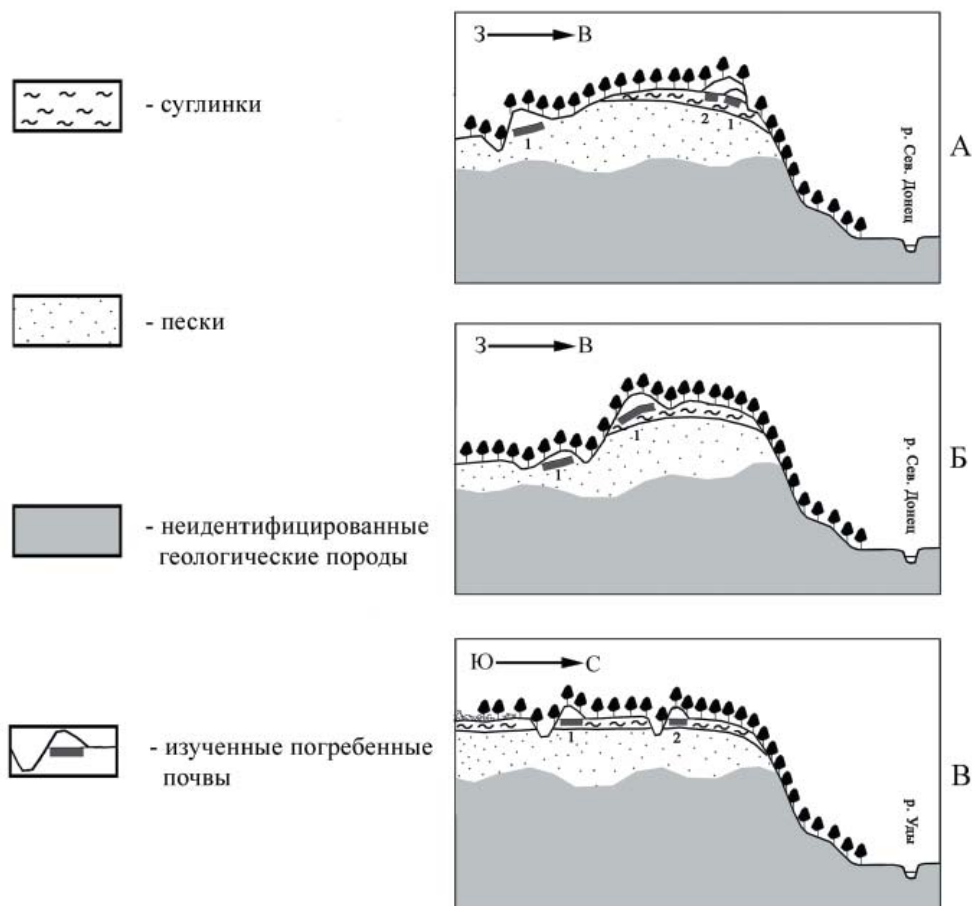

Рис. 2. Схематичные профили рельефа с указанием геологических пород, характера растительного покрова, оборонительных валов и погребенных под ними почв на изученных городищах: А – Мохнач; Б – Коробовы Хутора; В – Водяное. Временная принадлежность изученных погребенных почв: 1 – почвы раннего железного века (скифское время); 2 – почвы раннего средневековья (периоды роменской и салтовомаяцкой культур). Примечание: на Мохначанском городище лесная растительность в современный период сохранилась только в нагорной части долины Северского Донца. Сведение лесов на водоразделе относится к новейшему времени.

На схеме «А» изображен растительный покров до начала интенсивного освоения территории (по состоянию на конец XVIII века)

Геннадиев, 1991, с. 136; Иванов и др., 1986, с.186). Согласно палеопочвенным (Чендев, Александровский, 2002, с. 391), а также палинологическим (Климанов, Серебрянная, 1986, с. 35–36) реконструкциям, лесная растительность в это время концентрировалась в наиболее влажных местобитаниях – речных поймах, первых

надпойменных террасах рек, днищах балок. Водоразделы южной лесостепи в это время представляли собой открытые степные пространства. Таким образом, есть основание предполагать, что в бронзовом веке на территории изученных городищ господствующим типом растительности были степи, а леса, если существовали, то были

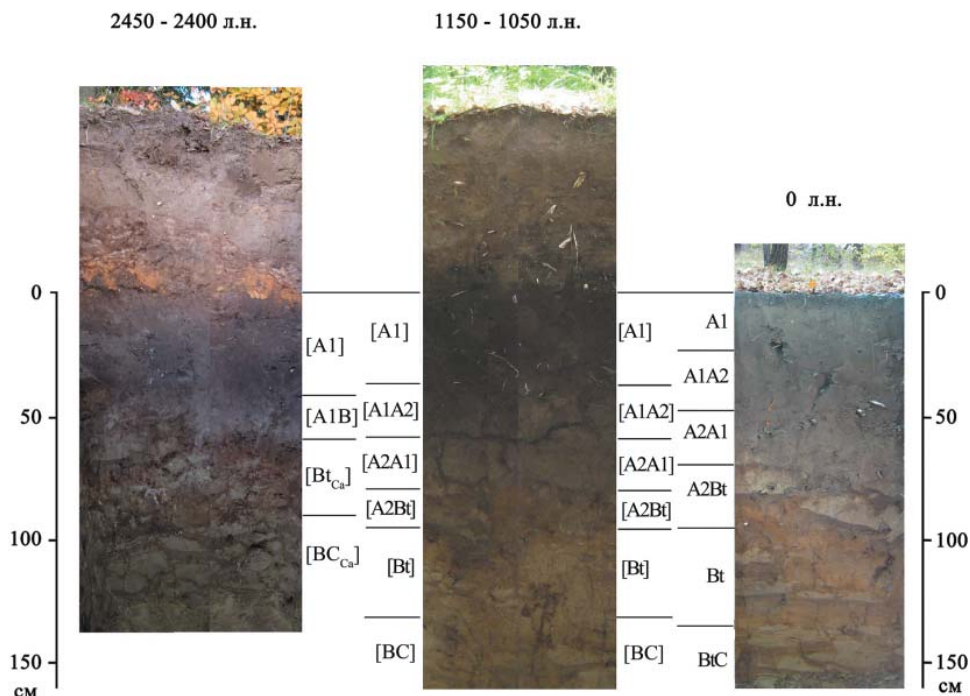

Рис. 3. Профили почвенного хроноряда на городище Водяное: слева – чернозем под скифским оборонительным валом; в центре – темно-серая лесная почва под оборонительным валом раннего средневековья (роменская культура); справа – фоновая серая лесная почва. Индексами показаны генетические горизонты почв

приурочены к самым низким элементам рельефа – поймам рек и днищам, – сопряженным с городищами балок.

Последовавшее в раннем железном веке увлажнение климата отразилось на возрастании лесистости территории: леса стали разрастаться из своих древних очагов, занимая склоны речных долин и балок, приближаясь к водоразделам. На этой стадии (когда на приводораздельных участках речных долин еще существовали окруженные лесом остепненные участки в виде различных по форме и площади полян), согласно нашим реконструкциям, в изучаемом регионе стали возникать скифские городища.

Рост увлажнения климата, происходивший после 2800 л.н., привел к сокращению количества пойменных

поселений в соседних с Харьковской областью регионах – Верхнем Подонье и Курском Посеймье вследствие усиления паводкового режима рек (Морозова, 2001, с. 65; Сычева и др., 1998, с. 19). Однако авторы отмечают новую волну возникновения пойменных поселений во второй половине 1-го тысячелетия до н.э. (Бессуднов и др., 1992, с. 90–93). Указанные изменения гидрологического режима рек, по-видимому, логично связывать с изменениями климата. Не случайно, согласно результатам палинологического исследования торфяников, в рассматриваемое время на территории Центральной лесостепи Восточной Европы произошло значительное сокращение площадей лесов и началось остепнение долино-реч-

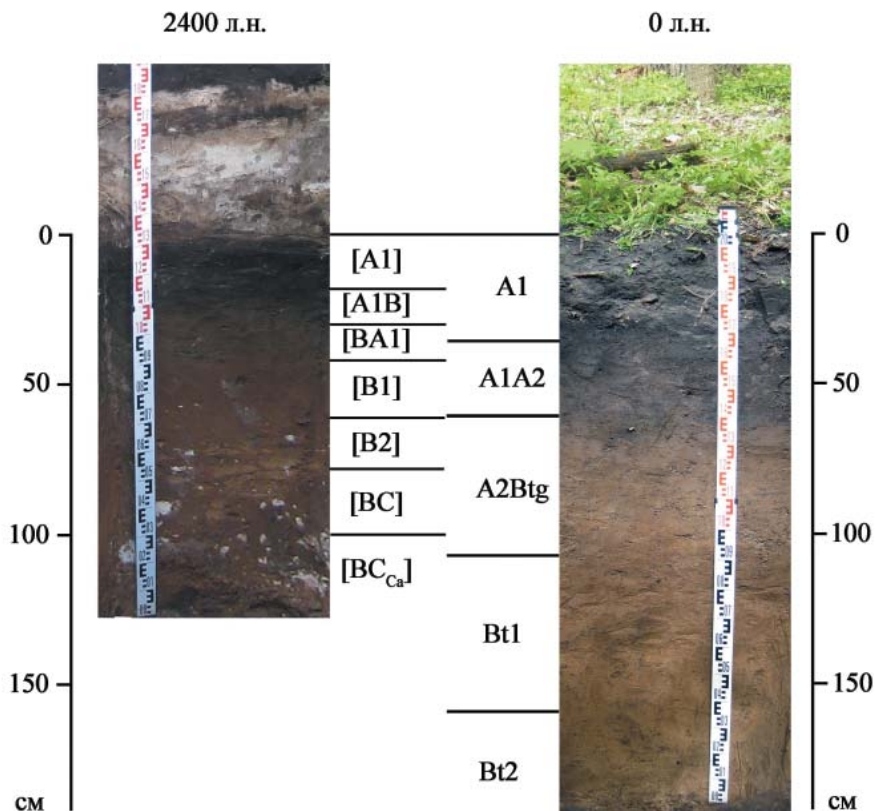

Рис. 4. Профили почвенного хроноряда на городище Коробовы Хутора: слева – чернозем под скифским оборонительным валом; справа – фоновая темно-серая лесная почва. Индексами показаны генетические горизонты почв

ных ландшафтов (Серебряная, Ильвес, 1973, с. 100–101). По мнению А.П. Медведева (1998, с. 8), в связи с аридизацией климата конца I тыс. до н.э., в глубь лесостепной зоны проникают кочевые племена сарматов.

На указанную «волнообразную» динамику климата в I тыс. до н.э. некоторый свет проливает исследование палеочернозема, погребенного под валом скифского времени на городище Водяное.

В рельефе изученный палеочернозем приурочен к контакту ровного водораздела и склона глубокой балки на восточном краю городища (рис. 5).

Почва, погребенная под валом скифского времени, идентифицирована как чернозем, типичный по серой лесной почве. Это означает, что в момент создания вала скифского времени территория городища представляла собой остепненный участок, под лугово-разнотравной растительностью которого происходило формирование черноземов. Однако в более раннее время территория городища была покрыта широколиственным лесом, под пологом которого происходило формирование серой лесной почвы. К признакам последней в профиле изученной нами погребенной

Рис. 5. План городища Водяное

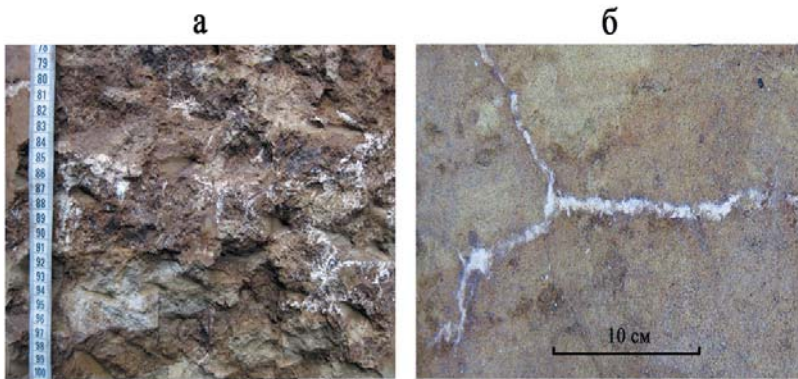
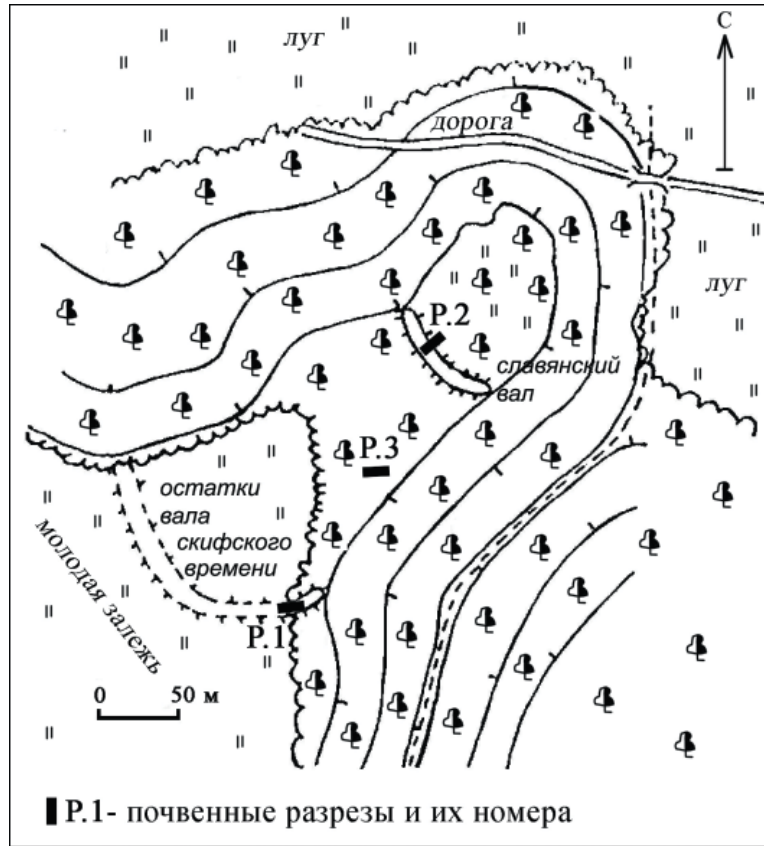

Рис. 6. Две генерации кутан в профиле почвы, погребенной под валом скифского времени на городище Водяное: темно-бурые кутаны вымывания лесной стадии почвообразования и белесые карбонатные кутаны степной стадии почвообразования (а). Трещинная сеть на горизонтальной зачистке в нижней части почвенного профиля (б); стенки трещин покрыты темно-бурыми кутанами вымывания, а межтрещинное заполнение — белесыми карбонатными кутанами. Карбонатные кутаны вторичны по отношению к кутанам вымывания

Рис. 7. Наиболее древний морфогенетический признак, выявленный в профиле почвы, погребенной под валом скифского времени на городище Водяное – палеослепышины, материал заполнения которых пересекается позднее образованными темно-бурыми кутанами вмывания и карбонатными кутанами. Палеослепышины – признак степного почвообразования на территории городища в бронзовом веке

почвы относятся так называемые кутаны иллювирувания (кутаны вмывания), представляющие собой на теки-корочки темно-бурого цвета на поверхности почвенных агрегатов, состоящие из органо-минеральных соединений, содержащих железо. Эти кутаны, а также ореховатая структура горизонта вмывания Wt изученной нами погребенной почвы являются безусловными признаками лесного почвообразования – результатом нисходящего перемещения веществ в обстановке относительно влажного и прохладного микроклимата под пологом леса. На признаки лесной почвы оказались наложенными признаки черноземообразования, наиболее яркими из которых являются достаточно мощный (57 см) гумусовый профиль черноземного облика (сумма гумусового [A1] и переходного [A1B]

горизонтов), а также наличие на поверхности темно-бурых органо-минеральных кутан вторичных признаков – белесых корочек, состоящих из карбонатов (рис. 6 а, б). Этот новообразованный признак генетически противоположен природе образования кутан вмывания – формирование карбонатных корочек происходило по трещинной сети (рис. 6 б) снизу вверх – посредством почвенных растворов, подтягивавшихся к поверхности, и при испарении формировавших налет карбонатов на поверхности трещин и почвенных агрегатов. Таким образом, образование двух генераций кутан, наложенных друг на друга (карбонатных кутан на кутаны вмывания) было вызвано сменой почвенных климатических режимов (с прохладного влажного на теплый сухой) и производной от этого сменой направления миграции почвенных растворов с нисходящего (формировавшего темно-бурые кутаны вмывания) на восходящее (формировавшего карбонатные кутаны). Это могло произойти только в случае изменения типа растительности – с лесного на лугово-степной.

В нижней части профиля почвы, погребенной под валом скифского времени, нами были обнаружены признаки еще более ранней стадии почвообразования, предшествовавшей рассмотренной нами лесной стадии. Этими признаками являются древние ходы слепышей, заполненные почвенным материалом, по цвету и тону отличным от окружающей почвенной массы (рис. 7). Обнаруженные палеослепышины оказались древнее темно-бурых кутан вмывания, т.к. последние покрывают стенки палеослепышин и

местами по трещинам встречаются в их почвенном заполнении (рис. 7).

Как известно, слепыши обитают исключительно в степных обстановках. Следовательно, лесной стадии почвообразования предшествовала степная.

Закономерным является вопрос – какова была причина установленных смен растительного покрова – степной растительности на лесную, а затем опять на степную? Не менее важен вопрос о длительности установленных стадий существования на городище разных типов растительности.

Можно предположить антропогенную причину указанных смен, т.е. периодическое возрастание антропогенной нагрузки на ландшафты, связанное с вырубкой лесов. Вместе с тем нам кажется нелогичным длительное использование под сенокос или выгон участка, освобожденного от леса в раннем железном веке (так долго, чтобы в почвенных профилях были образованы признаки степного почвообразования) с последующим возведением на этом участке земляных оборонительных сооружений. Тем более что в глубине изучаемого водораздела в рассматриваемое время на больших площадях могли существовать целинные луговые степи.

Более правдоподобным выглядит предположение о естественной динамике типов растительного покрова и почвообразования – в засушливые периоды степная растительность надвигалась на лесную, а во влажные периоды – леса надвигались на степи. Согласно результатам ранее проведенных исследований, данная динамика была весьма характерной чертой позднеголоценового формирования

растительности и почв в лесостепи Белгородской (Чендев, 2008, с. 123) и Воронежской (Александровский и др., 2011, с. 91) областей.

Итак, согласно нашему предположению, в бронзовом веке (ранее 2800 л.н.) территория городища Водяное была покрыта степной растительностью, а лес мог произрастать в нижних частях крутых склонов балки и долины р. Уды к востоку и к северу от городища. Палеослепышины в профиле почвы, погребенной под валом скифского времени (рис. 7), по нашему мнению, были образованы в указанное время.

Увлажнение климата в начале раннего железного века (2800–2500 л.н.) способствовало выходу леса на водораздельный участок, что нашло отражение в деградации под лесом ранее сформированного чернозема – в направлении образования серой лесной почвы. В лесную стадию почвообразования, как уже было сказано выше, в профиле деградирующего чернозема формировались бурые кутаны вмывания и ореховатая структура горизонта Вt серой лесной почвы.

Еще позднее климат снова стал относительно засушливым, и лес переместился в более влажные местообитания – на крутые склоны речной долины и балки. Начало рассматриваемой аридизации климата можно соотнести с временем 2500 л.н. Кульминация этой относительно засушливой эпохи под названием скифо-сарматского аридного эпизода имела место 2300–1800 л.н. (Александровский и др., 2011, с. 87), что, в частности, отразилось на изменении этнокультурного ландшафта лесостепи, а именно, в возрастании «... элементов номадизма

в лесостепном Подонье даже по сравнению с предшествующим скифским периодом» (Медведев, 1998, с. 8).

Согласно представленной выше реконструкции, признаки черноземообразования, выявленные в профиле почвы, погребенной под валом скифского времени на городище Водяное, в виде достаточно мощного гумусового горизонта и карбонатных корочек-кутан могли быть образованы в интервале времени 2500–2450 (2400) л.н. Последние даты соответствуют времени погребения почвы под валом скифского времени (рис. 3, левая колонка: пропеченный слой ядра вала).

Более поздние свидетельства почвообразования на изученных городищах относятся к периоду появления представителей роменской и салтово-маяцкой культур (VIII–X вв. н.э.). Погребенные под валами этого периода почвы уже отражают достаточно длительную стадию лесного почвообразования даже на водоразделах. Так, на суглинистом приводораздельном участке Мохначанского городища выщелоченный чернозем скифской эпохи, формировавшийся около 2300 л.н., эволюционировал в чернозем оподзоленный с глубоким залеганием карбонатов. Профиль последнего изучался под каменной кладкой крепостной стены, возведенной населением салтово-маяцкой культуры около 1250 л.н. На городище Водяное, под валом роменской культуры (время сооружения оценивается в 1150–1050 л.н.), была изучена темно-серая лесная почва, тогда как ее скифским аналогом (2450–2400 л.н.) являлся чернозем, формировавшийся под лугово-степной растительностью.

Время сооружения раннесредневекового вала в достаточной степени

подтверждается и археологически. В 2002 г. под валом выявлена керамика, которая по форме, составу теста и орнаментации относится к роменской культуре (Колода, 2002, с. 11–12, табл. XXVII: 2, 3) – рис. 8: 3, 4. Это свидетельствует в пользу того, что северяне-роменцы изначально проживали на открытом поселении (возможно, под защитой фортификации скифского времени?) и лишь спустя какое-то время соорудили вал поверх своего же культурного слоя. Этот вывод подкреплен и последними почвенными разрезами: в насыпи вала обнаружено немало лепной роменской керамики, среди которой можно выделить остатки двух горшков (рис. 8: 1, 2) и двух сковородок с низкими бортиками (рис. 8: 5, 6).

Итак, согласно палеопочвенным данным, в конце I тысячелетия н.э. лесная растительность уже достаточно длительное время произрастала на всей территории изученных городищ.

Лесной период формирования почв и ландшафтов на городищах продолжался во II тыс. н.э., о чем свидетельствуют свойства современных почв, распространенных на городищах. Они относятся к типу серых лесных с признаками, отражающими более продвинутую стадию лесного почвообразования по сравнению с почвами периода салтово-маяцкой и роменской культур. Пример почвенно-эволюционного ряда, отражающий преобразование черноземов скифской эпохи в лесные почвы современного периода (по изменению во времени генетических горизонтов, глубин залегания карбонатов и гранулометрического состава почв), представлен на рис. 9.

Полевым исследованием не исчерпывается информация, которую

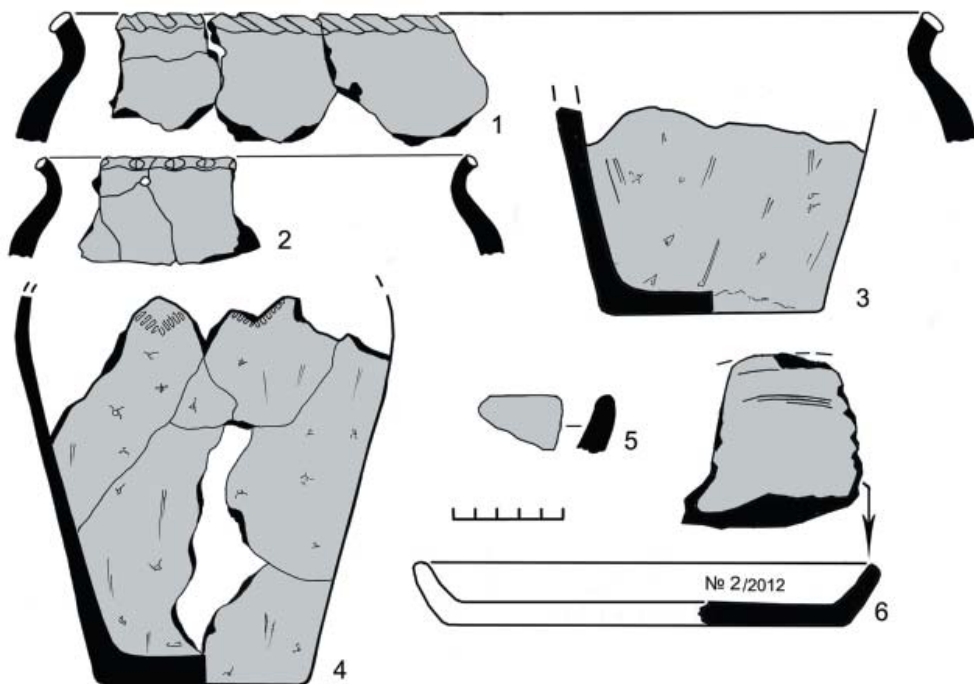

Рис. 8. Керамика, выявленная при исследовании средневекового вала на городище Водяное

можно получить, изучая почвенные хроноряды. Данные лабораторных анализов почв во многом дополняют результаты полевых исследований. В качестве примера кратко остановимся на сравнительном анализе некоторых свойств почв хроноряда на городище Водяное (рис. 10).

Анализ гранулометрического состава почв исследуемого хроноряда позволил выявить, что наименьшая дифференциация профиля по илу наблюдается в наиболее древней почве скифского времени (коэффициент дифференциации по илу как отношение его содержания в горизонте вымывания (гор. Вt) к содержанию в гумусовом горизонте (гор. А1) равен 1,7). Это свидетельствует о слабом проникновении процессов выноса тонких фракций из верхних горизонтов в нижние. Увеличение степени диф-

ференциации профиля наблюдается в почве периода роменской культуры (коэффициент дифференциации по илу равен 2,1). Эта почва уже длительное время находилась под лесной растительностью, что и обеспечило более высокую дифференциацию профиля почвы по содержанию ила. Наибольшая степень дифференциации профиля выявлена в фоновой почве (коэффициент дифференциации по илу равен 3,0), т.к. она длительное время (на протяжении большей части первого и во втором тысячелетиях н.э.) формировалась под лесом. На рис. 10 показана стадийность перераспределения ила в профилях исследованных почв. Так, на начальных стадиях лесного почвообразования (период между ранним железным веком и ранним средневековьем) максимальный вынос ила происходил в интервале глубин 40–80 см,

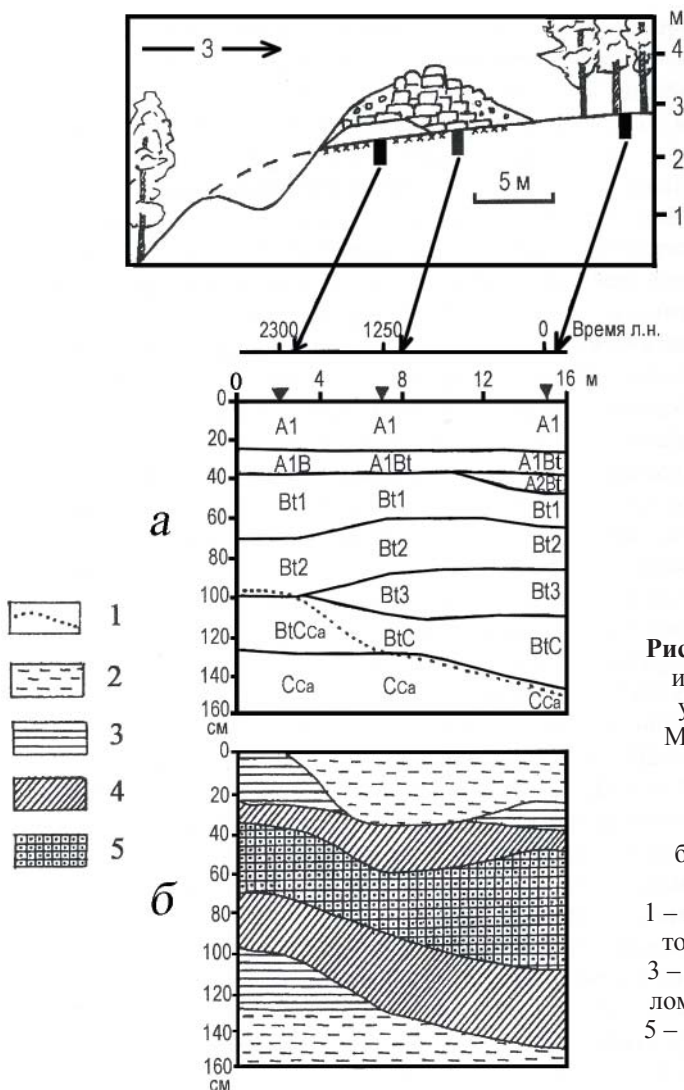

Рис. 9. Почвенный хроноряд, изученный на восточном участке линии обороны Мохначанского городища. Условные знаки: а – генетические горизонты почв; б – гранулометрический состав почв; 1 – верхний уровень карбонатов; 2 – суглинок средний; 3 – суглинок средний к тяжелому; 4 – суглинок тяжелый; 5 – суглинок тяжелый к глине

тогда как в более позднее время (между ранним средневековьем и современностью) слой выноса ила переместился выше (на уровень 0–40 см).

По значениям кислотности обнаруживается заметное подкисление профилей почв позднего средневековья и современного периода по сравнению с почвой скифского времени (рис. 10). Это говорит о различиях в характере растительного покрова сравниваемых периодов: лесная растительность, произраставшая на городище

в первом и втором тысячелетиях н.э., формировала более влажный микроклимат и более кислый опад листьев и трав по сравнению с растительностью лугово-степных ландшафтов периода, предшествовавшего погрребению почвы в скифское время.

Низкий процент гумуса и его неравномерное распределение по профилю исследованных почв (рис. 10) могут быть связаны с их достаточно легким гранулометрическим составом (в верхней части – сильно опесча-

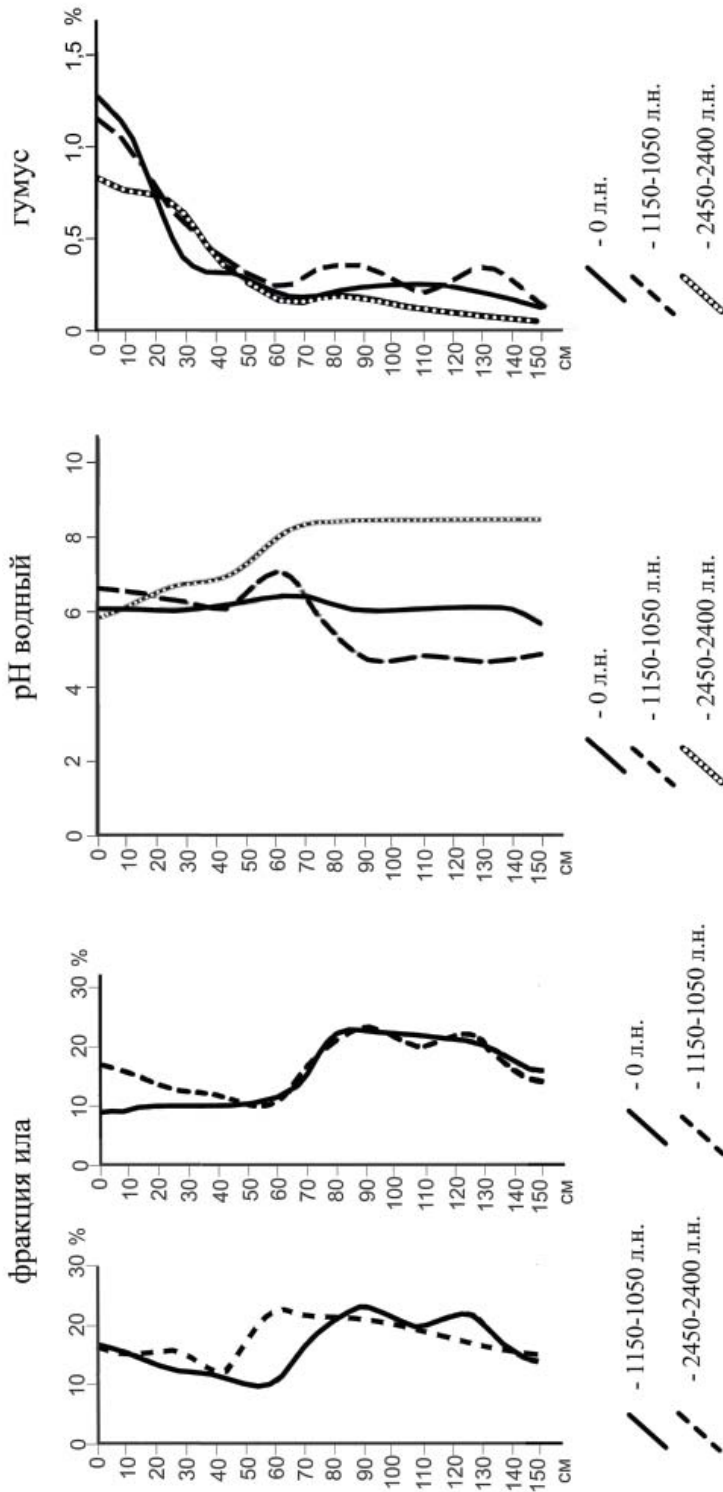

Рис. 10. Распределение содержания илистой фракции, актуальной кислотности (рН водный) и содержания гумуса в профилях почвенного хроноряда на городище Водяное

ненные суглинки, а в нижней части – иловатые супеси). Какая-то часть гумуса в погребенных почвах минерализовалась за счет микробной деятельности, продолжавшейся в период пребывания почв в погребенном состоянии. Поэтому содержание гумуса в самых верхних почвенных слоях в скифский период и в период роменской культуры могло быть более высоким, чем в почвах современного периода. Значит и потенциальное плодородие почв в эти периоды, вероятно, было выше, чем в наши дни. Содержание гумуса в почвах позднего средневековья и современного периода глубже 60–80 см превышает показатель скифского времени. Это свидетельствует о большей миграционной подвижности гумуса в лесной среде: гумус вымывался сверху и осаждался в форме органо-минеральных соединений (в том числе кутан вымывания) в горизонте В. Таким образом, эволюция почв на городище Водяное от черноземов бронзового и раннего железного веков к серым лесным почвам раннего средневековья (современного периода) сопровождалась ухудшением их гумусового статуса и снижением естественного плодородия.

Выводы. Городища лесостепи Среднерусской возвышенности являются перспективными объектами для проведения палеоэкологических и палеогеографических реконструкций с использованием разновозрастных почв как индикаторов изменения во

времени биоклиматических обстановок.

На юге лесостепи Среднерусской возвышенности в скифское время придолинные участки водоразделов, на которых стали возникать городища, представляли собой поляны или переполанья, окруженные лесной растительностью. Процесс продвижения лесов на степи в нагорных частях долин крупных рек как результат позднеголоценового увлажнения климата завершился только в первом тысячелетии н.э. – леса полностью заняли водораздельные участки местности, вытеснив степи.

Позднеголоценовый тренд продвижения лесов на степи в обстановке похолодания и увлажнения климата осложнялся эпизодами климатических аридизаций и наступлением степей на леса. В один из них (в интервале времени 2500–2450 (2400) л.н.) на водораздельном участке городища Водяное произошла смена сравнительно недавно поселившегося леса лугово-степным биоценозом. В дальнейшем (в начале второго тысячелетия н.э.) лес уже надолго занял всю территорию городища.

Процесс естественного зарастания лесами долинно-речных ландшафтов лесостепи в позднем голоцене сопровождался ростом природно-ресурсного потенциала за счет накопления растительной массы (главным образом, древесины), однако плодородие почв, оказавшихся под лесами, снижалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский А.Л. Эволюция почв Восточной Европы на границе между лесом и степью // Естественная и антропогенная эволюция почв. – Пушино: АН СССР, Научный центр биологических исследований, Институт почвоведения и фотосинтеза, 1988. – С. 82–94.

2. Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. – М.: Наука, 2005. – 223 с.
3. Александровский А.Л., Чендев Ю.Г., Трубицын М.А. Палеопочвенные индикаторы изменчивости экологических условий Центральной лесостепи в позднем голоцене // Изв. РАН. Серия географическая. – 2011. – № 6. – С. 87–99.
4. Бессуднов А.Н., Бирюков И.Е., Козмирчук И.А. Некоторые итоги сплошного археологического обследования Липецкого Придонья // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1992. – С. 90–93.
5. Гречко Д.С., Свистун Г.С. Захисні споруди біля с. Водяне на Харківщині // АБУ 2002–2003 рр. – Вип. 6. – Київ: ІА НАН України, 2004. – С. 112–114.
6. Лактионов Н.И., Тихоненко Д.Г., Горин Н.А. и др. Генезис, эволюция и типология почвообразующих пород северо-востока Украины. – Харьков: Харьк. с.-х. ин-т им. В.В. Докучаева, 1988. – 70 с.
7. Геннадиев А.Н. Почвы и время: модели развития. – М. Изд-во МГУ, 1990. – 229 с.
8. Дмитрук Ю.М., Матвійшина Ж.М., Слюсарчук І.І. Грунти Траянових валів: еволюційний та еколого-генетичний аналіз. – Чернівці: Рута, 2008. – 228 с.
9. Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. – М.: Наука, 1992. – 143 с.
10. Иванов И.В., Губин С.В., Скрипниченко И.И. и др. Развитие черноземов юга Русской равнины в голоцене // Возраст и эволюция почв СССР. – Пушкино: Научный центр биологических исследований, Институт почвоведения и фотосинтеза, 1986. – С. 173–192.
11. Климанов В.А., Серебрянная Т.А. Изменения растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене // Изв. АН СССР. Серия географическая. – 1986. – № 1. – С. 26–37.
12. Колода В.В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой археологической экспедиции Харьковского госпедуниверситета в 2002 г. // Архив Института археологии НАНУ. – Д. 2002/38. – Ф.е. 27331.
13. Колода В.В. Ещё один сезон работ на городище у с. Водяное на Харьковщине // АБУ 2002–2003 рр. – Вип. 6. – Київ: ІА НАН України, 2004. – С. 169–171.
14. Колода В.В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 9–15.
15. Колода В.В., Лисецкий Ф.Н., Чендев Ю.Г. Почвы археологических памятников лесостепной зоны и реконструкция по ним изменений природной среды и почвообразования // АБУ 2002–2003 рр. – Вип. 6. – Київ: ІА НАН України, 2004. – С. 163–167.
16. Колода В.В., Чендев Ю.Г. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) // Хазарский альманах. – Т. 9. – Київ; Харків: Інститут сходознавства НАНУ, 2010–2011. – С. 107–130.
17. Медведев А.П. Верхнее Подонье в 1-ой половине I тыс. н. э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – С. 4–18.

18. *Морозова Т.В.* Распространение памятников городецкой культуры на Верхнем Дону (материалы к археологической карте) // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 2. – Липецк: Успех-Инфо, 2001. – С. 62–70.

19. *Серебрянная Т.А., Ильвес Э.О.* Последний лесной этап в развитии растительности Среднерусской возвышенности // Изв. АН СССР. Серия географическая. – 1973. – № 2. – С. 95–102.

20. *Сычева С.А., Чичагова О.А., Дайнеко Е.К. и др.* Этапы развития эрозии на Среднерусской возвышенности в голоцене // Геоморфология. – 1998. – № 3. – С. 12–21.

21. *Чендев Ю.Г.* Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. – М.: ГЕОС, 2008. – 212 с.

22. *Чендев Ю.Г., Александровский А.Л.* Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. – 2002. – № 4. – С. 389–398.

23. *Чендев Ю.Г., Колода В.В.* Архитектура земляных валов городища Мохнач с точки зрения палеогеографии и почвенной геохимии // АБУ 2002–2003 гг. – Вып. 6. – Київ: ІА НАН України, 2004. – С. 337–349.

24. *Чендев Ю.Г., Колода В.В.* Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской обл. (проблемы комплексного изучения) // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 112–121.

Информация об авторах:

Колода Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина); koloda_v@mail.ru, koloda_v@rambler.ru

Чендев Юрий Георгиевич, доктор географических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ») (г. Белгород, Россия); sciences@mail.ru, Chendev@bsu.edu.ru

Борбукова Дарья Алмазовна, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ») (г. Белгород, Россия)

Дудин Дмитрий Игоревич, студент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ») (г. Белгород, Россия)

EVOLUTION OF SOILS AND NATURAL ENVIRONMENT IN THE SOUTH AREA OF THE EAST EUROPEAN FOREST-STEPPE (ON EXAMPLE INVESTIGATION OF THE HILL-FORTS LOCATED IN KHARKOV OBLAST)

V.V. Koloda, Yu.G. Chendev, D.A. Borbukova, D.I. Dudin

The article is dedicated to soil and archaeological investigations of hill forts located in the southern part of the Central Russian Upland forest-steppes, which made it possible to identify directions and stages of the Late Holocene evolution of plant cover within river valley parts of watersheds. Two types of hill forts were studied: those referring to the same historical epoch (Scythian and Saltov-Mayatsk ones) and those having many layers. Paleoecological reconstructions have been carried out on the basis of comparative analysis of modern and ancient soils, buried under the defensive ramparts of the hill forts. In Scythian time, the watersheds adjacent to river valleys were open grasslands surrounded by forest vegetation. In the second half of the 1st millennium BC, these watershed lands were fully occupied by forests, which had displaced the steppe. The oscillatory nature of climate change in the Late

Holocene influenced the spatial-temporal dynamics of vegetation and soil fertility. At the beginning of the Holocene Sub-Atlantic period 2800–2500 years ago, climate moistening favoured the expansion of woods along the slopes of river valleys and gorges to watersheds. Subsequent climate aridization (2500–1700 years ago) stopped this process. A new stage of watershed covering with forests started no earlier than 1700 years ago – after new climate moistening. Episodes of climate aridization and steppe areas expansion in the Late Holocene favoured soil fertility growth in the territory of hill forts and around them. The expansion of woods related to climate moistening decreased soil fertility and negatively influenced grain farming capabilities.

Keywords: Central Russian Upland, the Seversky Donets River, forest-steppe, the Holocene, the Scythian period, the early Middle Ages, hill forts, soil and archaeological investigations, natural environment reconstruction.

REFERENCES

1. Aleksandrovskii, A. L. 1988. In *Estestvennaia i antropogennaia evoliutsiia pochv (Natural and Anthropogenic Evolution of Soils)*. Pushchino: Academy of Sciences of the USSR, Scientific Center for Biological Studies, Institute of Soil and Photosynthesis Studies, 82–94 (in Russian).
2. Aleksandrovskii, A. L., Aleksandrovskaya, E. I. 2005. *Evoliutsiia pochv i geograficheskaya sreda (Soil Evolution and Geographical Environment)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Aleksandrovskii, A. L., Chendev, Yu. G., Trubitsyn, M. A. 2011. In *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya geograficheskaya (Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography Series)* 6, 87–99 (in Russian).
4. Bessudnov, A. N., Biriukov, I. E., Kozmirchuk, I. A. 1992. In *Teoriia i metodika issledovaniia arkhologicheskikh pamiatnikov lesostepnoi zony (Theory and Methodology of Studying of Archaeological Sites in the Forest-steppe Zone)*. Lipetsk, 90–93 (in Russian).
5. Hrechko, D. S., Svystun, H. Ye. 2004. In *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 2002–2003 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2002–2003)* 6. Kiev: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences, 112–114 (in Ukrainian).
6. Laktionov, N. I., Tikhonenko, D. G., Gorin, N. A. et al. 1988. *Genezis, evoliutsiia i tipologiiia pochvoobrazuiushchikh porod severo-vostoka Ukrainy (Genesis, Evolution and Typology of Pedogenic Rocks in North-Eastern Ukraine)*. Kharkov: Kharkov Agricultural Institute (in Russian).
7. Gennadiev, A. N. 1990. *Pochvy i vremia: modeli razvitiia (Soils and Time: Models of Evolution)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
8. Dmytruk, Yu. M., Matviishyna, Zh. M., Slyusarchuk, I. I. 2008. *Hrunty Trayanovykh valiv: evolyutsijnij ta ekoloho-henetychnij analiz (Soils of the Trajan's Walls: Evolutionary, Ecological and Genetic Analysis)*. Chernivtsi: “Ruta” Publ. (in Ukrainian).
9. Ivanov, I. V. 1992. *Evoliutsiia pochv stepnoi zony v golotsene (Soils Evolution in the Steppe Zone in Holocene)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Ivanov, I. V., Gubin, S. V., Skripnichenko, I. I. et al. 1986. In *Vozrast i evoliutsiia pochv SSSR (Age and Evolution of Soils of the USSR)*. Pushchino: Scientific Center for Biological Studies, Institute of Soil and Photosynthesis Studies, 173–192 (in Russian).

11. Klimanov, V. A., Serebriannaia, T. A. 1986. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia geograficheskaiia (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Geography Series)* (1), 26-37 (in Russian).
12. Koloda, V. V. 2002. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh srednevekovoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gospeduniversiteta v 2002 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Archaeological Expedition of the Kharkov State Pedagogical University in 2002)*. Archive of the Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine. Dossier 2002/38. Fund E. 27331 (in Russian).
13. Koloda, V. V. 2004. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 2002–2003 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2002–2003)* 6. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 169–171 (in Ukrainian).
14. Koloda, V. V. 2007. In *Arkheolohiia (Archaeology)* 2, 9–15 (in Ukrainian).
15. Koloda, V. V., Lisetskii, F. N., Chendev, Yu. G. 2004. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 2002–2003 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2002–2003)* 6. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 163–167 (in Russian).
16. Koloda, V. V., Chendev, Yu. G. 2010–2011. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 9. Kiev; Kharkov: A. Yu. Krymskii Oriental Studies Institute, Ukraine National Academy of Sciences, 107–130 (in Russian).
17. Medvedev, A. P. 1998. In *Arkheologicheskie pamiatniki Verkhnego Podon'ia pervoi poloviny I tysiacheletiiia n. e. (Archaeological Sites of the Upper Don Region in the First Half of the I Millennium BC)*. Voronezh: Voronezh State University, 4–18 (in Russian).
18. Morozova, T. V. 2001. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 2. Lipetsk: "Uspekhi-Info" Publ., 62–70 (in Russian).
19. Serebriannaia, T. A., Il'ves, E. O. 1973. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia geograficheskaiia (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Geography Series)* (2), 95–102 (in Russian).
20. Sycheva, S. A., Chichagova, O. A., Daineko, E. K. et al. 1998. In *Geomorfologiia (Geomorphology)* (3), 12–21 (in Russian).
21. Chendev, Yu. G. 2008. *Evolutsiia lesostepnykh pochv Srednerusskoi vozvysheennosti v golotsene (The Evolution of the Forest-Steppe Soils of the Central Russian Upland in Holocene)*. Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).
22. Chendev, Yu. G., Aleksandrovskii, A. L. 2002. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 4, 389–398 (in Russian).
23. Chendev, Yu. G., Koloda, V. V. 2004. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 2002–2003 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2002–2003)* 6. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 337–349 (in Russian).
24. Chendev, Yu. G., Koloda, V. V. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 112–121 (in Russian).

About the Authors:

Koloda Vladimir V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Kharkiv National Pedagogical University "G. S. Skovoroda". Artema St., 29, Kharkiv, 61002, Ukraine; koloda_v@mail.ru, koloda_v@rambler.ru

Chendev Yuriy G. Doctor of Geographical Sciences. The National Research University “Belgorod State University” (BelSU). Pobedy St.,85, Belgorod, 308015, Russian Federation; sciences@mail.ru, Chendev@bsu.edu.ru

Borbukova Dar’ya A. The National Research University “Belgorod State University” (BelSU). Pobedy St.,85, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Dudin Dmitriy I. The National Research University “Belgorod State University” (BelSU). Pobedy St.,85, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Критика и библиография

УДК 903.02

РЕЦ. НА: ГОЛДИНА Р.Д. НЕВОЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК VII–IX ВВ. В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Т. 21. ИЖЕВСК, 2012. 472 с., илл.

© 2014 г. А.В. Богачев

В рецензии дается высокая оценка монографии Р.Д. Голдиной, посвященной Неволинскому могильнику VII–IX вв. Она представляет собой полную и качественную публикацию и разносторонний анализ материалов могильника, который в период в 1968 по 1982 гг. был полностью раскопан автором монографии. Каталог погребений сопровождается переводом на немецкий язык. Анализ погребального обряда представлен в контексте суммарной характеристики обрядовых особенностей неволинской культуры. Дана детальная классификация погребального инвентаря. Новые материалы позволили дать более широкую, чем ранее, датировку могильника: вторая четверть VII в. – первая четверть IX в. Выявлены также основные направления культурных контактов населения Прикамья в VII–IX вв. Рассмотрены вопросы социальной организации населения неволинской культуры. В целом монография является высококлассным первоисточником и надежной основой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, Приуралье, Прикамье, раннее средневековье, неволинская культура, могильник, погребальный обряд, культурные связи, новые исследования.

Не будет преувеличением назвать рецензируемую монографию мэтра отечественной археологии Р.Д. Голдиной – долгожданной. Почти 40 лет назад в марте 1976 года в Ленинграде на теперь уже легендарном симпозиуме, посвященном проблемам раннесредневековой хронологии Евразии, материалы Неволинского могильника сыграли ключевую роль в системе доказательств Р.Д. Голдиной, обосновавшей разновременность агафоновских и неволинских памятников. Надо отдать должное А.К. Амброзу (а причиной выбора темы симпозиума

послужила его статья «Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы» (Амброз, 1971а, 1971б)), который, выступая на заключительном заседании, отметил, что приведенные в процессе диспута доводы не убедили его пересмотреть свои позиции, но наиболее интересная аргументация против его хронологии, по его мнению, была приведена в докладе Р.Д. Голдиной (Засецкая, Маршак, Щукин, 1979, с. 124). На этом же симпозиуме участники пришли к единодушному мнению о необходимости «выработать компактную, но в то же время

наглядную форму публикации комплексов. Была подчеркнута важность издания именно полных комплексов, а не выборки, а также высказано пожелание как можно скорее опубликовать спорные в хронологическом отношении памятники» (Засецкая, Маршак, Щукин, 1979, с. 125). Надо отметить, что рецензируемая книга всем этим пожеланиям соответствует, равно как и другие, сравнительно недавно вышедшие монографии Р.Д. Голдиной (Голдина, 1999; 2003; 2004; Голдина, Бернц, 2010).

Справедливости ради следует сказать, что материалы Неволинского могильника в том или ином виде были известны специалистам уже многие десятилетия, поскольку, и это отмечает автор в предисловии, «могильник стал известен в конце 20-х гг. 20 столетия в результате работ А.В. Шмидта, обратив на себя внимание ученых многочисленностью и разнообразием погребального инвентаря. В последующем небольшие раскопки были проведены О.Н. Бадером» (Голдина, 2012, с. 6). Специалисты из Центральной и Западной Европы познакомились с материалами Неволинского могильника из раскопок А.В. Шмидта и О.Н. Бадера благодаря публикации в 1969 г. в Будапеште книги I. Erdelyi, E. Oitozi, W. Gening «Das Graberfeld von Nevolino».

В 1968, 1979, 1981, 1982 гг. на памятнике проводила раскопки Р.Д. Голдина. Благодаря ее работам сохранившаяся часть могильника была исследована полностью. И именно это обстоятельство поставило на повестку дня вопрос о публикации материалов Неволинского могильника. Актуальность монографического издания памятника вызвана еще и тем, что

работа, опубликованная в Венгрии в 1969 г., по мнению рецензировавших ее советских специалистов, при всех положительных сторонах, имела и ряд серьезных недостатков: «изображения вещевого материала на многочисленных таблицах даны без всякой системы: ни по комплексам могил, ни по категориям вещей. Фактически отсутствует классификация вещей, отдельные находки анализируются без ссылок на таблицы и рисунки...» (Ковалевская, Краснов, 1973, с. 281).

Рецензируемая монография состоит из предисловия, десяти различных по объему разделов (включая раздел «Вместо заключения»), рисунков, таблиц, указателя к таблицам, списка использованной литературы, списка сокращений, каталога могил № 83–261 на немецком языке, а также статьи-приложения Е.В. Голдиной «Бусы Неволинского могильника» (стр. 442–467).

Предисловие, а также первые разделы – «Общие сведения о могильнике», «История изучения памятника», «Методика раскопок могильника» – занимают 4 из 472 страниц издания и содержат в себе всю анонсированную в заголовках информацию.

Раздел «Каталог могил № 83–261 (из раскопок 1968, 1979, 1981, 1982 гг.)» содержит полное описание погребений. Раздел снабжен таблицей, включающей сведения об основных характеристиках погребальных комплексов – размеры, форма, ориентировка могилы, ориентировка костяка и др.

В разделе «Погребальный обряд» аналитика захоронений собственно Неволинского могильника дана в контексте суммарной характеристики обрядовых особенностей всех ис-

следованных на сегодняшний день могильников неволинской культуры (Горбунятский, Бродовский, Неволинский, Бартымский, Усть-Иргинский, Верх-Саинский, Сухой Лог). В таблицах дана исчерпывающая информация о параметрах погребальных камер, о распределении могил по полу и возрасту погребенных, о положении рук умерших, об ориентировке погребенных, о количестве височных подвесок в погребениях, о размещении поясов, ножей, деталей конской сбруи, глиняных сосудов, а также о распределении лошадей по возрасту.

Раздел «Классификация материалов» включает классификации украшений из цветных металлов (височные кольца, перстни, гривны, браслеты, подвески, привески, пронизки, пряжки, накладки, наконечники ремней), предметы вооружения (наконечники стрел, копий, колчаные крючки, топоры, стремена, клинковое оружие), а также бытовых предметов и глиняной посуды.

Автор рецензии, специально занимавшийся вопросами теории и практики археологических классификаций (Богачев, 1992; 2011; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998), согласен с В.Б. Ковалевской, полагающей, что «создавать бесчисленные, несопоставимые между собой классификации однотипных категорий вещей на различных территориях бесполезно» (Ковалевская, 1995, с. 59). В этой связи следует отметить, что особенность всех классификаций Р.Д. Голдиной состоит в том, что они между собой сопоставимы. Если быть более точным, созданная однажды классификационная схема Р.Д. Голдиной (Голдина, 1985; Голдина, Водолаго, 1990), в силу принципа своей открытости, включа-

ла и продолжает включать вновь находимые разновидности артефактов – какие-то вещи «укладываются» в уже созданные классификационные ячейки, а какие-то формируют новые. И как отмечено самим автором, классификация «выполнена в общем ключе, разработанном для ломоватовских и неволинских древностей» (Голдина, 2012, с. 42).

В разделе «О датировке Неволинского могильника» Р.Д. Голдина возвращается не только к датировке памятника, но и к проблеме стадильности в развитии поясной гарнитуры Прикамья. Новые материалы позволили «раздвинуть» хронологические рамки могильника: нижняя дата памятника определяется автором монографии как вторая четверть VII в.; верхняя – первая четверть IX в.

Объем журнальной рецензии не позволяет воспроизвести всю остроту и нюансы дискуссии относительно датировок Прикамско-Приуральских и Поволжских раннесредневековых древностей. В разное время ее участниками были А.К. Амброз, В.Ф. Генинг, И. Эрдели, Е. Ойтози, В.Б. Ковалевская, И.П. Засецкая, И.О. Гавритухин, А.Г. Иванов, А.В. Комар и другие исследователи. В публикации 1992 года разработанная нами хронологическая шкала развития средневожской раннесредневековой поясной гарнитуры была соотнесена с хронологической системой, предложенной Р.Д. Голдиной для материалов Верхнего Прикамья. И это позволило сделать вывод о едином направлении эволюции поясов в двух этих регионах (Богачев, 1992, с. 158–159). Датирова исследования в 1990-х годах на Самарской Луке праболгарские могильники новинковско-

го типа (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998), мы также отталкивались, прежде всего, от хронологических разработок Р.Д. Голдиной, поскольку ее выводы методически выверены, а материалы внятно опубликованы, чего, увы, не скажешь о работах некоторых наших оппонентов (подробнее см.: Богачев, 2001; 2007; 2011).

К слову сказать, публикуемые в рецензируемой книге многочисленные планы Неволинского могильника, на которых представлена планиграфия различных типов артефактов в соответствии с полом и возрастом погребенных, являются еще одним важным инструментом, позволившим Р.Д. Голдиной корректировать представления об относительной хронологии комплексов. При этом автор замечает: «я хорошо понимаю, что дальнейшая работа с погребальными комплексами даст возможность уточнить рубежи стадий, их слагающие, может выявить типы как более широкого, так и более узкого диапазонов, но в целом последовательность развития материальной культуры Прикамья второй половины I тыс. н.э. останется неизменной» (Голдина, 2012, с. 53).

Раздел «О культурных импульсах в Прикамье в эпоху раннего средневековья» написан с учетом всех многочисленных публикаций, посвященных вопросам происхождения и распространения различных художественных мотивов, воспроизводимых мастерами при создании металлических украшений костюма. Автором выявлены основные направления контактов населения Прикамья в VII–IX вв. – Византия, Причерноморские степи, Кавказ, Иран и Средняя Азия.

Отдельный раздел посвящен вопросам общественного устройства населения неволинской культуры. Анализ материалов позволил автору сделать вывод «о существовании у финно-пермского населения Приуралья дуально-фратриальной организации общества» (Голдина, 2012, с. 83).

В заключении дана характеристика современного состояния изученности неволинской археологической культуры.

В свое время, дискутируя с коллегами, и, в частности, с Р.Д. Голдиной, «А.К. Амброз особо подчеркнул, что только полная публикация памятника по комплексам отвечает современному уровню науки» (Засецкая, Маршак, Щукин, 1979, с. 124). Представляется, что рецензируемая монография отвечает и пожеланию А.К. Амброза, и современному уровню археологии.

К числу несомненных достоинств рецензируемой монографии, безусловно, следует отнести иллюстративный материал (стр. 92 – 337), поскольку «в археологическом издании рисунок – это не простая иллюстрация к тексту, а документ, первоисточник» (Краснов, Флеров, 1989, с. 284).

Европейские коллеги, думаю, будут благодарны автору книги за переведенный на немецкий язык Каталог могил (стр. 391–442).

Монография Р.Д. Голдиной «Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье» и по форме, и по содержанию является высококлассным первоисточником, фундаментальным вкладом в отечественную археологию и надежной основой для дальнейшей разработки важнейших проблем раннесредневековой археологии Прикамья, Поволжья, Приуралья и всего пояса Евразийских степей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971а. – № 2. – С. 96–123.
2. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971б. – № 3. – С. 106–134.
3. *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – 286 с.
4. *Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V–VIII вв.). – Самара, 1992. – 207 с.
5. *Богачев А.В.* О некоторых аспектах ведения научного поиска и научной дискуссии в раннесредневековой археологии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). – Т. 2. – Самара, 2001. – С. 252–258.
6. *Богачев А.В.* О времени прихода болгар на Среднюю Волгу (в свете новых находок и публикаций) // Проблемы на прабългарската история и култура. – Вып. 4–1. – София, 2007. – С. 15–22.
7. *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. – Саарбрюкен, 2011. – 340 с.
8. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.
9. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
10. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник на Средней Каме. – Т. II. – Ижевск, 2003. – 721 с.
11. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник на Средней Каме. – Т. I. – Ижевск, 2004. – 315 с.
12. *Голдина Р.Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 21. – Ижевск, 2012. – 472 с.
13. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990. – 176 с.
14. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 17. – Ижевск, 2010. – 496 с.
15. *Засецкая И.П., Маршак Б.И., Шукин М.Б.* Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 120–125.
16. *Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., Амброз А.К.* I. Erdelyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Graberfeld von Nevolino, 1969 (Рец.) // СА. – 1973. – № 2. – С. 280–298.
17. *Краснов Ю.А., Флеров В.С.* В.К. Михеев. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985 (Рец.) // СА. – 1989. – № 1. – С. 279–284.
18. *Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W.* Das Graberfeld von Nevolino. – Budapest, 1969. – 199 с.

Информация об авторе:

Богачев Алексей Владимирович, доктор исторических наук, Самарский государственный технический университет (г. Самара, Россия); figaro9@rambler.ru

REVIEW OF THE BOOK: GOLDINA R.D. THE NEVOLINO CEMETERY OF THE VII–IX cc. IN THE PERM CIS-URALS REGION. PROCEEDINGS AND RESEARCHES OF THE KAMA-VYATKA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION. IZHEVSK, 2012, VOL. 21, 472 P., ILL.

A.V. Bogachev

The monograph by R.D. Goldina devoted to the 7th–9th-century Nevolino burial ground site is highly evaluated in the review. It is a complete and high-quality publication with a versatile analysis of the materials of the burial ground, which had been completely excavated by the author in 1968 to 1982. The catalogue of burials is accompanied by a translation into German. The funeral rite analysis is presented in the context of the overall characteristics of the Nevolino culture ritual features. The grave goods are classified in full detail. Compared to previous dating, the new materials made it possible to expand the dating framework of the burial ground to the period between the second quarter of the 7th through to first quarter of the 9th century. Basic trends in the cultural contacts of the Kama region population in the 7th–9th centuries are revealed. Problems related to the social organization of the Nevolino culture population are considered. On the whole, the monograph is a valuable source and a reliable basis for further research.

Keywords: the Cis-Urals, the Kama River area, the early Middle Ages, the Nevolino culture, burial ground, funeral rite, cultural contacts, new investigations.

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 96–123 (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
3. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: “Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek»” Publ. (in Russian).
4. Bogachev, A. V. 1992. *Protsedurno-metodicheskie aspekty arkhelogicheskogo datirovaniia (na materialakh poiasnykh naborov Srednego Povolzh'ia V–VIII vv.) (Procedure and Methodological Aspects of Archaeological Dating: by the materials of Middle Volga belt sets of 5th–8th Centuries)*. Samara (in Russian).
5. Bogachev, A. V. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (iz istorii kostiama) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara, 252–258 (in Russian).
6. Bogachev, A. V. 2007. In *Problemi na prabalgarskata istoriia i kultura (Problems of Proto-Bulgarian History and Culture)* 4 (1). Sofia, 15–22 (in Russian).
7. Bogachev, A. V. 2011. *Slaviane, germantsy, gunny, bolgary na Srednei Volge v seredine I tys. n.e. (The Slavs, Germans, Huns, Bulgarians on the Middle Volga in the*

Middle of the I Millennium AD). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing (in Russian).

8. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

9. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk (in Russian).

10. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area) II*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

11. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area) I*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

12. Goldina, R. D. 2012. *Nevolinskii mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Predural'e (Nevolino Burial Ground from 7th–9th cc. in the Perm Cis-Urals)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 21. Izhevsk (in Russian).

13. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

14. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

15. Zassetskaia, I. P., Marshak, B. I., Shchukin, M. B. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 158, 120–125 (in Russian).

16. Kovalevskaia, V. B., Krasnov, Yu. A., Ambroz, A. K. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (2), 280–298 (in Russian).

17. Krasnov, Yu. A., Flerov, V. S. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (1), 279–284 (in Russian).

18. Erdelyi, I., Oitozi, E., Gening, W. 1969. *Das Gräberfeld von Nevolino*. Budapest.

About the Author:

Bogachev Aleksey V. Doctor of Historical Sciences. Samara State Technical University. Molodogvardeyskaya St., Samara, 443100, Russian Federation; figaro9@rambler.ru

Хроника

УДК 902:904

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН РТ В 2013 ГОДУ

© 2014 г. А.Г. Ситдиков, З.Г. Шакиров

Работа Национального центра археологических исследований им. А.Х. Халикова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (НЦАИ) в 2013 году велась в рамках трех отделов: первобытной и средневековой археологии, охранных исследований, а также биоархеологической лаборатории, по основным проблемам: «Археология древнего населения Волго-Камья: формирование и взаимодействие культур»; «Средневековая тюрко-татарская цивилизация: возникновение, развитие, взаимодействие с народами Евразии»; «Антропология и генетика древнего населения Среднего Поволжья».

По проекту «Геоинформационные системы археологического наследия Татарстана» шла подготовка к проведению мониторинга состояния объектов культурного наследия, находящихся в зоне воздействия Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

Полевые археологические исследования проводились в рамках Первобытной, Раннеболгарской, Казанской, Болгарской, Нижневолжской, Свияжской археологических экспедиций и Охранно-спасательной экспедиции в зоне Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ. За пределами Республики Татарстан проводились разведочные исследования на территориях республик Чувашии и Мордовии, Ульяновской и Самарской областей. Были продолжены исследования нижеволжских памятников совместно с коллегами Астраханской области и Республики Мари Эл. Совместные международные археологические исследования велись на территории Республики Болгария и Украины.

Было организовано 5 конференций, из них 4 международные. Сотрудники НЦАИ приняли участие в работе 16 конференций, в том числе 11 международных.

Состоялись защиты двух докторских и трех кандидатских диссертаций.

Выпущено 5 сборников статей и тезисов и 4 номера журнала «Поволжская археология». Сотрудниками НЦАИ подготовлено 216 публикаций, из них 6 монографических работ. Особо следует отметить издание Атласа «Город Болгар» – академического труда, подводящего итоги исследований археологов Татарстана за многие десятилетия по изучению многоаспектных проблем становления и развития золотоордынской цивилизации.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, Национальный центр археологических исследований, культурное наследие, полевые исследования, конференции, диссертации, публикации.

Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (НЦАИ), продолжающий традиции казанской археологической школы, в

2013 году являлся ведущей научной структурой в изучении памятников археологии Татарстана и сопредельных территорий. Он состоит из трех отделов – первобытной и средневековой археологии, охранных исследований, а также биоархеологической лаборатории. В отчетном году изыскания осуществляли три доктора исторических наук (Ф.Ш. Хузин – зав. отделом средневековой археологии, г.н.с. Е.П. Казаков, с.н.с. Р.Г. Фахрутдинов), 11 кандидатов исторических наук (А.Г. Ситдинов – зав. НЦАИ, М.Ш. Галимова – зав. отд. первобытной археологии, И.Р. Газимзянов – зав. лабораторией, с.н.с. Д.Г. Бугров, с.н.с. Р.Р. Валиев, с.н.с. А.М. Губайдуллин, с.н.с. И.Л. Измайлов, с.н.с. Н.Г. Набиуллин, н.с. З.Г. Шакиров, с.н.с. А.А. Чижевский, с.н.с. Л.А. Вязов), 1 кандидат ветеринарных наук (с.н.с. Г.Ш. Асылгараева), 15 сотрудников без степени (Р.Ф. Шарифуллин, С.Ф. Ахметзянов, И.Ю. Мирсияпов, А.В. Беляев, М.В. Сивицкий, А.В. Лыганов, Р.В. Матвеев, Е.М. Макарова, Ф.А. Ахметгалин, Т.Р. Губайдуллин, Р.Н. Хамзин, Э.И. Карпов, М.Б. Шигапов, А.И. Фахретдинов, И.И. Гайнуллин).

Основной проблемой исследований Отдела первобытной археологии выступает *«Археология древнего населения Волго-Камья: формирование и взаимодействие культур»*. По ней осуществлялись исследования, которые затрагивают темы, касающиеся первобытного человека и природной среды в Волго-Камье, памятников позднего каменного века – энеолита; населения Волго-Камья в позднем бронзовом – раннем железном веках; памятники Волго-Камья конца I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э.

Научно-исследовательская работа отдела средневековой археологии в отчетном году велась по проблеме *«Средневековая тюрко-татарская цивилизация: возникновение, развитие, взаимодействие с народами Евразии»*.

Проблема включала темы по формированию культур народов степной и лесостепной Евразии; ранним болгарам и их соседям; археологии таких городских центров, как Биляр, Болгар, Джукетау с их округами; археологическим памятникам Нижнего Поволжья и формированию культуры Золотой Орды; археологии Казани и поселениям Казанского ханства; острову Свияжск в середине XVI – XVIII вв.; этнополитической структуре тюрко-татарских государств.

По основной проблеме – *«Антропология и генетика древнего населения Среднего Поволжья»* осуществлялась деятельность биоархеологической лаборатории.

Научная проблема *«Геоинформационные системы археологического наследия Татарстана»* отразилась в подготовке проекта по проведению научно-исследовательских работ памятников истории и культуры (проведение мониторинга состояния объектов культурного наследия – памятников археологии) Республики Татарстан, находящихся в зоне воздействия Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

Общей дополнительной НИР, поручаемой руководством, являлось *создание экспозиций Музея археологии Республики Татарстан и Музея Болгарской цивилизации*. По данному фундаментально-прикладному направлению научные сотрудники осуществили разработку концепций, камеральные работы (подбор, описание и фотофиксация экспонатов), написание текстовой части экспозиции по тематическим разделам.

Существующие и полученные в текущем году материалы археологических исследований являются основным источником по воссозданию древней истории Волго-Камья. Научно-исследовательская работа, проведенная в 2013 г., позволила продолжить масштабную

комплексную научную реконструкцию материальной, духовной, этнической истории и культуры региона, в частности, и Евразийского пространства в целом. Выполнение НЦАИ ИИ АН РТ, в тесном взаимодействии с КФУ, Министерством культуры и подведомственными ему музеями-заповедниками, Министерством экологии и природопользования РТ, с другими ведомствами и организациями республики фундаментальных и прикладных научно-исследовательских программ позволили выявить, изучить и провести охранно-спасательные работы ценных памятников археологии Республики Татарстан.

НИР в НЦАИ проводилась в соответствии с планом приоритетных фундаментальных и прикладных исследований АН РТ, планом приоритетных фундаментальных и прикладных исследований Института истории АН РТ (этап 2013 года). Исследовательская деятельность проводилась по грантам РГНФ, РФФИ, а также программам «Идель – Алтай», «Возрождение острова-града Свияжска и древнего Болгара» и за счет хозяйственных средств.

Необходимо отметить руководство полевыми археологическими исследованиями, которые проводились в рамках Первобытной, Раннеболгарской, Казанской, Болгарской, Нижневолжской, Свияжской археологических экспедиций и Охранно-спасательной экспедиции в зоне Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ.

Отдельно хотелось бы отметить экспедиции, проходившие и за пределами Республики Татарстан. Разведочные исследования на территориях республик Чувашии и Мордовии, Ульяновской и Самарской областей, позволили выявить новые памятники первой половины – середины I тыс. н.э. Многолетние исследования проводятся совместно с Алтайским государственным университетом. В 2013 году были про-

должны работы по изучению Сросткинского городища и курганов (под рук. А.А. Тишкина и А.Г. Ситдикова). Были продолжены исследования нижневолжских памятников, начатые совместно с коллегами Астраханской области и Республики Мари Эл в 2006 г. Объектами исследований являлись городища Селитренное, Самосдельское, Мошаик, Красный Яр, проводились также разведочные работы в дельте Волги.

Традиционными стали совместные работы по изучению объектов археологии на территории Республики Болгария и Украины. В Болгарии работы велись совместно с Институтом археологии Болгарской академии наук на территории поселения Бяло III–VI в. н.э. (рук. В. Йотов) и городища Плиска (рук. П. Георгиев). В Украине совместные работы осуществлялись совместно с Крымским филиалом Института археологии Национальной академии наук Украины. Объектом исследований были полевые работы по изучению средневековых памятников, а также подготовка монографии об историко-архитектурном наследии Крыма XIV–XVII вв.

Из полевых экспедиций наибольшее общественное значение имели археологические изыскания татарстанских археологов при осуществлении государственной программы «Возрождение острова-града Свияжск и Древнего Болгара». Эта непростая работа позволила значительно продвинуться в изучении данных исторических памятников, и, что особенно важно, привлечь внимание государственных, общественных и корпоративных структур республики к проблемам сохранения и развития этого бесценного наследия прошлого.

Кроме научной значимости, проведенные работы Национального центра представляют ценность для создания основы сохранения историко-культурного наследия и его надлежащего использования, в том числе организации заповедных территорий, включения

наиболее представительных памятников в программы российского и международного туризма.

Особо хочется отметить издание Атласа «Город Болгар» – академического труда, являющегося, по сути, своеобразным отчетом археологов Татарстана о проделанной за многие десятилетия исследовательской работе по изучению многоаспектных проблем становления и развития золотоордынской цивилизации как части тюрко-татарского мира.

В рамках работы Центра организовано 5 конференций, 4 из которых международные. Сотрудники приняли участие в работе 16 конференций различного уровня, в том числе 11 международных.

Международные конференции проходили в ведущих научных центрах России: X конгресс этнографов и антропологов России; VII Международная конференция «Источники по истории кочевников средневековой Евразии»; V Международная конференция «Алексеевские чтения», «Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия»; III Международный Золотоордынский Форум; Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней»; VI Международная конференция «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова; IV Международная Нижневолжская археологическая конференция). За рубежом: III Международный конгресс по болгаристике прошел в Болгарии; Международная научно-практическая конференция «История Казахстана: инновационные концепции и периодизация как приоритет научного познания» – в Казахстане; Akdes Nimet Kurat'in: Nayati ve Eserleri Sempozyumu – в Турции; V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)» – в Украине.

За отчетный год было по различным проблемам проведено 23 заседания НЦАИ. О росте научного авторитета свидетельствует то, что в Национальном центре проходят обучение и проводят апробацию диссертационных исследований представители из других образовательных и научных организаций России и СНГ. Гостями и выступающими на заседаниях с докладами были М.Л. Перескоков (Пермь), И.В. Молчанов (Екатеринбург), М.Д. Калменов (Уральск, Казахстан), Н.Б. Васильева (Вологда), Ю.А. Зеленева (Йошкар-Ола). На заседании Национального центра были освещены совместная работа и новые планы Института археологии РАН. Так, в коллективном выступлении директора ИА РАН Н.А. Макарова (д.и.н., академик РАН), П.Г. Гайдукова (д.и.н., член-корр. РАН), Е.Г. Дзвлет (д.и.н.), затрагивались общие проблемы археологии РФ и вопрос о подготовке IV Всероссийского археологического съезда 2014 года в Казани.

В разработке научных тем НЦАИ принимали участие аспиранты дневного и заочного обучения: Н.Р. Садриев (науч. рук. к.и.н. А.Г. Ситдилов), Н.С. Мясников (науч. рук. к.и.н. Д.Г. Бугров); А.И. Хазиев (науч. рук. к.и.н. А.Г. Ситдилов), П.В. Красильников (науч. рук. к.и.н. И.Л. Измайлов); О.Е. Ульянова (науч. рук. к.и.н. А.А. Чижевский), А.А. Куклина (науч. рук. к.и.н. В.Ю. Коваль), А.В. Губайдуллина (науч. рук. д.и.н. Ф.Ш. Хузин), А.В. Акилбаев (науч. рук., д.и.н. Е.П. Казаков), А.В. Егоров (науч. рук. д.и.н. Ф.Ш. Хузин), А.Р. Нуретдинова (науч. рук. к.и.н. С.И. Валиулина).

Важным результатом стала защита выполненных в НЦАИ докторских (И.Л. Измайлов, А.Г. Ситдилов) и кандидатских (А.В. Лыганов, Р.В. Матвеев, М.Д. Калменов) работ.

НЦАИ подготовлено и выпущено 5 сборников статей и тезисов и 4 номера журнала «Поволжская археология».

Сотрудниками Национального центра археологических исследований в текущем году подготовлено 216 публикаций, из них 6 монографических работ, 2 автореферата докторских и 2 кандидатских диссертаций, 12 в международных изданиях, рецензи-

руемых ВАК, 56 статей в российских, региональных и республиканских сборниках, 138 статей для энциклопедического сборника «Татарская энциклопедия». Перечислим наиболее важные из них.

Монографии, книги:

1. Великий Болгар. Атлас из серии *Tatarica* / науч. ред. А.Г. Ситдигов. – М.; Казань, 2013. – 404 с.

2. Болгарский Форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., Болгар). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 12 / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории АН РТ, 2011. – 240 с., 24 с. цв. вкл.

3. Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 13 / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории АН РТ, 2011. – 308 с., 16 с. цв. вкл.

4. *Калан Э.* Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII – XIV вв. / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во «Яз»; Ин-т истории АН РТ, 2012. – 156 с., 12 с. цв. вкл.

5. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 14 / отв. ред. Е.П. Казаков. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. – 408 с.

6. *Лисова Н.Ф.* Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 15 / науч. ред. И.Л. Измайлов, В.Ю. Коваль. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. – 184 с., 24 с. цв. вкл.

7. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 16 / отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2013. – 212 с., 8 с. цв. вкл.

8. Средневековая Евразия: симбиоз городов степи. Материалы II Международного Болгарского форума / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 17. – Казань: Отечество, 2013. – 236 с., 36 с. цв. вкл.

9. *Валиев Р.Р., Ситдигов А.С., Старков А.С.* Болгар и Свияжск: Археологические исследования 2012 г. – Казань, 2013. – 32 с.

Статьи в международных изданиях и рецензируемых журналах ВАК:

1. *Абдуллин Х.М., Мустафина Д.А., Ситдигов А.Г.* Формирование базы данных исторических источников второй половины XVI – первой половины XIX века для геоинформационной системы Казанского края // Уч. зап. К(П)ФУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, кн. 3, ч. 1. – С. 66–79.

2. *Аникеев О.Е., Кравцова О.А., Сабирова А.Р., Лисицина А.Р.* Варибельность пула Y-хромосом в популяции поволжских татар // Уч. зап. К(П)ФУ. Серия: Естественные науки. – 2012. – Т. 154, № 2. – С. 26–32.

3. *Волкова Е.В., Газимзянов И.Р., Кравцова О.А.* Ультроструктурное и гистохимическое исследование костной ткани из останков некоторых старых захоронений // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 (ч. 5). – С. 1078–1083.

4. *Измайлов И.Л.* Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana* – № 2 – 2012. – С. 217–242.

5. *Измайлов И.Л.* Ранняя история тюрков: к постановке проблемы // *Türkoloji üzerine araştırmalar / Тюркологические исследования / Journal of Turkology. Dil ve Edebiyat İncelemeleri Dergisi.* (Afyonkarahisar–Kazan). – 2013. – 5. – С. 82–109.

6. Макарова Е.М., Афанасьева А.О., Шакиров З.Г. Комплексное изучение отдельного индивидуума в палеоантропологической практике (на примере останков мужчины с погоста Свяжского Успенского монастыря) // Филология и культура. – 2012. – № 4 (30). – С. 309–315.

7. Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Предметы вооружения и снаряжения Биляра из кости // Филология и культура. – 2012. – № 4 (30). – С. 324–330.

8. Ситдииков А.Г., Тишкин А.А., Хузин Ф.Ш. Второй Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей // РА. – 2013. – № 4. – С. 181–183.

9. Ситдииков А.Г. Казанский Кремль: изучение и сохранение крепостных стен и башен // Казанская наука. – 2013. – № 7. – С. 34–42.

10. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. – 2013. – № 1 (31). – С. 214–221.

11. Губайдуллин А.М. Булгарские крепостные сооружения (к истории изучения) // Казанская наука. – 2013. – № 12. – С. 28–32.

12. Губайдуллин А.М. К истории изучения городищ Казанского ханства // Казанская наука. – 2013. – № 12. – С. 33–38.

Статьи в российских, региональных и республиканских изданиях:

1. Асылгараева Г.Ш. Исследования остеологических материалов Нижегородского кремля // ПА. – 2013. – № 3. – С. 91–102.

2. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю., Масловский А.Н., Ситдииков А.Г., Френкель Я.В. Использование естественно-научных методов в изучении средневековой поливной керамики (на примере средневековой посуды Юго-Восточного Крыма) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул, 2013. – С. 50–53.

3. Валиев Р.Р., Пигарев Е.М., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г. Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006-2009 гг. // ПА. – 2013. – № 2. – С. 212–251.

4. Вязов Л.А., Сташенков Д.А. Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. (XIV Бадеровские чтения). – Ижевск, 2013. – С. 49–56.

5. Вязов Л.А., Петрова Д.А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Материалы V Междунар. археолог. конф. «Культуры степей Евразии». – Самара, 2013. – С. 15–20.

6. Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика материалов раннесредневекового мусульманского некрополя у с. Сидорово (Украина, Донецкая область) // Междунар. науч. конф. «Население Юга России с древнейших времен до наших дней». – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 79–81.

7. Галимова М.Ш. Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Иско-Бельского междуречья // ПА. – 2012. – № 2. – С. 6–28.

8. Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Аськеев И.В., Линкина Л.И., Лыганов А.В. Реконструкция природной среды стоянки Пестречинской IV (эпоха раннего металла) в Прикамье // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссий. науч. конф. (с международным участием). – Казань, 2013. – С. 123–126.

9. Губайдуллин А.М. К вопросу о времени возникновения первых укрепленных поселений // Прикамье в древности и средневековье. – Ижевск, 2012. – С. 90–99.

10. Губайдуллин А.М. Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника») // ПА. – 2013. – № 3. – С. 191–199.

11. Губайдуллин А.М. О фортификации Волжской Булгарии в золотоордынский период // Вопросы истории фортификации. – СПб.; М., 2012. – № 3. – С. 63–65.

12. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань, 2012. – С. 98–116.

13. *Измайлов И.Л.* Средневековое болгарское вооружение и военное дело: факты и заблуждения // Тр. КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь, 2012. – С. 254–265.

14. *Измайлов И.Л.* Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // ПА. – 2012. – № 2. – С. 66–85.

15. *Измайлов И.Л.* Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Человек и природа в пространстве и времени / Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXXVI / под ред. Э.С. Кульпина-Губайдуллина. – М., 2012. – С. 26–46.

16. *Измайлов И.Л.* Особенности становления аграрного строя в Волжской Булгарии (по материалам археологических исследований) // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, экономика, право: сборник материалов IV Всерос. (XII Межрегиональной) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Казань, 2012. – С. 316–326.

17. *Измайлов И.Л.* Историческая память татарского народа как средство этнонациональной мобилизации // Сибирский сборник. – Тобольск, 2012. – С. 5–23.

18. *Измайлов И.Л.* Альфред Хасанович Халиков как создатель концепции происхождения татарского народа // Актуальные вопросы археологии Поволжья. – Казань, 2012. – С. 14–22.

19. *Измайлов И.Л.* Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV – начало XV в. // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию М.Г. Крамаровского. – М., 2013. – С. 253–272.

20. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Татарские кланы Улуса Джучи: происхождение и место в системе власти // Там же. – С. 178–201.

21. *Казаков Е.П.* Женское погребение с стеклянным кубком второй половины VI в. н.э. в низовьях Камы // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры европейских гуннов. – Челябинск, 2013. – С. 180–193.

22. *Киселева А.А., Кравцова О.А., Газимзянов И.Р.* Микроэлементный состав и минеральная плотность костной ткани (по останкам населения средневекового города Болгары) // Материалы 5-ой Междунар. конф. «Алексеевские чтения» памяти академиков В.П. и Т.И. Алексеевых «Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия». – М., 2013. С. 84–85.

23. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Всероссийская научная конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы» // ПА. – 2012. – № 2. – С. 242–247.

24. *Лыганов А.В.* Земледелие в эпоху поздней бронзы в Волго-Камском регионе // Прикамье в древности и средневековье. – Ижевск, 2012. – С. 85–89.

25. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Тр. КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь, 2012. – С. 134–142.

26. *Макарова Е.М., Харламова Н.В.* Население Царевкокшайска (Йошкар-Олы) конца XVI – середины XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 2. – Иркутск, 2013. – С. 82–88.

27. *Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* II Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей // ПА. – 2012. – № 2. – С. 233–241.

28. *Ситдиков А., Абдуллин Х., Харитонович В.* Доклад Н.Ф. Калинина на краеведческой конференции 24 октября 1949 г. // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2013. – № 1/2. – С. 239–248.

29. *Столярова Г.Р., Титова Т.А., Ситдиков А.Г.* Археология и этнология в Казанском университете: традиции и перспективы // Многонациональный регион как куль-

турно-исторический феномен: VI Бусыгинские чтения. Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Е.П. Бусыгина и 125-летию кафедры этнологии в Казанском университете. – Казань, 2013. – С. 14–18.

30. *Хузин Ф.Ш.* Войлок в культуре и быту средневековых кочевников евразийских степей // Искусство тюркского мира. Вып. 3. Искусство войлока в тюркском мире: история и современность. Материалы Международ. симпозиума. – Казань, 2013. – С. 16–22.

31. *Хузин Ф.Ш.* У истоков тюрко-татарской цивилизации // Татарстан: из века в век. – Казань: Изд-во «Заман»; Тат. кн. изд-во, 2013. – С. 6–31.

32. *Хузин Ф.Ш.* Булгарская цивилизация на Волге // Там же. – С. 32–51.

33. *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Казанское ханство и его столица // Там же. – 2013. – С. 52–85.

34. *Хузин Ф.Ш., Владимиров Г., Ситдииков А.Г.* IV Международный Болгарский форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации». (Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.) // ПА. – 2013. – № 1 (3). – С. 232–237.

35. *Черных Е.М., Чижевский А.А.* С.В. Кузьминых и ананьинские древности Волго-Камья // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию С.В. Кузьминых. – СПб.; Красноярск, 2012. – С. 17–29.

36. *Чижевский А.А.* Керамикасрогочными отпечатками из раскопок городища Лбищево 2003 г. // ПА. – 2012. – № 2. – С. 211–217.

37. *Чижевский А.А.* Каменные изваяния Волго-Камья IX–VI вв. до н.э. (маклашевская и постмаклашевская традиции) // Прикамье в древности и средневековье. – Ижевск, 2012. – С. 3–70.

38. *Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // ПА. – 2013. – № 2. – С. 40–63.

39. *Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // ПА. – 2013. – № 3. – С. 64–103.

40. *Чижевский А.А., Шаталов В.А., Губайдуллин А.М.* Культурно-хронологические горизонты Танайского I селища // Прикамье в древности и средневековье. – Ижевск, 2012. – С. 106–120.

41. *Шакиров З.Г.* История изучения археологических памятников в округе Билярского городища // Тр. КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь, 2012. – С. 276–283.

42. *Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г.* О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.) // ПА. – 2012. – № 2. – С. 184–210.

43. *Шакиров З.Г.* Объекты дорегулярной застройки Свяжского посада в XVIII в. (по материалам археологических исследований 2006–2010 гг.) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всерос. семинара / под ред. И.Г. Бурцева. – Тула, 2013. – С. 228–241.

Авторефераты докторских и кандидатских диссертаций:

1. *Измайлов И.Л.* Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 2013. – 67 с.

2. *Ситдииков А.Г.* Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI в.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 2013. – 59 с.

3. *Лыганов А.В.* Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 27 с.

4. *Матвеев Р.В.* Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II – IV вв. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 27 с.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (При-волжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

**RESEARCH ACTIVITY BY NATIONAL CENTER
OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF INSTITUTE OF HISTORY
OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2013**

A.G. Sitdikov, Z.G. Shakirov

The work of the National Center for Archaeological Studies named after A.Sh. Khalikov with the Institute of History named after Sh Mardjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (NCAS) in 2013 was conducted within three Departments: prehistoric and medieval archaeology, conservation studies, and a bioarchaeological laboratory. The basic problems were: “Archaeology of the ancient population of the Volga-Kama: the formation and interaction of cultures”; “Medieval Turkic-Tatar civilization: the emergence, development, interaction with the peoples of Eurasia”; “Anthropology and genetics of the ancient population of the Middle Volga region”.

Within the project on “Geographic information systems of Tatarstan archaeological heritage”, preparatory works for monitoring of the condition of cultural heritage objects located in the Kuibyshev and Nizhnekamsk reservoirs zones of influence were conducted.

Archaeological fieldwork was conducted in the framework of the Primitive, Early Bulgar, Kazan, Bulgar, Lower Volga, Sviyazhsk archaeological expeditions and Preservation and salvation expedition in the area of Nizhnekamsk and Kuibyshev reservoirs. Beyond the Republic of Tatarstan, exploratory research was conducted in the territory of the Chuvash and Mordovian republics, Ulyanovsk and Samara Oblasts. The study of monuments in the Lower Volga region continued in collaboration with colleagues from the Astrakhan Oblast and the Republic of Mari El. Joint international archaeological research was carried out in the territory of the Republic of Bulgaria and Ukraine.

5 conferences were organized, including 4 international ones. The NCAS staff participated in 16 conferences, including 11 international ones.

2 Doctor habilitatus and 3 Doctor’s theses were defended.

5 collections of articles and theses, and 4 issues of the “Privolzhskaya arkhеologiya” (Volga region archaeology) were published. The NCAS staff prepared 216 publications, including 6 monographs. The “City of Bolghar” atlas deserves special mention: it is an academic work summarizing the research of archaeologists of the Republic of Tatarstan for many decades and their studies of the versatile problems of the Golden Horde civilization formation and development.

Keywords: Republic of Tatarstan, National Center for Archaeological Studies, cultural heritage, field research, conferences, dissertations, publications.

About the Authors:

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Science. Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Science. Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

УДК 929:902

ПАМЯТИ С.С. АЙДАРОВА (1928–2014)

© 2014 г. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков, Г.Н. Айдарова,
Ф.М. Забирова, Г.Г. Нугманова, М.М. Хабибулин

Некролог посвящен основателю казанской научно-реставрационной архитектурной школы, выдающемуся ученому Сайяру Ситдииковичу Айдарову (1928-2014). Он первым применил научные историко-теоретические методы изучения и консервации руинированных архитектурных остатков на Болгарском городище, заложил научные основы реставрации и реконструкции Болгарского заповедника и других памятников средневековья. Впоследствии С.С. Айдаров разрабатывал проекты реставрации Казанского кремля, Свияжска, научной реконструкции Билярской мечети. Он стремился также к отражению традиций булгаро-татарской архитектуры в современной архитектуре Татарстана, участвовал в проектировании Национальной библиотеки Татарстана, Мечети Рамазан, мечети Кул Шарифа и других. В области педагогики С.С. Айдаров создал кафедру теории, истории и национальных проблем архитектуры.

Ключевые слова: С.С.Айдаров, архитектура, средневековые памятники, реставрация, реконструкция.

После тяжелой и продолжительной болезни 2 января 2014 г. ушел из жизни член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, заслуженный архитектор Российской Федерации, заслуженный деятель на-

уки РТ, профессор Казанского государственного архитектурно-строительного университета Сайяр Ситдиикович Айдаров.

Он родился в Казани 25 июня 1928 г. в семье выдающихся татарских артистов – драматического актера Ситдика Айдарова и оперной певицы Галии Кайбицкой. После окончания в 1954 г. Московского архитектурного института работал руководителем научного отдела Казанской научно-реставрационной производственной мастерской. В 1961 г. начал преподавательскую деятельность в Казанском инженерно-строительном институте (с 1995 г. – Казанская архитектурно-строительная академия, с 2005 г. – Казанский архитектурно-строительный университет); заведовал кафедрами теории и истории архитектуры (1975–1983), теории, истории и национальных проблем архитектуры (1990–2004), в 2004–2011 гг. являлся профессором кафедры теории и исто-

рии архитектуры. В 1968 г. защитил кандидатскую, в 1990 г. – докторскую диссертации. В 1970–1989 гг. возглавлял Союз архитекторов Республики Татарстан, являясь одновременно членом правления Союза архитекторов СССР.

Сайяр Ситдинович Айдаров, будучи воспитанником московской научно-реставрационной школы, является основателем казанской научно-реставрационной школы. Он первым применил в своих исследованиях научные историко-теоретические методы в рамках кандидатской диссертации при изучении руинированных остатков Болгарского городища. В 60-х годах прошлого века методика сохранения и консервации архитектурного наследия была новым словом не только в татарстанской науке, но и в российской. Это заложило научные основы реставрации и реконструкции Болгарского заповедника, положило начало многолетним исследованиям архитектуры татарского средневековья, выявлению традиций татарского зодчества. В рамках докторской диссертации, посвященной исследованию и реконструкции монументальных сооружений эпохи казанского ханства, С.С. Айдаров выдвинул ряд новых научных гипотез по архитектуре Казанского кремля ханского периода. В практической деятельности С.С. Айдаров вложил много сил в проекты реставрации Казанского кремля, Болгарского городища, Свияжска, научной реконструкции Билярской мечети. На протяжении всей своей творческой жизни он стремился к поиску средств отражения традиций булгаро-татарской архитектуры в современной архитектуре Татарстана. Он сформулировал компонентный состав национально-региональных традиций и старался применить их на практике, активно участвуя в архитектурных конкурсах и в реальном проектировании, в частности, в таких объектах, как Нацио-

нальная библиотека Татарстана, Мечеть Рамазан, мечеть Кул Шарифа.

Сайяр Ситдинович всегда заботился о статусе казанской архитектурной школы, много внимания уделял молодым архитекторам, проводя семинары и научные конференции архитекторов-практиков. Он старался передать молодым архитекторам уважение к архитектурному наследию, к отечественным архитектурным традициям. В учебном процессе С.С. Айдаров умел вдохновлять студентов их будущей профессией, являя собой пример служения архитектурной науке и практике. Он создал кафедру теории, истории и национальных проблем архитектуры, методический кабинет, в котором собрал свои научные материалы по исследованию национально-региональной архитектуры Татарстана.

С.С. Айдаров в разные годы являлся руководителем Научного совета «Теория, история и прикладные проблемы архитектуры», Научно-координационного центра «Архитектура» при Академии наук РТ и КГАСУ. Он был избран членом-корреспондентом РААСН, Почетным членом Академии наук РТ, действительным членом Международной академии архитектуры стран Востока, действительным членом Российской академии архитектурного наследия.

Самоотверженная научно-практическая, научно-методическая и общественная деятельность С.С. Айдарова отмечена многими государственными наградами: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ТАССР, Почетной грамотой ОК КПСС и Совета министров ТАССР, медалями «За доблестный труд», «За вклад в наследие народов России», «За выдающийся вклад в архитектурную науку», «В память 1000-летия Казани», орденом III степени «За возрождение меценатства».

Сайяр Ситдинович навсегда останется в памяти коллег и учеников не только как выдающийся ученый-архитектор, но и как человек добрейшей души, истинный интеллигент, готовый поделиться своими знаниями и богатым жизненным опытом.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ С.С. АЙДАРОВА

Архитектурное исследование руин Соборной мечети в Болгарах // Поволжье в средние века. (МИА. № 164). – М., 1970. – С. 39–56.

Великие Болгары. Путеводитель по Болгарскому историко-архитектурному заповеднику. – Казань: Таткнигоиздат, 1971. – 68 с.; 1975. – 72 с.; 1983. – 72 с. (в соавторстве).

Методические основы консервации архитектурно-археологических памятников в Великих Болгарах // Города Поволжья в средние века. – М., 1974. – С. 30–38.

Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города. – М., 1976. – С. 101–112.

Архитектурное наследие Казани. – Казань: Таткнигоиздат, 1978. – 80 с.

О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища. – Казань, 1979. – С. 46–61 (в соавторстве).

Память поколений. Научно-популярные очерки о памятниках истории и культуры Татарии. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 104 с. (в соавторстве).

Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства: опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности. Автореф. дис. ... док. архит. – М., 1990. – 42 с.

О реконструкции мавзолеев Казанского кремля (архитектурное исследование) // Мавзолей Казанского кремля. Опыт историко-антропологического анализа. – Казань, 1997. – С. 50–67.

Поиск утраченного лица: национально-региональное своеобразие в архитектуре Татарстана // «Казань». – 1999. – № 9/10. – С. 32–36.

Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга» // Древняя Алабуга. – Елабуга, 2000. – С. 78–80.

Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М., 2001. – С. 5–149.

Архитектурный регионализм национальной Республики Татарстан: раскрытие истоков и концепция современного отражения // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие и перспективы. – Казань, 2003. – С. 17–37.

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Ситдинов Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Айдарова Галина Николаевна, доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (г. Казань, Россия); aidagalnik@mail.ru

Забирова Фарид Мухамедовна, заместитель Председателя Татарстанского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) (г. Казань, Россия)

Нугманова Гульчачак Гелимхановна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, директор Казанского филиала Научно-исследовательского института теории и исто-

рии архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАГ РААСН) (г. Казань, Россия)

Хабибулин Марат Максutowич, начальник отдела, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (г. Казань, Россия)

IN MEMORY OF S.S. AYDAROV (1928–2014)

**A.G. Sitdikov, F.Sh. Khuzin, G.N. Aydarova,
F.M. Zairova, G.G. Nugmanova, M.M. Khabibulin**

The obituary is dedicated to Sayar Sitdikovich Aidarov (1928-2014), an eminent scholar, founder of the Kazan architectural school of scientific restoration. He was the first to use scientific historical and theoretical methods of study and conservation of the ruined architectural remains on the Bolghar settlement site, laid the scientific foundations of the restoration and reconstruction of the Bolghar reserve and other monuments of the Middle Ages. Subsequently, S. S. Aidarov developed projects of restoration of the Kazan Kremlin, Sviyazhsk and scientific reconstruction of the Bilyar mosque. He also sought to reflect the traditions of the Bulgar-Tatar architecture in modern architecture of Tatarstan and participated in the design work on Tatarstan National Library, the Ramadan Mosque, the Kul Sharif mosque and other projects. In the field of education, S.S. Aidarov founded the Department of theory, history and ethnic problems of architecture.

Keywords: S. S. Aidarov, architecture, medieval monuments, restoration, reconstruction.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Science. Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Science. Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Aydarova Galina N. Doctor of Architecture, professor. Kazan State University of Architecture and Engineering. Zelenaea St., 1, Kazan, 420043, Russian Federation; aidagalnik@mail.ru

Zairova Farida M. Russian Society for Protection of Historical and Cultural Sites, Tatarstan Branch. Gorky St., 19, Kazan, 420015, Russian Federation, Дом Архитектора

Nugmanova Gul'chachak G. Candidate of Arts. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Kazan Branch of the Russian Academy of Architecture and Construction. Kazan, Russian Federation.

Khabibulin Marat M. Kazan State University of Architecture and Engineering. Zelenaea St., 1, Kazan, 420043, Russian Federation.

УДК 929:902

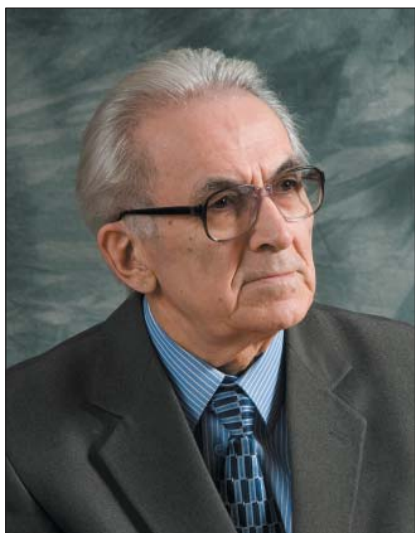
РАВИЛЬ ГАБДРАХМАНОВИЧ ФАХРУТДИНОВ (1937–2014)

© 2014 г. **Е.П. Казаков, И.Л. Измайлов**

Некролог посвящен известному археологу Равилю Габдрахмановичу Фахрутдинову (14.03.1937–10.03.2014). Он был специалистом по средневековой археологии и истории, с широким кругом научных интересов, от Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства до культур Центральной Азии. Особенно его интересовали вопросы этногенеза татар. Ему принадлежит ряд обобщающих тру-

дов по средневековой истории Татарстана. Р.Г. Фахрутдинов был также замечательным популяризатором науки, редактором историко-археологического журнала «Татарская археология», автором целого ряда учебников и учебных пособий, различных научно-популярных очерков, членом Союза писателей Татарстана.

Ключевые слова: Р.Г. Фахрутдинов, Татарстан, средневековая история и археология, Волжская Булгария, этногенез.

Ушел из жизни Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (14.03.1937–10.03.2014) – известный археолог и пылкий исследователь прошлого Евразии, замечательный популяризатор науки, автор целого ряда учебников и учебных пособий, лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, заслуженный деятель науки РТ. Круг его научных интересов был обширен: от средневековой археологии Поволжья до изучения культур Центральной Азии, от этнополитической истории татарского народа до популярного очерка археологии Татарстана, от учебников для средней школы до музыковедческих работ. Кроме того, он был активным редактором, который почти полтора десятилетия практически на личном энтузиазме организовывал издание историко-археологического журнала «Татарская археология», являлся членом Союза писателей Татарстана. Он был принци-

пиальным и увлекающимся ученым, вечно стремящимся к научной истине, горящим желанием раскрыть ее и сделать достоянием широкой общественности. Он был цельным человеком, не терпящим полутонов и сомнений – если дружил, то полностью отдавался дружбе, а если ссорился, то до горького разочарования. При этом он воспринимал свои научные взгляды, как часть своей личности и любую критику и возражения воспринимал очень персонифицировано. Это часто раздражало и вело к появлению не просто научных оппонентов, но и личных недоброжелателей. Но таков был Равиль Габдрахманович – талантливый археолог и публицист, сложная и противоречивая личность.

Родился будущий археолог в с. Карелино Балтасинского района Татарской АССР. Свою научную деятельность он начал еще студентом, руководя отдельным отрядом Татарской археологической экспедиции, которая вела сплошное археологическое обследование территории республики. Под руководством ее руководителя А.Х. Халикова сформировались научные интересы молодого археолога – археологическая карта средневековых государств Среднего Поволжья – Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Поэтому поступление в аспирантуру стало новым этапом прежнего направления полевых работ и научных изысканий – составление свода археологических памятников Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. Результатом этих исследований стала кандидатская диссертация, которую соискатель

Р.Г. Фахрутдинов защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1968). Но полевые исследования продолжались. Результатом почти тринадцатилетних лет стало сплошное обследование территорий Татарстана и прилегающих районов Ульяновской, Самарской областей и Чувашской АССР на предмет составления карты археологических памятников Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства, когда им было выявлено и исследовано свыше 1200 памятников археологии.

Позднее именно за этот вклад в создание академической археологической карты Республики Татарстан он, в составе коллектива авторов, получил Государственную премию Республики Татарстан в области науки и техники (1994).

Огромная источниковедческая база, опыт комплексного исследования источников позволили ему создать серьезный обобщающий труд, который продолжил традиции А.П. Смирнова, соединив их с наработками казанской школы археологии, в первую очередь его научного руководителя А.Х. Халикова – «Очерки по истории Волжской Булгарии» (М.: Наука, 1984). Этот его обобщающий труд после определенных переделок и доработок, изменений и дополнений, тревожений и горьких разочарований был им защищен в качестве докторской диссертации (1990). Подготовка этого труда стало этапным в изучении Волжской Булгарии во многом предопределив изучение этого средневекового государства на долгие годы.

Новым вызовом для Р.Г. Фахрутдинова стало археологическое изучение Казанского ханства. Основой для этого стали почти двадцатилетние раскопки на Камаевском комплексе памятников. Он подготовил целый ряд работ, подводящих итог почти двухсотлетнего

изучения древностей этого татарского государства, а также обобщающих его полевые исследования. Он стал идейным вдохновителем и организатором создания Иски-Казанского историко-культурного и природного музея-заповедника (1992).

Важным направлением его научной деятельности было изучение этногенеза и этнополитической истории татарского народа. Он одним из первых не только воспринял идеи историка Ф.Ф. Мухамедьярова о кыпчако-татарской основе корней татарского народа, но и стал активно подводить под эту гипотезу археологические доказательства. Все это закономерно привело его, как и ряд других историков и археологов, к более пристальному изучению золотоордынского прошлого. Результатом его размышлений стала целая серия научных и научно-популярных статей и книг, в которых Равиль Габдрахманович сделал попытку включить период Золотой Орды в общую канву татарской истории, проследить роль и место этого средневекового государства в этнополитической истории татарского народа.

Р.Г. Фахрутдинов являлся автором нескольких учебников и учебных пособий по древней и средневековой истории татарского народа и истории Татарстана. Еще в 1985 г. он в составе коллектива стал соавтором «История Татарской АССР», пережившей несколько изданий и переведенной на татарский язык. Постсоветское время потребовало создания совершенно новых учебников – не узко региональных, а евразийских. Здесь пригодились широкая эрудиция и наработки Р.Г. Фахрутдинова в области этнополитической истории татар, позволившие ему создать учебник нового типа («История Татарского народа и Татарстана. Древность и средневековье». – Казань: Изд-во «Магариф», 1995). В нем предложена последовательная кон-

цепция тюрко-татарской преемственности, выраженная в развитии тюркской государственности и формирования этнополитических общностей. Учебник сыграл важную роль в становлении новых представлений о тюрко-татарских корнях современной нации и о золотоордынском этапе как ключевом этапе татарской истории.

Говоря о вкладе Р.Г. Фахрутдинова в науку нельзя не отметить, что он обладал счастливым даром популяризатора научных достижений, излагая сложные проблемы истории Поволжья простым и понятным языком, ярко и образно описывая результаты своих археологических исследований. В условиях дефицита не только научно-популярных, но просто научных трудов его книги вос-

полняли этот пробел, привлекая внимание широкой общественности к изучению прошлого, а молодежь к научному поиску.

Коллектив Института археологии им. А.Х. Халикова выражает глубокие соболезнования родным и близким Равиля Габдрахмановича Фахрутдинова. С уходом из жизни известного археолога и историка отечественная наука потеряла самобытного исследователя, патриота своей Родины, отдавшего все свои силы служению науке и изучению прошлого народов Волго-Уральского региона. Его жизнь и деятельность являются вдохновляющим примером для молодых ученых, которые хотят найти свою дорогу к знаниям и пониманию прошлого.

Информация об авторах:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

RAVIL GABDRAKHMANOVICH FAKHRUTDINOV (1937–2014)

E.P. Kazakov, I.L. Izmaylov

The obituary is dedicated to the renowned archaeologist Ravil Gabdrakhmanovich Fakhrutdinov (March 14, 1937–March 10, 2014). He was a specialist in medieval archaeology and history, with a wide scale of scientific interests ranging from the Volga Bulgaria, the Bulgar Ulus of the Golden Horde and the Kazan khanate to the cultures of Central Asia. He was particularly interested in problems related to the ethnogenesis of the Tatars. He left a number of exhaustive works on the medieval history of Tatarstan. R.G. Fakhrutdinov was also a remarkable science popularizer: editor of the «Tatar Archaeology» historical and archaeological journal, the author of a number of textbooks and teaching guides, a series of popular scientific essays, and a member of the Union of Writers of Tatarstan.

Keywords: R.G. Fakhrutdinov, Tatarstan, medieval history and archaeology, Volga Bulgaria, ethnogenesis.

About the Authors:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Science. Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Science. Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБУ – Археологічні відкриття в Україні
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АО – Археологические открытия. – М.
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Сб. ст. – Уфа
 БНЦ – Башкирский научный центр, г. Уфа
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВГО – Всесоюзное Географическое общество
 ВГУ – Вятский государственный университет, г. Киров
 ВДИ – Вестник древней истории. – М.
 ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
 ВРГО – Вестник Русского географического общества
 ВСГ – верхний строительный горизонт
 ВТУ – Великотърновския университет «Св. Св. Кирил и Методий»
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный Исторический музей, г. Москва
 ГНМ – Годишник на Народния музей. – София
 ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии Наук СССР
 ИА НАНУ (IA НАНУ) – Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАИ – Известия на Археологическия институт. – София.
 ИЕИМ – Известия на Етнографския институт с музей. – София
 ИЕФЕМ – Институт по етнология и фолклористика с етнографски музей, София
 ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
 ИИМВТ – Известия на Историческия музей – Велико Търново.
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа
 ИНИМ – Известия на Националния исторически музей. – София.
 ИНМВ – Известия на Народния музей. – Варна.
 ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск
 КА УрГУ – Кабинет археологии Уральского государственного университета
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
 К(В)АЭ – Камская (Воткинская) археологическая экспедиция
 КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
 КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет
 КГУ – Казанский государственный университет
 КГУКИ – Казанский государственный университет культуры и искусств

- КОКМ – Кировский областной краеведческий музей
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
МарГУ – Марийский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
НАИМ – Национален археологически институт с музей, София
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НИАР – Национален исторически и археологически резерват
НИМ – Национален исторически музей
НМУР – Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда
НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан
ПА – Поволжская археология. – Казань.
ПГУ – Пермский государственный университет
РА – Российская археология. – М.
РАМ – Регионален археологически музей
РАН – Российская академия наук
РИМ – Регионален исторически музей
СА – Советская археология. – М.
САИ – Свод археологических источников. – М.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб.
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
СЭ – Советская этнография. – М.
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь
Тр. КФАН СССР – Труды Казанского филиала АН СССР
Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола
Тр. ПУАК – Труды Пермской учёной архивной комиссии
ТрВТУ – Трудове на Великотърновския университет «Св. Св. Кирил и Методий». – Велико Търново.
УАССР – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УАЭ – Удмуртская археологическая экспедиция
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗ – Ученые записки
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УИИЯЛ УрО – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УР – Удмуртская Республика
УрГУ – Уральский государственный университет

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Буллерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;
- Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала

нала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);

– Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания:

Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the Fore-Urals]. Moscow, "Nauka" Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. Ot kocheviy k gorodam [From nomadic migrations towards the towns] / *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]*. Moscow, “Nauka” Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkheozoologicheskikh materialov iz arkheologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]*. Kazan, Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications by Institute of Archaeology]*. Moscow, “Yazyki slavyanskoy kul'tury” Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. *Динамика современных экосистем в голоцене:* Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene.* Materialy Tre'tey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation) / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan, “Otechestvo” Publ., 2013, 364 p.

2. *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrektyrovke absolyutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal]*. Moscow, Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhiivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeological-zoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya [Volga river region Archaeology]*, 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Образец оформления статьи

УДК 903.02

**НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ
ЭПОХИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА**

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ). – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений**Список иллюстраций****NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS
OF THE ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH**

Е.А. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).**REFERENCES**

1. Armarchuk E.A. Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE)* [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

Information about the author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.